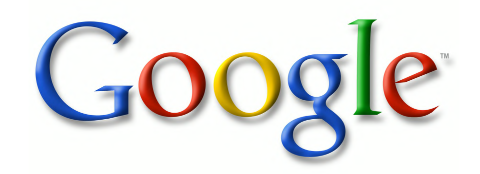
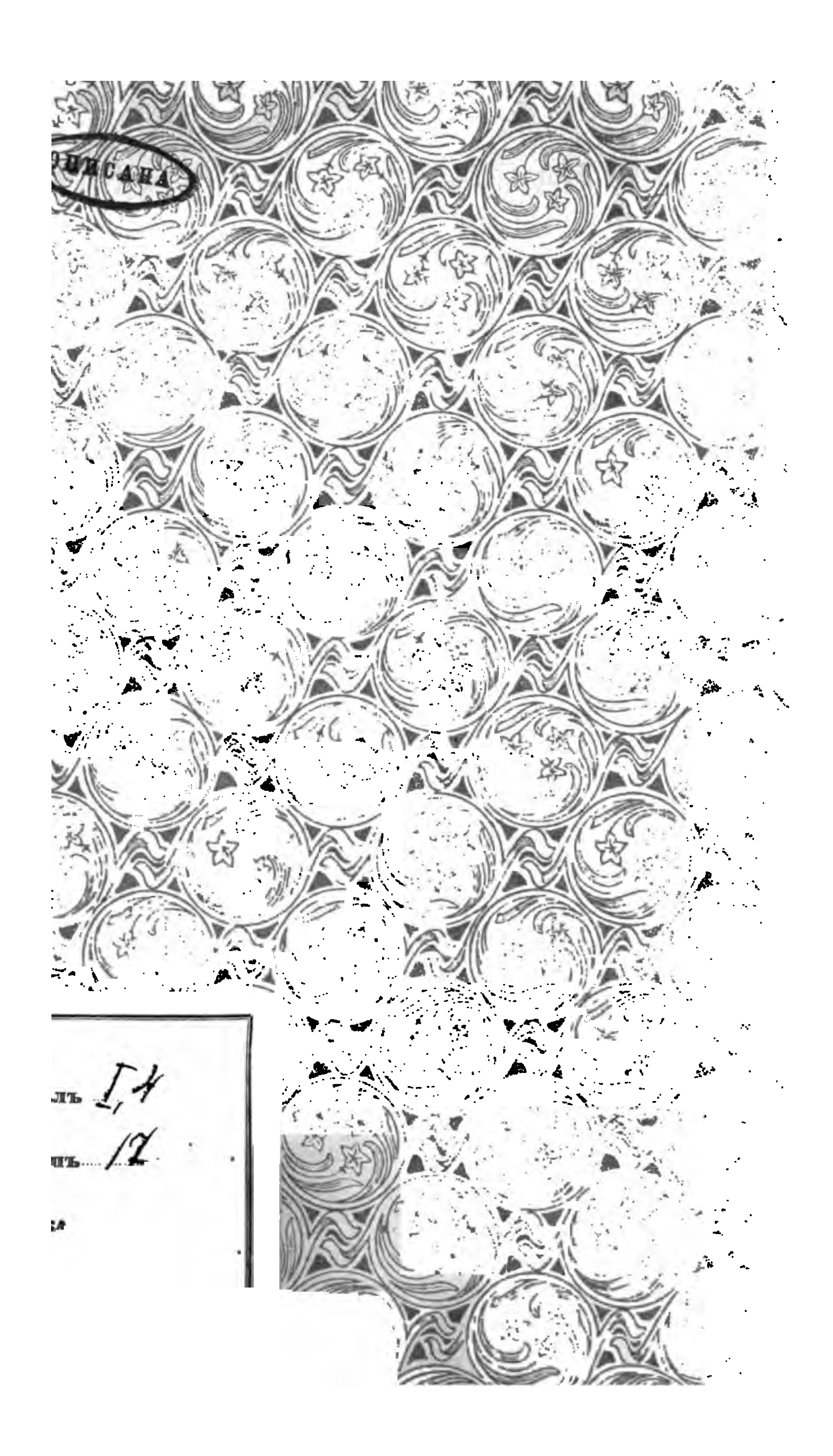
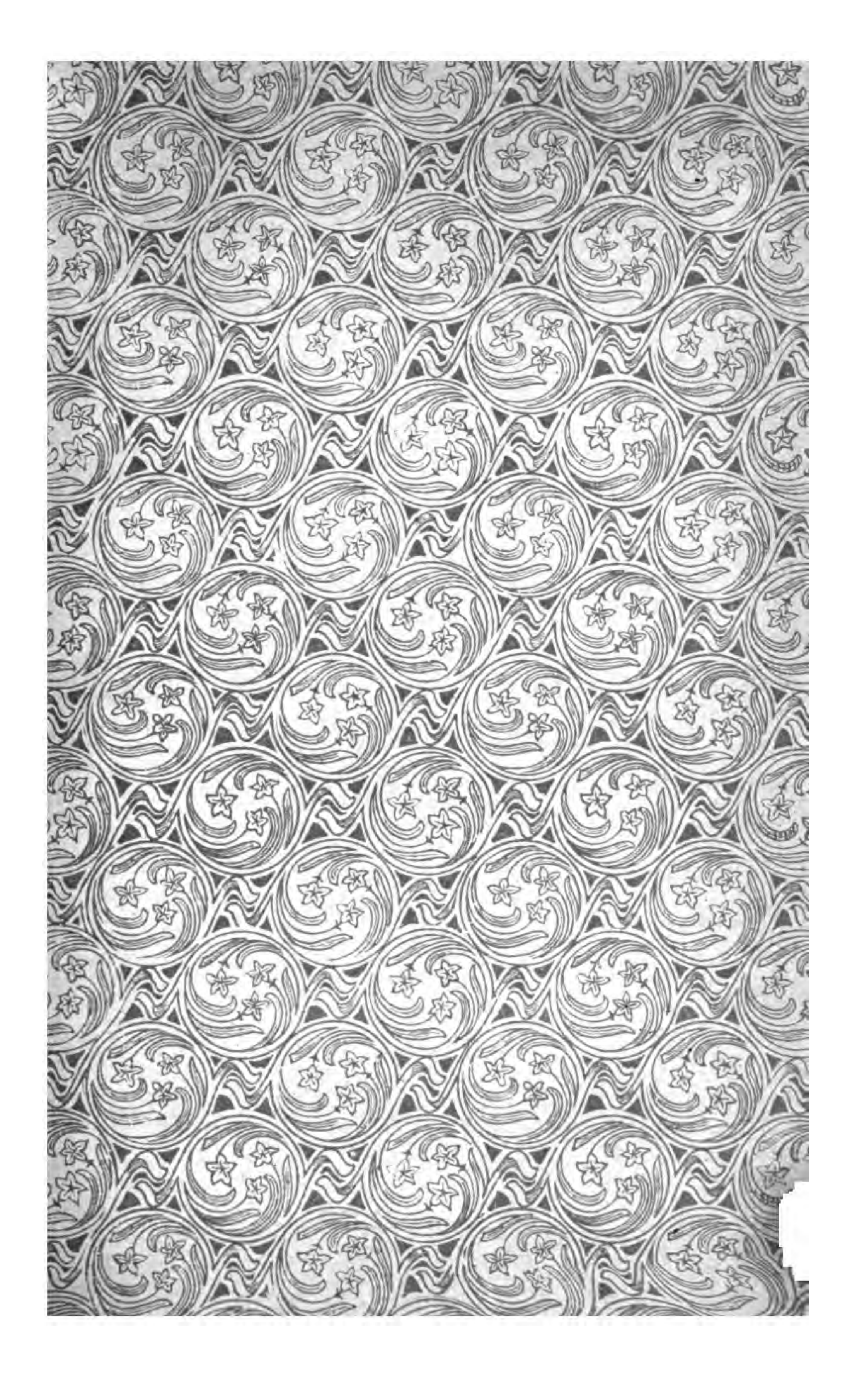

В. П. Руадзе.

Процессъ Адм. Н. И. Небогатова.

Цѣна 1 р. 50 к.

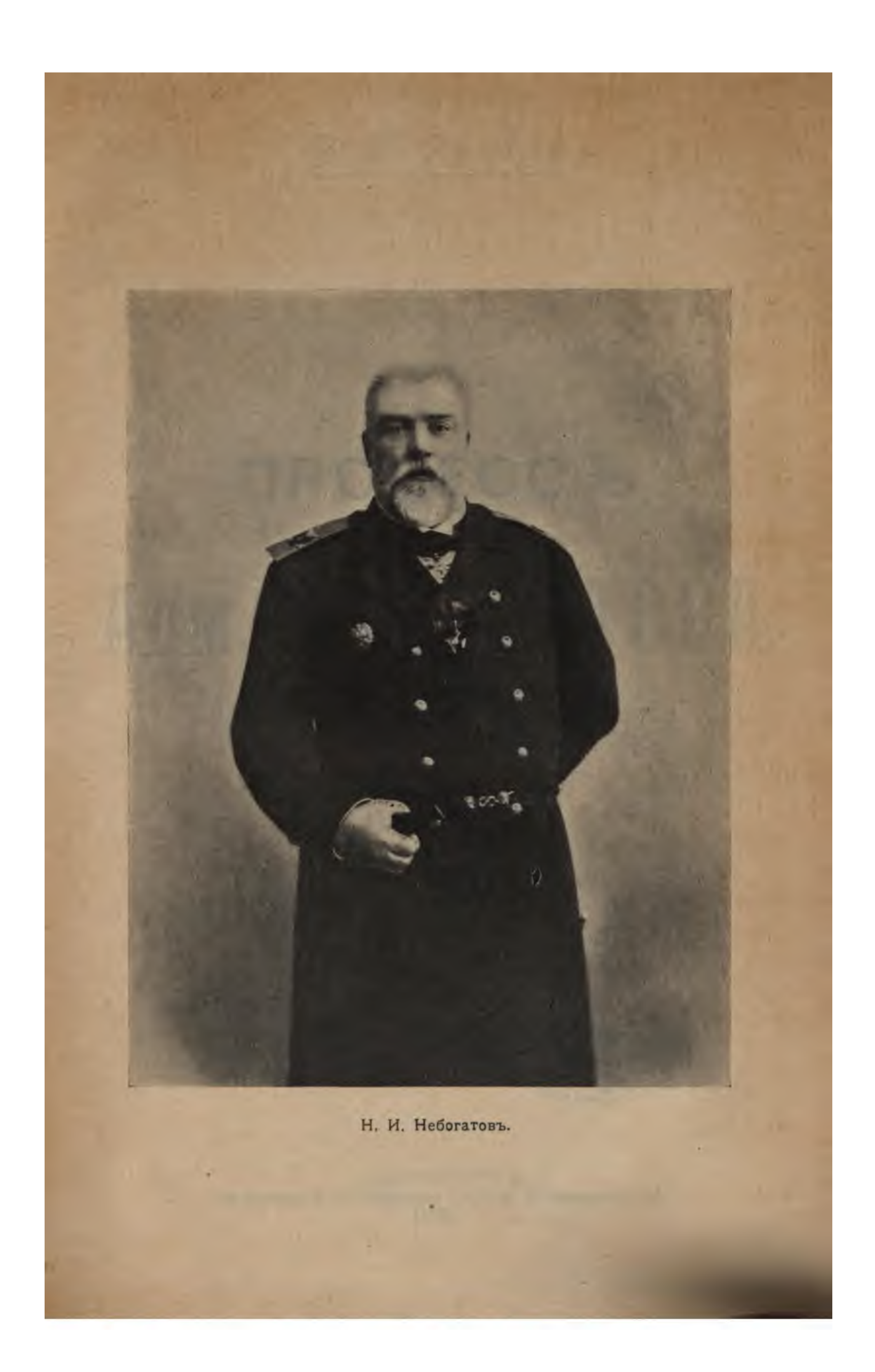
С.-Петербургъ.
1907.

Посвящается

памяти

Сергѣя Павловича

Марголина.

Н. И. Небогатовъ.

В. П. Руадзе

ПРОЦЕССЪ
Адм. НЕБОГАТОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва «Народная Польза», Коломенская, 39.
1907.

Предисловіе.

Процессъ адм. Небогатова принадлежитъ исторіи. Его политическое и общественное значеніе огромно. Въ этомъ процессѣ съ необыкновенною яркостью отразились всѣ язвы нашей морской бюрократіи. Этотъ процессъ воочію показалъ, что одна готовность умереть, доблесть и мужество нашихъ моряковъ, не соединенныя съ боевой мощью флота, теперь, когда личную храбрость замѣнили машины, не въ состояніи дать благопріятныхъ результатовъ, что вторая тихо-океанская эскадра съ перваго дня своего выхода изъ Либавскаго порта была обречена на вѣрную гибель.

Процессъ адм. Небогатова имѣетъ огромное политическое значеніе еще и потому, что дѣло адм. Небогатова было въ то-же время и дѣломъ нашего морского вѣдомства.

Издаваемая мною книга даетъ русскому обществу широкую возможность ознакомиться со всѣми деталями этого историческаго процесса.

Въ дѣлѣ адм. Небогатова участвовали лучшія силы нашей адвокатуры, лучшіе наши судебные ораторы, ихъ рѣчи воспроизведены съ стенографической точностью и прокорректированы ими самими.

Говоря о защитѣ, я не могу не вспомнить покойнаго С. П. Марголина. Покойный С. П. отдалъ много силъ этому дѣлу, и имя его неразрывно связано съ процессомъ адм. Небогатова.

Процессъ адм. Небогатова—это историческій документъ и какъ таковой онъ долженъ быть интереснымъ для каждаго мыслящаго человѣка.

В. Руадзе.

Судебное слѣдствіе.

22-го ноября, въ 11 часовъ утра, особое присутствіе военно-морского суда Кронштадтскаго порта, подъ предсѣдательствомъ члена главнаго военно-морского суда, генералъ-лейтенанта Бабицина и членовъ: вице-адмираловъ: Сиденснера, Зеленого, контръ-адмираловъ: Моласа и Невинскаго и подполковника Эйкара и запасныхъ членовъ генералъ-маіоровъ Шпиндлера и Аренса, открыло судебное засѣданіе въ Крюковскихъ казармахъ по дѣлу о сдачѣ непріятелю безъ боя четырехъ броненосцевъ 15-го мая 1905 года.

Обвиняетъ генералъ-маіоръ Вогакъ. Защищаютъ: бывшаго адмирала Небогатова, присяжные повѣренные Базуновъ, Маргуліесъ и Квашнинъ-Самаринъ; капитана 1-го ранга Смирнова—присяжный повѣренный Пеликанъ; флагъ-капитана Кроссъ—Адамовъ, капитановъ 1-го ранга: Лишина и Григорьева—Казариновъ; капитана 2-го ранга Шведе—Сыртлановъ и капитана 2-го ранга Ведерникова—Корабчевскій и Коровиченко. Остальныхъ офицеровъ защищаютъ присяжные повѣренные: Маргуліесъ, Квашнинъ-Самаринъ, Пеликанъ, Аронсонъ, генералъ-лейтенантъ Бобянскій, присяжные повѣренные: Рапопортъ, Соколовъ, Волкенштейнъ, Изнаръ, Рененкампфъ, Рейнботъ и другіе.

По открытіи засѣданія предсѣдателемъ суда приглашаются въ залъ засѣданій подсудимые—ихъ всего 78 человѣкъ, морскіе сюртуки съ эполетами перемѣшиваются съ статскими костюмами.

Въ $12^1/_4$ часовъ окончилась провѣрка по списку подсудимыхъ, которые и заняли свои мѣста,—началось чтеніе списка свидѣтелей и провѣрка неявившихся.

Всего вызывается свидѣтелей—196, изъ нихъ не явилось въ судъ—50 человѣкъ; часть свидѣтелей не разыскана, часть не явилась по неимѣнію средствъ на проѣздъ по отдаленности мѣстожительства.

Въ 12 час. 30 мин. предсѣдателемъ объявленъ перерывъ на $^1/_4$ часа; въ 12 час. 45 мин. засѣданіе возобновляется заключеніемъ прокурора, относительно показаній неявившихся свидѣтелей, далѣе высказываются по тому же вопросу защитники подсудимыхъ, послѣ чего судъ дѣлаетъ свое заключеніе. Послѣ присяги запаснаго члена и постановленія о допущеніи къ слушанію обвинительнаго акта экспертовъ, въ 1 часъ 45 мин. начинается чтеніе обвинительнаго акта.

Обвинительный актъ.

15-го Мая 1905 года, около 10 часовъ утра, эскадренные броненосцы «Императоръ Николай I», «Орелъ» и броненосцы береговой обороны «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» и «Адмиралъ Сенявинъ», будучи настигнуты въ Японскомъ морѣ, близь Корейскаго пролива, Японскою эскадрою, безъ боя спустили передъ непріятелемъ флагъ и были отведены въ плѣнъ.

При производствѣ по этому дѣлу предварительнаго слѣдствія выяснилось, что сдача нашихъ судовъ произошла при слѣдующихъ условіяхъ: 14-го Мая 1905 г. броненосцы «Императоръ Николай I», «Орелъ», «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» и «Адмиралъ Сенявинъ» участвовали въ составѣ нашей Тихоокеанской эскадры въ Цусимскомъ бою. Задавшись, видимо, цѣлью истребить лучшіе и сильнѣйшіе наши корабли, непріятель обстрѣливалъ главнымъ образомъ отряды Адмираловъ Рожественскаго и Фелькерзама. «Орелъ» былъ поэтому въ теченіи многихъ часовъ подъ жесточайшимъ огнемъ и получилъ настолько серьезныя поврежденія, что командовавшій имъ Капитанъ 2-го ранга Шведе думалъ, было, уже испросить у Адмирала разрѣшеніе на истребленіе корабля. Броненосецъ этотъ, по словамъ свидѣтелей, представлялъ изъ себя послѣ боя обгорѣлую груду стали, чугуна и желѣза. Въ корпусъ «Орла» попало до ста снарядовъ, которыми совершенно разрушило небронированную часть борта, причинило множество пробоинъ, разбило всѣ гребныя суда и сильно повредило артиллерію. Въ теченіи дня на «Орлѣ» было убито 2 офицера и 22 нижнихъ чина, ранено 11 офицеровъ и 64 нижнихъ чина. Броненосецъ «Николай I» подъ флагомъ Контръ-Адмирала Небогатова и командою Капитана 1-го ранга Смирнова въ бою 14-го Мая также пострадалъ. Онъ имѣлъ нѣсколько пробоинъ, потерялъ часть шлюпокъ и лишился одного 12-ти-дюймоваго орудія. Снарядовъ на немъ оставалось мало.

Броненосецъ «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ», командиромъ коего состоялъ Капитанъ 1-го ранга Лишинъ, въ бою серьезныхъ повреждений не получилъ и потерялъ убитыми 2 нижнихъ чиновъ и ранеными 10. Въ броненосецъ «Адмиралъ Сенявинъ», по словамъ командира этого корабля, Капитана 1-го ранга Григорьева, ни одинъ непріятельскій снарядъ не попалъ и повреждений и потери въ людяхъ на броненосцѣ этомъ не было.

14-го Мая, часовъ около 6-ти вечера, миноносецъ «Буйный», принявшій, какъ впослѣдствіи выяснилось, тяжело раненаго Адмирала Рожественскаго, поднялъ сигналъ: «Адмиралъ передаетъ командованіе Адмиралу Небогатову», а нѣкоторое время спустя миноносецъ, «Безупречный», пройдя вдоль линіи нашихъ судовъ, передалъ семафоромъ, что Адмиралъ предписываетъ эскадрѣ взять курсъ на Владивостокъ. Въ теченіи вечера и части ночи суда наши подверглись непрерывнымъ миннымъ атакамъ. Офицеры и команды были до нельзя утомлены и почти не спали. Къ утру въ составѣ эскадры Адмирала Небогатова, шедшей Японскимъ моремъ на NO, оказались только броненосцы «Императоръ Николай I», «Орелъ», «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» и «Адмиралъ Сенявинъ» и крейсеръ «Изумрудъ». Остальные наши корабли частью погибли, частью-же отстали и укрылись въ нейтральные порта. На разсвѣтѣ на горизонтѣ, нѣсколько слѣва и позади курса, появились дымки, о которыхъ тотчасъ-же было доложено Адмиралу и Командирамъ. Высказывались разнообразныя предположенія, но большинство утверждало, что это наши отставшія суда. Гулъ, напоминавшій выстрѣлы, заставилъ Адмирала повернуть своимъ на выручку. Вскорѣ выяснилось, однако, что нашихъ судовъ позади не было. Командиръ «Изумруда» Капитанъ 2-го ранга Ферзенъ, посланный Адмираломъ на развѣдку, доложилъ, что показавшіяся суда—непріятельскія. Повернувъ на прежній курсъ и освѣдомившись сигналомъ о состояніи артиллеріи и поврежденіяхъ, Адмиралъ приказалъ пробить боевую тревогу. Не взирая на ужасы пережитаго дня и крайнее утомленіе, команды наши и офицеры, бывшіе наканунѣ очевидцами послѣдовательной гибели лучшихъ нашихъ судовъ, бодро разошлись по мѣстамъ и готовились къ бою. «Мы покажемъ себя не такъ, какъ Артурцы», говорили на «Николаѣ I». Мысли о сдачѣ никто не допускалъ. Часовъ около 8 утра японскія суда обрисовались ясно. Частъ непріятельскихъ кораблей, которыхъ собралось до 28, обогнувъ нашу эскадру, взяла ей на пересѣчку курса и къ 10 часамъ окружила ее со всѣхъ сторонъ. Команды наши были пора-

жены щегольскимъ видомъ японскихъ судовъ, не носившихъ вовсе слѣдовъ боя. Безвыходность положенія стала для всѣхъ очевидною. Всѣ ждали приказаній, готовые исполнить послѣдній свой долгъ. Орудія заряжались и наводились. Роковая мысль о сдачѣ, однако, зародилась. По словамъ Мичмана Волковицкаго, какъ о томъ ему говорилъ въ плѣну Лейтенантъ Степановъ, Командиръ «Николая I» Смирновъ еще въ ночь на 15-е Мая просилъ Степанова убѣдить Адмирала, въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ, въ бой не вступать, а сдаться. Степановъ словъ этихъ Адмиралу, однако, не передалъ. 15-го Мая, часовъ около 9 утра, Капитанъ 1-го ранга Смирновъ высказалъ флагъ-капитану Кроссу, что, по его мнѣнію, остается сдаться и просилъ доложить объ этомъ Адмиралу. Кроссъ прошелъ въ боевую рубку и передалъ Адмиралу на ухо слова Смирнова. «Ну, это еще посмотримъ», сказалъ Адмиралъ, но черезъ нѣкоторое время потребовалъ къ себѣ командира, который, видимо, и убѣдилъ Адмирала въ необходимости сдачи. Сообщивъ затѣмъ чинамъ штаба о безвыходности положенія, Адмиралъ приказалъ поднять бѣлый флагъ и сигналъ о сдачѣ. По настоянію старшаго офицера Капитана 2-го ранга Ведерникова, Адмиралъ созвалъ затѣмъ офицеровъ и объявилъ имъ о принятомъ рѣшеніи. Установить въ точности все происходившее на этомъ совѣщаніи свидѣтельскими показаніями не удалось. По словамъ матроса Шевченка, близь Адмирала первоначально были флагъ-капитанъ Кроссъ, флагманскій штурманъ Феодотьевъ, флагъ-офицеры Северинъ, Глазовъ и Сергѣевъ, флагманскій минный офицеръ Степановъ, старшій штурманскій офицеръ Макаровъ и старшій артиллерійскій офицеръ Пеликанъ, а затѣмъ подошли и нѣкоторые другіе офицеры.

Квартирмейстеръ Туровъ и матросъ Кирѣевъ удостовѣрили, что на совѣщаніи этомъ первымъ высказался за сдачу Командиръ. Большинство офицеровъ, по словамъ врача Виттенбурга и квартирмейстера Родіонова, молчало и только немногіе и въ томъ числѣ Мичманъ Волковицкій и Прапорщики Шаміе и Балакшинъ, какъ это установлено показаніями врачей Юшкевича и Виттенбурга, матроса Казека и марсового Чистякова, стояли за бой или уничтоженіе броненосца. Длилось совѣщаніе не долго. Японцы открыли по флагманскому кораблю огонь и заставили тѣмъ разойтись по мѣстамъ.— сигналъ о сдачѣ, набранный, по свидѣтельству кондуктора Гаврилова, флагъ-капитаномъ Кроссомъ и Лейтенантомъ Глазовымъ, былъ поднятъ, по показанію сигнальщиковъ Богоненка и и Загородняго, еще до созыва офицеровъ, послѣ перваго предва-

рительнаго совѣщанія Адмирала съ Командиромъ и чинами штаба. Обстоятельство это нашло себѣ подтвержденіе въ объясненіяхъ стоявшаго подъ флагомъ квартирмейстера Невдобенка, минера Дубовицкаго и врача Виттенбурга. Сигнальщикъ Елинъ удостовѣрилъ, что бѣлый флагъ былъ также поднятъ до созыва офицеровъ въ рубку. Открывъ огонь, непріятель продолжалъ сближаться. Сигнальщикъ Максимовъ говоритъ, что первые выстрѣлы были произведены японцами съ разстоянія около 60 кабельтовыхъ, а послѣдніе—кабельтовыхъ съ 25-ти. По словамъ сигнальщика Царева, въ моментъ открытія огня до непріятельскихъ судовъ было не болѣе 45-ти кабельтовыхъ, а по показаніямъ цѣлаго ряда свидѣтелей—стрѣльба велась японцами съ разстоянія еще меньшаго. На выстрѣлы Адмиралъ приказалъ не отвѣчать. Лейтенантъ Жаринцевъ, по возвращеніи съ совѣщанія, распорядился потому повернуть орудія въ сторону противоположную непріятелю, а Лейтенантъ Северинъ приказалъ сигнальщику Богоненко просемофорить «Орлу», что «Николай I» окруженъ непріятелемъ и сдается. Не взирая на поднятый сигналъ и бѣлый флагъ, японцы не прекращали стрѣльбы. Въ теченіи какихъ-нибудь 10 минутъ броненосецъ получилъ до 6-ти пробоинъ. Адмиралъ, по свидѣтельству сигнальщиковъ Степанова, Кирѣева и Терентьева, распорядился тогда поднять японскій флагъ. За флагомъ этимъ, по словамъ матроса Аксютина, побѣжалъ Лейтенантъ Хоментовскій, который и приказалъ подшхиперу Гнусаркову достать флагъ. За японскимъ-же флагомъ былъ посланъ Лейтенантомъ Глазовымъ и кондукторъ Поспѣловъ, которому шхиперъ Преображенскій и выдалъ таковой. Наши стеньговые и кормовой флаги были, по свидѣтельству кондуктора Гаврилова, спущены ранѣе, при первомъ-же непріятельскомъ выстрѣлѣ. Вѣсть о сдачѣ быстро разнеслась по броненосцу и произвела удручающее впечатлѣніе. По словамъ санитара Завѣева, вся почти команда негодовала. Нижніе чины и офицеры плакали. Многіе требовали затопленія или взрыва броненосца. Находились на дѣло это и охотники, но старшій офицеръ Капитанъ 2-го ранга Ведерниковъ, возражавшій сначала противъ сдачи, доказывалъ, что разъ японскій флагъ поднятъ, что-либо предпринимать уже поздно. Помимо Волковицкаго, Шаміе и Балакшина, сдачею возмущались Капитанъ 2-го ранга Курошъ, Лейтенанты Пеликанъ, Макаровъ, Жаринцевъ, Мичманы Четверухинъ, Дыбовскій, Баронъ Павелъ Унгернъ-Штенбергъ, Баронъ Георгій Унгернъ-Штенбергъ, поручикъ Бѣляевъ и другіе. Говорили офицеры и о затопленіи, и о взрывѣ, но отъ словъ къ дѣлу никто не

переходилъ. «Драться до послѣдней капли крови» кричалъ Курошъ, мичманъ Четверухинъ предлагалъ было минному квартирмейстеру Старовойтову взорвать броненосецъ, но тотъ нашелъ, что въ цѣляхъ спасенія команды лучше открыть кингстоны. Къ опредѣленному рѣшенію Четверухинъ и Старовойтовъ, однако, не пришли. Машинистъ Петровъ, узнавъ о сдачѣ, хотѣлъ было открыть кингстоны, но старшій инженеръ-механикъ Хватовъ закричалъ на него и выгналъ на верхнюю палубу. Команда, частью по собственному почину, частью-же по приказанію офицеровъ, стала портить и уничтожать судовое имущество, но капитанъ 2-го ранга Ведерниковъ воспретилъ это дѣлать. Въ машинѣ хотѣли взорвать цилиндры—старшій механикъ Хватовъ отставилъ это распоряженіе, а младшіе механики Дмитрашъ и Бекманъ запретили машинной командѣ портить другое имущество. Командиръ, по свидѣтельству матроса Осипова, приказалъ позвать къ себѣ ревизора мичмана Четверухина и поручилъ тому роздать офицерамъ судовыя деньги. Адмиралъ собралъ затѣмъ команду и обратился къ ней съ рѣчью, въ которой высказалъ, что онъ рѣшился на сдачу ради спасенія свыше 2000 молодыхъ жизней. По свидѣтельству матросовъ Шевченко, Сипайлова, Пестова и Дюка, часть команды была сдачею довольна и одобряла дѣйствіе Адмирала. Около 11-ти часовъ къ борту «Николая I» подошелъ непріятельскій миноносецъ, который пригласилъ Адмирала со штабомъ на японскій флагманскій корабль «Микадо», а на «Николаѣ I» оставилъ стражу. Адмиралъ Того спросилъ Адмирала Небогатова, на какихъ условіяхъ сдается эскадра, на что Адмиралъ Небогатовъ отвѣтилъ, что никакихъ условій онъ ставить не можетъ, но хотѣлъ-бы, чтобы офицерамъ и нижнимъ чинамъ было сохранено ихъ имущество и чтобы офицерамъ было разрѣшено на честное слово возвратиться въ Россію. Адмиралъ Того съ своей стороны потребовалъ, чтобы суда наши съ момента сдачи порчѣ не подвергались и предложилъ Адмиралу Небогатову собрать на «Николаѣ I» командировъ и объявить имъ объ условіяхъ сдачи. Возвратившись на свой корабль, Адмиралъ потребовалъ къ себѣ командировъ и протеста съ ихъ стороны не встрѣтилъ. Часть офицеровъ и команды были затѣмъ свезены на японскій корабль «Фуджи». Среди оставшихся на «Николаѣ I» произошла полная деморализація. Команда открыла вахтеръ-люкъ и перепилась.

На «Орлѣ» сигналъ о сдачѣ былъ замѣченъ квартирмейстеромъ Зефировымъ, который доложилъ о немъ командовавшему броненосцемъ Капитану 2-го ранга Шведе. Послѣдній, видимо, рас-

терялся. Стоявшій около него Мичманъ Сакеллари высказался за затопленіе броненосца, но Шведе, не спросивъ совѣта другихъ офицеровъ, приказалъ отрепетовать сигналъ и поднять бѣлый флагъ. Пробили отбой. Вѣсть о сдачѣ быстро разнеслась по броненосцу и вызвала, по словамъ младшаго судостроителя Костенко, полное смятеніе. Офицеры и команда стали выбѣгать на верхъ. Всѣ почти кричали, что надо топиться, многіе переодѣвались во все чистое, обвязывались поясами и койками, другіе заявляли, что топиться и взрываться не будутъ, а нѣкоторые хотѣли стрѣлять и продолжать бой. Сумятица была всеобщая. Команда металась изъ стороны въ сторону, не зная что предпринять. Офицеры плакали и отдавали самыя противорѣчивыя распоряженія. Капитанъ 2-го ранга Шведе приказалъ, было, изготовить броненосецъ къ затопленію, но затѣмъ отказался отъ этой мысли и, доказывая, что онъ обязанъ подчиниться Адмиралу, приказалъ поднять японскій флагъ. Старшій инженеръ-механикъ Парфеновъ, утверждавшій сначала, что сигналъ о сдачѣ для «Орла» не обязателенъ и приказавшій, было, квартирмейстеру Никулину изготовить кингстоны, сталъ затѣмъ гнать внизъ выбѣгавшую на верхъ команду, говоря, что топить броненосца не будутъ. Бѣгая по палубѣ, Полковникъ Парфеновъ кричалъ также, что японцамъ все надо сдать въ полной исправности. Лейтенантъ Павлиновъ и Поручикъ Румсъ, твердившіе сначала о затопленіи броненосца, уговаривали затѣмъ команду снять пояса и говорили, что корабля уничтожать не будутъ. Инженеръ-механикъ Русановъ, возмущавшійся сдачей и находившій, что ею опозоренъ флотъ, запретилъ затѣмъ портить машинное имущество и говорилъ, что теперь ихъ будутъ уже поить и кормить японцы. «Пропало наше дворянство», въ отчаяніи кричалъ Поручикъ Румсъ. «Мы сдались, сдались какъ испанцы», со слезами на глазахъ, твердилъ Мичманъ Карповъ, долѣе другихъ настаивавшій на уничтоженіи броненосца. «За 25 лѣтъ службы сдаютъ въ плѣнъ», сказалъ старый боцманъ Саемъ Капитану 2-го ранга Шведе. Когда вѣсть о сдачѣ дошла до операціоннаго пункта, кто-то изъ раненыхъ крикнулъ: «быть не можетъ, а кингстоны на что», а тяжело больной Мичманъ Щербачевъ пытался подняться и кричалъ: «позоръ, позоръ».—По характерному замѣчанію матроса Алексѣя Смирнова, сдачи на броненосцѣ никто не хотѣлъ, но энергичнаго человѣка, «настоящаго начальника» на броненосцѣ, по словамъ Смирнова, къ несчастью не нашлось. Всѣ были подавлены и сознавали, что кампанія теперь проиграна. «Вотъ почему», говоритъ корабельный

инженеръ Костенко, «люди, беззавѣтно жертвовавшіе собой въ разгарѣ боя накануне, въ моментъ сдачи, были безсильны проявить находчивость и смѣлость».—«Не подними Адмиралъ сигнала», говоритъ Мичманъ Сакеллари, «Орелъ» не сдался-бы, такъ какъ всѣми рѣшено было погибнуть, но долгъ свой исполнить». Установить въ точности образъ дѣйствія каждаго изъ офицеровъ при сдачѣ свидѣтельскими показаніями не удалось. Рѣшивъ сдаться, Капитанъ 2-го ранга Шведе, по свидѣтельству комендора Реутовича, опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ нижнихъ чиновъ не вздумалъ-бы взорвать броненосца, приказалъ замкнуть всѣ погреба и ключи отъ нихъ передалъ Лейтенанту Никонову, прося никому ихъ не выдавать. Шведе самъ обходилъ всѣ башни и говорилъ, чтобы не стрѣляли, а по показанію матроса Акулова, запрещалъ портить оставшіяся въ цѣлости орудія. Ревизоръ Лейтенантъ Бурнашевъ, узнавъ о сдачѣ, спросилъ Шведе, какъ ему надлежитъ поступить съ судовыми деньгами и сталъ ихъ раздавать офицерамъ. Часть денегъ онъ выкинулъ, по его словамъ, за бортъ. Квартирмейстеръ Заболотный, писарь Солнышковъ и сигнальщикъ Андреевъ были, видимо, поражены, что съ Бурнашевымъ Шведе говорилъ о чемъ-то по-французски. Шведе уѣхалъ затѣмъ на флагманскій корабль, а когда онъ возвратился, на броненосцѣ его уже были японцы. До сдачи «Орелъ», по приказанію рулевого Копыло и комендора Щуренкова, успѣлъ сдѣлать два выстрѣла. Въ моментъ сдачи на «Орлѣ» въ своей каютѣ лежалъ тяжко раненый Командиръ Капитанъ 1-го ранга Юнгъ. Среди команды, по словамъ кочегара Печенкина, прошелъ слухъ, что, узнавъ о происходящей сдачѣ, Юнгъ заплакалъ и сказалъ: «зачѣмъ осрамили мое судно, дайте мнѣ проводникъ, я самъ его взорву». 16-го Мая на переходѣ въ Майдзуру передъ самой почти своей кончиной Юнгъ отъ кого-то изъ вѣстовыхъ дѣйствительно узналъ о сдачѣ, но Лейтенантъ Ларіоновъ разувѣрилъ и успокоилъ его, сказалъ, что вѣстовой напуталъ, что броненосецъ на пути во Владивостокъ.

На броненосцѣ «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» первыми о сдачѣ узнали квартирмейстеръ Молодчиковъ и кондукторъ Бородинъ, которые и доложили Командиру о поднятомъ на флагманскомъ кораблѣ сигналѣ. Капитанъ 1-го ранга Лишинъ, по удостовѣренію Молодчикова, сигнальщика Нарольскаго и барабанщика Мухина, считая для себя сигналъ Адмирала обязательнымъ, приказалъ отрепетовать его. «Сдача—позоръ для насъ и для Россіи», сказалъ онъ,—«но разъ Адмиралъ сдается, онъ сдаетъ и насъ».

Непріятель былъ тогда въ разстояніи не болѣе 40 кабельтовыхъ, и команда порывалась стрѣлять. Лейтенантъ Шишко крикнулъ изъ башни, что откроетъ огонь, но Командиръ запретилъ отвѣчать на выстрѣлы и приказалъ квартирмейстеру Молодчикову поднять японскій флагъ. Лейтенантъ Таубе распорядился тогда повернуть башни прямо, а Лейтенантъ Мазировъ и мичманъ Тивяшевъ приказали разрядить орудія. Кондукторъ Русскихъ утверждаетъ, что комендоръ Петелкинъ, соблазнившись хорошею наводкою, успѣлъ произвести одинъ выстрѣлъ. Сдачей офицеры и команда возмущались, но открытаго протеста ни съ чьей стороны не было. Многіе плакали и, думая, что броненосецъ затопятъ, обвязывались койками и поясами, которые еще съ утра были разложены на верхней палубѣ. Старшій офицеръ Лейтенантъ Фридовскій, Лейтенанты Таубе, Трухачевъ и Мичманъ Щербачевъ, по словамъ матроса Воровика, предлагали Командиру открыть кингстоны и спустить гребныя суда. Фридовскій приказалъ было матросу Осипову обрѣзать у шлюпокъ грунтовы, а трюмный механикъ Федоровъ доложилъ Командиру, что на броненосцѣ все готово къ затопленію. Капитанъ 1-го ранга Лишинъ на затопленіе корабля не согласился, накричалъ на Федорова и потребовалъ къ себѣ ключи отъ кингстоновъ и погребовъ. Мичманъ Тивяшевъ, по показанію матроса Персіакова, совершенно растерялся и ходилъ по палубѣ босикомъ съ надѣтымъ на себя спасательнымъ поясомъ. Іеромонахъ отецъ Меѳодій, по словамъ матросовъ Жукова, Лозицкаго и Головирскаго, совѣтовалъ командѣ не стараться, такъ какъ Адмиралъ сдается. Ревизоръ Лейтенантъ Мазировъ, узнавъ о сдачѣ заплакалъ, сказалъ, что такого позора въ Россіи еще не было, а затѣмъ отправился къ денежному сундуку и сталъ офицерамъ раздавать деньги. Команда частію по собственному почину, частью-же по приказанію офицеровъ, стала портить орудія и другое имущество, но Капитанъ 1-го ранга Лишинъ запретилъ это дѣлать и по свидѣтельству комендора Корякина, сказалъ даже, что за порчу японцы будутъ разстрѣливать. Командиръ собралъ затѣмъ команду, сообщилъ ей о сдачѣ, и уѣхалъ на флагманскій корабль. Возвратившись, Капитанъ 1-го ранга Лишинъ, по свидѣтельству старшаго комендора Яркова, освѣдомился все-ли у того въ башнѣ исправно и, узнавъ, что выкинуты прицѣлы, сказалъ: «гдѣ хочешь бери, а чтобы все было исправно». Черезъ часъ по возвращеніи Командира на броненосецъ явились японцы и перевезли часть команды на свои суда.

Для офицеровъ и команды броненосца «Адмиралъ Сенявинъ»,

сигналъ о сдачѣ былъ столь-же неожиданъ, какъ и для командъ другихъ судовъ. Стоявшіе тогда неподалеку отъ Командира Лейтенанты Бѣлавенецъ и Якушевъ, по свидѣтельству рулевыхъ Винокурова и Мизина, заявили Командиру, что на сдачу они не согласны и отказались отрепетовать сигналъ и спустить кормовой флагъ. Капитанъ 1-го ранга Григорьевъ лично отдалъ эти распоряженія, а затѣмъ приказалъ сигнальщику Бондаренко поднять японскій флагъ. Мнѣнія другихъ офицеровъ командиръ не спрашивалъ, но, узнавъ о сдачѣ, многіе изъ нихъ заговорили о необходимости затопленія. Лейтенантъ Рощаковскій, Мичманъ Князевъ, Мичманъ Марковъ и Поручики Яворовскій и Бобровъ просили старшаго офицера Капитана 2-го ранга Артшвагера доложить Командиру о необходимости затопленія. Рощаковскій говорилъ и о взрывѣ. Лейтенантъ Бѣлавенецъ, Мичманъ Каськовъ и нѣкоторые другіе офицеры приказали командѣ портить орудія и другое судовое имущество, но Командиръ и старшій офицеръ возстали противъ этого. Команда волновалась и не хотѣла сдаваться. Командиръ сказалъ, однако, что за сдачу отвѣчаетъ онъ и запретилъ командѣ готовиться къ спасенію. Старшій офицеръ Артшвагеръ, допуская, что броненосецъ взорвутъ, приказалъ замкнуть погреба и крюйтъ-камеру. По показанію Мичмана Каськова, сигналъ о сдачѣ вызвалъ на «Сенявинѣ» полный переполохъ. «Всѣ такъ растерялись», говоритъ онъ,—«что отдавали самыя противорѣчивыя приказанія»; раздавалось—«ничего не уничтожать, лѣвый бортъ зарядить, замки праваго борта за бортъ, все за бортъ, ничего не трогать». Приказанія эти сбили всѣхъ съ толку, команда стала одѣвать пояса и панически стремилась на ютъ. По свидѣтельству матроса Мизяровскаго, офицеры плакали, одни кричали «позоръ», другіе «взорваться», третьи «сражаться», но объ энергичномъ протестѣ, очевидно, и рѣчи быть не могло.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, бывшій Начальникъ отряда Контръ-Адмиралъ, а нынѣ дворянинъ Небогатовъ, отрицая свою виновность, показалъ, что сигналъ о сдачѣ касался исключительно броненосца «Императоръ Николай I», въ силу чего командиры другихъ судовъ его эскадры связаны этимъ сигналомъ не были и могли дѣйствовать по усмотрѣнію. Правомъ этимъ и воспользовался Командиръ «Изумруда» Капитанъ 2-го ранга Ферзенъ. Къ сдачѣ его, Небогатова, побудили соображенія о безполезности сопротивленія и невозможности спасти команду. Бой предшествовавшаго дня убѣдилъ его, что непріятель, имѣвшій преиму-

щество въ ходѣ и въ вооруженіи, почти безнаказанно разстрѣливалъ наши суда. Броненосецъ «Николай I» имѣлъ поврежденія и одно изъ 12-ти дюймовыхъ орудій его не могло дѣйствовать. Фугасные снаряды были въ бою истрачены, а бронебойные вреда непріятелю не нанесли-бы. Команда, сражавшаяся наканунѣ со спокойствіемъ и энергіей выше всякой похвалы, была крайне утомлена и при появленіи непріятеля въ прежнемъ, полномъ составѣ, пала духомъ. Хотя она, внѣ всякаго сомнѣнія, и стала-бы сражаться, но не смогла-бы достичь полезнаго результата. Большая часть шлюпокъ броненосца была разбита, спускъ-же уцѣлѣвшихъ гребныхъ судовъ изъ ростеръ подъ огнемъ непріятеля не мыслимъ. Койки были употреблены на устройство блиндажей, другихъ спасательныхъ средствъ не имѣлось. Море было не спокойно, берегъ далеко. Для того, чтобы взорвать или затопить броненосецъ, потребно было время, которымъ они не располагали. Принявъ рѣшеніе сдать броненосецъ, онъ, Небогатовъ, спросилъ мнѣнія Командира, который высказался также за сдачу. Приказавъ затѣмъ наскоро собрать офицеровъ, онъ, Небогатовъ, объявилъ имъ о своемъ предположеніи и возраженій не встрѣтилъ. Послѣ этого онъ поручилъ поднять сигналъ ШЖД «сдача, сдаюсь». Распоряженіе о спускѣ флага, насколько ему, Небогатову, помнится, было передано черезъ Лейтенанта Глазова. Говорилъ-ли ему, Небогатову, Кроссъ до созыва офицеровъ о мнѣніи Смирнова и доказывали-ли Лейтенантъ Степановъ и чины штаба необходимость сдачи, онъ, Небогатовъ, за давностью не помнитъ. Не помнитъ онъ, равнымъ образомъ, напоминалъ-ли ему Капитанъ 2-го ранга Ведерниковъ о созывѣ офицеровъ и протестовали-ли противъ сдачи Шаміе и Волковицкій. Флагманскихъ чиновъ отдѣльно отъ прочихъ офицеровъ онъ, Небогатовъ, не собиралъ и о необходимости затопленія корабля Лейтенантъ Глазовъ ему не докладывалъ. Непріятель появился на горизонтѣ около 6-ти часовъ утра, въ 10 час. отрядъ былъ окруженъ, а въ 11 час., по спускѣ флага, онъ, Небогатовъ, со штабомъ отправился на японскомъ миноносцѣ къ Адмиралу Того на «Микадо» и подписалъ тамъ условія сдачи. Команда отнеслась къ сдачѣ спокойно, часть нижнихъ чиновъ даже благодарила его за спасеніе жизни.

Флагъ-Капитанъ Штаба Адмирала Небогатова, Капитанъ 2-го ранга Кроссъ, признавая себя виновнымъ въ томъ, что онъ согласился на сдачу, объяснилъ, что броненосецъ «Николай I» не могъ, по его мнѣнію, оказать врагу сопротивленія, такъ какъ снаряды

броненосца были на исходѣ, а разстояніе до непріятеля не позволяло открыть огня, между тѣмъ какъ японцы, обладая артиллеріею дальнобойною, быстро пристрѣлялись. Спасти команду тоже было невозможно за отсутствіемъ къ тому надлежащихъ средствъ. 15-го Мая, часовъ около 9-ти утра, по словамъ Кросса, Командиръ броненосца Смирновъ высказалъ ему, что имъ остается только сдаться и просилъ доложить объ этомъ Адмиралу. Войдя въ рубку, онъ, Кроссъ, на ухо передалъ мнѣніе Смирнова командовавшему отрядомъ, который отвѣтилъ:—«ну еще посмотримъ». Немного спустя Адмиралъ приказалъ собрать офицеровъ и сталъ спрашивать мнѣнія, начиная съ младшаго. Отвѣтовъ офицеровъ онъ, обвиняемый, въ точности не помнитъ, но обоснованныхъ, энергичныхъ протестовъ во всякомъ случаѣ не было. Что Волковицкій со слезами на глазахъ говорилъ: «какъ же такъ сдаваться», онъ, Кроссъ, помнитъ, а протестовалъ-ли Шаміе—не знаетъ. Капитанъ 2-го ранга Курошъ высказалъ желаніе драться до послѣдней капли крови, но возгласу этого офицера не было придано значенія, такъ какъ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Лично онъ, обвиняемый, на совѣтѣ подалъ голосъ за сдачу, такъ какъ у него не хватило при данныхъ условіяхъ рѣшимости протестовать. Онъ, обвиняемый, находился тогда въ состояніи полнаго равнодушія и былъ крайне утомленъ. Командиръ Смирновъ высказался за сдачу твердо и положительно. Сигналъ о сдачѣ былъ поднятъ одновременно съ созывомъ офицеровъ, но онъ, Кроссъ, считалъ, что при несогласіи офицеровъ на сдачу сигналъ этотъ могъ быть спущенъ. По краткости времени акта о совѣтѣ составлено не было. Японцы открыли огонь съ 58 кабельтовыхъ, и офицеры разошлись тогда по своимъ мѣстамъ. До самой сдачи команда вела себя образцово и деморализація ея началась только послѣ сдачи. Сигналъ свой Адмиралъ для другихъ судовъ обязательнымъ не считалъ. Говорилъ-ли Адмиралъ, что лучше взорвать или потопить броненосецъ, онъ, Кроссъ, не помнитъ, равно не помнитъ также и того, чтобы Лейтенантъ Степановъ и чины штаба доказывали Адмиралу необходимость сдачи. Разговоръ о затопленіи и взрывѣ броненосца, впрочемъ, былъ. Судовой механикъ утверждалъ, что на затопленіе потребно не менѣе 20 минутъ, а Лейтенантъ Пеликанъ сообщилъ, что подготовка къ взрыву займетъ еще больше времени. По приказанію Адмирала, кормовой флагъ былъ спущенъ и подняты японскій флагъ и простыня, замѣнившая бѣлый флагъ. По прибытіи ...ника отряда на флагманскій японскій корабль «Миказа»,

Адмиралъ Того спросилъ Небогатова, на какихъ условіяхъ онъ сдается, на что тотъ отвѣтилъ, что никакихъ условій онъ ставить не можетъ, но хотѣлъ-бы, чтобы офицерамъ и нижнимъ чинамъ было сохранено ихъ имущество и чтобы офицерамъ разрѣшено было вернуться на честное слово въ Россію. Адмиралъ Того потребовалъ, чтобы суда наши съ момента сдачи порчѣ не подвергались и предложилъ Адмиралу Небогатову собрать на «Николаѣ I» командировъ и объявить имъ условія сдачи. Насколько онъ, Кроссъ, помнитъ, никто изъ командировъ противъ сдачи не возражалъ. Капитанъ 2-го ранга Шведе доложилъ Адмиралу, что онъ еще утромъ предполагалъ испросить у него разрѣшеніе истребить броненосецъ. Адмиралъ, чины штаба, за исключеніемъ Капитана 2-го ранга Куроша, Командиръ и часть команды были перевезены на броненосецъ «Фуджи». Съ момента поднятія сигнала о сдачѣ до возвращенія Адмирала съ «Миказа» прошло около 3-хъ часовъ. Секретныя карты и переписка были передъ сдачею утоплены Лейтенантомъ Глазовымъ. Въ плѣну Адмиралъ Небогатовъ передалъ японцамъ 1772 фунт. стерлинговъ, составлявшихъ наличныя флагманскія суммы.

Старшій флагманскій офицеръ Адмирала Небогатова Лейтенантъ Сергѣевъ, отрицая свою виновность, показалъ, что о согласіи на сдачу никто его не спрашивалъ, протестовать-же онъ не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ полагалъ, что броненосецъ находится въ условіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ ст. 354 Морского Устава. Стоя около боевой рубки, онъ видѣлъ, какъ Адмиралъ о чемъ-то тихо совѣщался съ флагъ-капитаномъ. Онъ разслышалъ только послѣднія слова Адмирала: «ну это еще посмотримъ», такъ какъ слова эти были сказаны громко. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого пришелъ Командиръ и сталъ что-то энергично доказывать Адмиралу, который послѣ ухода Командира заявилъ, что положеніе ихъ безвыходно и допускаетъ сдачу. Офицеровъ потребовали къ Адмиралу, а непріятель тѣмъ временемъ, кабельтовыхъ съ 50-ти, открылъ уже огонь. Что было дальше онъ, обвиняемый, помнитъ плохо, такъ какъ воля и память его были тогда парализованы. Собралось на совѣтѣ человѣкъ около 10, причемъ опросъ начался съ младшаго. Кто-то изъ офицеровъ высказался за взрывъ или потопленіе, но Адмиралъ возразилъ, что на это потребно не мало времени и что достаточныхъ средствъ для спасенія команды не имѣется. Сигналъ о сдачѣ набралъ флагъ-капитанъ, и поднятъ былъ этотъ сигналъ въ то время, когда офи-

церы еще собирались на совѣтъ. Тогда-же былъ спущенъ, по приказанію Адмирала, кормовой флагъ. Послѣ сдачи созвали команду, которая плакала и благодарила Адмирала. Недовольства и ропота онъ, обвиняемый, не слыхалъ.

Флагъ-офицеръ Адмирала Небогатова Лейтенантъ Северинъ, не отрицая, что сдачѣ онъ не противодѣйствовалъ, виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что хотя онъ на совѣтѣ и присутствовалъ, но мнѣнія своего за или противъ сдачи не подавалъ. Въ числѣ собравшихся на совѣтъ были флагъ-капитанъ, командиръ, старшій офицеръ, Подполковники Феодотьевъ и Орѣховъ, Лейтенанты Сергѣевъ, Макаровъ, Пеликанъ, Тиме, Мичманъ Волковицкій и Прапорщикъ Шаміе. Другихъ лицъ онъ, обвиняемый, не помнитъ, но утверждаетъ, что собраться успѣли не всѣ. Первымъ подалъ голосъ Шаміе, который высказался за продолженіе боя. Волковицкій, соглашаясь со взглядомъ Шаміе, говорилъ также и о затопленіи броненосца. Курошъ стоялъ равнымъ образомъ за продолженіе боя. Командиръ высказался за сдачу однимъ изъ первыхъ. Ему, кажется, принадлежала и самая мысль о сдачѣ. Онъ, обвиняемый, былъ физически переутомленъ и подъ вліяніемъ совершенно неожиданной для него сдачи и пережитаго наканунѣ ужаса, не имѣлъ силы проявить личную иниціативу. Сигналъ о сдачѣ былъ поднятъ ранѣе, чѣмъ офицеры собрались на совѣщаніе, которое продолжалось недолго, такъ какъ непріятельскіе выстрѣлы заставили офицеровъ разойтись по мѣстамъ. Когда японцы окружили эскадру, команда стала переодѣваться во все чистое и прикладываться ко Кресту; всѣ, видимо, сознавали, что гибель неизбѣжна. Средствъ для спасенія команды не было, такъ какъ шлюпки лѣваго борта были разбиты, а стоявшія въ рострахъ гребныя суда, за поврежденіемъ стрѣлы, не могли быть спущены.

Флагъ-офицеръ Адмирала Небогатова Лейтенантъ Глазовъ виновнымъ себя не призналъ и пояснилъ, что, будучи часовъ около 9-ти утра приглашенъ въ числѣ другихъ офицеровъ штаба къ Адмиралу, онъ высказался за затопленіе броненосца, но Адмиралъ съ крикомъ сталъ доказывать, что спасти команду ему не на чемъ, такъ какъ шлюпки разбиты. Вскорѣ послѣ этого, по настоянію Капитана 2-го ранга Ведерникова, были созваны офицеры, но собраться на совѣтъ успѣли, конечно, не всѣ. Одновременно съ этимъ былъ поднятъ сигналъ о сдачѣ. Японцы открыли огонь. Адмиралъ приказалъ поднять что-нибудь бѣлое. Услышавъ это, онъ, обвиняемый, со злобой сказалъ сигнальщику: «въ каютѣ есть

бѣлыя простыни», а, узнавъ о распоряженіи Адмирала поднять японскій флагъ, направилъ сигнальнаго старшину въ подшхиперскую. Впослѣдствіи ему, обвиняемому, стало ясно, что иниціаторомъ сдачи былъ командиръ. Онъ понялъ также, что ему, обвиняемому, и другимъ офицерамъ надлежало посовѣтовать Адмиралу приказать броненосцамъ береговой обороны подойти къ «Николаю I» и «Орлу» и пересадить команду, что по обстоятельствамъ дѣла было возможно. При такихъ условіяхъ «Апраксинъ» и «Сенявинъ» могли быть затоплены. Къ изложенному Лейтенантъ Глазовъ присовокупилъ, что послѣ боя 14-го Мая онъ доказывалъ Адмиралу необходимость приблизиться къ берегу, такъ какъ для него, Глазова, было несомнѣнно, что непріятельская эскадра ихъ нагонитъ. Адмиралъ мысли этой, однако, не одобрилъ.

Флагманскій артиллерійскій офицеръ Капитанъ 2-го ранга Курошъ 2-й виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что, собравъ часть офицеровъ около боевой рубки, Адмиралъ высказалъ имъ, что, не желая губить команды въ неравномъ бою, онъ рѣшилъ сдать суда. На это онъ, обвиняемый, предпочитая сдачѣ гибель, первымъ громко сказалъ: «драться до послѣдней капли крови». За истребленіе корабля подали голоса Лейтенантъ Степановъ и Прапорщикъ Шаміе. Не дождавшись окончательнаго разрѣшенія вопроса, онъ, обвиняемый, ушелъ въ батарейную палубу и тамъ уже узналъ о поднятомъ японскомъ флагѣ. Команда отнеслась къ сдачѣ безразлично и ропота среди нея не было. Послѣ боя 14-го Мая вся артиллерія броненосца, за исключеніемъ 12-ти дюймоваго носового орудія, по удостовѣренію Куроша, была въ исправности. Японцы открыли огонь съ 60-ти кабельтовыхъ и «Николай I» на выстрѣлы ихъ не отвѣчалъ. Средствъ для спасенія команды не хватило-бы, такъ какъ гребныя суда были частью разбиты, а частью наполнены водой и обнесены минными сѣтями.

Флагманскій минный офицеръ Лейтенантъ Степановъ 7-й, отрицая свою виновность, показалъ, что, выходя изъ жилой палубы на верхъ, онъ замѣтилъ поднятый на броненосцѣ международный сигналъ и черезъ Лейтенанта Северина освѣдомился, что сигналъ этотъ другими судами уже отрепетованный, означаетъ сдачу. Подойдя къ боевой рубкѣ, онъ, Степановъ, увидѣлъ, что Адмиралъ совѣщается съ офицерами. Рѣчь шла о безполезности борьбы и невозможности въ случаѣ затопленія броненосца спасти команду. Понимая, что сопротивленіе немыслимо, онъ, обвиняемый, доложилъ, однако, Адмиралу, что, раздраивъ задѣланныя пробоины и

открывъ иллюминаторы, можно ускорить затопленіе броненосца, а повернувъ сразу румбовъ на 8—выиграть тѣмъ время на приготовленіе команды къ спасенію. Адмиралъ съ доводами этими не согласился и сослался на мнѣніе Командира. Старшій офицеръ Ведерниковъ доложилъ тогда-же Адмиралу, что сдача допустима только съ общаго согласія офицеровъ. «Спрашивайте», сказалъ Адмиралъ. Не успѣлъ Ведерниковъ приступить къ опросу, какъ Капитанъ 2-го ранга Курошъ, размахивая руками, громко произнесъ: «сражаться до послѣдней капли крови». Куроша остановили и стали собирать мнѣнія, начиная съ младшаго. Первымъ высказался Шаміе, который стоялъ за продолженіе боя. Адмиралъ возражалъ ему. Шаміе предложилъ тогда затопить броненосецъ, но Адмиралъ и этого не одобрилъ. За Шаміе говорилъ Волковицкій, который стоялъ также за бой и затопленіе. На этомъ допросъ офицеровъ, по словамъ обвиняемаго Степанова, закончился, такъ какъ слово было предоставлено Командиру, который и сталъ убѣждать всѣхъ въ необходимости сдачи. Офицеры слушали молча, а непріятель тѣмъ временемъ открылъ огонь. Всѣ разошлись по мѣстамъ. Адмиралъ отдалъ приказаніе не отвѣчать на выстрѣлы. Минутъ черезъ пять орудія японцевъ замолкли. Команда приступила къ уничтоженію и порчѣ имущества, а Командиръ и ревизоръ стали раздавать офицерамъ судовыя деньги. Къ изложенному обвиняемый Степановъ добавилъ, что чины Штаба отдѣльно къ Адмиралу на совѣщаніе не созывались и что Лейтенантъ Глазовъ при немъ Адмиралу о затопленіи броненосца не говорилъ.

Флагманскій инженеръ-механикъ Подполковникъ Орѣховъ, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что на совѣтъ онъ подоспѣлъ лишь къ самому концу, когда сдача была уже рѣшена и сигналъ о ней былъ поднятъ. Не имѣя никакихъ указаній и не занимая на броненосцѣ отдѣльной самостоятельной должности онъ, обвиняемый, не считалъ себя въ правѣ чему-либо противодѣйствовать.

Флагманскій штурманъ, Подполковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ Феодотьевъ 2-й, отрицая свою виновность, показалъ, что о подъемѣ сигнала о сдачѣ узналъ, когда услышалъ, что ищутъ какой-то сигналъ по международному своду, но въ это время былъ раненъ осколкомъ снаряда въ лицо и спустился для перевязки въ каютъ-кампанію; когда-же снова поднялся на верхъ, то стрѣльба была уже прекращена.

Командиръ броненосца «Императоръ Николай I», бывшій Капитанъ 1-го ранга, а нынѣ дворянинъ Смирновъ, признавъ себя

виновнымъ въ сдачѣ своего корабля, объяснилъ, что средствъ для борьбы съ непріятелемъ у него не было; не было, равнымъ образомъ, способовъ для спасенія команды. Броненосецъ получилъ въ бою 3 пробоины, истратилъ всѣ фугасные снаряды и повредилъ себѣ одно изъ 12-ти дюймовыхъ орудій. Снаряды наши не наносили непріятелю почти никакого вреда, тогда какъ японскіе производили у насъ громадныя разрушенія. Команда броненосца, хорошо сплотившаяся въ походѣ, потеряла всякую энергію и силу и перестала быть живыми людьми. Стрѣляла она плохо. Спасти ее инымъ путемъ, кромѣ сдачи, не было возможности, такъ какъ койки были крѣпко снайтовлены и употреблены какъ защита въ разныхъ мѣстахъ корабля, а о спускѣ шлюпокъ не могло быть и рѣчи. Послѣ боевой тревоги Адмиралъ пригласилъ его, Смирнова, къ себѣ и спросилъ, что онъ думаетъ о положеніи, въ которомъ они оказались. Онъ, Смирновъ, обрисовалъ Адмиралу безнадежность этого положенія. Входя въ рубку, онъ, Смирновъ, сильно ударился раненымъ вискомъ о кромку брони и почти потерялъ сознаніе. Онъ ушелъ поэтому въ каюту и вышелъ на верхъ лишь по зову Адмирала, который въ присутствіи офицеровъ вновь спросилъ его, Смирнова, мнѣнія. Спрашивались-ли остальные офицеры, онъ, обвиняемый, не знаетъ. Ему, Смирнову, никто никакихъ заявленій не дѣлалъ. Къ флагъ-капитану Кроссу съ просьбой доложить Адмиралу о неизбѣжности сдачи онъ, Смирновъ, не обращался. Къ изложенному обвиняеиый присовокупилъ, что отвѣчать за сдачу долженъ, по его мнѣнію, онъ одинъ, такъ какъ не будь сдача рѣшена, офицеры съ готовностью пожертвовали-бы своею жизнью.

Старшій офицеръ броненосца «Императоръ Николай I» Капитанъ 2-го ранга Ведерниковъ, не отрицая своей виновности въ непротивленіи сдачѣ, показалъ, что сигналъ о сдачѣ былъ поднятъ безъ его, Ведерникова, вѣдома. Замѣтивъ его, онъ доложилъ Адмиралу, что необходимо собрать совѣтъ и только по его, Ведерникова, настоянію, офицеры были опрошены. Трое младшихъ—Шаміе, Морозовъ и Георгій Унгернъ-Штернбергъ высказались за бой. Адмиралъ сталъ тогда доказывать безполезность сопротивленія. Обсуждались, по почину Волковицкаго и другихъ лицъ, вопросы о затопленіи и взрывѣ броненосца, но предложенія эти приняты не были, такъ какъ для ихъ осуществленія требовалось не мало времени. Командиръ стоялъ за сдачу и утверждалъ, что бой безцѣленъ. Онъ, обвиняемый, возразилъ, что если сопротивленіе ихъ въ

смыслѣ матеріальномъ и не имѣло-бы цѣли, то для Россіи оно все-же могло быть полезнымъ. На совѣтѣ присутствовали и врачи. Мичманъ Четверухинъ въ то время, когда офицеры стали уже расходиться, спросилъ Адмирала, какъ надлежитъ ему поступить съ денежнымъ сундукомъ. Адмиралъ приказалъ раздать деньги офицерамъ, отъ которыхъ и были впослѣдствіи отобраны ревизоромъ росписки. Вступить въ командованіе кораблемъ Мичманъ Волковицкій его, Ведерникова, не просилъ. Въ бою 14-го Мая броненосецъ получилъ нѣсколько пробоинъ и повредилъ себѣ одно изъ 12-ти дюймовыхъ орудій и 2 катера.

Вахтенный начальникъ броненосца «Императоръ Николай I» Лейтенантъ Тиме, признавая себя виновнымъ въ согласіи на сдачу, объяснилъ, что броненосецъ ихъ не могъ оказать непріятелю сопротивленія, такъ какъ снаряды наши до него не долетели-бы. Артиллерія броненосца особыхъ поврежденій не имѣла и средства для спасенія команды были, но на изготовленіе ихъ требовалось не мало времени. На совѣтѣ онъ, обвиняемый, былъ и подалъ сначала голосъ за продолженіе боя. Командиръ твердо стоялъ за сдачу и къ мнѣнію его примкнулъ и флагъ-капитанъ. «Посмотрите», сказалъ Адмиралъ, указывая на команду, «многіе еще и жить не начали, ужели всѣхъ ихъ утопить». Адмиралу не возразили и разошлись по своимъ мѣстамъ. Послѣ сдачи Адмиралъ плакалъ, говорилъ, что его разжалуютъ въ матросы и совѣтовалъ «быть честными и ничего не портить».

Мичманъ баронъ Павелъ Унгернъ-Штернбергъ, отрицая свою виновность, показалъ, что, обрисовавъ безвыходность положенія, Адмиралъ спросилъ мнѣнія офицеровъ. Шаміе предложилъ драться до послѣдней крайности; онъ, обвиняемый, стоялъ за потопленіе. Ни одного голоса за сдачу онъ, обвиняемый, не помнитъ.

Мичманъ баронъ Георгій Унгернъ-Штернбергъ, виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что на совѣтѣ онъ подалъ голосъ за продолженіе боя. Мнѣній другихъ офицеровъ онъ не помнитъ, за исключеніемъ словъ своего двоюроднаго брата, носящаго его-же фамилію, который настаивалъ на потопленіи.

Ревизоръ броненосца «Императоръ Николай I», Мичманъ Четверухинъ, отрицая свою виновность, показалъ, что на совѣтѣ онъ не присутствовалъ и, узнавъ о сдачѣ, какъ о фактѣ совершившемся, твердо рѣшилъ ей противодѣйствовать. Сначала онъ задумалъ при помощи миннаго квартирмейстера Старовойтова взорвать броненосецъ, но сдѣлать этого не удалось, такъ какъ ему сообщили, что

минный погребъ еще съ вечера затопленъ. На переходѣ въ Сасебо онъ, Четверухинъ, предположилъ было бѣжать на двойкѣ вмѣстѣ съ Мичманомъ Дыбовскимъ, но затѣмъ рѣшилъ отбить броненосецъ у японцевъ. Кто-то подслушалъ, однако, его разговоръ съ командой и, по распоряженію старшаго офицера Ведерникова, онъ былъ арестованъ японцами. При появленіи 15-го Мая непріятельскихъ судовъ команда духомъ не упала. Твердая рѣшимость, по словамъ обвиняемаго, свѣтилась во всѣхъ взглядахъ; «что-жъ умремъ», говорили многіе. Спастись команда, по мнѣнію Четверухина, могла, такъ какъ море было спокойно и буйки, круги и матрацы имѣлись.

Минный офицеръ броненосца «Императоръ Николай I» Лейтенантъ Хоментовскій, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что въ совѣщаніяхъ о сдачѣ онъ участія не принималъ, такъ какъ съ пробитіемъ тревоги спустился въ помѣщеніе динамо-машинъ. Будучи сильно утомленъ, онъ отнесся къ сдачѣ довольно равнодушно. Какъ отнеслись къ ней другіе, онъ не знаетъ. Минный погребъ при сдачѣ броненосца затопленъ не былъ; съ Адмираломъ онъ, Хоментовскій, никакого разговора не имѣлъ.

Старшій артиллерійскій офицеръ броненосца «Императоръ Николай I» Лейтенантъ Пеликанъ виновнымъ себя не призналъ и показалъ, что когда ихъ 15-го Мая сталъ окружать непріятель, Адмиралъ послѣ пробитія тревоги приказалъ было открыть огонь, но онъ, Пеликанъ, доложилъ, что за дальностью разстоянія этого сдѣлать нельзя. Послѣ разговора съ Командиромъ, который доказывалъ безполезность борьбы, Адмиралъ собралъ офицеровъ и объявилъ имъ, что, по его мнѣнію, остается только сдаться. За сдачу высказался и Командиръ. Кто-то изъ офицеровъ замѣтилъ, что голоса надлежитъ отбирать начиная съ младшаго. Адмиралъ обратился тогда къ Шаміе, который сказалъ, что онъ за продолженіе боя. Того-же мнѣнія былъ и Мичманъ Волковицкій. Адмиралъ возразилъ, что въ виду подавляющихъ силъ непріятеля сопротивленіе немыслимо. «Въ такомъ случаѣ надо взорваться», сказалъ Шаміе. На этомъ опросъ офицеровъ закончился, всѣ замолчали, а затѣмъ разошлись по мѣстамъ. Адмиралъ приказалъ поднять сигналъ о сдачѣ и бѣлый флагъ. Команда по собственному почину принялась портить орудія и выбрасывать за бортъ заряды и ружья. Онъ обвиняемый, увѣренъ, что не будь поднятъ сигналъ о сдачѣ, ихъ постигла-бы участь «Бородина», «Суворова» и «Александра III». Тактика японцевъ была очевидна; они разстрѣливали наши суда съ

разстояніи, недоступныхъ для насъ. Средствъ для спасенія команды не было.

Старшій штурманскій офицеръ броненосца «Императоръ Николай I», Лейтенантъ Макаровъ, отрицая свою виновность, показалъ, что, находясь 16-го Мая при приближеніи непріятеля въ боевой рубкѣ, онъ слыхалъ, какъ флагъ-капитанъ что-то на ухо доложилъ Адмиралу, который отвѣтилъ: «ну это еще посмотримъ». Вскорѣ въ рубку пришелъ Командиръ и тихо переговорилъ съ Адмираломъ. Послѣ этого офицеровъ пригласили на совѣтъ. Онъ, обвиняемый, противъ сдачи не возражалъ, а что говорили остальные—не знаетъ. Онъ помнитъ, что Командиръ высказался за сдачу, а Шаміе противъ. Опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, что дѣлать, Адмиралъ во всякомъ случаѣ не получилъ.

Мичманъ Дыбовскій, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что 15-го Мая съ утра онъ былъ на марсѣ при дальномѣрахъ и спустился на палубу уже послѣ подъема японскаго флага. Возмущенный сдачею, онъ, протестовалъ, но встрѣтилъ цѣлый рядъ возраженій. Лейтенантъ Хоментовскій, Мичманъ Волковицкій, Поручикъ Бѣляевъ, Прапорщикъ Шаміе и врачи Виттенбергъ и Юшкевичъ утвержали, что топиться поздно, думать объ этомъ нужно было раньше. Лейтенантъ Макаровъ твердилъ: «пожалуйста безъ глупостей». Его, Дыбовскаго, протестъ былъ протестомъ одного противъ всѣхъ. Подошедшій къ нимъ японскій миноносецъ передалъ приказаніе, подъ угрозою разстрѣла, ничего не портить и не выбрасывать за бортъ. Командиръ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, но онъ, Дыбовскій, этому не подчинился и приказалъ приводить имущество въ негодность. На переходѣ въ Сасебо онъ съ Мичманомъ Четверухинымъ рѣшились запастись Андреевскимъ флагомъ, компасомъ и консервами и бѣжать ночью на парусиновой двойкѣ, но осуществить этого имъ не удалось.

Мичманъ Суйковскій, отрицая свою виновность, объяснилъ, что, будучи 14-го Мая раненъ, онъ находился на операціонномъ пунктѣ и, узнавъ о сдачѣ, какъ о совершившемся фактѣ, тогда только поднялся на верхъ.

Мичманъ Волковицкій виновнымъ сэбя не призналъ и показалъ, что, собравъ офицеровъ, Адмиралъ объявилъ имъ, что рѣшилъ сдать эскадру и поднялъ уже о томъ сигналъ. Офицеры поддакивали Адмиралу и одинъ только Капитанъ 2-го ранга Ведерниковъ молчалъ. Онъ, обвиняемый, и Шаміе дерзко запротестовали и стали доказывать, что позора уже довольно, что Адмиралъ не

вправѣ сдавать эскадру, что 2500 человѣкъ ничто въ сравненіи съ 30 тысячами погибшими подъ Мукденомъ, что если нельзя сражаться, то можно хоть затопить или взорвать корабли. Противъ сдачи былъ также и Капитанъ 2-го ранга Курошъ. Адмиралъ заявилъ, однако, что принимаетъ всю отвѣтственность на себя и что онъ, Волковицкій, слишкомъ молодъ, чтобы ему противорѣчить. Онъ, обвиняемый, обратился тогда къ старшему офицеру и просилъ его вступить въ командованіе, на что Ведерниковъ отвѣтилъ: «потерявши голову, по волосамъ не плачутъ, топиться не исходъ». Къ предложенію его и Шаміе офицеры отнеслись не сочувственно, особенно-же энергично возражалъ Командиръ. Онъ, обвиняемый, пытался было склонить команду открыть кингстоны, но кто-то крикнулъ, что Адмиралъ имъ даровалъ жизнь и что онъ, Волковицкій, слишкомъ молодъ, чтобы отмѣнять распоряженія Адмирала. Японскій флагъ, по удостовѣренію Волковицкаго, былъ поднятъ на броненосцѣ Лейтенантомъ Глазовымъ. Съ момента сдачи до полнаго завладѣнія японцами нашими судами прошло около 4-хъ часовъ, и во все это время ни на одномъ нашемъ кораблѣ ничего предпринято не было. Артиллерія броненосца, по словамъ Волковицкаго, была въ хорошемъ состояніи, средствъ для спасенія команды было много и, пойди Адмиралъ навстрѣчу непріятелю, онъ успѣлъ-бы съ нимъ сблизиться и открыть огонь. До сдачи настроеніе команды было бодрое; многіе смѣялись и даже шутили. Къ изложенному обвиняемый Волковицкій добавилъ, что въ плѣну Лейтенантъ Степановъ разсказывалъ ему, что еще въ ночь на 15-е Мая задолго до появленія непріятельскихъ судовъ, Командиръ просилъ его, Степанова, убѣдить Адмирала въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ въ бой не вступать, а сдаться, но что онъ Степановъ, просьбы этой не исполнилъ. Поведеніе Командира еще наканунѣ возмущало многихъ. Будучи легко раненъ, онъ, по словамъ обвиняемаго, спустился внизъ и укрылся въ румпельномъ забронированномъ отдѣленіи.

Вахтенный офицеръ броненосца «Императоръ Николай I» Прапорщикъ Шаміе, отрицая свою виновность, далъ объясненія, сходныя съ объясненіями Мичмана Волковицкаго. Онъ былъ противъ сдачи и настаивалъ на затопленіи и взрывѣ броненосца. Видя, что Адмираломъ принято уже рѣшеніе сдать корабль, онъ, обвиняемый, побѣжалъ въ свой отсѣкъ съ тѣмъ, чтобы раздраить пробоину, но команда его не послушалась. До сдачи нижніе чины молча безропотно готовились къ смерти, по объявленіи-же Адми-

раломъ его рѣшенія радость жизни заговорила въ нихъ и они вышли изъ повиновенія. Они разбили ахтеръ-люкъ, напились и стали даже громить офицерскія каюты. Въ бою 14-го Мая Адмиралъ Небогатовъ, по словамъ Шаміе, подавалъ примѣръ рѣдкаго мужества.

Прапорщикъ Балакшинъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что на собранномъ Адмираломъ совѣщаніи онъ противъ сдачи протестовалъ, но пришелъ онъ, видимо, слишкомъ поздно, такъ какъ рѣшеніе уже состоялось. Что говорили другіе офицеры, онъ не знаетъ, но Волковицкій былъ противъ сдачи. Команда къ сдачѣ отнеслась съ тяжелымъ чувствомъ; многіе говорили, что лучше погибнуть, чѣмъ сдаться.

Старшій инженеръ-механикъ Капитанъ Хватовъ, отрицая свою виновность, показалъ, что на совѣтъ онъ не приглашался и мнѣнія своего не подавалъ. О сдачѣ ему объявилъ командиръ. Онъ, Хватовъ, спросилъ можно-ли открывать кингстоны. Командиръ отвѣтилъ, что скажетъ объ этомъ Адмиралу. Онъ, обвиняемый, отправился въ машину и ждалъ приказаній, но таковыхъ не послѣдовало. По словамъ Хватова, броненосецъ большихъ поврежденій не имѣлъ и машина его была исправна.

Инженеръ-механикъ Штабсъ-Капитанъ Бекманъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что о сдачѣ онъ узналъ лишь послѣ поднятія японскаго флага. При немъ Командиръ, выходя изъ своей каюты, сказалъ, что давно надо было сдаться, а Адмиралъ, собравъ офицеровъ, объявилъ, что беретъ отвѣтственность на себя и увѣренъ, что со временемъ всѣ будутъ ему благодарны за спасеніе жизни. До прибытія японцевъ онъ, обвиняемый, разговора о затопленіи корабля не слыхалъ.

Инженеръ-механикъ Поручикъ Дмитрашъ, находя, что обвиненіе къ нему предъявлено быть не можетъ, показалъ, что онъ все время былъ въ подбашенномъ отдѣленіи и о сдачѣ узналъ только послѣ того, какъ она состоялась. Выбѣжавъ наверхъ, онъ засталъ Адмирала говорившимъ командѣ рѣчь. Часовъ около 5-ти Мичманъ Четверухинъ сказалъ ему, что слѣдовало-бы затопить броненосецъ, но что уже поздно это дѣлать.

Инженеръ-механикъ Подпоручикъ Бѣляевъ, отрицая свою виновность, объяснилъ, что, узнавъ отъ старшаго механика Хватова о сдачѣ, онъ невольно воскликнулъ: «Мерзавцы, я не сдаюсь. Мерзавцы, даже умирать не умѣютъ». Поднявшись въ жилую палубу, онъ засталъ тамъ Капитана 2-го ранга Куроша, который, рыдая и размахивая кулаками въ направленіи Командира, громилъ его

бранью. Встрѣтивъ Лейтананта Макарова, онъ, Бѣляевъ, въ предположеніи, что броненосецъ будутъ взрывать, сказалъ ему объ этомъ. Макаровъ поднялся на палубу и передалъ что-то Адмиралу. «Не дѣлайте глупостей», сказалъ Адмиралъ, обращаясь къ нему, Бѣляеву,—«топить поздно и нечестно».—«Ваше Превосходительство», замѣтилъ онъ тогда: «сдаваться позоръ, я не сдаюсь».—«Ну, какъ хотите», отвѣтилъ Адмиралъ. Въ немъ, обвиняемомъ, происходила борьба. Онъ желалъ оказать противодѣйствіе, но сознавалъ, что безсиленъ. Замѣтивъ другихъ офицеровъ, онъ подошелъ къ нимъ. «Наша сдача опозорила весь флотъ, всю Россію», сказалъ онъ. «Ну, что-же, стрѣляйтесь, если Вы считаете себя опозореннымъ», возразилъ Лейтенантъ Северинъ: «мы исполняемъ приказаніе Адмирала». Другіе офицеры отнеслись къ его, Бѣляева, словамъ индифферентно, враждебно даже, а Адмиралъ принялъ, видимо, мѣры въ предупрежденіе возможности взрыва или затопленія.

Исполнявшій обязанности вахтеннаго механика на броненосцѣ «Императоръ Николай I», Прапорщикъ Адамцевичъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что онъ былъ все время въ машинѣ, на совѣтъ не приглашался и сдачѣ воспрепятствовать не могъ.

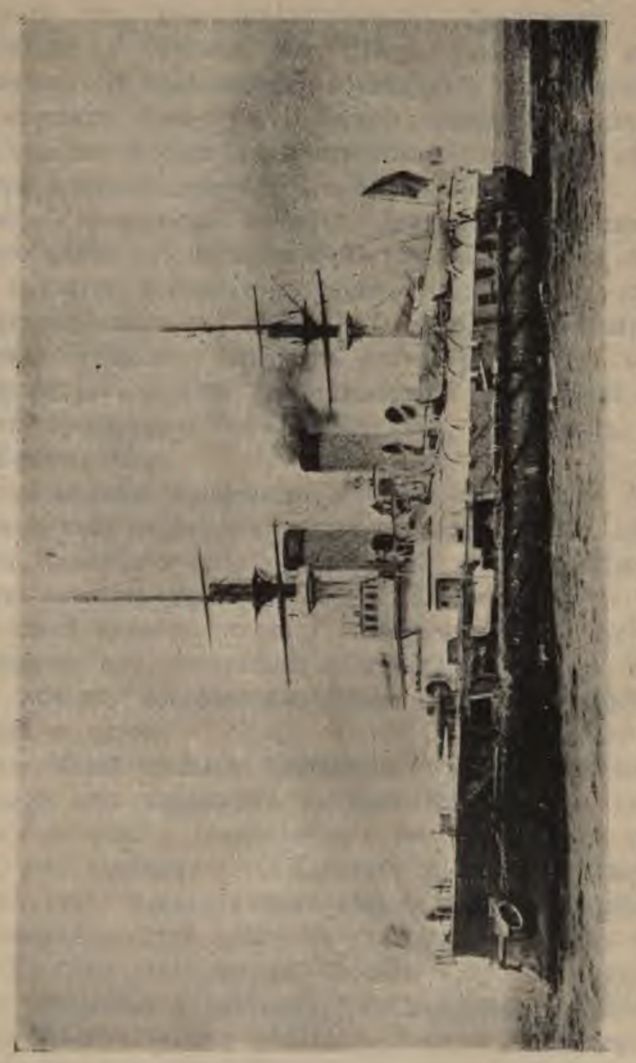
Прапорщикъ по механической части Скрыжановъ, отрицая свою виновность, показалъ, что на совѣтѣ онъ не былъ и согласія своего на сдачу не давалъ. Находясь въ машинѣ, онъ былъ увѣренъ, что идетъ бой и сдача произошла для него совершенно неожиданно.

Лейтенантъ Жаринцевъ, исполнявшій на броненосцѣ «Императоръ Николай I» обязанности младшаго артиллерійскаго офицера, виновнымъ себя не призналъ. Онъ, по его словамъ, былъ все время въ башнѣ, никого изъ офицеровъ не видалъ и о сдачѣ узналъ случайно послѣ того, какъ она уже состоялась.

Прапорщикъ Сонкинъ, отрицая свою виновность, показалъ, что на броненосцѣ «Императоръ Николай I» онъ находился случайно и опредѣленнаго назначенія не имѣлъ. Онъ долженъ былъ вступить въ командованіе транспортомъ «Графъ Строгановъ» и лишь временно со своею командою былъ приписанъ къ броненосцу «Императоръ Николай I». Въ бою онъ былъ простымъ зрителемъ и участія никакого не принималъ. Въ моментъ сдачи онъ спалъ и былъ разбуженъ уже тогда, когда сдача состоялась. Онъ, Сонкинъ, присутствовалъ, однако, при томъ, какъ Адмиралъ, доказывая командѣ необходимость сдачи, говорилъ ей рѣчь.

Прапорщикъ Морозовъ, отрицая свою виновность, показалъ, что когда офицеровъ потребовали къ Адмиралу, онъ подошелъ къ боевой рубкѣ и засталъ близь Адмирала Капитановъ 2-го ранга Кросса и Ведерникова и Лейтенантовъ Глазова, Пеликана и Северина. Адмиралъ сообщилъ тогда, что, по его мнѣнію и по мнѣнію командира, остается сдаться, такъ какъ средствъ для обороны у нихъ нѣтъ. Услышавъ это, онъ, Морозовъ, сказалъ, что лучше было-бы взорвать броненосецъ, на что отвѣта не послѣдовало. Японцы открыли огонь и онъ, Морозовъ, въ предположеніи, что начнется бой, занялъ свое обычное мѣсто при подачѣ снарядовъ. Вскорѣ его потребовали въ адмиральское помѣщеніе, гдѣ ревизоръ Мичманъ Четверухинъ, передавъ ему мѣшокъ съ золотомъ, просилъ выдать въ плѣну деньги за свои и сохранить. Адмиралъ собралъ затѣмъ команду и объявилъ ей о сдачѣ. Ему, Морозову, казалось, что сдачею команда была довольна. Когда и кѣмъ былъ поднятъ на броненосцѣ японскій флагъ, онъ, Морозовъ, не знаетъ.

Командовавшій броненосцемъ «Орелъ» Капитанъ 2-го ранга Шведе виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что въ бою 14 Мая броненосецъ его получилъ столь серьезныя поврежденія, что былъ близокъ къ гибели. Къ дѣйствію остались годными только два 12-ти дюймовыхъ, 4 шести-дюймовыхъ и 9—75 м/м орудій. Потеря въ людяхъ была громадная. Средствъ для спасенія команды не имѣлось, такъ какъ всѣ гребныя суда были разбиты. 15-го Мая утромъ, по приближеніи непріятельской эскадры, Мичманъ Сакеллари, сознавая безвыходность положенія, предложилъ ему, Шведе, подойти къ японскимъ берегамъ и уничтожить корабль, но онъ, Шведе, не счелъ себя въ правѣ это сдѣлать. Онъ приказалъ только на всякій случай приготовиться къ затопленію, такъ какъ мысли о сдачѣ не допускалъ. Непріятель открылъ огонь на разстояніи около 60-ти кабельтовыхъ. Наши суда на непріятельскіе выстрѣлы не отвѣчали. Въ $10^1/_2$ часовъ на флагманскомъ нашемъ кораблѣ спустили флагъ и подняли сигналъ о сдачѣ. Онъ, Шведе, былъ такъ потрясенъ, что потерялъ всякое соображеніе. Офицеровъ онъ на совѣтъ не собралъ и, слѣдуя движенію другихъ судовъ, приказалъ отрепетовать сигналъ и поднять японскій флагъ. Онъ думалъ что сигналъ Адмирала для него обязателенъ. Никто изъ офицеровъ ему не возражалъ и о затопленіи броненосца не напомнилъ. Японскій флагъ ему посовѣтовалъ поднять Лейтенантъ Модзалевскій, доказывая, что лучше уже самимъ поднять, чѣмъ дождаться, чтобы это сдѣлали японцы. Разговоры о позорности сдачи, о затопленіи

Эскадренный броненосецъ «Императоръ Николай I». (8440 тоннъ).

броненосца велись уже впослѣдствіи, въ плѣну, въ самый-же моментъ сдачи возраженій не было. Часовъ около 2-хъ Адмиралъ Небогатовъ потребовалъ къ себѣ командировъ и объявилъ, что, сдавъ отрядъ, онъ всю отвѣтственность принимаетъ на себя. По возвращеніи на «Орелъ», онъ, Шведе, уже засталъ на броненосцѣ японцевъ. Къ изложенному обвиняемый присовокупилъ, что показанія нижнихъ чиновъ, по его мнѣнію, довѣрія не заслуживаютъ, такъ какъ они могли быть даны изъ желанія повредить офицерамъ. Послѣ сдачи команда перепилась и безчинствовала.

Ревизоръ броненосца «Орелъ» Лейтенантъ Бурнашевъ, не отрицая, что сдачѣ онъ не противодѣйствовалъ, показалъ, что, когда ему стало извѣстно о поднятомъ сигналѣ, онъ пошелъ къ командиру и спросилъ, какъ ему поступить съ деньгами. Получивъ соотвѣтствующія указанія, онъ часть денегъ роздалъ, а остальную часть выбросилъ за бортъ. Настоятельныхъ предложеній затопить или взорвать броненосецъ онъ, обвиняемый, не слыхалъ, но разговоръ объ этомъ былъ.

Минный офицеръ броненосца «Орелъ» Лейтенантъ Модзалевскій, признавъ себя виновнымъ въ несопротивленіи сдачѣ, объяснилъ, что Рюминъ, Карповъ и онъ, Модзалевскій, говорили Шведе о необходимости затопить броненосецъ, но Шведе сказалъ, что разъ сигналъ о сдачѣ поднятъ, то этого уже нельзя дѣлать. Когда сдача была рѣшена, то онъ, Модзалевскій, дѣйствительно, во избѣжаніе излишняго позора, посовѣтовалъ Шведе поднять японскій флагъ, что одобрили и другіе.

Артиллерійскій офицеръ броненосца «Орелъ» лейтенантъ Рюминъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что, зная о сдачѣ, онъ корабля не потопилъ, и показалъ, что, когда они были окружены японцами, ихъ удивило, что «Николай I» не открываетъ огня. Сигналъ о сдачѣ былъ для нихъ еще большей неожиданностью, такъ какъ мысли о сдачѣ никто не допускалъ. Первымъ побужденіемъ его, Рюмина, было просить Модзалевскаго взорвать броненосецъ, но, вспомнивъ о раненыхъ, онъ предложилъ Шведе затопиться. Подобное-же мнѣніе было высказано и Карповымъ.

Вахтенный начальникъ броненосца «Орелъ», лейтенантъ Павлиновъ, призналъ себя виновнымъ въ непротиводѣйствіи сдачѣ, но такъ-же какъ и другіе офицеры «Орла», объяснилъ, что броненосецъ сражаться не могъ и спасти команду было невозможно. Послѣ поднятія флагманскимъ кораблемъ сигнала о сдачѣ, «Орелъ» просилъ разъясненій семафоромъ. «Окруженъ всѣмъ флотомъ непрія-

теля, сопротивляться не могу, сдаюсь, передайте по линіи»,—отвѣтилъ Адмиралъ. Офицеры собрались въ рубку и говорили, что сдаваться нельзя. Энергичныхъ протестовъ, однако, не было. Лично онъ, обвиняемый, чувствовалъ себя настолько утомленнымъ, что относился ко всему безразлично. Команда, по словамъ обвиняемаго, была увѣрена, что броненосецъ затопятъ и готовилась спасаться.

Мичманъ Сакеллари, отрицая свою виновность, показалъ, что когда онъ доложилъ капитану 2-го ранга Шведе о поднятіи на флагманскомъ кораблѣ сигнала, Шведе зарыдалъ. Собравшіеся вокругъ него офицеры и въ частности Рюминъ, Карповъ и Румсъ говорили, что сдаваться позорно, что нужно затопить броненосецъ, но высказывалось это нерѣшительно. Шведе находилъ, что топиться поздно, что японцы потопятъ тогда и остальныхъ. «Не подними Адмиралъ сигнала», говорилъ обвиняемый, «Орелъ» не сдался-бы, такъ какъ всѣми рѣшено было, исполнивъ долгъ, погибнуть». Къ изложенному мичманъ Сакеллари добавилъ, что минутъ за 20 до сдачи, сознавая безвыходность положенія, онъ предложилъ Шведе подойти къ «Изумруду», пересадить на него команду, а броненосецъ утопить, но Шведе не рѣшился этого сдѣлать безъ разрѣшенія Адмирала.

Мичманъ Карповъ 2-й, не отрицая своей виновности, объяснилъ, что у него не хватило рѣшимости противодѣйствовать сдачѣ. Онъ высказался за затопленіе броненосца, но, вспомнивъ о раненыхъ, не настаивалъ на этомъ. Команда въ бою вела себя безупречно, къ сдачѣ-же отнеслась спокойно. Многіе были, впрочемъ, увѣрены, что броненосецъ затопятъ и обвязывались поэтому поясами.

Старшій инженеръ-механикъ броненосца «Орелъ», Полковникъ Парфеновъ виновнымъ себя не призналъ. По его словамъ, о сдачѣ онъ узналъ только тогда, когда уже былъ поднятъ японскій флагъ. На броненосцѣ съ утра, по приказанію Капитана 2 ранга Шведе, все было изготовлено къ затопленію, у кингстоновъ были даже сняты крышки. Послѣ сдачи о готовности корабля къ затопленію, онъ, Шведе, не напоминалъ, такъ какъ Шведе собирался къ Адмиралу для переговоровъ.

Инженеръ-механикъ Штабсъ-Капитанъ Скляревскій призналъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ на сдачу согласился, но пояснилъ, что броненосецъ «Орелъ» средствъ для защиты противъ непріятеля не имѣлъ и что онъ, обвиняемый, прямого согласія на сдачу не далъ, а промолчалъ. Въ моментъ подъема сигнала онъ случайно былъ наверху, и слыхалъ какъ Шведе спрашивалъ,

что ему теперь дѣлать. Рюминъ и Карповъ высказались за затопленіе. Команда была увѣрена, что броненосецъ затопятъ и готовилась спасаться. Погода была тихая, на морѣ мертвая зыбь.

Трюмный механикъ броненосца «Орелъ» Поручикъ Румсъ, не отрицая своей виновности, пояснилъ, что его можно обвинять лишь въ томъ, что, узнавъ о сдачѣ, онъ броненосца не затопилъ. Трюмный старшина Федоровъ спрашивалъ его, обвиняемаго, будутъ-ли топить броненосецъ, на что онъ отвѣтилъ, что поступитъ такъ, какъ прикажутъ. Офицеры были сдачей возмущены, а команда угнетена.

Минный механикъ броненосца «Орелъ» Поручикъ Можжухинъ, давъ въ общихъ чертахъ объясненіе, сходное съ объясненіемъ обвиняемаго Румса, добавилъ, что на верхъ онъ совершенно не выходилъ, но слыхалъ, какъ инженеръ-механикъ Скляревскій говорилъ, что броненосецъ надо взорвать. Машинная команда до самой сдачи вела себя спокойно.

Инженеръ-механикъ Поручикъ Русановъ, не отрицая своей виновности въ непротивленіи сдачѣ, показалъ, что, узнавъ о поднятіи сигнала, онъ потерялъ послѣднее мужество и поэтому подчинился рѣшенію Адмирала и Командира. Находясь въ рубкѣ, онъ слыхалъ, какъ прапорщикъ Антипинъ высказался за затопленіе корабля, другіе молчали. Погода была тихая, море спокойное.

Прапорщикъ по механической части Антипинъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что когда ихъ окружили непріятельскія суда, всѣ поняли неизбѣжную гибель. Команда держала, однако, себя безупречно и всякое приказаніе ловила на лету. Всѣ ожидали рокового исхода. Послѣ того, какъ раздались выстрѣлы, въ машину спустился мастеровой Демченко и, улыбаясь, сказалъ: «я принесъ Вамъ пріятную вѣсть—мы сдались». Онъ, обвиняемый, выбѣжалъ на верхъ и, ни къ кому въ частности не обращаясь, сказалъ: «если не драться, такъ топить судно нужно». На слова его вниманія не обратили. Послѣ сдачи команда перепилась.

Командиръ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ», бывшій Капитанъ 1-го ранга, а нынѣ дворянинъ Лишинъ, виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что, не считая для себя сигналъ Адмирала обязательнымъ, онъ рѣшился на сдачу въ виду совершенно безвыходнаго положенія. Въ бою 14-го Мая 10-ти дюймовыя орудія его были повреждены, фугасныхъ снарядовъ у него оставалось мало, носовое отдѣленіе было затоплено водой, броня во многихъ мѣстахъ разошлась, спасательныхъ средствъ не было,

такъ какъ въ шлюпкахъ была вода и для спуска ихъ требовалось много времени, поясовъ и круговъ хватило-бы только на $^1/_8$ долю команды. Совѣта онъ, за недостаткомъ времени, не собиралъ и самолично приказалъ отрепетовать сигналъ и спустить кормовой флагъ. Протеста со стороны офицеровъ не было. Рѣчь о затопленіи шла, но настоятельныхъ требованій никѣмъ не предъявлялось. Онъ, обвиняемый, поручилъ узнать семафоромъ, будутъ-ли топить другіе корабли, и Мичманъ Мессингъ доложилъ ему, что не будутъ. Портить орудія и другое имущество онъ, обвиняемый, запретилъ лишь послѣ того, какъ возвратился отъ Адмирала, который обязался въ этомъ отношеніи словомъ. Ключей отъ погребовъ и кингстоновъ онъ къ себѣ не требовалъ. Если онъ и не позволялъ стрѣлять до сдачи, то только изъ-за дальности разстоянія. Инженеръ-механикъ Федоровъ дѣйствительно докладывалъ ему, обвиняемому, что кингстоны у него готовы и спросилъ, что дѣлать дальше, но на Федорова онъ не кричалъ, а сказалъ лишь: «хорошо, подождите». Приказаніе готовиться къ спасенію отдаваемо не было. Въ первоначальныхъ своихъ объясненіяхъ обвиняемый Лишинъ, говоря о судовой командѣ, утверждалъ, что она была скомплектована изъ людей для порта и экипажей «неудобныхъ», была всѣхъ сроковъ, состояла частью изъ запасныхъ. Въ дальнѣйшемъ Лишинъ, излагая причины, побудившія его къ сдачѣ, выразился такъ: «пришлось-бы утопить тѣхъ людей, которые все время честно, беззавѣтно и безропотно исполняли свой долгъ, людей, могущихъ принести пользу.»

Старшій офицеръ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» Лейтенантъ Фридовскій, отрицая свою виновность, показалъ, что при приближеніи шедшей полнымъ ходомъ непріятельской эскадры, гибель для всѣхъ стала очевидной. Всѣ чины броненосца разошлись тѣмъ не менѣе по мѣстамъ и были готовы къ бою. Къ мысли о смерти всѣ привыкли. Всѣ напряженно слѣдили за движеніями непріятеля и ожидали открытія огня. Когда раздались первые непріятельскіе выстрѣлы, на флагманскомъ кораблѣ былъ поднятъ сигналъ о сдачѣ. Всѣ были ошеломлены. Командиръ возмущался, говорилъ, что это невозможно, позорно. Онъ, обвиняемый, старался поддержать Командира и совѣтовалъ затопиться, не поднимая сигнала. То-же говорили и офицеры—Лейтенантъ Таубе, Мичманъ Щербачевъ и другіе. Къ нему, обвиняемому, подошелъ Мичманъ Александровъ и спросилъ, что будемъ дѣлать. Онъ, Фридовскій, отвѣтилъ, что судно, вѣроятно, затопятъ, что поэтому необходимо

обрѣзать у шлюпокъ найтовы. Подумавъ, Командиръ сказалъ, однако, что сигналъ Адмирала онъ считаетъ приказаніемъ. Сигналъ, по распоряженію Командира, отрепетовали, а кормовой флагъ спустили. На его, обвиняемаго, вопросъ, будутъ-ли топить броненосецъ, Командиръ отвѣтилъ, что послѣдуетъ примѣру Адмирала. Все это произошло очень быстро и большая часть офицеровъ узнала о сдачѣ, какъ о фактѣ совершившемся. Согласія на сдачу никто не давалъ. Команда отнеслась ко всему безучастно. «Что было предпринять?»—говоритъ обвиняемый; «сопротивляться?» употребить силу? Но кто могъ поднять руку на начальника, приказанія котораго привыкли исполнять безпрекословно? Чтобы схватить мыслію все положеніе и въ эти короткія минуты принять рѣшеніе, надо было быть выше обыкновеннаго человѣка, а у насъ были люди измученные физически и нравственно, бывшіе безъ сна почти трое сутокъ. Какой вредъ могъ нанести броненосецъ береговой обороны «Апраксинъ» 27-ми японскимъ кораблямъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности былъ сильнѣе его, когда всей нашей эскадрѣ за цѣлый день боя не удалось ни одного изъ нихъ не только утопить, но даже вывести изъ строя. Спасательныхъ средствъ было мало, такъ какъ шлюпки стояли съ водой и спустить ихъ скоро было нельзя».

Вахтенный начальникъ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» Лейтенантъ Шишко 1-й призналъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ не имѣлъ силы открыто воспрепятствовать сдачѣ и не пошелъ далѣе пассивнаго протеста. Когда непріятель открылъ огонь, всѣ, по его словамъ, оживились, кто-то скомандовалъ даже «товсь», какъ вдругъ изъ рубки послѣдовало распоряженіе: «не стрѣлять, башню прямо». Приказаніе это всѣхъ удивило. Онъ, обвиняемый, пошелъ узнать, въ чемъ дѣло и замѣтилъ тогда поднятый на «Николаѣ I» сигналъ. Командиръ, видимо, растерялся. Офицеры и даже нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ говорили о затопленіи. Отъ словъ къ дѣлу никто, однако, не переходилъ. — «Не будь», говоритъ обвиняемый, — «на флагманскомъ кораблѣ поднятъ сигналъ, команда и офицеры умерли бы съ честью на своихъ мѣстахъ».

Лейтенантъ Трухачевъ 2-й, отрицая свою виновность, показалъ, что находясь по пробитіи тревоги въ кормовой башнѣ броненосца «Апраксинъ» и наводя на непріятельскія суда орудія, онъ, сознавая неизбѣжную гибель, приказалъ командѣ снять сапоги и платье и сдѣлалъ это самъ. Сигналъ о сдачѣ былъ для

всѣхъ полнѣйшею неожиданностью. Мнѣнія его, обвиняемаго, никто не спрашивалъ и онъ молча подчинился рѣшенію Командира, который утверждалъ, что сигналъ Адмирала равносиленъ приказанію. Онъ, Трухачевъ, трусливымъ не былъ, но думалъ, что протестовать противъ сдачи—значитъ, бунтовать.

Мичманъ Тивяшевъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что ему неизвѣстно, при какихъ условіяхъ произошла сдача, такъ какъ онъ былъ все время въ батарейной палубѣ. При появленіи непріятеля Командиръ приказалъ передать старшему механику, чтобы «Апраксинъ» изготовили къ затопленію, что имъ, Тивяшевымъ, и было исполнено. Послѣ тревоги, Командиръ отставилъ это распоряженіе.

Мичманъ Мессингъ, отрицая свою виновность, показалъ, что, узнавъ о сдачѣ, онъ, Таубе и Щербачевъ стали требовать отъ Командира затопленія «Апраксина». Команда предполагала также, что броненосецъ будетъ уничтоженъ и готовилась поэтому къ спасенію. Увидя это, Командиръ приказалъ командѣ снять пояса и связать койки.

Ревизоръ Лейтенантъ Мазировъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что, находясь въ батареѣ 120 м|м. орудій, онъ узналъ о сдачѣ, какъ о фактѣ совершившемся и былъ настолько подавленъ, что противодѣйствовать не могъ. По открытіи японцами огня, «Апраксинъ» на выстрѣлы не отвѣчалъ, чему команда удивлялась, такъ-какъ 10-ти дюймовыя орудія броненосца тогда свободно хватали-бы.

Минный офицеръ Мичманъ Мессеръ, отрицая свою виновность, показалъ, что, узнавъ о сдачѣ, онъ хотѣлъ было взорвать броненосецъ, но рѣшилъ, что права на это не имѣетъ. Увидѣвъ, что на другихъ судахъ подняты японскіе флаги, онъ, какъ стоявшій въ то время на вахтѣ, послалъ спросить Командира, надлежитъ-ли и имъ это сдѣлать. Командиръ приказалъ поднять японскій флагъ.

Старшій артиллерійскій офицеръ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ», Лейтенантъ Таубе виновнымъ себя не призналъ. Замѣтивъ сигналъ о сдачѣ, онъ, по его словамъ, бросился къ Командиру и сталъ доказывать, что слѣдовать движенію Адмирала нельзя. Командиръ колебался, но затѣмъ, какъ оказалось, отрепетовалъ сигналъ. Таубе утверждаетъ, что спасательныхъ средствъ у нихъ было достаточно.

Младшій артиллерійскій офицеръ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраскинъ» Лейтенантъ Лебедевъ, отвѣтивъ отрицательно

на вопросъ о виновности, пояснилъ, что если онъ и виноватъ въ чемъ, то развѣ въ томъ, что не сумѣлъ воспитать въ себѣ геройскаго духа, чтобы въ любомъ положеніи обсудить все спокойно и поступить такъ, какъ требуетъ воинская доблесть. Извѣстіе о сдачѣ убило въ немъ всякую энергію. Теперь онъ понимаетъ, что надлежало затопить броненосецъ, тогда-же этого не сознавалъ.

Старшій штурманскій офицеръ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» Мичманъ Щербачевъ 3-й, не отрицая своей виновности, показалъ, что согласія своего на сдачу онъ не давалъ, но и не противодѣйствовалъ ей. «Найдись», говоритъ обвиняемый,—«человѣкъ, сохранившій силу воли, и прикажи онъ твердымъ голосомъ открыть кингстоны и затопить корабль, приказаніе было-бы исполнено, такъ какъ всѣ желали только подчиняться, а не проявлять свою волю, которой ни у кого уже не было». Съ момента поднятія сигнала о сдачѣ до момента поднятія «Апраксинымъ» японскаго флага, прошло по словамъ обвиняемаго около часа.

Мичманъ Кульневъ, признавая себя виновнымъ, объяснилъ, однако, что мнѣнія его никто не спрашивалъ. Таубе на сдачу не соглашался, а инженеръ-механикъ Федоровъ справлялся, не будутъ-ли топить броненосецъ.

Прапорщикъ по морской части графъ Барановъ виновнымъ себя не призналъ и пояснилъ, что въ моментъ сдачи онъ находился на форъ-марсѣ и мнѣнія своего не подавалъ. Гребныя суда и спасательныя средства «Апраксина» были, по словамъ обвиняемаго, въ полной исправности.

Старшій инженеръ-механикъ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» Штабсъ-Капитанъ Милевскій, не отрицая, что онъ сдачѣ не противодѣйствовалъ, показалъ, что въ день сдачи съ утра на броненосцѣ все было изготовлено къ затопленію. Онъ ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній, но таковыхъ не послѣдовало.

Минный механикъ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» Поручикъ Розановъ, считая себя совершенно правымъ по дѣлу, показалъ, что въ машинѣ все готово было къ затопленію. Ждали только приказанія. Вскорѣ, однако, пришли офицеры и въ числѣ ихъ инженеръ-механикъ Милевскій и Федоровъ и объявили, что они присланы, чтобы помѣшать ему, обвиняемому, затопить броненосецъ. Съ нимъ, Розановымъ, сдѣлалось тогда дурно, а когда онъ очнулся, то на броненосцѣ были уже японцы.

Трюмный механикъ броненосца «Генералъ-Адмиралъ Апрак-

синъ». Поручикъ Федоровъ, отрицая свою виновность, объяснилъ что, когда непріятельская эскадра ихъ окружила, Командиръ, сознавая безвыходность положенія, приказалъ изготовить броненосецъ къ затопленію. Онъ, обвиняемый, спустился внизъ, отдалъ соотвѣтствующія распоряженія и ждалъ дальнѣйшихъ событій. Онъ вышелъ затѣмъ на верхъ и, узнавъ о сдачѣ, спросилъ Командира, будутъ-ли топить броненосецъ. Такъ какъ Командиръ рѣшительнаго отвѣта на это не далъ, то онъ, Федоровъ, спустившись въ трюмъ, вновь сталъ выжидать, но распоряженія о затопленіи броненосца такъ и не послѣдовало.

Прапорщикъ по механической части Дякинъ виновнымъ себя не признавалъ и объяснилъ, что о сдачѣ «Апраксина» онъ узналъ лишь, какъ о совершившемся фактѣ. За недостаткомъ времени ничего предпринять было нельзя.

Командиръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ», бывшій Капитанъ I-го ранга, а нынѣ дворянинъ Григорьевъ, отвѣтивъ отрицательно на вопросъ о виновности, показалъ, что, не считая сигналъ Адмирала для себя обязательнымъ, онъ рѣшился сдать броненосецъ, такъ какъ другого выхода не видѣлъ. Совѣта онъ не собралъ за недостаткомъ времени; офицеры-же, близь него находившіеся, не протестовали. Въ бою 14-го мая въ броненосецъ ни одинъ снарядъ не попалъ, но 10-ти дюймовыя орудія его пришли въ негодность, а фугасныхъ снарядовъ оставалось мало. Топить судно было-бы долго, да и рисковано, такъ какъ непріятель былъ близко, въ 30-ти кабельтовыхъ, а спасательныхъ средствъ имѣлось немного. Команда и офицеры въ бою 14-го Мая вели себя, по словамъ обвиняемаго, выше всякой похвалы. По ознакомленіи съ показаніями офицеровъ и нижнихъ чиновъ, обвиняемый Григорьевъ призналъ показанія эти въ частяхъ, лично его касающихся, неправильными.

Старшій офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» Капитанъ 2-го ранга Артшвагеръ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что о сдачѣ онъ узналъ, находясь въ каютъ-компаніи, отъ Лейтенанта Якушева, который, также какъ и Мичманъ Князевъ и инженеръ-механики Яворовскій и Бобровъ, высказался за потопленіе броненосца. Выйдя на верхъ, онъ, Артшвагеръ, увидѣлъ, что сигналъ о сдачѣ поднятъ уже и у нихъ, какъ на «Апраксинѣ». Онъ передалъ, однако, Командиру предложенія офицеровъ. Командиръ ничего не отвѣтилъ, а, указывая на наши и японскія суда, сказалъ: «посмотрите, что дѣлается». Онъ, обвиняемый, со-

гласился тогда, что остается одно—слѣдовать за Адмираломъ. Онъ послалъ въ подшхиперскую достать японскій флагъ и, по распоряженію Командира, велѣлъ этотъ флагъ поднять. Команда при сдачѣ вела себя угрюмо-спокойно. Въ бою 14-го Мая броненосецъ, по словамъ обвиняемаго, значительныхъ поврежденій не получилъ, но орудія его пострадали.

Вахтенный начальникъ броненосца «Адмирала Сенявинъ», Лейтенантъ Рощаковскій, не признавая за собой никакой вины, показалъ, что въ моментъ сдачи онъ находился въ носовой башнѣ и, узнавъ о принятомъ Командиромъ рѣшеніи, протестовалъ. Онъ высказалъ это, какъ Командиру, такъ и старшему офицеру. Командиръ рѣзко отвѣтилъ ему, что это не его, обвиняемаго, ума дѣло, что вопросъ уже рѣшенъ, что отрядъ долженъ слѣдовать движенію Адмирала. Онъ, обвиняемый, старался вспомнить законъ и пришелъ къ убѣжденію, что онъ вовсе не уполномоченъ смѣщать своихъ начальниковъ. У него мелькнула, правда, мысль открыть кингстоны, но, подумавъ, онъ нашелъ, что и на это права не имѣетъ. Артиллерія броненосца, по словамъ Рощаковскаго, была въ исправности и всѣ средства для спасенія команды имѣлись.

Мичманъ Морозовъ, отрицая свою виновность, объяснилъ, что когда онъ поднялся изъ батарейной палубы на верхъ, кормовой флагъ былъ спущенъ и сдача «Сенявина» уже состоялась.

Младшій штурманскій офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ», Мичманъ Марковъ 1-й виновнымъ себя не призналъ и показалъ, что, спустившись послѣ подъема сигнала о сдачѣ съ форъ-марса, онъ, вмѣстѣ съ Князевымъ, Яворовскимъ и Бобровымъ, просилъ старшаго офицера уговорить Командира затопить броненосецъ, но командиръ въ этомъ отказалъ. Команда, по словамъ обвиняемаго Маркова, вела себя выше всякой похвалы; она была готова умереть и сдача поразила ее. Команда долго не вѣрила въ возможность сдачи и надѣялась, что броненосецъ затопятъ или взорвутъ.

Ревизоръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» Мичманъ Рыкачевъ, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что о сдачѣ онъ узналъ, какъ о совершившемся фактѣ. Извѣстіе это его ошеломило, онъ не зналъ, что дѣлать. Вспомнивъ о судовыхъ деньгахъ и кредитивахъ, онъ пошелъ къ Командиру, который приказалъ деньги раздать, а документы уничтожить. Поврежденій въ корпусѣ и артиллеріи у «Сенявина» почти не было, спасательныя средства имѣлись.

Минный офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» Лейте-

нантъ Николаевъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что сдача произошла безъ его вѣдома и согласія. Когда онъ вышелъ на верхъ, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ бой, онъ замѣтилъ, правда, что у нихъ на броненосцѣ поднятъ трехфлажный сигналъ и спускается кормовой флагъ, но, будучи далекъ отъ мысли о сдачѣ онъ, обвиняемый, рѣшилъ, что сигналъ какой-нибудь объяснительный, а флагъ спускается для сокрытія національности, какъ это нерѣдко дѣлалось. Онъ услыхалъ затѣмъ крики «сдались», но отнесся къ нимъ недовѣрчиво. Онъ видѣлъ, что команда волнуется, что многіе обвязываются койками и поясами, но увѣрился онъ въ сдачѣ только тогда, когда спустился въ каютъ-компанію и услышалъ разговоръ офицеровъ.

Мичманъ Каськовъ, отрицая свою виновность, показалъ, что онъ видѣлъ изъ кормовой башни, какъ спустили стеньговые флаги и замѣтилъ, что собираются спускать и кормовой флагъ. «Адмиралъ не хочетъ парадной смерти», подумалъ онъ и, желая узнать въ чемъ дѣло, поднялся на верхъ. «Въ чемъ дѣло»? — спросилъ онъ старшаго артиллерійскаго офицера Бѣлавенца. — «Не знаю, не знаю», отвѣтилъ тотъ въ слезахъ. «Что за сигналъ» обратился онъ къ старшему штурману. Такъ, какая-то дрянь виситъ, отвѣтилъ Якушевъ. Отъ сигнальщиковъ онъ, обвиняемый, узналъ наконецъ, что броненосецъ сдался. «За корабль я не отвѣтчикъ», подумалъ онъ: «начальство знаетъ, что дѣлаетъ, пойду лучше портить орудія», и сообщилъ о принятомъ рѣшеніи Бѣлавенцу. «Дѣлайте, что хотите» отвѣтилъ тотъ, продолжая плакать, «будьте только свидѣтелемъ, что съ моей стороны все было сдѣлано». «Теперь плакать некогда», грубо сказалъ Бѣлавенцу обвиняемый. Съ мостика въ это время стали сыпаться безпрерывныя, безтолковыя приказанія. «Замки орудій уничтожить». — «Ничего не уничтожать». — Лѣвый бортъ зарядить». — Замки праваго борта за бортъ». — «Все за бортъ». «Ничего не трогать», и т. п. — Приказанія эти сбили всѣхъ съ толку, команда стала одѣвать спасательные пояса и панически стремилась на ютъ. Въ такихъ выраженіяхъ описалъ обвиняемый Каськовъ произошедшую сдачу.

Старшій штурманскій офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» Лейтенантъ Якушевъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что когда командиръ приказалъ ему и Лейтенанту Бѣлавенцу отрепетовать сигналъ о сдачѣ и спустить флагъ, онъ и Бѣлавенецъ отказались это сдѣлать. Онъ, обвиняемый, пошелъ разыскивать старшаго офицера и просилъ его уговорить Коман-

дира затопить корабль. О томъ-же просили и нѣкоторые другіе офицеры—Бобровъ, Князевъ, Рощаковскій. Въ бою 14-го Мая непріятель, по словамъ обвиняемаго, на отрядъ Адмирала Небогатова вниманія не обращалъ, и въ суда этого отряда попадали только случайные выстрѣлы.

Мичманъ Князевъ 4-й, отрицая свою виновность, показалъ, что, узнавъ о спускѣ флага, онъ, Якушевъ, Рощаковскій, Морозъ, Марковъ и Бобровъ просили старшаго офицера убѣдить Командира затопить броненосецъ. Многіе изъ нижнихъ чиновъ также кричали, что надо топиться, что вся работа ихъ пропала даромъ. По словамъ обвиняемаго, средства для спасенія команды были и минутъ въ 15 шлюпки могли быть спущены.

Прапорщикъ по морской части Одеръ, находившійся по боевому росписанію внизу при подачѣ снарядовъ, показалъ, что ему неизвѣстно, при какихъ условіяхъ произошла сдача, въ силу чего онъ виновнымъ себя не признаетъ.

Старшій инженеръ-механикъ Поручикъ Яворовскій, отрицая свою виновность, объяснилъ, что, когда застопорили машину, онъ пошелъ узнать, въ чемъ дѣло, и освѣдомившись отъ старшаго офицера, что суда наши сдались, предложилъ затопить броненосецъ. Согласія со стороны командира на это, однако, не послѣдовало. «Что могъ я», говоритъ обвиняемый, «предпринять?» Надо было сумѣть подчинить себѣ весь личный составъ корабля, заставить его вновь стать органическимъ цѣлымъ, а на это надежды никакой уже не было. Принять единоличное рѣшеніе затопить корабли значило погубить всю команду. По поводу показанія машиннаго квартирмейстера Бабаева о томъ, что въ виду слуховъ о заложеніи фугасовъ въ междудонное пространство, онъ, обвиняемый, приказалъ Бабаеву никого изъ офицеровъ въ машину не пускать,—онъ, Яворовскій, можетъ лишь объяснить, что онъ допускаетъ это, такъ какъ старшій офицеръ дѣйствительно дѣлалъ какія-то предупредительныя распоряженія и обращался и къ нему, Яворовскому, но было это уже тогда, когда мысль о затопленіи броненосца была всѣми отвергнута.

Минный механикъ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» Поручикъ Бобровъ виновнымъ себя не призналъ и показалъ, что онъ, Рощаковскій, Марковъ, Князевъ и Яворовскій были противъ сдачи и просили затопить броненосецъ. Противъ сдачи была также и команда, но всѣ, видимо, растерялись и не знали, что дѣлать. Средства для спасенія имѣлись, и въ настоящее время, онъ, обви-

няемый, сожалѣетъ, что не затопилъ корабля по собственной иниціативѣ.

Старшій артиллерійскій офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ», Лейтенантъ Бѣлавенецъ, не признавая за собой никакой вины, показалъ, что въ моментъ подъема флагманскимъ кораблемъ сигнала о сдачѣ около Командира были только онъ и Якушевъ. Оба они отказались отрепетовать сигналъ и спустить кормовой флагъ, требуя затопленія. Онъ, обвиняемый, несмотря на запретъ Командира и старшаго офицера, принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію и порчѣ артиллерійскаго имущества. Офицеры и команда съ ужасомъ отнеслись къ сдачѣ, но сознавали свое безсиліе. Лично онъ, обвиняемый, считалъ, что поднять команду противъ начальства онъ права не имѣетъ. Къ изложенному Лейтенантъ Бѣлавенецъ добавилъ, что въ первоначальныхъ своихъ объясненіяхъ онъ умолчалъ о дѣйствіяхъ Командира и старшаго офицера изъ жалости, теперь-же утверждаетъ, что показанія Командира ложны. Еще въ плѣну Командиръ пытался донести, что сдача произошла съ согласія офицеровъ и только по его, обвиняемаго, настоянію отъ этого отказался.

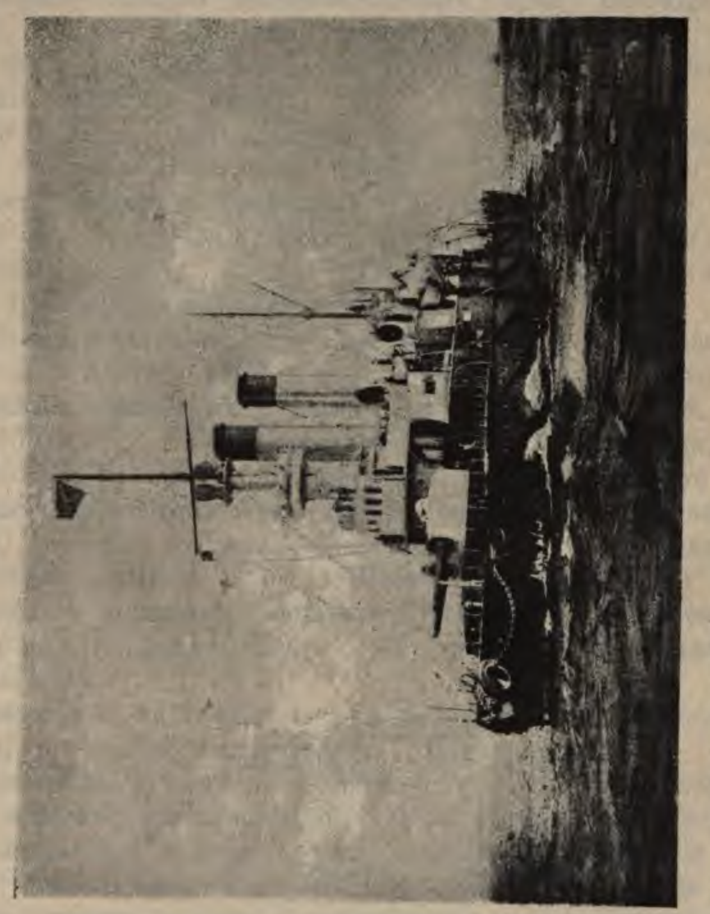
Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ Тагуновъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что о сдачѣ «Сенявина» онъ узналъ, какъ о фактѣ совершившемся и согласія своего на нее не давалъ. Лично онъ, обвиняемый, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы броненосецъ можно было затопить, но приказанія на то не послѣдовало.

Прапорщикъ по механической части Чепаченко-Павловскій, отрицая свою виновность, показалъ, что, по его мнѣнію, не онъ сдался, а его сдали непріятелю. Онъ поступилъ на службу лишь на время войны по контракту и съ Морскимъ Уставомъ не успѣлъ даже познакомиться. Къ изложенному Чепаченко-Павловскій добавилъ, что машину и котлы онъ сдалъ японцамъ въ исправности.

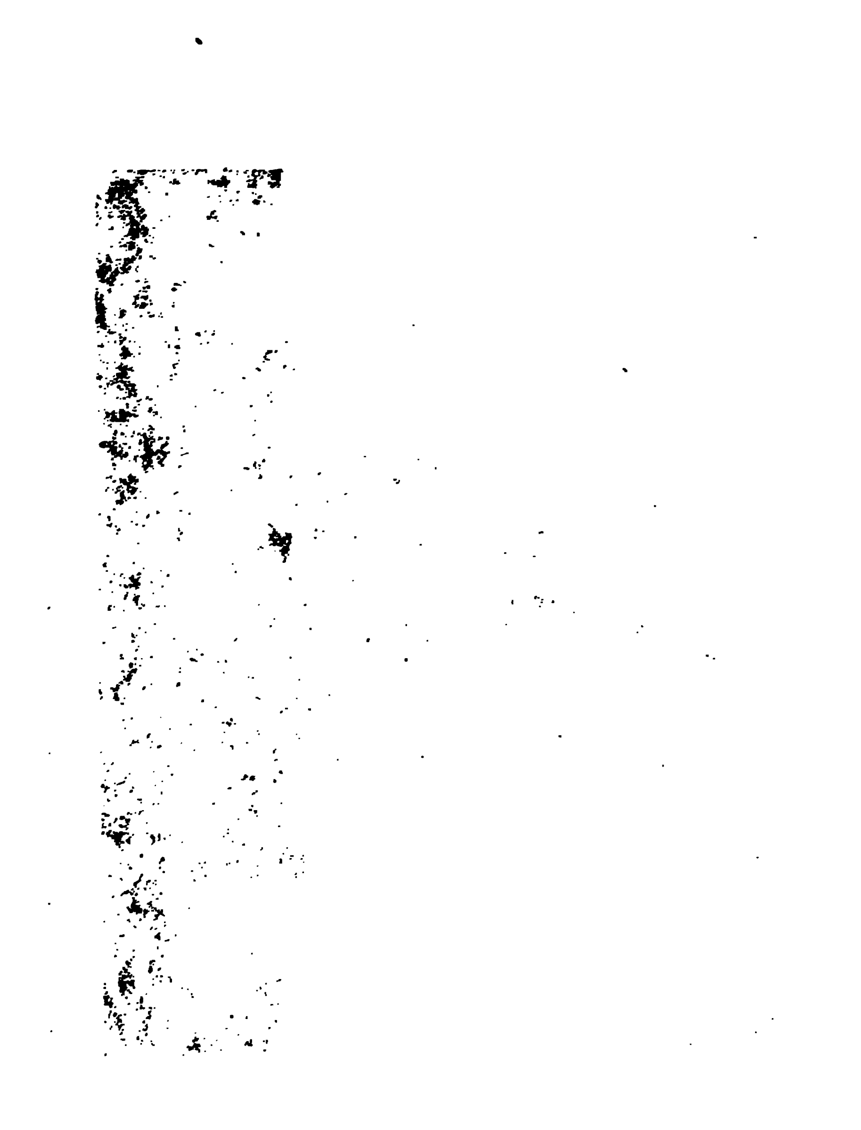
На основаніи вышеизложеннаго обвиняются: 1) бывшій Контръ-Адмиралъ, а нынѣ дворянинъ Николай Ивановичъ Небогатовъ, 57 лѣтъ; бывшіе Капитаны 1-го ранга, а нынѣ дворяне: Владиміръ Васильевичъ Смирновъ, 49 лѣтъ, Сергѣй Ивановичъ Григорьевъ, 50 лѣтъ и Николай Григорьевичъ Лишинъ, 49 лѣтъ, и Капитанъ 2-го ранга Константинъ Леопольдовичъ Шведе, 43 лѣтъ, — въ томъ, что, состоя—Небогатовъ Начальникомъ эскадры, Смирновъ, Григорьевъ и Лишинъ командирами броненосцевъ «Императоръ Николай I», «Адмиралъ Сенявинъ» и «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ»,

а Шведе—временно командуя броненосцемъ «Орелъ», 15-го мая 1905 года, будучи настигнуты и окружены въ Японскомъ морѣ непріятельскою эскадрою, безъ боя спустили флагъ, не исполнивъ обязанностей своихъ по долгу присяги и въ противность требованіямъ воинской части и правиламъ Морского Устава, и 2) Полковникъ Корпуса инженеръ-механиковъ флота Иванъ Ивановичъ Парфеновъ 1, 41 лѣтъ, Капитаны 2-го ранга: Владиміръ Александровичъ Кроссъ, 43 лѣтъ, Николай Парфеновичъ Курошъ 2, 46 лѣтъ, Петръ Петровичъ Ведерниковъ, 41 года, Фридрихъ Фридриховичъ Артшвагеръ, 42 лѣтъ, Подполковники Корпуса флотскихъ штурмановъ: Дмитрій Николаевичъ Феодотьевъ 2, 44 лѣтъ, и Корпуса инженеръ-механиковъ флота Николай Александровичъ Орѣховъ, 42 лѣтъ; Лейтенанты: Иванъ Михайловичъ Сергѣевъ 5, 35 лѣтъ, Федоръ Викторовичъ Северинъ, 28 лѣтъ, Николай Николаевичъ Глазовъ, 30 лѣтъ, Иванъ Ивановичъ Степановъ 7, 34 лѣтъ, Иванъ Георгіевичъ Тиме, 39 лѣтъ, Викторъ Михайловичъ Хоментовскій, 32 лѣтъ, Александръ Александровичъ Пеликанъ 1, 31 года, Петръ Ивановичъ Бѣлавенецъ, 33 лѣтъ, Николай Николаевичъ Макаровъ 3, 36 лѣтъ, Степанъ Николаевичъ Бурнашевъ, 28 лѣтъ, Георгій Митрофановичъ Рюминъ 2, 27 лѣтъ, Всеволодъ Львовичъ Модзалевскій, 27 лѣтъ, Сергѣй Яковлевичъ Павлиновъ 4, 23 лѣтъ, Николай Михайловичъ Фридовскій, 36 лѣтъ, Павелъ Оттоновичъ Шишко 1, 24 лѣтъ, Сергѣй Львовичъ Трухачевъ 2, 31 года, Сергѣй Леонидовичъ Мазировъ, 26 лѣтъ, баронъ Георгій Николаевичъ Таубе, 28 лѣтъ, Викторъ Ивановичъ Лебедевъ 3, 24 лѣтъ, Михаилъ Сергѣевичъ Рощаковскій, 29 лѣтъ, Сергѣй Владиміровичъ Николаевъ, 26 лѣтъ, Михаилъ Дмитріевичъ Жаринцовъ, 26 лѣтъ, Сергѣй Александровичъ Якушевъ, 26 лѣтъ; Капитанъ Корпуса инженеръ-механиковъ Михаилъ Ивановичъ Хватовъ 33 лѣтъ; Штабсъ-Капитаны того-же Корпуса: Гельмутъ Эдуардовичъ Бекманъ, 27 лѣтъ, Константинъ Автономовичъ Скляревскій, 27 лѣтъ, Петръ Нарциссовичъ Милевскій, 29 лѣтъ; Мичманы: баронъ Павелъ Леонгардовичъ Унгернъ-Штернбергъ, 23 лѣтъ, баронъ Георгій Константиновичъ Унгернъ-Штернбергъ, 26 лѣтъ, Борисъ Михайловичъ Четверухинъ, 26 лѣтъ, Викторъ Владиміровичъ Дыбовскій, 22 лѣтъ, Владиміръ Петровичъ Суйковскій, 22 лѣтъ, Юрій Фаддѣевичъ Волковицкій, 22 лѣтъ, Николай Александровичъ Сакеллари, 25 лѣтъ, Дмитрій Ростиславовичъ Карповъ 2-й, 21 года, Григорій Петровичъ Тивяшевъ, 22 лѣтъ, Николай Ивановичъ Мессингъ, 21 года, Павелъ Владиміровичъ Мессеръ 2-й, 23 лѣтъ, Борисъ Александровичъ

Щербачевъ 3-й, 24 лѣтъ, Илья Ильичъ Кульневъ, 21 года, Александръ Владиміровичъ Морозъ, 26 лѣтъ, Вячеславъ Николаевичъ Марковъ, 20 лѣтъ, Андрей Андреевичъ Рыкачевъ, 26 лѣтъ, Андрей Саввичъ Каськовъ 2-й, 24 лѣтъ, Валеріанъ Ильичъ Князевъ 4-й, 21 года; Поручики Корпуса инженеръ-механиковъ: Федоръ Григорьевичъ Дмитрашъ, 28 лѣтъ, Николай Михайловичъ Румсъ, 27 лѣтъ, Павелъ Александровичъ Можжухинъ, 24 лѣтъ, Николай Гавриловичъ Русановъ, 26 лѣтъ, Николай Николаевичъ Розановъ, 27 лѣтъ, Иванъ Семеновичъ Федоровъ, 30 лѣтъ, Павелъ Казиміровичъ Яворовскій, 33 лѣтъ, Константинъ Ивановичъ Бобровъ, 26 лѣтъ, Константинъ Николаевичъ Тагуновъ; Подпоручикъ того-же Корпуса Николай Дмитріевичъ Бѣляевъ, 25 лѣтъ; Прапорщики: Александръ Николаевичъ Шаміе, 28 лѣтъ, Николай Иннокентіевичъ Балакшинъ, 27 лѣтъ, Іосифъ Андреевичъ Адамцевичъ, 24 лѣтъ, Алексѣй Ивановичъ Скрыжановъ, 30 лѣтъ, Василій Ивановичъ Антипинъ, 28 лѣтъ, графъ Павелъ Александровичъ Барановъ, 31 года, Николай Ивановичъ Дякинъ, 30 лѣтъ, Рубенъ Іоганесъ Медисовъ Одеръ 29 лѣтъ, Александръ Саввичъ Чепаченко-Павловскій, 49 лѣтъ, Ефимъ Мануиловичъ Сонкинъ, 36 лѣтъ, Вячеславъ Николаевичъ Морозовъ, 29 лѣтъ,—въ томъ, что, состоя:—Кроссъ, Курошъ, Орѣховъ, Феодотьевъ, Сергѣевъ, Северинъ, Глазовъ и Степановъ въ штабѣ Адмирала Небогатова, а остальные—судовыми офицерами броненосцевъ «Императоръ Николай I», «Орелъ», «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» и «Адмиралъ Синявинъ» и будучи освѣдомлены о принятомъ Начальникомъ эскадры и Командирами судовъ рѣшенія сдать безъ боя и вопреки требованіямъ воинской чести и правиламъ Морского Устава, броненосцы наши непріятелю, они, въ нарушеніе присяги и вѣрности службы, имѣя возможность предупредить это преступленіе, завѣдомо допустили содѣяніе онаго, причемъ Полковникъ Парфеновъ, Капитаны 2-го ранга—Кроссъ, Артшвагеръ и Ведерниковъ, Лейтенанты: Глазовъ, Северинъ, Хоментовскій, Жаринцевъ, баронъ Таубе, Мазировъ и Павлиновъ, Капитанъ Хватовъ, Штабсъ-Капитанъ Бекманъ, Мичманъ Тивяшевъ и Поручики Румсъ и Дмитрашъ не только не предприняли зависѣвшихъ отъ нихъ мѣръ къ предотвращенію сдачи, но и сами въ ней непосредственно участвовали, а именно: Кроссъ и Глазовъ набирали сигналъ о сдачѣ; Ведерниковъ запрещалъ что-либо портить на кораблѣ; Артшвагеръ запрещалъ также что-либо портить на броненосцѣ и приказалъ изъ опасенія, чтобы не взорвали корабля, замкнуть погреба и крюйтъ-камеру; Парфеновъ, Павлиновъ и Румсъ уговари-

Броненосецъ береговой обороны «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» (4126 тоннъ).

вали команду ничего не портить, утверждая, что броненосецъ уничтожать не будутъ; Северинъ приказалъ просемафорить «Орлу», что «Императоръ Николай I» сдается; Жаринцевъ приказалъ послѣ совѣщанія повернуть орудія въ сторону противную непріятелю; Хоментовскій доставалъ японскій флагъ, который и приказалъ пристопорить; Хватовъ воспрепятствовалъ взрыву цилиндровъ въ машинѣ; Бекманъ и Дмитрашъ запрещали портить машину; баронъ Таубе приказалъ повернуть башню прямо, а Мазиревъ и Тивяшевъ приказали разрядить орудія.

Преступленія эти предусмотрѣны: въ отношеніи бывшаго Контръ-Адмирала Небогатова, бывшихъ Капитановъ 1-го ранга Смирнова, Лишина и Григорьева и Капитана 2-го ранга Шведе статьею 279 Воен.-Морск. Устава о Наказ., а въ отношеніи остальныхъ подсудимыхъ ст. 12 и 14 Уложенія о Наказ. угол. и исправ. и 279 Военно-Морского Устава о Наказаніяхъ.

Посему и согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 7-й день Августа 1906 года о преданіи суду всѣхъ вышепоименованныхъ обвиняемыхъ, таковые, на основаніи ст. 34, 247, 249, 609 и 628 Военно-Морского Судебнаго Устава, предаются суду Особаго Просутствія Кронштадтскаго Военно-Морского Суда.

Далѣе предсѣдатель суда задаетъ каждому изъ обвиняемыхъ вопросъ, признаетъ ли онъ себя вновнымъ; всѣ подсудимые, за исключеніемъ капитана II ранга Шведе, заявили, что они виновными себя не признаютъ. Капитанъ Шведе заявилъ, что онъ еще до сихъ поръ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ—виновенъ онъ, или нѣтъ.

Лейтенанты же Шишко и Кульневъ признали себя виновными въ томъ, что они не воспротивились сдачѣ открыто.

Продолжается провѣрка свидѣтелей броненосца «Николай I». Нужно замѣтить, что присутствіе суда въ распорядительномъ совѣщаніи постановило въ вызовѣ лицъ, указанныхъ въ прошеніи обвиняемаго бывшаго контръ-адмирала Небогатова, вице-адмирала Бирилева и др. отказать, такъ какъ большинство изъ нихъ могутъ дать указанія только о снаряженіи судовъ при отправленіи изъ порта Императора Александра III, что, по мнѣнію суда, не можетъ служить къ разъясненію дѣла, подлежащаго его разсмотрѣнію; необходимыя же свѣдѣнія о состояніи судовъ и артиллеріи на нихъ въ день сдачи могутъ выяснить лица, бывшія въ этотъ день на судахъ, а кромѣ того свѣдѣнія эти и имѣются въ дѣлѣ. Показанія свидѣтелей объ обстоятельствахъ, при которыхъ было передано командованіе всею эскадрою адми[

Небогатову не служитъ также къ разъясненію дѣла о сдачѣ, а потому въ вызовѣ въ судебное засѣданіе отставного вице-адмирала Рожественскаго, Клапье-де-Колонъ и Филиповскаго отказать. Подтвержденіе же свидѣтельскими показаніями, что суда отряда 14-го мая принимали участіе въ сраженіи, не требуется, потому что это указаніе имѣется на первой страницѣ обвинительнаго акта. Вызовъ свидѣтелей для удостовѣренія хорошей службы подсудимаго является совершенно излишнимъ, потому что самое назначеніе его начальникомъ отряда указываетъ, что высшее морское начальство считало его однимъ изъ лучшихъ контръ-адмираловъ, но если подсудимый признаетъ это недостаточнымъ для себя, то судъ предоставляетъ ему право представить въ судѣ письменные отзывы его бывшихъ начальниковъ, для приложенія къ дѣлу. Вызовъ въ судъ контръ-адмирала Энквиста также излишенъ, потому что вполнѣ установлено, что 15-го мая крейсеровъ въ отрядѣ не было и показаніе свидѣтеля о томъ, что заставило его отдѣлиться отъ эскадры, не можетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе отвѣтственности подсудимаго. Предсѣдатель приказываетъ пригласить свидѣтелей съ броненосцевъ «Орла» и «Императоръ Николай I»; послѣ опроса каждаго изъ нихъ, всѣ свидѣтели приводятся къ присягѣ.

Передъ допросомъ свидѣтелей, проситъ слова бывшій адмиралъ Небогатовъ и мотивируетъ свою просьбу тѣмъ, что послѣ представленія имъ суду фактическихъ данныхъ, судъ въ состояніи будетъ оріентироваться въ показаніяхъ свидѣтелей. «Я долженъ былъ представить эти объясненія еще вчера, послѣ тѣхъ разнорѣчивыхъ показаній свидѣтелей, которыя прочитывались здѣсь въ предъидущемъ засѣданіи. Я знаю что Россія ждетъ моихъ объясненій, и я долженъ ихъ дать. Гг. судьи! Въ одномъ изъ вашихъ распорядительныхъ засѣданій вы отказали мнѣ въ вызовѣ свидѣтелей, которые показали бы степень годности судовъ, въ командованіе которыми я вступилъ. Я не буду пускаться въ подробности по этому вопросу, но долженъ сказать, что суда эти были совершенно непригодны для серьезныхъ операцій, для сраженія; они могли лишь въ опытныхъ рукахъ, при доблестномъ поведеніи экипажей, служить для вспомогательныхъ цѣлей». Далѣе бывшій адмиралъ Небогатовъ кратко очертилъ раздѣленіе силъ адмирала Рожественскаго на три броненосныхъ отряда съ оцѣнкою ихъ боевой силы и назначенія. Картина Цусимскаго боя, а затѣмъ и событія слѣдующаго дня, закончившагося сдачей японцамъ, четырехъ броненосцевъ, по словамъ подсудимаго, была такова; 14-го мая, около 1 часа дня,

наша эскадра вошла въ Корейскій проливъ (подробно указываетъ строй нашей эскадры); когда была замѣчена непріятельская эскадра, шедшая на перерѣзъ нашему курсу, адмираломъ Рожественскимъ былъ отданъ приказъ о перестроеніи и прибавленіи хода съ 9 на 11 узловъ. «При перестроеніи судовъ въ новый порядокъ произошло замѣшательство; изъ нашей эскадры образовалась «куча», непріятель же, измѣнивъ свой строй, шелъ параллельно намъ. Въ 1 ч. 35 м. «Суворовъ», а за нимъ и другія суда открыли огонь; «Императоръ Николай I» открылъ огонь только минутъ черезъ 10—15 послѣ «Суворова», такъ какъ его пушки не доставали до непріятеля. Съ обѣихъ сторонъ открылся убійственный огонь; три 12 дюймовые непріятельскихъ снаряда одинъ за другимъ попали въ одно и то же мѣсто «Ослябя» и такъ разворотили на броненосцѣ, что можно было на тройкѣ въѣхать. Видя, что нашъ второй отрядъ сильно отсталъ отъ перваго, я, увеличивъ ходъ «Императора Николая I» и приказавъ слѣдовать своему отряду за собой, обогналъ 2-й отрядъ, и такимъ образомъ, заполнилъ образовавшійся интервалъ. Черезъ 1—$1^1/_2$ часа выбылъ изъ строя «Суворовъ»; рубка его горѣла, какъ крестьянская изба. Около 5 часовъ вечера перевернулся «Императоръ Александръ III». Теперь было уже ясно, что образовалось два концентрическихъ круга, причемъ по внутреннему кругу ходили мы, по наружному же ходилъ непріятель. Чтобы выйти изъ этой толчеи, я поднялъ сигналъ имѣть курсъ «NO 23°, который еще въ полдень былъ назначенъ адм. Рожественскимъ». Около $5^1/_2$ часовъ вечера мой лафгъ-офицеръ, лейтенантъ Сергѣевъ, доложилъ мнѣ, что на транспортѣ «Анадырь» поднятъ сигналъ «извѣстно ли адмиралу Небогатову», — но, что извѣстно, разобрать было нельзя. Въ это же, приблизительно, время былъ раненъ въ високъ командиръ судна, капитанъ Смирновъ, и я лично вступилъ въ командованіе броненосцемъ «Императоръ Николай I», потому что старшаго офицера я не хотѣлъ отрывать отъ той отвѣтственной работы, которою онъ былъ занятъ». Далѣе подсудимый говоритъ о томъ, какъ ему переданъ былъ приказъ адмирала Рожественскаго миноносцемъ; «идти во Владивостокъ» какъ на ихъ глазахъ перевернулось «Бородино», днище котораго представляло изъ себя точно какое-то морское чудовище; на днищѣ «Бородино» стояло 7—8 человѣкъ и отчаянно махало руками. Въ $7^1/_4$ часовъ солнце зашло и японцы удалились; произойди этотъ солнечный заходъ на $^1/_2$ часа позднѣе, мы всѣ, конечно, были бы безнаказанно разстрѣляны въ этотъ же день. «Послѣ захода солнца, мы вскорѣ увидѣли группу

въ 9 непріятельскихъ контръ-миноносцевъ, которые шли на насъ въ аттаку. Аттака этой группы миноносцевъ была легко отбита нами, потому что еще было свѣтло. Имѣя въ виду, что если держать прежній курсъ, то легко можно наткнуться на разбросанныя непріятелемъ мины, я отдалъ приказъ круто повернуть налѣво. Отъ 8—12 часовъ ночи намъ пришлось выдержать адскія аттаки непріятельскихъ миноносцевъ. Дерзость японцевъ въ этомъ отношеніи доходила до того, что, напримѣръ, одинъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ приблизился къ намъ на 1 кабельт. и выпустилъ мину; положивъ руль на бортъ, мы избѣжали удара; но и послѣ этого «дерзецъ» продолжалъ стрѣлять изъ своихъ орудій, причемъ ранилъ одного изъ нашихъ матросовъ Въ первомъ часу ночи минныя аттаки прекратились; съ разсвѣтомъ ясно было видно, что на горизонтѣ никого не было, нашъ же отрядъ состоялъ изъ четырехъ броненосцевъ и крейсера «Изумрудъ». Былъ шестой часъ утра, когда въ лѣвой сторонѣ отъ насъ показались дымки; сначала мы приняли эти дымки за свои суда, но затѣмъ посланный на развѣдки «Изумрудъ» сообщилъ, что это суда непріятельскія. За первыми дымками на горизонтѣ стали показываться другія, которыя въ строгомъ порядкѣ стали располагаться кольцомъ вокругъ нашихъ судовъ. Съ этого момента планъ японцевъ мнѣ сталъ совершенно ясенъ; но я рѣшилъ сражаться съ непріятелемъ и на этомъ разстояніи и приказалъ открыть огонь. Попытка моя, предпринятая ранѣе, сблизиться съ непріятелемъ, не имѣла успѣха; непріятель, обладая большимъ ходомъ, держался въ желательномъ для него разстояніи. Артиллерійскій офицеръ, на мой приказъ открыть огонь, доложилъ мнѣ, что этого сдѣлать нельзя, потому что на это разстояніе наши орудія не могли доставать. На вопросъ мой, сигналомъ, о боевой готовности другихъ судовъ отряда, два броненосца отвѣтили, что они готовы, а «Адмиралъ Апраксинъ» отвѣтилъ, что имѣетъ небольшое поврежденіе, но скоро его исправитъ. Не трудно умирать, движимому какой-либо страстью; я понимаю также и то, когда человѣкъ лѣзетъ съ голыми руками на штыкъ въ надеждѣ, что онъ хоть откуситъ носъ противнику, мнѣ понятно и то, когда человѣкъ идетъ на плаху изъ-за идеи, хотя бы и ошибочной; но не таково было положеніе мое. Я предупреждаю, что въ ту минуту я не находился въ состояніи афекта, а былъ въ сто разъ спокойнѣе, чѣмъ теперь. Что же получается? Артиллерія «Императора Николая I» не достаетъ непріятеля, «Орелъ» представляетъ изъ себя избитую груду желѣза съ измученной,

утомленной командой, хотя съ него и можно было добросить 10—12 снарядовъ. То же самое было и относительно и двухъ другихъ броненосцевъ. Что же могли сдѣлать мы въ подобномъ положенiи, когда даже попытки сблизиться и сразиться съ непрiятелемъ были безуспѣшны? Между тѣмъ японскiя суда были, какъ на смотру и мы на наши 10—12 доброшенныхъ до нихъ снарядовъ, получили бы въ отвѣтъ сотню «чемодановъ», начиненныхъ страшнымъ взрывчатымъ веществомъ. Я не изъ мягкосердыхъ и положилъ бы 50 тысячей жизни, если бы былъ увѣренъ, что отъ этого будетъ какая-нибудь польза для Россiи, но положить тысячи молодыхъ жизней ни за что, я не считалъ себя въ правѣ. Вотъ чѣмъ я руководился при сдачѣ непрiятелю броненосца «Императоръ Николай I»; я считалъ, что при такомъ положенiи судовъ ст. 354 военно-морского устава совершенно оправдываетъ принятое мной рѣшенiе. Дальнѣйшее уже не интересно; я лично приказалъ поднять сигналъ о сдачѣ и если бы встрѣтилъ въ комъ-либо сопротивленiе принятому мной рѣшенiю, то, конечно, подавилъ бы его силой».

Дальнѣйшiя показанiя старшаго офицера крейсера «Изумрудъ» капитана II-го ранга Патона и старшаго штурманскаго офицера того же крейсера лейтенанта Полушкина недостаточно хорошо выясняютъ какъ обстановку, предшествовавшую сдачѣ броненосцевъ, такъ и то обстоятельство, почему крейсеръ «Изумрудъ» еще до момента спуска флага на «Императорѣ Николаѣ I» испрашивалъ разрѣшенiя адмирала итти во Владивостокъ. Запись событiй въ вахтенномъ журналѣ «Изумруда» возбудила также сомнѣнiе не только о времени, когда эта запись фактически была сдѣлана: 15-го мая, или же нѣсколько дней спустя,—но и самой достовѣрности этой записи, такъ какъ, по показанiю лейтенанта Полушкина, запись въ вахтенный журналъ съ вечера 14-го мая велась только на основанiи личныхъ впечатлѣнiй участниковъ боя.

Послѣ допроса младшаго врача броненосца «Императоръ Николай I» Юшкевича защита убѣдительно проситъ вызвать въ качествѣ свидѣтеля отставного адмирала Рожественскаго, доказывая, что дальнѣйшее слѣдственное производство безъ этого будетъ затруднительно и неполно. Прокуроръ даетъ свое заключенiе въ смыслѣ отклоненiя этого ходатайства.

Предсѣдатель объявляетъ, что относительно ходатайства защиты, заявленнаго во вчерашнемъ засѣданiи, о вызовѣ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей: морского министра, вице-адмирала Бирилева и отставного вице-адмирала Рожественскаго, судъ постановилъ: въ

вызовѣ вице-адмирала Бирилева отказать; ходатайство же защиты о вызовѣ отставного вице-адмирала Рожественскаго удовлетворить,— хотя судъ и считаетъ его показанія несущественными для дѣла.

Даетъ показаніе завѣдывавшій подачей снарядовъ и зарядовъ на броненосцѣ «Императоръ Николай I» чиновникъ Тросницкій. Онъ при сдачѣ броненосца не участвовалъ, но удостовѣряетъ, что послѣ боя 14-го мая по подсчету, собранному имъ отъ хозяевъ погребовъ и крюйтъ-камеръ, оставалось снарядовъ: фугасныхъ: 12″ — 0, 9″ — 12и 6″ — 138; бронебойныхъ: 12″ — 42,9—77 и 6″ —260; сегментныхъ снарядовъ приблизительно: 12″ —8,9″ —48 и 6″ — 110. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ свидѣтеля и показаній флагманскаго артиллерійскаго офицера броненосца «Императора Николая I», капитана II-го ранга Курошъ, старшаго артиллерійскаго офицера того же броненосца, лейтенанта Пеликана, мичмана Дебовскаго и другихъ выяснилось, что артиллерійскія орудія на броненосцѣ «Императоръ Николай I» были стараго образца, прицѣлы получены изъ заграницы передъ уходомъ эскадры изъ Либавы, причемъ приборы эти были не вывѣрены и собирались лишь въ пути. Прицѣлы подполковника Крылова, по словамъ мичмана Четверухина, были совершенно негодны и комендоры сбили ихъ топорами.

Вся артиллерія броненосца «Императоръ Николай I» образца 1877 года, причемъ 12 дм. орудія длиною въ 30 калибровъ, а 9″ и 6″ орудія въ 35 калибровъ; 12″ и 9″ орудія были снабжены устарѣвшими клиновыми затворами, а 6″ поршневыми. Что при стрѣльбѣ наводчикъ не самъ поворачивалъ орудіе, а другіе люди, въ то время какъ въ современныхъ орудіяхъ тотъ, кто наводитъ, тотъ самъ и ворочаетъ пушку въ желаемомъ направленіи.

Еще 14-го мая, въ виду порчи гальваническихъ баттарей и проводки отъ попадавшей въ палубу соленой воды и др. причинъ, пришлось перейти на вытяжныя трубки; обтюрирующихъ трубокъ къ 15-му мая не было. На вопросъ о дальности стрѣльбы свидѣтель показалъ, что 12″ предѣльно на 49½ кабельтовыхъ, 9″ на 46½ и 6″ — до 48.

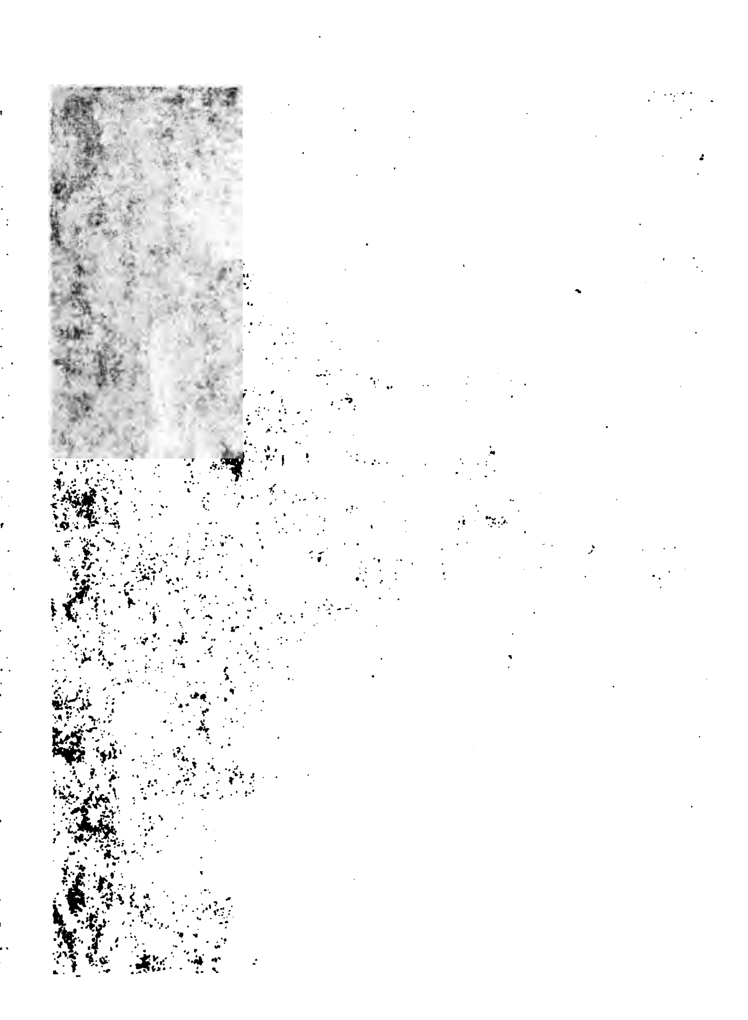
Свидѣтель чиновникъ Тросницкій кромѣ того показалъ, что доставленные въ ящикахъ по желѣзной дорогѣ въ портъ Императора Александра III снаряды выгружались на снѣгъ, гдѣ и находились нѣкоторое время. Кромѣ того онъ же показалъ, что въ походѣ температура боевыхъ помѣщеній была столь высока, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, что лишь на 1½° Ц. не достигала предѣльной температуры.

Кромѣ того капитанъ 2-го ранга Курошъ разъяснилъ, что хотя на броненосцѣ и оставалось 42 снаряда бронебойныхъ 12″, но они въ данномъ случаѣ были совершенно безполезны, потому что ими можно было стрѣлять съ разстоянія 15—20 кабельтовыхъ, а не 60, въ какомъ наши суда находились передъ сдачей. Изъ-за недостатка снарядовъ и времени практическую стрѣльбу суда эскадры проходили всего два раза, причемъ результатъ первой стрѣльбы былъ совершенно неудовлетворителенъ; изъ-за прицѣловъ. Спасательныхъ средствъ на броненосцѣ было также очень мало; шлюпки, бывшія на одномъ изъ бортовъ были разбиты, остальныя закрыты мелкимъ миннымъ тросомъ, точно также, какъ и койки. Изъ 40 бывшихъ на броненосцѣ спасательныхъ круговъ—около тридцати было негодныхъ, потому что пробка на нихъ высохла и потрескалась, круги были старые.

Машинный содержатель на броненосцѣ «Императоръ Николай I» чиновникъ Власовъ, того же броненосца: санитаръ Долгополовъ, матросы: Аксютинъ, Барановъ, Вишневскій, Ушаковъ,— ничего новаго не сообщили. Матросы Барановъ и Ушаковъ показываютъ, что когда ихъ собрали наверху, то адмиралъ Небогатовъ имъ сказалъ: «братцы, мы окружены непріятелемъ, сдѣлать ничего не можемъ, я сдаюсь, чтобы васъ молодыхъ не губить, всю отвѣтственность принимаю на себя».

Старшій инженеръ-механикъ броненосца «Императоръ Николай I» капитанъ Хватовъ (подсудимый) заявляетъ, что обвиненіе его въ томъ, что онъ будто бы воспрепятствовалъ взрыву цилиндровъ въ машинѣ ни на чемъ рѣшительно не основано, потому что наоборотъ онъ самъ лично подготовлялъ цилиндры къ взрыву, для чего и приказалъ вскрывать ихъ, чтобы заложивъ внутрь пироксилиновыя шашки, взорвать ихъ. Мысль, что цилиндры можно взорвать, подложивъ шашки подъ цилиндры, заставила его отдать приказаніе не вскрывать цилиндровъ: повидимому это-то приказаніе и было понято такъ, какъ это указано въ обвинительномъ актѣ.

Засѣданіе возобновляется допросомъ свидѣтеля матроса Турова. Свидѣтель минный квартирмейстеръ Старовойтовъ показалъ: «послѣ сдачи судна меня призвалъ мичманъ Четверухинъ и сказалъ мнѣ, не желаю-ли я взорвать броненосецъ; на что я ему и отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ взорву корабль, но только тогда погибнетъ команда. На это мичманъ Четверухинъ сказалъ, что нельзя-ли взорвать такъ, чтобы можно было успѣть спасти команду,

вали команду ничего не портить, утверждая, что броненосецъ уничтожать не будутъ; Северинъ приказалъ просемафорить «Орлу», что «Императоръ Николай I» сдается; Жаринцевъ приказалъ послѣ совѣщанія повернуть орудія въ сторону противную непріятелю; Хоментовскій доставалъ японскій флагъ, который и приказалъ пристопорить; Хватовъ воспрепятствовалъ взрыву цилиндровъ въ машинѣ; Бекманъ и Дмитрашъ запрещали портить машину; баронъ Таубе приказалъ повернуть башню прямо, а Мазиревъ и Тивяшевъ приказали разрядить орудія.

Преступленія эти предусмотрѣны: въ отношеніи бывшаго Контръ-Адмирала Небогатова, бывшихъ Капитановъ 1-го ранга Смирнова, Лишина и Григорьева и Капитана 2-го ранга Шведе статьею 279 Воен.-Морск. Устава о Наказ., а въ отношеніи остальныхъ подсудимыхъ ст. 12 и 14 Уложенія о Наказ. угол. и исправ. и 279 Военно-Морского Устава о Наказаніяхъ.

Посему и согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 7-й день Августа 1906 года о преданіи суду всѣхъ вышепоименованныхъ обвиняемыхъ, таковые, на основаніи ст. 34, 247, 249, 609 и 628 Военно-Морского Судебнаго Устава, предаются суду Особаго Просутствія Кронштадтскаго Военно-Морского Суда.

Далѣе предсѣдатель суда задаетъ каждому изъ обвиняемыхъ вопросъ, признаетъ ли онъ себя вновнымъ; всѣ подсудимые, за исключеніемъ капитана II ранга Шведе, заявили, что они виновными себя не признаютъ. Капитанъ Шведе заявилъ, что онъ еще до сихъ поръ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ—виновенъ онъ, или нѣтъ.

Лейтенанты же Шишко и Кульневъ признали себя виновными въ томъ, что они не воспротивились сдачѣ открыто.

Продолжается провѣрка свидѣтелей броненосца «Николай I». Нужно замѣтить, что присутствіе суда въ распорядительномъ совѣщаніи постановило въ вызовѣ лицъ, указанныхъ въ прошеніи обвиняемаго бывшаго контръ-адмирала Небогатова, вице-адмирала Бирилева и др. отказать, такъ какъ большинство изъ нихъ могутъ дать указанія только о снаряженіи судовъ при отправленіи изъ порта Императора Александра III, что, по мнѣнію суда, не можетъ служить къ разъясненію дѣла, подлежащаго его разсмотрѣнію; необходимыя же свѣдѣнія о состояніи судовъ и артиллеріи на нихъ въ день сдачи могутъ выяснить лица, бывшія въ этотъ день на судахъ, а кромѣ того свѣдѣнія эти и имѣются въ дѣлѣ. Показанія свидѣтелей объ обстоятельствахъ, при которыхъ было передано командованіе всею эскадрою адмиралу

Небогатову не служитъ также къ разъясненію дѣла о сдачѣ, а потому въ вызовѣ въ судебное засѣданіе отставного вице-адмирала Рожественскаго, Клапье-де-Колонъ и Филиповскаго отказать. Подтвержденіе же свидѣтельскими показаніями, что суда отряда 14-го мая принимали участіе въ сраженіи, не требуется, потому что это указаніе имѣется на первой страницѣ обвинительнаго акта. Вызовъ свидѣтелей для удостовѣренія хорошей службы подсудимаго является совершенно излишнимъ, потому что самое назначеніе его начальникомъ отряда указываетъ, что высшее морское начальство считало его однимъ изъ лучшихъ контръ-адмираловъ, но если подсудимый признаетъ это недостаточнымъ для себя, то судъ предоставляетъ ему право представить въ судѣ письменные отзывы его бывшихъ начальниковъ, для приложенія къ дѣлу. Вызовъ въ судъ контръ-адмирала Энквиста также излишенъ, потому что вполнѣ установлено, что 15-го мая крейсеровъ въ отрядѣ не было и показаніе свидѣтеля о томъ, что заставило его отдѣлиться отъ эскадры, не можетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе отвѣтственности подсудимаго. Предсѣдатель приказываетъ пригласить свидѣтелей съ броненосцевъ «Орла» и «Императоръ Николай I»; послѣ опроса каждаго изъ нихъ, всѣ свидѣтели приводятся къ присягѣ.

Передъ допросомъ свидѣтелей, проситъ слова бывшій адмиралъ Небогатовъ и мотивируетъ свою просьбу тѣмъ, что послѣ представленія имъ суду фактическихъ данныхъ, судъ въ состояніи будетъ оріентироваться въ показаніяхъ свидѣтелей. «Я долженъ былъ представить эти объясненія еще вчера, послѣ тѣхъ разнорѣчивыхъ показаній свидѣтелей, которыя прочитывались здѣсь въ предъидущемъ засѣданіи. Я знаю что Россія ждетъ моихъ объясненій, и я долженъ ихъ дать. Гг. судьи! Въ одномъ изъ вашихъ распорядительныхъ засѣданій вы отказали мнѣ въ вызовѣ свидѣтелей, которые показали бы степень годности судовъ, въ командованіе которыми я вступилъ. Я не буду пускаться въ подробности по этому вопросу, но долженъ сказать, что суда эти были совершенно непригодны для серьезныхъ операцій, для сраженія; они могли лишь въ опытныхъ рукахъ, при доблестномъ поведеніи экипажей, служить для вспомогательныхъ цѣлей». Далѣе бывшій адмиралъ Небогатовъ кратко очертилъ раздѣленіе силъ адмирала Рожественскаго на три броненосныхъ отряда съ оцѣнкою ихъ боевой силы и назначенія. Картина Цусимскаго боя, а затѣмъ и событія слѣдующаго дня, закончившагося сдачей японцамъ, четырехъ броненосцевъ, по словамъ подсудимаго, была такова; 14-го мая, около 1 часа дня,

наша эскадра вошла въ Корейскій проливъ (подробно указываетъ строй нашей эскадры); когда была замѣчена непріятельская эскадра, шедшая на перерѣзъ нашему курсу, адмираломъ Рожественскимъ былъ отданъ приказъ о перестроеніи и прибавленіи хода съ 9 на 11 узловъ. «При перестроеніи судовъ въ новый порядокъ произошло замѣшательство; изъ нашей эскадры образовалась «куча», непріятель же, измѣнивъ свой строй, шелъ параллельно намъ. Въ 1 ч. 35 м. «Суворовъ», а за нимъ и другія суда открыли огонь; «Императоръ Николай I» открылъ огонь только минутъ черезъ 10—15 послѣ «Суворова», такъ какъ его пушки не доставали до непріятеля. Съ обѣихъ сторонъ открылся убійственный огонь; три 12 дюймовые непріятельскихъ снаряда одинъ за другимъ попали въ одно и то же мѣсто «Ослябя» и такъ разворотили на броненосцѣ, что можно было на тройкѣ въѣхать. Видя, что нашъ второй отрядъ сильно отсталъ отъ перваго, я, увеличивъ ходъ «Императора Николая I» и приказавъ слѣдовать своему отряду за собой, обогналъ 2-й отрядъ, и такимъ образомъ, заполнилъ образовавшійся интервалъ. Черезъ 1—1$^1/_2$ часа выбылъ изъ строя «Суворовъ»; рубка его горѣла, какъ крестьянская изба. Около 5 часовъ вечера перевернулся «Императоръ Александръ III». Теперь было уже ясно, что образовалось два концентрическихъ круга, причемъ по внутреннему кругу ходили мы, по наружному же ходилъ непріятель. Чтобы выйти изъ этой толчеи, я поднялъ сигналъ имѣть курсъ «NO 23^0, который еще въ полдень былъ назначенъ адм. Рожественскимъ». Около 5$^1/_2$ часовъ вечера мой лафгъ-офицеръ, лейтенантъ Сергѣевъ, доложилъ мнѣ, что на транспортѣ «Анадырь» поднятъ сигналъ «извѣстно ли адмиралу Небогатову», — но, что извѣстно, разобрать было нельзя. Въ это же, приблизительно, время былъ раненъ въ високъ командиръ судна, капитанъ Смирновъ, и я лично вступилъ въ командованіе броненосцемъ «Императоръ Николай I», потому что старшаго офицера я не хотѣлъ отрывать отъ той отвѣтственной работы, которою онъ былъ занятъ». Далѣе подсудимый говоритъ о томъ, какъ ему переданъ былъ приказъ адмирала Рожественскаго миноносцемъ; «идти во Владивостокъ» какъ на ихъ глазахъ перевернулось «Бородино», днище котораго представляло изъ себя точно какое-то морское чудовище; на днищѣ «Бородино» стояло 7—8 человѣкъ и отчаянно махало руками. Въ 7$^1/_4$ часовъ солнце зашло и японцы удалились; произойди этотъ солнечный заходъ на $^1/_2$ часа позднѣе, мы всѣ, конечно, были бы безнаказанно разстрѣляны въ этотъ же день. «Послѣ захода солнца, мы вскорѣ увидѣли группу

вызовѣ вице-адмирала Бирилева отказать; ходатайство же защиты о вызовѣ отставного вице-адмирала Рожественскаго удовлетворить,— хотя судъ и считаетъ его показанія несущественными для дѣла.

Даетъ показаніе завѣдывавшій подачей снарядовъ и зарядовъ на броненосцѣ «Императоръ Николай I» чиновникъ Тросницкій. Онъ при сдачѣ броненосца не участвовалъ, но удостовѣряетъ, что послѣ боя 14-го мая по подсчету, собранному имъ отъ хозяевъ погребовъ и крюйтъ-камеръ, оставалось снарядовъ: фугасныхъ: 12" — 0, 9" — 12и 6" — 138; бронебойныхъ: 12" — 42,9—77 и 6" —260; сегментныхъ снарядовъ приблизительно: 12" —8,9" —48 и 6" —110. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ свидѣтеля и показаній флагманскаго артиллерійскаго офицера броненосца «Императора Николая I», капитана II-го ранга Курошъ, старшаго артиллерійскаго офицера того же броненосца, лейтенанта Пеликана, мичмана Дебовскаго и другихъ выяснилось, что артиллерійскія орудія на броненосцѣ «Императоръ Николай I» были стараго образца, прицѣлы получены изъ заграницы передъ уходомъ эскадры изъ Либавы, причемъ приборы эти были не вывѣрены и собирались лишь въ пути. Прицѣлы подполковника Крылова, по словамъ мичмана Четверухина, были совершенно негодны и комендоры сбили ихъ топорами.

Вся артиллерія броненосца «Императоръ Николай I» образца 1877 года, причемъ 12 дм. орудія длиною въ 30 калибровъ, а 9" и 6" орудія въ 35 калибровъ; 12" и 9" орудія были снабжены устарѣвшими клиновыми затворами, а 6" поршневыми. Что при стрѣльбѣ наводчикъ не самъ поворачивалъ орудіе, а другіе люди, въ то время какъ въ современныхъ орудіяхъ тотъ, кто наводитъ, тотъ самъ и ворочаетъ пушку въ желаемомъ направленіи.

Еще 14-го мая, въ виду порчи гальваническихъ баттарей и проводки отъ попадавшей въ палубу соленой воды и др. причинъ, пришлось перейти на вытяжныя трубки; обтюрирующихъ трубокъ къ 15-му мая не было. На вопросъ о дальности стрѣльбы свидѣтель показалъ, что 12" предѣльно на 49½ кабельтовыхъ, 9" на 46½ и 6" —до 48.

Свидѣтель чиновникъ Тросницкій кромѣ того показалъ, что доставленные въ ящикахъ по желѣзной дорогѣ въ портъ Императора Александра III снаряды выгружались на снѣгъ, гдѣ и находились нѣкоторое время. Кромѣ того онъ же показалъ, что въ походѣ температура боевыхъ помѣщеній была столь высока, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, что лишь на $1^1/_2{}^0$ Ц. не достигала предѣльной температуры.

Кромѣ того капитанъ 2-го ранга Курошъ разъяснилъ, что хотя на броненосцѣ и оставалось 42 снаряда бронебойныхъ 12″, но они въ данномъ случаѣ были совершенно безполезны, потому что ими можно было стрѣлять съ разстоянія 15—20 кабельтовыхъ, а не 60, въ какомъ наши суда находились передъ сдачей. Изъ-за недостатка снарядовъ и времени практическую стрѣльбу суда эскадры проходили всего два раза, причемъ результатъ первой стрѣльбы былъ совершенно неудовлетворителенъ; изъ-за прицѣловъ. Спасательныхъ средствъ на броненосцѣ было также очень мало; шлюпки, бывшія на одномъ изъ бортовъ были разбиты, остальныя закрыты мелкимъ миннымъ тросомъ, точно также, какъ и койки. Изъ 40 бывшихъ на броненосцѣ спасательныхъ круговъ—около тридцати было негодныхъ, потому что пробка на нихъ высохла и потрескалась, круги были старые.

Машинный содержатель на броненосцѣ «Императоръ Николай I» чиновникъ Власовъ, того же броненосца: санитаръ Долгополовъ, матросы: Аксютинъ, Барановъ, Вишневскій, Ушаковъ,— ничего новаго не сообщили. Матросы Барановъ и Ушаковъ показываютъ, что когда ихъ собрали наверху, то адмиралъ Небогатовъ имъ сказалъ: «братцы, мы окружены непріятелемъ, сдѣлать ничего не можемъ, я сдаюсь, чтобы васъ молодыхъ не губить, всю отвѣтственность принимаю на себя».

Старшій инженеръ-механикъ броненосца «Императоръ Николай I» капитанъ Хватовъ (подсудимый) заявляетъ, что обвиненіе его въ томъ, что онъ будто бы воспрепятствовалъ взрыву цилиндровъ въ машинѣ ни на чемъ рѣшительно не основано, потому что наоборотъ онъ самъ лично подготовлялъ цилиндры къ взрыву, для чего и приказалъ вскрывать ихъ, чтобы заложивъ внутрь пироксилиновыя шашки, взорвать ихъ. Мысль, что цилиндры можно взорвать, подложивъ шашки подъ цилиндры, заставила его отдать приказаніе не вскрывать цилиндровъ: повидимому это-то приказаніе и было понято такъ, какъ это указано въ обвинительномъ актѣ.

Засѣданіе возобновляется допросомъ свидѣтеля матроса Турова. Свидѣтель минный квартирмейстеръ Старовойтовъ показалъ: «послѣ сдачи судна меня призвалъ мичманъ Четверухинъ и сказалъ мнѣ, не желаю-ли я взорвать броненосецъ; на что я ему и отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ взорву корабль, но только тогда погибнетъ команда. На это мичманъ Четверухинъ сказалъ, что нельзя-ли взорвать такъ, чтобы можно было успѣть спасти команду,

а затѣмъ затопить и судно. На это я предложилъ открыть лучше кингстоны,—но такъ мы ни къ чему и не пришли».

Свидѣтель въ заключеніе своего показанія взволнованнымъ голосомъ добавляетъ: «осмѣлюсь спросить за что насъ лишили воинскаго званія»?

Тотъ же самый вопросъ задаютъ и слѣдующіе свидѣтеля: Кузьминъ и Клементьевъ. Стоявшій на часахъ подъ флагомъ матросъ Нездобенко показалъ, что приказаніе спустить Андреевскій флагъ и поднять японскій было отдано лично адмираломъ Небогатовымъ.

Прочитывается показаніе неявившагося въ судъ свидѣтеля Терпигорева, въ которомъ между прочимъ говорится, что офицеры расхитили судовую кассу, причемъ онъ Терпигоревъ, видѣлъ какъ прапорщикъ Морозъ съ мѣшкомъ денегъ въ рукахъ подошелъ къ мичману Суйковскому и насыпалъ ему полные карманы золота. «Когда Морозовъ ушелъ»—говорится далѣе въ показаніи свидѣтеля—«то я сказалъ: вотъ золото сами въ карманъ положили, а чтобы дать матросамъ хоть по фунтику. Суйковскій поглядѣлъ на меня косо, но ничего не сказалъ».

Это заявленіе свидѣтеля вызвало негодованіе всѣхъ подсудимыхъ и защиты, послышались заявленія о желательности выясненія этого факта, тѣмъ болѣе, что въ «Новомъ Времени» въ замѣткѣ о первомъ засѣданіи суда на эти показанія было обращено особенное значеніе, совершенно несоотвѣтствующее истинѣ. Прокуроръ, генералъ-маіоръ Вогакъ, въ виду этихъ появившихся въ печати ложныхъ слуховъ, счелъ необходимымъ, какъ представитель закона, заявить, что изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія не усматривается рѣшительно никакихъ основаній къ подобнаго рода предположеніямъ, такъ какъ деньги судовой кассы были взяты офицерами для того, чтобы ихъ потомъ возвратить въ казну и что полный отчетъ въ суммахъ уже отданъ. Мичманъ Четверухинъ, какъ ревизоръ судна, далъ подробное показаніе относительно денегъ судовой кассы, причемъ оказывается, что росписки отъ офицеровъ получены и полный отчетъ въ нихъ данъ морскому штабу. Бывшій капитанъ 1-го ранга Смирновъ къ этому добавилъ, что въ виду циркулировавшихъ въ обществѣ ложныхъ слуховъ относительно расхищенія казенныхъ денегъ офицерами эскадры имъ былъ поданъ морскому министру вице-адмиралу Бирилеву прошеніе съ просьбою опровергнуть эти ни на чемъ не основанныя и марающіе честь офицеровъ слухи, но прошеніе это по непонятной

причинѣ оставлено вице-адмираломъ Бирелевымъ даже безъ отвѣта. Лейтенанты Степановъ, Трухачевъ и другіе показываютъ о состояніи, въ какомъ находились непріятельскія суда: «Миказа», «Фуджи» и «Идзуми», на которыхъ ихъ пересадили, послѣ сдачи. Поврежденія на непріятельскихъ судахъ были самыя незначительныя, отверстія отъ нашихъ снарядовъ были небольшія, круглыя, они были задѣланы койками и даже выкрашены въ этихъ мѣстахъ подъ цвѣтъ броненосца, порядокъ и чистота на судахъ удивительные; нельзя было сказать, что суда выдержали наканунѣ 8-ми часовой бой, получалось впечатлѣніе точно они вышли на смотръ,—на судахъ даже мѣдь была вычищена.

Предсѣдатель проситъ подсудимыхъ приходить во время, потому что вслѣдствіе ихъ запаздыванія приходится открывать засѣданіе позднѣе назначеннаго времени.

Прочитывается показаніе матроса броненосца «Императоръ Николай I» Мизевича; послѣ сдачи судовъ онъ вмѣстѣ съ другими нижними чинами былъ взятъ на «Шикишиму». «Вся наша команда», говоритъ свидѣтель «попавшая туда съ любопытствомъ стала осматривать судно. Первое время намъ это позволили, но потомъ всѣхъ позапирали, должно быть замѣтили. Насъ всѣхъ поразило то, что судно не имѣло никакихъ поврежденій и было такъ чисто, какъ бываютъ суда только въ мирное время. Палуба необыкновенна чиста; никакихъ слѣдовъ осколковъ, краска нигдѣ не стерта, орудія вороненыя, но совершенно незаржавленныя, тогда какъ наши всѣ были заржавлены красны... Мачты и трубы, мостикъ, телеграфъ—словомъ, все было исправно. То же самое было, судя по словамъ бывшихъ, и на другихъ японскихъ судахъ.

Свидѣтели: матросы того же броненосца «Императоръ Николай I»—Медвѣдевъ, Шевченко, Синайловъ, Казека, Пестовъ и другіе показываютъ, что вслѣдъ за совѣщаніемъ офицеровъ адмиралъ приказалъ позвать къ мостику нижнихъ чиновъ, которые были наверху, и когда тѣ собрались, то адмиралъ будто бы обратился къ командѣ съ вопросомъ: «что, братцы, дѣлать? сражаться, или судно топить, или сдаваться» команда, по словамъ Шевченко, крикнула «лучше сдаться».

Спрошенный по этому поводу бывшій адмиралъ Небогатовъ категорически отрицалъ правильность подобныхъ показаній, такъ какъ съ командой онъ по поводу сдачи не совѣтывался. Вообще нужно замѣтить, что свидѣтельскія показанія часто очень сбивчивы, противорѣчатъ другъ другу, основаны не на лично видѣнномъ, или

для обученія команды, производя ежедневныя ученія. Какъ образчикъ того, на какіе мелкіе куски рвались японскіе снаряды, свидѣтель показываетъ суду осколокъ непріятельскаго снаряда.

Изъ показаній свидѣтеля, командира миноносца «Буйный», капитана 2-го ранга Коломійцева выясняется, что когда они находились въ плѣну, то читали въ издающейся въ Нагасаки газетѣ «Нагасаки Прессъ» (англійская), что котлы на броненосцѣ «Императоръ Николай I» были совершенно испорчены, потому что инженеръ-механики броненосца впустили въ котлы передъ сдачей соленую воду. То же самое подтверждаетъ и мичманъ Демчинскій. Изъ показаній свидѣтелей и подсудимыхъ выясняется, что разстояніе до непріятеля въ моментъ сдачи судовъ было—56 кабельтовыхъ. Подсудимый лейтенантъ Бѣлавенецъ далъ разъясненіе относительно дальномѣровъ, бывшихъ на броненосцѣ «Адмиралъ Сенявинъ», дальномѣры были получены передъ уходомъ эскадры, непровѣренными, запечатанными въ ящикахъ. Лейтенантъ Бѣлавенецъ подчеркиваетъ ту мысль, что дальномѣры эти могли быть отпущены съ англійскихъ заводовъ съ намѣренно невѣрной шкалой, тѣмъ болѣе, что подобные случаи уже ранѣе и бывали.

Прочитывается еще нѣсколько показаній неявившихся свидѣтелей, которые ничего новаго не прибавляютъ къ уже ранѣе извѣстному.

Допрашиваются, а также и прочитываются показанія неявившихся свидѣтелей, вызванныхъ защитой. Большинство изъ нихъ ничего не знаетъ,—все «запамятовали»,—при сдачѣ не были. Показанія рулевого Рыбакова, матроса Плясова, строевого квартирмейстера Соснова и другихъ сходятся въ томъ, что бывшій адмиралъ Небогатовъ обращался приблизительно съ слѣдующей рѣчью къ командѣ: «я уже старъ, мнѣ 60 лѣтъ, я не себя жалѣю, а васъ; вы всѣ еще очень молоды, и можете пригодиться для Россіи, а то мы всѣ зря погибнемъ въ нѣсколько минутъ, а вѣдь послѣ васъ останется нѣсколько тысячъ сиротъ». Показанія свидѣтелей настолько субъективны, что, напримѣръ, строевой квартирмейстеръ Кожуровъ показываетъ, что онъ самъ лично слышалъ, какъ адмиралъ голосомъ приказывалъ командиру «Изумруда», чтобы крейсеръ спасался,—это тогда, когда выяснилось безвыходное положеніе судовъ нашего отряда, – факта же этого на самомъ дѣлѣ не было. Свидѣтели: строевой квартирмейстеръ Журавлевъ, сигнальщикъ Суховъ, матросы: Каненковъ, Кругловъ, комендоръ Жаковичъ показываютъ: сколько оставалось у насъ къ моменту сдачи снаря-

довъ, подтверждая тѣ цифры, которыя были даны свидѣтелемъ чиновникомъ Власовымъ; говорятъ также объ испорченныхъ непріятельскими снарядами нѣкоторыхъ нашихъ орудіяхъ; показываютъ, что стрѣльба по броненосцу «Императоръ Николай I» была открыта японцами съ 60—65 кабельтовыхъ; причемъ продолжалась отъ 7—10 минутъ. Относительно спасательныхъ средствъ на броненосцѣ «Императоръ Николай I» свидѣтель рулевой кондукторъ Яновскій показываетъ, что спасательныхъ средствъ къ моменту сдачи судна почти не оставалось никакихъ. «Единственнымъ средствомъ спасти команду было—сѣсть на скамью подсудимыхъ, какъ это и сдѣлалъ адмиралъ Небогатовъ». Подсудимый мичманъ Дыбовскій подробно излагаетъ тѣ поврежденія, какія броненосецъ получилъ отъ начала боя и до момента сдачи, такъ какъ онъ, Дыбовскій, подробно осматривалъ броненосецъ; кромѣ мелкихъ поврежденій, было подбито нѣсколько орудій, разбитъ передній мостикъ, въ носовомъ отдѣленіи были три пробоины, повреждена дымовая труба, электрическіе провода были порваны, около 6" орудій въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробитъ бортъ, два паровыхъ и два минныхъ катера перебиты осколками снарядовъ, оставались лишь цѣлыми: двѣ шестерки, одинъ полубаркасъ и одна двойка, но для спуска и этихъ оставшихся на броненосцѣ спасательныхъ средствъ нужно было бы затратить очень много времени. Относительно вообще того, какъ укомплектованы были команды броненосцевъ третьей эскадры старшій офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» капитанъ 2-го ранга Альтшвагеръ показалъ, что на судахъ были и новобранцы, которые передъ отправленіемъ эскадры изъ порта Императора Александра III приведены были только что къ присягѣ и имъ выдано было обмундированіе; во время стоянки въ порту Императора Александра III команда непрерывно грузила уголъ,—было не до обученья и воспитанія ея. Въ заключеніе капитанъ Альтшвагеръ, однако, добавляетъ, что пополненіе экипажей судовъ новобранцами имъ было болѣе желательно, чѣмъ пополненіе запасными.

Послѣ показаній свидѣтелей: комендоровъ Копкина, Карпова, матросовъ: Воронцева, Глазырина, Хрисанфова, Исакова, боцманскаго лоцмана Скубарева, подтвердившихъ, что лейтенантомъ Пеликаномъ и мичманомъ Четверухинымъ имъ было приказано выбрасывать за бортъ ружья и другія мелкія принадлежности орудій, и что эту работу они производили даже послѣ того, какъ къ броненосцу подошелъ японскій миноносецъ и съ него было передано, что тотъ, кто будетъ уничтожать имущество, будетъ разстрѣлянъ.

Далѣе допрашивается рядъ свидѣтелей (9 человѣкъ), вызванныхъ подсудимымъ лейтенантомъ Хоментовскимъ, которые почти всѣ показываютъ, что они ничего не видѣли, не слышали и ничего не знаютъ.

Предсѣдатель обращается съ вопросомъ къ подсудимому, бывшему адмиралу Небогатову: «предполагалъ ли онъ, что непріятельская эскадра, удалившаяся, по его словамъ, въ полномъ порядкѣ 14-го мая вечеромъ съ заходомъ солнца, нагонитъ его на слѣдующій день утромъ»?

Небогатовъ отвѣчаетъ, что онъ всю ночь думалъ объ этомъ; но, получивъ категорическое приказаніе адмирала Рожественскаго идти во Владивостокъ, онъ, Небогатовъ, ни минуты и не колебался въ томъ, исполнить это приказаніе или нѣтъ,—тѣмъ болѣе, что объ участи и о томъ, гдѣ находится адмиралъ Рожественскій, онъ ничего не зналъ. «Другое дѣло,—говоритъ подсудимый,—если бы я былъ самостоятельнымъ начальникомъ». Туманы на морѣ въ это время года составляютъ обычное явленіе, и если бы 15-го мая былъ туманъ и, такимъ образомъ, была бы возможность прорваться во Владивостокъ, а я не исполнилъ бы приказанія адмирала Рожественскаго, то что было бы въ этомъ случаѣ? Ни я, ни мой штабъ, а ихъ было около меня около двадцати человѣкъ, нигдѣ ни на одномъ изъ находившихся около насъ судовъ не видѣли сигнала о передачѣ мнѣ адмираломъ Рожественскимъ командованія эскадрой, да это вполнѣ и понятно, потому что на многихъ судахъ висѣли стеньговые флаги, на нѣкоторыхъ стеньги были перебиты и, конечно, въ той «кашѣ», какая была около насъ, трудно было что либо разобрать. Относительно предложенія лейтенанта Глазова, будто бы переданнаго имъ мнѣ въ ночь съ 14-го на 15-е мая, приблизиться къ берегамъ Японіи, могу сказать лишь одно, что я ясно объ этомъ не помню; но если бы даже такое предложеніе и было, то оно для меня не имѣло бы никакого значенія, потому что я имѣлъ категорическое приказаніе адмирала Рожественскаго идти во Владивостокъ и, пройдя 14,000 миль, конечно, не рѣшился бы разбиться о берега Японіи, хотя это можетъ быть и имѣло бы бутафорское значеніе. Относительно моего отвѣта капитану Кроссу «ну это мы еще посмотримъ» я долженъ сказать, что этого обстоятельства, за давностью времени, не упомню.

Капитанъ Кроссъ поясняетъ, что эти слова сказаны были адмираломъ на его докладъ адмиралу, переданный имъ шопотомъ на ухо, о томъ, что капитанъ 1-го ранга Смирновъ признаетъ положеніе безвыходнымъ.

Броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Сенявинъ“. (4792 тоннъ).

Прокуроръ генералъ-маіоръ Вогакъ спрашиваетъ Небогатова: помнитъ ли онъ, что лейтенантъ Степановъ предлагалъ повернуть отъ непріятеля на 8 румбовъ вправо, раздраить пробоины, потопить такимъ образомъ броненосецъ и, выигравъ время, спасти команду. Бывшій адмиралъ Небогатовъ на это отвѣчаетъ, что это былъ бы совершенно безполезный маневръ, непріятель также повернулъ бы вправо и, имѣя преимущество въ ходѣ, не далъ бы намъ никакого выигрыша времени. Лейтенантъ Степановъ разъясняетъ, что онъ теперь отлично понимаетъ всю безполезность и безцѣльность того маневра, который онъ тогда предлагалъ, такъ какъ повернувъ направо, наши суда наткнулись бы на главныя силы непріятеля и были бы ими разстрѣляны. На вопрсъ прокурора, обращенный къ подсудимому Небогатову, относительно подробностей переговоровъ его о сдачѣ судовъ, съ адмираломъ Того на «Миказа», подсудимый заявилъ, что, когда онъ пріѣхалъ со своимъ штабомъ на «Миказа», то былъ встрѣченъ начальникомъ штаба адмирала Того и проведенъ въ каюту адмирала Того. «На вопросъ Того, на какихъ условіяхъ я сдаю суда отряда, я ему отвѣчалъ, что ставить условій не могу, но прошу прежде всего разрѣшенія донести о случившемся несчастіи Государю Императору, далѣе о сохраненіи оружія и имущества офицеровъ и разрѣшеніи имъ возвратиться въ Россію».

На вопросъ прокурора подсудимому: сдавалъ ли онъ только броненосецъ «Императоръ Николай I» или весь отрядъ? бывшій адмиралъ Небогатовъ категорически заявилъ, что сдавалъ суда отряда. На замѣчаніе же прокурора, что подсудимый на предварительномъ слѣдствіи далъ показаніе, которое расходится съ тѣмъ, которое онъ даетъ теперь, что сигналъ о сдачѣ онъ не считалъ обязательнымъ для другихъ судовъ,—бывшій адмиралъ Небогатовъ далъ уклончивый отвѣтъ, предоставляя рѣшить это самому суду.

Прокуроръ предлагаетъ рядъ вопросовъ бывшему командиру броненосца капитану Смирнову, мичману Четверухину и другимъ подсудимымъ для выясненія нѣкоторыхъ неточностей. Бывшій командиръ судна капитанъ Смирновъ къ объясненіямъ бывшаго адмирала Небогатова добавляетъ слѣдующее: «мнѣ адмиралъ лично говорилъ, послѣ того какъ непріятельская эскадра скрылась съ заходомъ солнца 14-го, что непріятель ни въ какомъ случаѣ не можетъ насъ преслѣдовать, потому что ему необходимо пополнить снаряды, на что можетъ, по его мнѣнію, потребоваться не менѣе 7—8 часовъ времени».

Отъ $1^1/_2$ часовъ до 3 часовъ дня объявленъ перерывъ.

После перерыва присяжный повѣренный Адамовъ вноситъ предложеніе, ходатайствуя о вызовѣ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей: морского министра адмирала Бирилева и адмирала Ирецкаго, какъ лицъ, которыя могутъ дать разъясненія относительно снаряженія и состоянія судовъ третьей эскадры передъ ея отправленіемъ изъ порта Императора Александра III. Съ такимъ же ходатайствомъ обращается къ суду и подсудимый прапорщикъ Шаміе.

Опросъ свидѣтелей по дѣлу о сдачѣ броненосца «Императоръ Николай I» окончился передъ допросомъ врача Юшкевича, который сообщилъ о весьма неудовлетворительныхъ санитарныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась во все время перехода команда броненосца, утомленная непрерывной работой.

Приводятся къ присягѣ свидѣтели по дѣлу о сдачѣ броненосца «Орелъ».

Опросъ свидѣтелей начался съ лейтенанта Никонова, которому капитанъ II-го ранга Шведе, уѣзжая на «Императоръ Николай I-й», передалъ командованіе броненосцемъ «Орелъ» и связку ключей отъ погребовъ. Подробностей сдачи лейтенантъ Никоновъ не помнитъ, потому что получилъ 4 раны въ голову съ выбитіемъ глаза,—помнитъ только, что извѣстіе о сдачѣ и на него и на другихъ произвело ошеломляющее впечатлѣніе, такъ какъ хотя положеніе броненосца и было отчаянное и не было никакихъ шансовъ на возможность боя, но тѣмъ не менѣе никто о сдачѣ не думалъ. Тяжелое впечатлѣніе производятъ показанія свидѣтелей офицеровъ съ броненосца «Орелъ»; большинство изъ нихъ было тяжело ранено въ бою 14-го мая. Относительно мѣткости стрѣльбы японцевъ и дѣйствія ихъ снарядовъ говорятъ свидѣтели лейтенанты: Славинскій и Ларіоновъ. По словамъ перваго, попадавшій въ броненосецъ непріятельскій снарядъ броню не пробивалъ, а дѣйствіемъ взрыва отрывалъ ее, такъ что второй снарядъ уже попадалъ въ незащищенное мѣсто. Лейтенантъ Ларіоновъ говоритъ, что уже первый пристрѣлочный выстрѣлъ съ японскихъ судовъ попалъ въ носовой казематъ, гдѣ и былъ убитъ мичманъ Шупинскій и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Тяжелую картину смерти командира «Орла» капитана I-го ранга Юнга рисуетъ въ своемъ показаніи лейтенантъ Ларіоновъ. «16-го мая капитана Юнга перенесли въ сосѣднее съ лазаретомъ помѣщеніе и около него былъ посаженъ его вѣстовой Яковлевъ. Около 5 час. вечера капитанъ Юнгъ вдругъ пришелъ въ себя и спросилъ: «гдѣ мы?». Вѣстовой отвѣтилъ: «мы сдались и насъ везутъ въ Японію».

Капитанъ Юнгъ, возбужденный, вскочилъ съ койки и потребовалъ къ себѣ старшаго доктора, который придя успокоилъ командира, сказавъ, что вѣстовой напугалъ, и мы идемъ во Владивостокъ. Капитанъ Юнгъ не повѣрилъ и потребовалъ меня. Меня подъ руки привели. Предупрежденный докторомъ, я сказалъ: «успокойтесь, Николай Викторовичъ, мы идемъ во Владивостокъ, до котораго осталось всего 150 миль». Мнѣ онъ какъ будто повѣрилъ и затихъ. Потомъ попросилъ закурить и на моихъ глазахъ умеръ. Послѣ допроса свидѣтелей лейтенантовъ Саткевича и Шампева отъ 5 часовъ до 5 час. 50 мин. объявленъ перерывъ. Послѣ перерыва продолжается допросъ лейтенанта Шамшева, а въ 5 часовъ 30 м. судъ удаляется для совѣщанія относительно ходатайствъ защиты и подсудимаго Шаміе о вызовѣ въ судъ морского министра адмирала Бирилева и адмирала Ирецкаго. Послѣ совѣщанія, длившагося 5 мин., судъ постановилъ: въ вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей вышеупомянутыхъ лицъ отказать.

Далѣе даютъ показанія лейтенантъ князь Тумановъ, мичманъ Щербачевъ, докторъ Макаровъ, прочитывается показаніе доктора Авророва. Изъ показаній устанавливается тотъ фактъ, что въ ночь съ 15-го на 16-е мая командой броненосца «Орелъ» была сдѣлана попытка затопить судно, для чего и были открыты кингстоны. Броненосецъ получилъ значительный кренъ, но японцы спохватились и, закрывъ кингстоны, выровняли кренъ. Кто былъ иниціаторомъ этого дѣла—не выяснилось.

По словамъ доктора Макарова, 14-го мая команда «Орла» весело, съ шутками вступила въ бой, къ вечеру того же дня команда упала духомъ, на всѣхъ напала апатія. Слышно было, какъ многіе говорили «чтожъ мы имъ никакого вреда и не дѣлаемъ».

Даетъ показаніе корабельный инженеръ Костенко. Свидѣтель весь день 14-го мая пробылъ въ операціонномъ пунктѣ броненосца «Орелъ», не имѣя возможности подняться на верхъ, вслѣдствіе раны ноги. Въ операціонномъ пунктѣ онъ былъ свидѣтелемъ самоотверженнаго исполненія долга какъ со стороны офицеровъ, такъ и со стороны нижнихъ чиновъ. Каждый старался быть полезнымъ до тѣхъ поръ, пока чувствовалъ въ себѣ какія-либо силы къ работѣ. Ни тяжелыя поврежденія корабля, ни крупныя убыли въ составѣ, ни видъ гибели другихъ судовъ не вызывали упадка духа, растерянности, или унынія. Раненые офицеры, комендоры, трюмные сигнальщики наскоро перевязывались въ операціонномъ пунктѣ и снова спѣшили туда, гдѣ могли быть полезными. Многіе, считая

свои раны несерьезными, совсѣмъ не спускались на перевязку и оставались на посту до конца боя. За все время дневного боя, ночныхъ атакъ и остальное время до разсвѣта не только онъ, Костенко, не слыхалъ никакихъ разговоровъ о возможности сдачи, но наоборотъ всѣ готовились только къ продолженію боя съ разсвѣтомъ. Въ этомъ смыслѣ и отдавались всѣ приказанія. Далѣе свидѣтель подробно разсказываетъ о доблестномъ поведеніи тяжело раненыхъ офицеровъ: лейтенантовъ: Славинскаго, Ларіонова, Гирса, Шамшева, мичмановъ: Щербачева, Карпова, трюмнаго механика поручика Румсъ и др. «Около 10 часовъ утра меня разбудили, продолжаетъ разсказъ Костенко, и сказали, что мы окружены непріятелемъ и что мы сдались... Нѣкоторые офицеры рыдали и хотѣли стрѣляться. Я слышалъ толки команды относительно сдачъ. Говорили, что съ японцами невозможно сражаться, что у нихъ двѣ эскадры: своя и англійская. Наканунѣ мы сражались съ англійской эскадрой, а теперь окружены японской. Многіе утверждали, что наканунѣ видѣли 4-хъ трубные крейсера. Офицеры приписывали разгромъ нашего флота удивительной мѣткости стрѣльбы непріятеля и предполагали существованіе у японцевъ особыхъ дальномѣрныхъ приспособленій. Никто не могъ естественными причинами истолковать въ тотъ моментъ поразительный контрастъ между уничтоженіемъ нашего флота и тріумфомъ непріятеля. Очутившись въ желѣзномъ кольцѣ изъ 27-ми большихъ судовъ непріятеля, не получившихъ никакихъ поврежденій, каждый нашъ офицеръ и матросъ переживалъ полное крушеніе всѣхъ надеждъ, всѣ были подавлены безрезультатностью тѣхъ колоссальныхъ трудовъ, какихъ стоилъ походъ. Только тотъ, кто былъ свидѣтелемъ торжества врага, окружившаго насъ всѣмъ своимъ флотомъ, остатки нашей эскадры, пережили въ тѣ минуты разочарованіе въ полной силѣ. И только этимъ и можно объяснить то подавленное состояніе офицеровъ и команды безъ исключенія, благодаря которому люди, беззавѣтно жертвовавшіе собою въ разгаръ боя наканунѣ, выходили побѣдителями изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ и опасностей, въ то время, въ моментъ сдачи были безсильны проявить свою находчивость, смѣлость. Инженеръ Костенко подробно говоритъ о состояніи броненосца передъ отправленіемъ его изъ Кронштадта. Состояніе его, по словамъ свидѣтеля, было настолько неудовлетворительно, что морской техническій комитетъ нѣсколько разъ напоминалъ адміралу Рожественскому о томъ, что броненосцы въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ Россіи ненадежны въ смыслѣ остойчивости и тре-

буется наивозможнѣйшая разгрузка ихъ передъ боемъ, чтобы такимъ образомъ сколько-нибудь обезпечить отъ возможности перевернуться въ бою. По словамъ свидѣтеля одной изъ главныхъ причинъ нашего неумѣнія стрѣлять—было отсутствіе практики вслѣдствіе недостатка снарядовъ. Кромѣ того перегрузка броненосцевъ углемъ сильно вліяла на быстроту хода судна, такъ какъ послѣ перегрузки въ 1570 тоннъ широкіе обводы кормы въ надводной части погружались въ воду и тормозили движеніе, таща за собой цѣлые потоки. Дальномѣры были получены передъ уходомъ эскадры въ запечатанныхъ ящикахъ и даже артиллерійскіе и штурманскіе офицеры не практиковались ранѣе съ ними.

Свидѣтель оберъ-аудиторъ Добровольскій весь переходъ до самаго конца совершившій на броненосцѣ «Орелъ», подробно говоритъ о событіяхъ 14-мая и сдачѣ броненосца. По чьему приказанію былъ спущенъ Андреевскій флагъ и кѣмъ поднятъ японскій, онъ, Добровольскій, не знаетъ. Прибыли японцы, которые и арестовали капитана 2-го ранга Шведе, полковника Парфенова и его. Переведенный на броненосецъ «Асахи» онъ видѣлъ на этомъ броненосцѣ круглыя правильныя отверстія, сдѣланныя нашими снарядами.

Отъ 1 ч. 30 м. до 2 ч. 50 м. объявленъ перерывъ.

Защитникъ капитана 2-го ранга Ведерникова присяжный повѣренный Коровиченко проситъ разрѣшенія у суда задать нѣсколько вопросовъ подсудимому прапорщику Шаміе относительно того, почему подсудимый не привелъ своего рѣшенія затопить броненосецъ «Императоръ Николай I-й» въ исполненіе, и чѣмъ онъ объясняетъ фактъ неповиновенія ему команды. Подсудимый Шаміе говоритъ что онъ рѣшилъ раздраить носовую пробоину, полученную броненосцемъ въ бою 14-го мая и самъ сталъ производить эту работу, но команда его отъ пробоины оттѣснила и онъ слышалъ, какъ нижніе чины говорили, что имъ жизнь сохранена адмираломъ. Одинъ изъ подсудимыхъ вставая заявляетъ: «если бы я имѣлъ твердое желаніе затопить судно, то не сидѣлъ бы здѣсь; очевидно прапорщикъ Шаміе этого рѣшенія не принималъ»—предсѣдатель останавливаетъ подсудимаго и замѣчаетъ «господа, долженъ вамъ напомнить, что вы очень злоупотребляете снисходительностью судей». Прочитываются показанія свидѣтелей: артиллерійскаго кондуктора Расторгуева, Жужкова, Грухина, Манулевича.

Машинный кондукторъ «Орла» Куроевъ о сдачѣ ничего не знаетъ, броненосецъ же послѣ боя 14-го мая былъ такъ избитъ, что съ любого борта «хоть на тройкѣ выѣзжай». Въ заключеніе

показанія свидѣтель дрожащимъ голосомъ проситъ судъ, въ виду его 17-ти-лѣтней безпорочной службы, походатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о возвращеніи воинскаго званія». Предсѣдатель останавливаетъ свидѣтеля, разъясняя ему, что это дѣло не суда.—Подсудимый капитанъ 2-го ранга Шведе даетъ разъясненія относительно судовой кассы. По его приказанію было выдано офицерамъ авансомъ, какъ это законъ и разрѣшаетъ, по небольшой суммѣ (10 ф. стер.), такъ какъ многіе офицеры, потерявъ все, не имѣли даже платья; остальные же деньги онъ, капитанъ Шведе, приказалъ выбросить за бортъ, считая эту мѣру единственно раціональной въ данномъ случаѣ, чтобы: съ одной стороны избѣжать могущихъ возникнуть при этомъ недоразумѣній, какъ среди офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, если бы было рѣшено деньги раздать на руки, съ другой—избѣжать захвата судовой кассы японцами. Свидѣтель артиллерійскій кондукторъ Панцыревъ называетъ рѣшеніе бывшаго адмирала Небогатова идти во Владивостокъ—геройствомъ, предсѣдатель останавливаетъ свидѣтеля напоминаніемъ, что судъ не нуждается въ его оцѣнкѣ дѣйствій адмирала. Изъ показаній свидѣтелей: Лебедева, Соколова, Смирнова выясняется, что къ моменту сдачи «Орла» спасательныхъ средствъ на немъ не было никакихъ; всѣ шлюпки, катера и баркасы были разбиты. Относительно поднятія японскаго флага на «Орлѣ» временно командовавшій броненосцемъ капитанъ Шведе далъ слѣдующее объясненіе: «Я долго противился поднятію на броненосцѣ японскаго флага; говорилъ, что его на суднѣ нѣтъ, но нѣкоторые изъ офицеровъ меня уговаривали его поднять, доказывая, что этимъ мы избѣжимъ излишнихъ глумленій, такъ какъ японцы, явившись на судно, поднимутъ флагъ съ церемоніей, съ этими доводами я согласился и флагъ былъ поднятъ».

Далѣе проходитъ цѣлый рядъ свидѣтелей бывшихъ матросовъ броненосца «Орелъ», показанія которыхъ безцвѣтны и новаго ничего не прибавляютъ. Относительно многихъ показаній этихъ свидѣтелей подсудимые категорически суду заявляютъ, что все сказанное чистѣйшій вымыселъ. Свидѣтель Егоровъ показалъ, что когда на броненосцѣ «Императоръ Николай I» поднятъ былъ бѣлый флагъ, то это всѣхъ на броненосцѣ «Орелъ» сильно поразило. Капитанъ Шведе приказалъ поднять бѣлый флагъ. «Бѣлаго флага у насъ не было, такъ какъ все было сожжено, а потому вмѣсто флага подняли какую-то бѣлую тряпицу».

Допрашиваются и прочитываются показанія матросовъ: Лога-

чева, Жирнова, Щербова, Павлинова, Щуренкова, Орлова, Егорова, Изгодина, Воробьева, Сороки, Климова, Зефирова, Абрамова, Заболотнаго, Балесты, Мальцева, Дергунова, Богородскаго, Яровенко, Никулина, Вениченко, Солнышкова и Герасимова.

Весь интересъ этого засѣданія сосредоточивается на показаніяхъ адмирала Рожественскаго.

Его роль болѣе похожа на роль безусловно авторитетнаго эксперта, чѣмъ на свидѣтеля.

Хотя судъ, какъ мы уже сообщали, согласившись на вызовъ Рожественскаго, заранѣе ограничилъ его показанія рамками обстоятельствъ, непосредственно относящихся къ сдачѣ, тѣмъ не менѣе, бывшему главнокомандующему соединенными силами русскихъ эскадръ на Дальнемъ Востокѣ предстояло разрѣшить нѣсколько кардинальныхъ вопросовъ по настоящему дѣлу, на которыхъ основано обвиненіе, и которые отрицаются защитою.

Къ сожалѣнію, адмиралъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, оставивъ безъ отвѣта два наиболѣе существенныхъ вопроса: каковы были его инструкціи адмиралу Небогатову послѣ соединенія эскадръ, и что бы онъ сдѣлалъ, очутившись въ положеніи Небогатова.

Сведя такимъ образомъ къ нулю значеніе своихъ показаній въ отношеніи самого Небогатова, адмиралъ Рожественскій тѣмъ не менѣе далъ весьма цѣнный матеріалъ для защиты его офицеровъ.

Картина его показаній въ хронологическомъ порядкѣ такова.

Еще передъ принесеніемъ присяги, адмиралъ Рожественскій обращается къ предсѣдателю съ вопросомъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

— Насколько я слышалъ, защита по настоящему дѣлу склонна видѣть во мнѣ главнаго виновника нашихъ бѣдствій, я не знаю, удобно ли мнѣ при такихъ обстоятельствахъ давать показанія въ качествѣ свидѣтеля?

Предсѣдатель разъясняетъ свидѣтелю, что на вопросы, въ чемъ-либо его уличающіе, законъ даетъ ему право не отвѣчать.

Обезпечивъ себя, такимъ образомъ, отъ возможности затруднительныхъ положеній, адмиралъ Рождественскій приноситъ присягу.

Начинаетъ допросъ прис. пов. Маргуліесъ, прося адмирала сообщить суду содержаніе циркуляровъ, изданныхъ имъ послѣ соединенія обѣихъ эскадръ.

Этого адмиралъ не помнитъ.

— Было ли вами отдано категорическое приказаніе адми-

ралу Небогатову идти во Владивостокъ,—суживаетъ вопросъ защитникъ.

— По всей вѣроятности, было, такъ какъ иного исхода у насъ не было.

Допросъ переходитъ къ прис. пов. Адамову.

— Въ качествѣ главнокомандующаго эскадрами, требовали ли вы всегда безусловнаго и безпрекословнаго подчиненія вашимъ приказаніямъ отъ лицъ вамъ подвѣдомственныхъ?

— Конечно.

— Имѣли ли они право выразить протестъ, если бы нашли, что то или другое въ вашемъ распоряженіи незаконно?—продолжаетъ защитникъ.

— Безусловно нѣтъ. Да у меня и не было такихъ подчиненныхъ, которые бы ослушались меня.

Присяжный повѣренный Адамовъ читаетъ выдержки изъ показаній адмирала Рожественскаго по дѣлу о сдачѣ миноносца «Бѣдовый», гдѣ адмиралъ въ качествѣ обвиняемаго обращался къ суду съ просьбой поддержать достаточно уже расшатанную военно-морскую дисциплину и не карать его подчиненныхъ за то, что они исполнили приказаніе начальника.

Адмиралъ Рожественскій подтверждаетъ достовѣрность этой выдержки и заявляетъ, что во всемъ происшедшемъ виноваты только онъ, да бывшій командующій 3-й эскадрой, адмиралъ Небогатовъ, всѣ остальные попали на скамью подсудимыхъ по недоразумѣнію.

Адамовъ проситъ судъ обратить свое вниманіе на послѣднія слова свидѣтеля.

Прис. пов. Бабянскій спрашиваетъ свидѣтеля, была ли ему извѣстна сила и разрушительное дѣйствіе огня японскаго флота.

По словамъ адмирала, это было извѣстно, но дѣйствительность превзошла ожиданія.

— Извѣстно ли вамъ содержаніе оффиціальнаго рапорта адмирала Того, въ которомъ онъ пишетъ, что эскадра Небогатова была поставлена въ такое положеніе, при которомъ ей не оставалось ничего больше сдѣлать, какъ сдаться?—спрашиваетъ тотъ же защитникъ. Свидѣтель находитъ, что это не больше какъ джентельментская корректность адмирала Того; если бы онъ былъ на мѣстѣ Того, то написалъ бы то же самое.

На вопросъ о способѣ обученія матросовъ стрѣльбѣ, предложенный свидѣтелю, какъ бывшему завѣдующему учебной артиллерійской командой командоровъ, адмиралъ Рожественскій даетъ

отвѣтъ, смыслъ котораго сводится къ тому, что никакого обученія артиллерійской стрѣльбѣ во флотѣ вообще не было, «вслѣдствіе экономическихъ соображеній» стрѣльба производилась нѣсколько разъ въ годъ, не полными снарядами и на близкія дистанціи (25—30 кабельтовъ), причемъ стрѣляло всего нѣсколько человѣкъ—остальные только смотрѣли.

Прис. пов. Карабчевскій спрашиваетъ свидѣтеля, не можетъ ли онъ объяснить причины растянутости строя нашихъ эскадръ и отдаленности крейсеровъ, а также и то, чѣмъ былъ вызванъ уходъ адмирала Энквиста съ крейсерами на югъ послѣ боя 14-го мая.

Первый вопросъ остается безъ опредѣленнаго отвѣта, на второй—свидѣтель отвѣчаетъ, что, по всей вѣроятности, адмиралъ Энквистъ спасалъ свой отрядъ отъ разгрома его японцами.

Въ противоположность показаніямъ своихъ офицеровъ, адмиралъ говоритъ, что считалъ эскадру Небогатова большой для себя подмогою, если бы только она прибыла во время. Суда этой эскадры, по словамъ адмирала, были вовсе не такъ плохи, и артиллерія мало хуже японской.

Прис. пов. Казариновъ опять возвращается къ вопросу объ обязательности для подчиненныхъ приказа начальника и спрашиваетъ адмирала, что если-бы онъ поставленъ былъ въ условія, при которыхъ счелъ бы дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и отдалъ бы приказъ о сдачѣ, считалъ ли бы онъ этотъ приказъ обязательнымъ для всѣхъ офицеровъ.

Адмиралъ отвѣчаетъ утвердительно.

— Ну, а если-бы, продолжаетъ вопросъ прис. пов. Аронсонъ, нашелся офицеръ, который сталъ бы ему противодѣйствовать, чтобы вы съ нимъ сдѣлали?

— Застрѣлилъ бы,—слѣдуетъ короткій отвѣтъ.

На категорически поставленный защитою вопросъ, что сдѣлалъ бы адмиралъ Рожественскій въ положеніи Небогатова, адмиралъ съ разрѣшенія предсѣдателя не отвѣтилъ.

Въ заключеніе предлагаетъ вопросы прокуроръ.

— Что же, по вашему, адмиралъ, обязательнѣе для подчиненныхъ ваши приказанія или требованія закона?

— Мои распоряженія.

— Но вѣдь вы знаете (прокуроръ цитируетъ статьи), что законъ обязываетъ подчиненнаго не исполнять приказанія начальства, если они противорѣчатъ присягѣ и долгу службы?

На этотъ вопросъ прокурора адмиралъ отвѣчаетъ вопросомъ

же, что бы было, если бы подъ Ляояномъ, послѣ приказа отступать почти бѣгомъ, сжигая милліонные запасы, отдѣльные офицеры вздумали этому сопротивляться?

Этимъ заканчивается допросъ адмирала Рожественскаго. Противъ ожиданія онъ продолжался очень недолго.

Адмиралъ Рожественскій уходитъ изъ залы. Всѣ подсудимые встаютъ. Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ то, что за ними встаютъ защитники, но какъ оказывается потомъ, происходитъ это совершенно случайно.

Далѣе заканчивается допросъ свидѣтелей съ «Орла», ничего новаго не вносящій.

По выслушаніи заключенія экспертовъ, признавшихъ пораненія капитана Шведе тяжелыми, несомнѣнно повліявшими на его дѣйствія и вызвавшими сильное нервное разстройство, предсѣдатель объявилъ перерывъ, послѣ котораго судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей съ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ».

Изъ показаній рулевого кондуктора Колесова относительно сдачи броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» выясняется слѣдующее: «когда вслѣдъ за броненосцемъ «Императоръ Николай I» былъ поднятъ японскій флагъ на «Орлѣ», командиръ «Адмирала Сенявина» при мнѣ отдалъ приказаніе старшему штурманскому офицеру, лейтенанту Якушеву, спустить нашъ военный флагъ, лейтенантъ Якушевъ отказался исполнить это приказаніе, тогда командиръ вышелъ изъ боевой рубки, а оставшіеся въ рубкѣ лейтенанты Бѣлавенецъ и Якушевъ говорили между собой, что они не согласны сдаваться, причемъ оба плакали. Лейтенанты Бѣлавенецъ и Якушевъ ушли изъ боевой рубки до возвращенія командира, причемъ я самъ слышалъ, какъ лейтенантъ Бѣлавенецъ отдавалъ приказаніе выбрасывать за бортъ замки, револьверы, ружья и мелкую артиллерію».

Изъ показаній другихъ свидѣтелей выясняется, что фугасныхъ снарядовъ на броненосцѣ къ моменту сдачи оставалось 10—34 штуки, а 120 мм.—180; поврежденія корабля, полученныя въ бою 14-го мая, были незначительныя; кой-гдѣ осколками снарядовъ пробиты были трубы, вентиляторы и другія верхнія надстройки. Была пробита деревянная рубка для телеграфированія безъ проводовъ, побита часть шлюпокъ. Наличныя деньги судовой кассы (около 709 фун. стерл.) были розданы на руки офицерамъ и кондукторамъ на храненіе, кредитивы уничтожены.

Приводятся къ присягѣ свидѣтели по дѣлу о сдачѣ броненосца «Адмиралъ Апраксинъ,» среди нихъ выдѣляется іеромонахъ Мефодій, разстригшійся по собственному желанію. Подсудимые броненосца «Генералъ Сенявинъ» лейтенанты Рощаковскій и Бѣлавенецъ даютъ показанія: первый относительно настроенія команды броненосца передъ сдачей, второй—относительно нашихъ снарядовъ. По словамъ лейтенанта Рощаковскаго до сигнала о сдачѣ команда держала себя прекрасно. Когда вся непріятельская эскадра стала окружать насъ, приблизившись на разстояніе выстрѣла, матросы его спрашивали: «что же, ваше благородіе, погибать!»—«Ну, что же, говорю я, вчера погибли одни, а сегодня мы, чѣмъ мы лучше ихъ», команда согласилась съ нимъ и спокойно разошлась по своимъ мѣстамъ. Послѣ сигнала о сдачѣ, въ командѣ наблюдался упадокъ духа, апатія, они драться уже не хотѣли. Лейтенантъ Бѣлавенецъ говоритъ, что у нихъ было очень мало фугасныхъ снарядовъ,—мало того подсудимый разсказываетъ про то, что уже во время пути, при вскрытіи одного ящика съ фугасными снарядами, въ ящикѣ оказались чугунные снаряды, наполненные пескомъ,—впослѣдствіи выяснилось, что это были снаряды, употребляющіеся для учебной стрѣльбы.

До перерыва, объявленнаго въ 1 час. 15 мин., заканчивается опросъ свидѣтелей, вызванныхъ по дѣлу о сдачѣ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ».

Тяжелое впечатлѣніе на подсудимыхъ произвела присылка въ судебное засѣданіе на имя подсудимыхъ нѣсколькихъ №№ газеты «Черный Соколъ» съ передовой статьей «Позоръ», написанной на тему о разбирающемся процессѣ.

Засѣданіе возобновляется въ 2 часа 45 минутъ.

Флагманскій артиллеристъ, капитанъ 2-го ранга Курошъ, дѣлаетъ поправку къ показанію лейтенанта Бѣлавенца, объясняя фактъ непопаданія нашихъ снарядовъ въ броненосецъ «Миказа» не тѣмъ, что у насъ были плохіе орудія съ крупными поломками и неисправностями, а тѣмъ, что наши комендоры были плохо напрактикованы въ стрѣльбѣ изъ за хроническаго недостатка снарядовъ. Передъ уходомъ третьей эскадры изъ Либавы было произведено испытаніе всей артиллеріи, издано было много приказовъ и циркуляровъ, причемъ при крупныхъ поломкахъ артиллеріи суда должны были доносить объ этомъ флагманскому артиллеристу, между тѣмъ, по словамъ капитана Куроша, никакихъ рапортовъ съ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» не поступало. Лейтенантъ Бѣлаве-

нецъ поясняетъ, что всѣ поломки исправлялись собственными средствами и силами.

Даетъ показаніе врачъ броненосца «Адмиралъ Апраксинъ» Шуммеръ. Онъ ничего не знаетъ о сдачѣ, потому что въ моментъ поднятія флаговъ былъ внизу на перевязочномъ пунктѣ. Поднявшись наверхъ уже послѣ сдачи, онъ, докторъ Шуммеръ, замѣтилъ среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ сильное возбужденіе; среди команды слышались отдѣльные голоса: «сдались... пожалѣлъ отецъ родной»,—но были и другіе голоса, которые порицали сдачу, называя ее позоромъ,—но серьезныхъ протестовъ со стороны команды противъ сдачи, онъ, свидѣтель, не слыхалъ. При выходѣ броненосца изъ Либавы команда держала себя очень плохо, но благодаря воздѣйствію во время похода офицеровъ, была неузнаваема къ моменту боя. Въ бою 14-го мая броненосецъ получилъ нѣсколько поврежденій, броня во многихъ мѣстахъ разошлась и вслѣдствіе этого на броненосцѣ 14-го и 15-го мая было очень много воды. Раненыхъ среди команды было десять человѣкъ. Послѣ сдачи броненосца многіе изъ команды напились до пьяна.

Допрашиваются и прочитываются показанія свидѣтелей: минного кондуктора Дижуръ, шкипера кондуктора Васильева, артиллерійскаго кондуктора Русскихъ,—по словамъ послѣдняго сдачей, какъ команда, такъ и г.г. офицеры были огорчены и недовольны чрезвычайно. Большинство даже плакало; однако открытаго протеста противъ сдачи выражено не было. Попытокъ къ затопленію броненосца, или къ взрыву его не было сдѣлано никѣмъ ни до сдачи, ни послѣ нея. По крайней мѣрѣ, по словамъ Русскихъ, онъ не видѣлъ и не слышалъ, чтобы къ этому были приняты какія-либо мѣры.

Бывшій командиръ броненосца «Адмиралъ Апраксинъ», капитанъ 1-го ранга Лишинъ проситъ разрѣшенія представить суду нѣкоторыя разъясненія. Въ довольно длинной рѣчи онъ подробно говоритъ о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ пришлось снаряжать броненосецъ. Работу, разсчитанную на двѣ зимы пришлось произвести въ $1^1/_2$ мѣсяца, офицеровъ, команды, рабочихъ не было, необходимыхъ запасовъ также. Вскорѣ стала прибывать и команда изъ разныхъ портовъ: Кронштадта, Петербурга, Гельсингфорса и портовъ Чернаго моря. По спискамъ всѣ нижніе чины, по словамъ бывшаго командира броненосца, считались безпорочнослужащими, но при личномъ опросѣ ихъ оказалось, что нѣкоторые только что прибыли изъ тюрьмы, нѣкоторые—изъ дисципли-

нарнаго баталіона. Однако уже черезъ три мѣсяца плаванія команда была неузнаваема: правдивая, честная, сплоченная она представляла надежную силу. И это всецѣло должно быть приписано вліянію и работѣ г.г. офицеровъ, которые помимо обыденныхъ занятій съ нижними чинами вели бесѣды, разъясняя командѣ цѣль похода, демонстрировали чертежи непріятельской артилеріи и т. п. Далѣе г. Лишинъ подробно говоритъ о соединеніи эскадръ у Мадагаскара, полной неопредѣленности о томъ: куда пойдетъ третья эскадра, и какое будетъ ея назначеніе; говоритъ про бой 14-го мая, минныя атаки, появленіе на слѣдующее утро японской эскадры и, наконецъ, о самой сдачѣ броненосца. «Мы предполагали»,— говоритъ бывшій капитанъ Лишинъ, «что японцы должны будутъ уйти вечеромъ 14-го мая и пополнить израсходованные снаряды, въ этомъ убѣжденіи насъ поддерживали и слова адмирала Эссена, которыя мы слышали отъ него встрѣтившись въ пути, что японцы ведутъ очень скорую стрѣльбу и быстро разстрѣливаютъ снаряды. Оказалось, что японцы оказались хитрѣе насъ—часть угольныхъ ямъ у нихъ была наполнена снарядами. Состояніе броненосца послѣ бури въ Бискайскомъ заливѣ и послѣ боя 14-го мая было самое печальное, во многихъ мѣстахъ всѣ швы и заклепки сдали и броненосецъ былъ наполненъ водой; насколько броненосецъ былъ въ это время расшатанъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, когда судно японцы привели въ Сасебо, то поторопились ввести его въ докъ, потому что корабль тонулъ. Артиллерія по словамъ подсудимаго на броненосцѣ была также въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, даже и на практической стрѣльбѣ замѣчался постоянный недолетъ снарядовъ. Это можно было объяснить: или неправильностью установки прицѣловъ, или плохимъ порохомъ». Сигналъ о сдачѣ, поднятый на «Императорѣ Николаѣ I» я считалъ для себя обязательнымъ и объяснялъ его, какъ средство для спасенія команды; я вѣрилъ адмиралу и былъ увѣренъ, что онъ не подниметъ сигнала зря. Конечно, если бы у меня была машина съ такимъ же ходомъ, какъ напр. у «Изумруда», я попытался бы спасти команду инымъ способомъ, давъ машинѣ полный ходъ. Послѣ того, какъ сигналъ былъ отрепетованъ, я приказалъ портить и выбрасывать за бортъ все, что можно было испортить и выбросить. Энергичнаго протеста противъ сдачи броненосца я не встрѣтилъ ни со стороны офицеровъ, ни со стороны нижнихъ чиновъ, такъ какъ, хотя нѣкоторые офицеры и протестовали, но активнаго сопротивленія выражено не было, да его и не могло быть.

Деньги судовой кассы были розданы офицерамъ для того, чтобы избѣжать ихъ конфискаціи японцами. На спускъ шлюпокъ пришлось бы затратить очень много времени; изъ 25 спасательныхъ круговъ лишь 8—9 было годныхъ; койки были связаны тросомъ, и ими защищены были дальномѣры. Я увѣренъ, что если бы на суднѣ были открыты кингстоны, то броненосецъ прежде чѣмъ затонуть, перевернулся бы». Въ заключеніе своей рѣчи бывшій командиръ судна свидѣтельствуетъ объ беззавѣтной готовности умереть и доблестной службѣ офицеровъ и команды.

Послѣ $^1/_2$ часового перерыва даетъ дополнительно нѣкоторыя поясненія тотъ же подсудимый бывшій командиръ «Адмирала Апраксина».

Допрашиваются и прочитываются показанія свидѣтелей: машиннаго кондуктора Чешева, матросовъ: Вдовенко, Касьянова, Яркова, Соколова, Персіанова, Боровика и Мамлеева. Новаго эти показанія ничего не прибавляютъ; относительно же нѣкоторыхъ изъ нихъ подсудимые заявляютъ, что показанія эти чистѣйшій вымыселъ.

Относительно перваго принципа, выставленнаго въ свою защиту адмираломъ Небогатовымъ—сдача поставленной въ безвыходное положеніе эскадры ради спасенія двухъ съ лишнимъ тысячъ жизней, двухъ мнѣній быть не можетъ.

Оставался открытымъ вопросъ, что побудило адмирала принять на себя начальствованіе эскадрой, негодность которой онъ не могъ не знать.

На этотъ вопросъ, предъявленный, правда, не военно-морскимъ судомъ, а судомъ общественнаго мнѣнія, далъ отвѣтъ Небогатовъ въ засѣданіи 1 декабря.

— Никогда во всю мою службу,—сказалъ онъ,—не просилъ я о какомъ-либо назначеніи и никогда отъ него не отказывался. Тѣмъ болѣе, не могъ я отказаться, когда послѣ 40 лѣтъ службы отъ меня потребовали вести эскадру противъ непріятеля.

Далѣе адмиралъ разсказываетъ исторію своего назначенія. Въ сентябрѣ 1904 года въ бытность его завѣдующимъ учебно-артиллерійскимъ и миннымъ отрядомъ Черноморскаго флота, командующій этимъ флотомъ адмиралъ Чухнинъ предложилъ ему поѣхать въ Петербургъ для исполненія одного серьезнаго порученія, сотрудниками въ которомъ у него были теперешніе товарищи по скамьѣ подсудимыхъ капитанъ Кросъ и лейтенантъ Сергѣевъ.

Въ ноябрѣ его пригласилъ къ себѣ морской министръ, у ко-

тораго онъ засталъ цѣлую комиссію, обсуждавшую распредѣленіе работъ по снаряженію третьей эскадры. Въ ней принималъ участіе и адмиралъ Бирилевъ, тогда управляющій кронштадскимъ портомъ.

Министръ предложилъ ему принять участіе въ снаряженіи эскадры. Приблизительно дней за пять до отправки эскадры адмиралу Небогатову прислана была телеграмма министра съ приказомъ дать отчетъ контръ-адмиралу Данилевскому, назначенному командующимъ 3-й эскадрой о состояніи ея судовъ.

Черезъ 2 часа пришла вторая телеграмма съ извѣстіемъ, что Данилевскій отъ назначенія отказался, и съ назначеніемъ командующимъ его, Небогатова.

При этомъ на него возлагалась только задача доставить эскадру Рожественскому, что онъ считалъ, несмотря на крайне плохое состояніе судовъ, выполнимымъ. Дальнѣйшая роль эскадры — предназначается ли она для боевыхъ дѣйствій или только для демонстраціи— оставалась ему неизвѣстной. Для характеристики предоставленной ему самостоятельности адмиралъ разсказываетъ про то, какъ ему навязывали никуда негодное судно «Русь», предназначенное для походнаго воздухоплавательнаго парка и совершенно не удовлетворяющее своему назначенію.

Несмотря на всѣ просьбы освободить эскадру отъ этого балласта, ему было отказано. И что же? Почти сейчасъ же по отходѣ изъ Либавы «Русь» пришлось бросить, такъ какъ у нея оказались деревянныя пробки въ холодильникѣ, о чемъ былъ составленъ протоколъ.

Прис. пов. Адамовъ справляется, та ли эта «Русь», на которую затрачено было свыше 1.000,000 руб?

Его прерываетъ предсѣдатель замѣчаніемъ, что это ни на чемъ не основанныя сплетни: «Русь» подарена Строгановымъ. Адмиралъ Небогатовъ возражаетъ предсѣдателю, что Строгановъ пожертвовалъ лишь 1 мил. руб., а 250 тыс. затрачено было правительствомъ. Послѣ объясненій Небогатова прис. пов. Маргуліесъ возбуждаетъ ходатайство о пріобщеніи къ дѣлу доклада бывшаго завѣдующаго балтійскимъ флотомъ адмирала Мессера о состояніи судовъ, вошедшихъ потомъ въ эскадру Небогатова, и письмо по этому поводу адм. Бирилева, гдѣ онъ возмущается раскрывшимися данными. Судъ въ этомъ отказываетъ.

На этомъ засѣданіе заканчивается. Предсѣдатель объявляетъ судебное слѣдствіе законченнымъ и прерываетъ засѣданіе до понедѣльника.

Предсѣдатель напоминаетъ, что судебное слѣдствіе закончено, почему судъ и приступаетъ къ выслушанію заключительныхъ преній.

Пренія сторонъ.

Товарищъ главнаго военно-морскаго прокурора, генералъ-маіоръ Вогакъ, началъ свою рѣчь съ указанія на то, что общество возлагаетъ на разборъ дѣла адмирала Небогатова преувеличенныя ожиданія, считая, что при разборѣ этомъ, судъ выяснитъ всѣ причины Цусимскаго погрома. Обвинитель признаетъ, что выясненіе истинныхъ причинъ, приведшихъ нашъ флотъ къ погрому, дѣло первостепенной государственной важности, что разслѣдованіе это совершенно необходимо въ цѣляхъ предотвращенія въ будущемъ роковыхъ для насъ бѣдъ и ошибокъ. Особая слѣдственная комиссія адмирала Дикова уже нѣсколько мѣсяцевъ напряженно стремится выяснить истину и, надо думать, что въ недалекомъ будущемъ обнаруженныя ею данныя станутъ достояніемъ общимъ и дадутъ цѣнный матеріалъ для правильной постановки у насъ морского дѣла. Сдача же эскадры адмирала Небогатова есть лишь частный эпизодъ Цусимскаго боя и по даннымъ, выдвигаемымъ защитой и подсудимыми, которыя вполнѣ достаточны для выясненія виновности Небогатова и подчиненныхъ ему лицъ, совершенно невозможно придти къ правильному выводу о причинахъ Цусимскаго погрома. Для того, однако, чтобы положить конецъ всѣмъ возраженіямъ защиты, генералъ-маіоръ Вогакъ готовъ допустить на время всѣ тѣ положенія, которыя такъ старательно выдвигались защитой и періодической печатью. Предположимъ, что 1) посылка небогатовской эскадры на востокъ была величайшей ошибкой; 2) что растлѣвающее вліяніе морского ценза успѣло во многомъ сказаться; 3) что возвращеніе отряда адмирала Виреніуса было неправильно; 4) что соединеніе въ одну эскадру судовъ различныхъ типовъ и скоростей было пагубно; 5) что адмиралъ Рождественскій, какъ флотоводецъ, впалъ въ рядъ грубыхъ ошибокъ, не выработалъ плана боя, не перекрасилъ судовъ въ боевой цвѣтъ, перегрузилъ ихъ углемъ, избралъ для прорыва невѣрный путь, не выслалъ впередъ развѣдчиковъ, соединилъ въ одну колонну три отряда, отличныхъ по составу и скорости, взялъ съ собой въ бой транспорты, связывавшіе эскадру; не сдѣлалъ распоряженій на случай своего тяжкаго пораненія или смерти, вслѣдтвіе чего суда эскадры остались безъ руководительства. До-

пуская всѣ эти положенія, обвинитель тѣмъ не менѣе настаиваетъ на преступности сдачи судовъ отряда адмирала Небогатова. По ст. 354 М. У. командиръ судна долженъ продолжать бой до послѣдней возможности. Во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія ему разрѣшается, не иначе, какъ съ согласія всѣхъ офицеровъ, сдать корабль, если нельзя одолѣть течи, и судно начинаетъ тонуть, если всѣ средства обороны истощены и потеря въ людяхъ столь значительна, что сопротивленіе совершенно невозможно, и, наконецъ, въ случаѣ пожара, котораго нельзя погасить. При всемъ томъ сдача въ такихъ обстоятельствахъ разрѣшается только въ такомъ случаѣ, если корабль нельзя истребить и искать спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ. Поэтому съ точки зрѣнія закона важно только знать, въ какомъ состояніи находился корабль непосредственно передъ сдачей и нѣтъ необходимости въ свѣдѣніяхъ, касающихся снаряженія эскадръ и обстоятельствъ боя. Далѣе генералъ-маіоръ Вогакъ вполнѣ признаетъ то тяжелое психическое состояніе, въ которомъ находились передъ сдачей подсудимые, истомленные страшно труднымъ переходомъ, пережившіе неописуемые ужасы въ бою 14-го мая, и потому, въ виду очевидности всего этого находитъ и тутъ лишнимъ вдаваться въ детальное разсмотрѣніе обстоятельствъ боя, на которомъ настаиваютъ подсудимые, надѣющіеся, что за ошибками и проступками другихъ лицъ, ихъ собственной вины видно не будетъ. По настоящему дѣлу суду преданы по Высочайшему повелѣнію не только командиры сдавшихся судовъ, но и всѣ офицеры, за исключеніемъ тяжело-раненыхъ, хотя суда сдали одни командиры по собственному почину безъ совѣта офицеровъ. Однако статья 3 дисц. уст. и ст. 68 В. М. У. о нак. обязываетъ подчиненнаго не исполнять приказанія начальника, если онъ предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службы или совершить дѣяніе явно преступное. На основаніи этой статьи офицеръ, исполнившій приказаніе начальника, направленное къ осуществленію незаконной сдачи и тѣмъ превысившій данную ему по закону власть, а равно и офицеръ, не оказавшій такой сдачи и тѣмъ допустившій бездѣйствіе власти, должны отвѣчать, какъ участники или попустители преступленія, если только они сознавали, что своею дѣятельностью способствовали осуществленію незаконной сдачи. Хотя повиновеніе всегда признавалось жизненнымъ началомъ войска, но повиновеніе это слѣпымъ быть не должно. Каждый воинъ долженъ помнить, что онъ подчиняется не личной волѣ начальника, а законамъ и волѣ Верховнаго Вождя, выраженной черезъ посред-

ство. Они открывали огонь съ разстояній, недоступныхъ для нашихъ орудій; разрушающее дѣйствіе ихъ снарядовъ было громадно, тогда какъ наши снаряды нерѣдко пробивали непріятельскія суда не разрываясь въ силу ошибочнаго принципа, принятаго какъ у насъ, такъ и (въ Европѣ). Но все это не давало права нашимъ судамъ сдаваться. Свидѣтелями и самими подсудимыми установлено, что, начавъ стрѣльбу 15-го мая, непріятель быстро приближался и орудія нашихъ судовъ могли уже хватать до него. Это признано даже адмираломъ Небогатовымъ, сказавшимъ, что орудія «Орла» хватали бы, а орудія «Апраксина» добрасывали бы снаряды до непріятеля. Число пригодныхъ къ стрѣльбѣ орудій на сдавшихся судахъ опредѣлить въ настоящее время трудно, но изъ показаній самихъ обвиняемыхъ выяснилось, что артилерія броненосцевъ «Николая I», «Сенявина» и «Апраксина», за исключеніемъ немногихъ орудій была въ исправности и даже на «Орлѣ» оставались годными къ употребленію 6 орудій. Запасъ снарядовъ тоже вездѣ имѣлся. Все это обязывало наши суда сопротивляться и попытаться нанести врагу посильный вредъ. Если, однако, и тутъ стать на точку зрѣнія обвиняемыхъ и признать, что, въ виду усталости и упадка духа, они искренно признали себя безсильными передъ непріятелемъ, охватившимъ ихъ желѣзнымъ кольцомъ, то все-таки не было надобности въ сдачѣ, можно было затопить или взорвать суда и искать спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ. Высадить команду на берегъ, въ виду дальности разстоянія отъ него, конечно, суда не могли. Что касается до гребныхъ судовъ, то на «Сенявинѣ» и «Апраксинѣ» всѣ они были цѣли (кромѣ того имѣлись буи, пояса и койки) и спустить шлюпки, не заботясь о красотѣ ихъ, было, конечно, возможно. На «Николаѣ» тоже были цѣлы шлюпки наибольшой емкости и также имѣлись спасательные буи. На «Орлѣ» гребныя суда были обращены въ щепу и средствъ для спасенія команды на немъ не было. Но за 20 мин. до сдачи мичманъ Сакеллари предложилъ командиру подойти къ крейсеру «Изумрудъ», пересадить на него команду, а броненосецъ утопить. Сдѣлать это было возможно, такъ какъ море было относительно спокойно, что установлено свидѣтельскими показаніями и фотографическими снимками, демонстрированными на лекціяхъ и сообщеніяхъ. Команды наши были противъ сдачи. Это признается всѣми подсудимыми, не исключая самого Небогатова. До сдачи команда вела себя образцово и деморализація ея началась только послѣ сдачи. Правда, были среди команды люди, благодарившіе адми-

рала за сдачу, но то были единицы, въ общемъ же ни команда, ни офицеры сдачи не хотѣли.—Защита заявляла, что Небогатовъ не имѣлъ времени спасти команду. Однако, изъ слѣдствія выяснилось, что въ распоряженіи Небогатова было не менѣе $1^{1}/_{2}$ час., не говоря о томъ, что при нѣкоторой предусмотрительности суда наши еще съ утра должны были быть готовы къ затопленію, взрыву и спасенію команды въ шлюпкахъ. Зная, что наканунѣ наша эскадра была разбита на голову, Небогатовъ долженъ былъ сознавать, что непріятель его нагонитъ, и онъ долженъ будетъ топить или взрывать суда. Послѣ боя 14-го, вступивъ въ командованіе эскадрой, Небогатовъ не позаботился собрать уцѣлѣвшія суда, а далъ полный ходъ, не думая о прочихъ подбитыхъ судахъ, вслѣдствіе чего «Наваринъ» и «Сысой» и были легко истреблены врагомъ. Вмѣсто того, чтобы приблизиться къ берегамъ, что давало бы шансъ для спасенія командъ, Небогатовъ пошелъ большою дорогой, а это облегчило японцамъ погоню и розыски. Надо замѣтить, что молодые офицеры судовъ понимали опасность положенія. Такъ мичманъ Сакеллари совѣтовалъ Шведе пересадить команду «Орла» на «Изумрудъ», а броненосецъ затопить; лейтенантъ Глазовъ предлагалъ адмиралу Небогатову приблизиться къ берегамъ, чтобы имѣть возможность взорваться или выкинуться. Но адмиралъ не принялъ никакихъ мѣръ, не приготовилъ судовъ къ затопленію или взрыву. Думай адмиралъ Небогатовъ дѣйствительно о спасеніи команды, онъ могъ бы, пользуясь тихой погодой, пересадить часть нижнихъ чиновъ и офицеровъ на «Изумрудъ», который, благодаря прекрасному ходу, избѣгъ бы плѣна, оставшихся пересадилъ бы на «Апраксина» или «Сенявина», а 3 корабля затопилъ, сдавъ, такимъ образомъ, японцамъ всего одинъ корабль. При желаніи же могъ бы затопить всѣ корабли, размѣстивъ не помѣстившуюся на «Изумрудъ» команду по шлюпкамъ. Послѣ сдачи многіе офицеры указывали на такой выходъ. Замѣчаніе, что японцы не спасали погибавшихъ, неосновательно, что доказываютъ обстоятельства, при которыхъ гибли «Ушаковъ» и «Рюрикъ». Въ итогѣ всего сказаннаго приходится придти къ выводу, что ни одно изъ нашихъ сдавшихся судовъ не было въ условіяхъ, указанныхъ ст. 304 М. У. Всѣ они были способны оказать врагу сопротивленіе и во всякомъ случаѣ могли искать спасенія своихъ командъ въ шлюпкахъ.

Самая мысль о сдачѣ зародилась на броненосцѣ «Николай I». Командиръ его, Смирновъ, около 9 ч. утра просилъ капитана Кросса

нявинѣ». Сдачи ни офицеры, ни команда этихъ броненосцевъ не хотѣли, но, вслѣдствіе полнѣйшей растерянности и отсутствія энергичнаго протеста, суда эти были сданы ихъ командирами. Что касается отдѣльныхъ офицеровъ, то обвинитель, послѣ подробнаго разбора поведенія каждаго изъ подсудимыхъ во время сдачи, пришелъ къ выводу, что безусловно виновными слѣдуетъ признать Небогатова и командировъ судовъ Смирнова, Григорьева и Лишина, причемъ наиболѣе виновными являются Смирновъ, какъ иниціаторъ сдачи, и Небогатовъ, который долженъ былъ руководить другими и показывать примѣръ мужества и военной доблести. Менѣе виновнымъ слѣдуетъ признать командира «Орла», Шведе, такъ какъ онъ находился въ неизмѣримо худшихъ условіяхъ, чѣмъ Смирновъ, Лишинъ и Григорьевъ. Изъ прочихъ офицеровъ сдавшихся судовъ обвинитель призналъ виновными тѣхъ, которые сознавали или не могли не сознавать незаконность сдачи и своими дѣйствіями или непротивленіемъ способствовали осуществленію таковой сдачи. Не можетъ быть признанъ виновнымъ въ сдачѣ ни тотъ, кто считалъ, что сдача законна, ни тотъ, кто не сознавалъ, что своими дѣйствіями или непротивленіемъ онъ способствуетъ осуществленію сдачи, хотя бы и признаваемой имъ незаконной. При опредѣленіи виновности того или другого подсудимаго, такимъ образомъ, слѣдуетъ руководствоваться субъективнымъ, а не объективнымъ критеріемъ. Положеніе офицеровъ на суднѣ чрезвычайно различно: одни, какъ офицеры флота, стоятъ близко къ управленію судномъ, видятъ и слышатъ все, происходящее на верху, иногда даже, какъ старшій офицеръ, замѣняютъ командира. Другіе почти замурованы въ нѣдрахъ корабля и въ интересахъ дѣла молча, безъ критики, колебаній и сомнѣній должны нести свою службу, ничего не зная о планахъ и намѣреніяхъ начальниковъ. Изъ числа офицеровъ сдавшихся судовъ нѣкоторые открыто выразили свой протестъ и насколько могли и умѣли сдачѣ противодѣйствовали; другіе сдачею возмущались, но ничего не предпринимали, третьи узнали о сдачѣ, когда, по ихъ мнѣнію, противодѣйствовать было уже поздно, а только немногіе сознательно примкнули къ рѣшенію сдаться и приняли участіе въ сдачѣ или ей не противодѣйствовали. Къ числу послѣднихъ относятся: флагъ-капитанъ Кроссъ, лейтенанты—Глазовъ, Хоментовскій и Модзалевскій, мичманъ Мессеръ, капитанъ 2-го ранга Артшвагеръ.—Нѣкоторыя данныя для обвиненія имѣются и противъ лейтенантовъ Северина, Сергѣева, Макарова, Фридовскаго и капитана

2-го ранга Ведерникова. Для обвиненія прочихъ офицеровъ по ст. 279 В. М. У. о н. данныхъ не имѣется.

Если нѣкоторые изъ нихъ и проявили малодушіе и растерянность или, какъ лейтенантъ Бурнашевъ, забывъ о чести андреевскаго флага, занялись судовою кассою, на что формально имѣли право и, благодаря чему, остались какъ бы въ сторонѣ, то это только свидѣтельствуетъ о малой пригодности ихъ къ морской службѣ и не можетъ служить основаніемъ для предъявленія имъ обвиненія по суду. Далѣе обвинитель обрисовалъ въ краткихъ чертахъ то тяжелое положеніе, въ которомъ находились наши суда и личный составъ ихъ непосредственно передъ боемъ и указалъ, что хотя всѣ ужасы и муки, которые пришлось пережить нашимъ офицерамъ, не даютъ сдавшимся правъ на оправданіе, но поводомъ къ широкому снисхожденію они, несомнѣнно, должны служить. Затѣмъ генералъ-маіоръ Вогакъ сказалъ нѣсколько словъ о карательномъ законѣ и подвелъ сдачу судовъ эскадры Небогатова подъ вторую часть ст. 279, которая говоритъ о сдачѣ судовъ безъ боя, такъ какъ центръ тяжести 2-й части статьи 279-й сводится къ тому имѣлъ ли возможность корабль защищаться и оказать врагу сопротивленіе. Ст. 279 опредѣляетъ виновнымъ въ сдачѣ смертную казнь, но наказаніе это за время существованія нашего флота къ сдавшимся ни разу не примѣнялось, что уже само по себѣ указываетъ на чрезмѣрную строгость этого наказанія. Въ данномъ случаѣ дѣло не въ размѣрѣ наказанія, а въ томъ, чтобы было произнесено слово осужденія, чтобы виновные не вышли изъ суда съ гордо поднятой головой и съ сознаніемъ своей правоты. Слово осужденія, произнесенное судьями военнаго суда, имѣетъ воспитательное значеніе. Оно покажетъ воинамъ, что, прикрываясь чувствомъ человѣколюбія, они не въ правѣ быть малодушными и попирать тѣ начала, которыя вѣками признавались жизненными принципами войска, не въ правѣ, ссылаясь на слѣпое повиновеніе, быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ преступнаго начальника. Это слово осужденія предотвратитъ въ будущемъ позорныя сдачи, заставитъ офицеровъ глубже вникнуть въ задачи войска, заставитъ воспитать въ себѣ чувство долга, обезпечивающее странѣ въ конечномъ выводѣ почетное и побѣдное шествіе.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Л. А. Базунова, произнесенная 4-го декабря 1906 г. въ особомъ присутствіи военно-морского суда Кронштадтскаго порта по дѣлу бывшаго контръ-адмирала Небогатова.

Гг. судьи. Процессъ адмирала Небогатова, говоритъ г. прокуроръ, представляется процессомъ историческимъ. Вашего приговора ждутъ не только обвиняемые, но ждетъ его вся Россія, можетъ быть, даже весь міръ. Это процессъ, который долженъ имѣть громадное общественное значеніе, а для русскаго флота и арміи прежде всего. Такого значенія за процессомъ отрицать, конечно, нельзя. Едва-ли, однако, можно согласиться съ г. прокуроромъ о виновникахъ того неслыханнаго позора, который Россія пережила въ минувшую войну. Отвѣтственны ли обвиняемые за этотъ позоръ? Должны ли они выслушать Ваше слово осужденія? Несомнѣнно, страницы позора записаны въ исторію Россіи и не намъ съ г. прокуроромъ по этому поводу спорить. Но не сдача адмираломъ Небогатовымъ своего отряда олицетворяетъ тотъ позоръ, который такъ больно переживаетъ до сихъ поръ Россія. – Среди обвиняемыхъ есть одинъ второстепенный, въ смыслѣ отвѣтственности, офицеръ, отъ обвиненія котораго самъ г. прокуроръ почти отказался—это капитанъ 2-го ранга Ведерниковъ; имя его, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, записано золотыми буквами на мраморной доскѣ въ Морскомъ Училищѣ. Имя бывшаго контръ-адмирала Небогатова не попало своевременно на эту доску, но я смѣло утверждаю, что имени его на позорной страницѣ исторіи Вы не найдете. Прежде всего надо напомнить, что отрядъ контръ-адмирала Небогатова совершилъ огромный водный путь и совершилъ его при такихъ условіяхъ трудности, что одинъ этотъ подвигъ ставился въ величайшую заслугу его предшественнику, адмиралу Рожественскому. Вся Европа удивлялась той энергіи, тому знанію дѣла, съ которымъ адмиралъ Рожественскій достигъ береговъ

Японіи съ эскадрой, отплывшей изъ Либавы. Но не нужно забывать, восхваляя его, что такой же подвигъ совершилъ контръ-адмиралъ Небогатовъ, который, однако, награжденъ лишь скамьей подсудимыхъ...

Далѣе: придя со своими кораблями на мѣсто борьбы, адмиралъ Небогатовъ,—я это говорю, будучи убѣжденъ въ томъ, что

Л. А. Базуновъ.

судъ не можетъ со мной не согласиться—сражался до тѣхъ поръ, пока можно было сражаться, и сдался только тогда, когда нельзя было не сдаться. Оговариваюсь тутъ-же, что если въ моментъ сдачи своихъ судовъ адмиралъ Небогатовъ ошибался въ пониманіи безнадежности своего положенія, то это скорѣе добросовѣстная ошибка, чѣмъ фактъ преступной сдачи, который ставится въ вину Небогатову. Но я смѣло утверждаю, что не ошибался, а правильно счи-

талъ свое положеніе безнадежнымъ адмиралъ Небогатовъ, когда приказывалъ выкинуть роковой сигналъ о сдачѣ.

Позволяю себѣ вначалѣ же указать мою позицію. Я не буду прославлять адмирала Небогатова и требовать, чтобы онъ ушелъ изъ суда героемъ съ высоко поднятой головой, но я останусь при убѣжденіи, что обвинить его не въ чемъ. При этомъ я долженъ еще оговориться. Фактъ сдачи, т. е. все то, что, не составляя на мой взглядъ преступленія, признается со стороны обвиненія таковымъ, этотъ фактъ—Небогатовъ безусловно принимаетъ на одного себя въ качествѣ отвѣтственнаго лица. Въ данный моментъ начальникомъ эскадры былъ онъ и гг. офицеры должны были руководствоваться его приказаніями. Они были руки, исполнявшія волю головы. Если все то, что онъ совершилъ, составляетъ преступленіе, то кромѣ адмирала никто изъ гг. офицеровъ не виноватъ. У гг. офицеровъ есть свои защитники, которые эту мысль разовьютъ и докажутъ, но долгъ вождя заставилъ бывшаго адмирала Небогатова утверждать, что онъ одинъ отвѣтственъ за все, а долгъ юриста заставляетъ и меня сказать, что я подтверждаю это,—я безусловно отклоняю отвѣтственность за содѣянное кѣмъ-либо изъ офицеровъ, начиная съ младшихъ и кончая командирами кораблей... Теперь посмотримъ, съ какими средствами борьбы пришелъ контръ-адмиралъ Небогатовъ къ тому мѣсту, гдѣ въ послѣдній разъ произошло сраженіе русскихъ съ японцами и гдѣ послѣдовала сдача. Онъ пришелъ туда съ своими судами, у которыхъ было такое печальное прошлое...

Этого вопроса г. прокуроръ просилъ не касаться, онъ говорилъ, что прошлое этихъ судовъ «къ дѣлу не относится». Важенъ, по его мнѣнію, лишь моментъ сдачи, важно то положеніе, въ которомъ были суда въ этотъ моментъ, а что было раньше—это безразлично. Я, конечно, не согласенъ съ мнѣніемъ г. прокурора, но считаю возможнымъ не останавливаться въ этомъ процессѣ на прошломъ, которымъ эти суда такъ богаты. Опускаемъ занавѣсъ надъ этимъ прошлымъ, пусть эти суда изъ пѣны морской появились, какъ богиня... Но, гг. судьи, намъ не приходится спорить съ г. прокуроромъ и нечего доказывать, что снаряды, которыми снабжены были эти суда, оказались очень дурного качества, что даже попадая въ японскіе броненосцы и крейсера,—они не наносили имъ никакого, или почти никакого вреда. Я не буду останавливаться на качествѣ пушекъ, имѣвшихся на корабляхъ Небогатова. Но нѣтъ спора въ томъ, что наша артиллерія не хватала

на такія разстоянія, на которыхъ японцы свободно и безнаказанно разстрѣливали наши несчастныя суда... Напомню Вамъ, что броненосецъ «Николай I» даже для плаванія не былъ годенъ, а не только для боя. Показанія свидѣтелей прошли передъ судомъ, и выводы изъ нихъ сдѣлаетъ судъ. Но въ этихъ показаніяхъ безнадежность нашей эскадры еще въ то время, когда Небогатовъ только предпринималъ походъ—ясна. Одинъ только среди всѣхъ свидѣтелей, которые прошли здѣсь цѣлыми сотнями,—адмиралъ Рожественскій,—замѣтилъ, что нашъ флотъ, можетъ быть, вовсе не такъ плохъ, какъ объ этомъ думаютъ. Онъ выразился, впрочемъ, какъ мнѣ, не спеціалисту, показалось, довольно странно. «У насъ,—говоритъ онъ,—были вполнѣ приличные броненосцы». Что это значитъ? Всѣ другіе свидѣтели говорили скорѣе о невозможномъ состояніи судовъ, чѣмъ о «приличномъ». Самое выраженіе это слѣдуетъ признать слишкомъ осторожнымъ, — а осторожность словъ адмирала Рожественскаго показываетъ, можетъ быть, что всей своей мысли онъ не досказалъ. Вспоминаю, что когда во время похода происходили артиллерійскія ученія,—то ни на одномъ изъ этихъ ученій пушки наши не пробивали щитовъ на разстояніи 15-ти кабельтовыхъ, а на такомъ разстояніи японцы не позволяли въ себя стрѣлять... Это имѣетъ рѣшающее значеніе для той картины, которую представляла наша эскадра въ моментъ боя. Не желаетъ заискивать защита передъ судомъ, когда говоритъ о жалкомъ состояніи эскадры; не хочетъ она ничего преувеличивать, не хочетъ дурно говорить о томъ, что хорошо, но и не можетъ хорошо отзываться о томъ, что никуда не годилось... 14-го мая, понимая полную безнадежность эскадры, но повинуясь приказу своего начальника адмирала Рожественскаго, адмиралъ Небогатовъ участвовалъ въ бою и этотъ бой велъ съ безупречной храбростью. На его глазахъ перевертывались броненосцы. Корабли адмирала Небогатова проходили мимо одного перевернувшагося броненосца, и волны смыли ту кучку людей, которая, стоя на хребтѣ погибшаго корабля, умоляла адмирала о спасеніи. Тѣмъ не менѣе онъ не падалъ духомъ и бодро сражался до послѣдней возможности. Въ этотъ день изъ строя выбыло 4 броненосца... Ночью начались минныя атаки со стороны японцевъ... 7 судовъ погибло изъ нашей эскадры...

Контръ-адмиралъ Небогатовъ, какъ храбрый полководецъ, участвовалъ въ дневномъ сраженіи, все время подавая примѣръ неустрашимости. Ночью храброе и умѣлое отбитіе японскихъ мин-

ныхъ атакъ должно быть также поставлено въ заслугу адмиралу Небогатову.

Наступаетъ роковое 15-е мая. Не имѣя представленія о томъ, что сдѣлалось съ адмираломъ Рожественскимъ, не зная, что онъ, адмиралъ Небогатовъ, уже является начальникомъ печальныхъ остатковъ эскадры, помня приказаніе Рожественскаго итти во Владивостокъ—это безумное приказаніе онъ пытается привести въ исполненіе. Но съ чѣмъ онъ идетъ? Изъ всей эскадры онъ имѣетъ всего 5 кораблей: 4 броненосца—«Орелъ», «Имп. Николай I», «Сенявинъ», «Апраксинъ» и одинъ крейсеръ «Изумрудъ». Что это были за суда къ тому моменту, когда японцы заставили его принять послѣднее сраженіе, вѣрнѣе послѣдній ударъ? Даже по обвинительному акту «Орелъ» представлялъ изъ себя груду стали, чугуна и желѣза. Въ него попало до 100 снарядовъ, онъ получилъ множество пробоинъ, перебиты были всѣ гребныя суда, повреждена артиллерія, 99 человѣкъ выбыли изъ строя ранеными и убитыми. Говорить объ этомъ броненосцѣ, какъ о боевой силѣ, которая могла бы оказывать дальнѣйшее сопротивленіе, весьма рисковано. Броненосецъ «Николай», на которомъ находился самъ адмиралъ Небогатовъ, пострадалъ также наканунѣ, получивъ нѣсколько пробоинъ и потерявъ нѣсколько шлюпокъ. Правда, пушки еще оставались, но въ какомъ они были состояніи,—свидѣтели говорили объ этомъ. Но главное, снарядовъ, даже по заявленію обвинительнаго акта, почти не оставалось. Стало быть, боевая сила и этого броненосца была тоже весьма проблематична. Затѣмъ остаются два броненосца одинаковаго ранга и силы—«Сенявинъ» и «Апраксинъ», броненосцы береговой обороны,—броненосцы, которые даже и не предназначались къ эскадренному бою, и строители ихъ вовсе не думали ставить ихъ въ возможность сопротивляться 28 лучшимъ японскимъ судамъ, или, вѣрнѣе, всему первоклассному японскому флоту. При этомъ съ «Апраксина» наканунѣ выбыло убитыми и ранеными 12 человѣкъ. Оставался еще крейсеръ «Изумрудъ», быстроходный и пригодный для развѣдокъ, для борьбы же мало цѣнный, какъ въ сухопутной арміи эскадронъ казаковъ необходимъ для развѣдокъ, но при артиллерійскомъ боѣ, совершенно не нуженъ.

Вотъ все, что въ данный моментъ было къ услугамъ адмирала Небогатова, и съ чѣмъ его заставляютъ, по крайней мѣрѣ обвинительная власть, сражаться до послѣдней капли крови, памятуя, что онъ долженъ, если не побѣдить, то во всякомъ случаѣ оказать

непріятелю сопротивленіе и нанести ему тотъ или другой ударъ. Но едва ли можно согласиться съ г. прокуроромъ, что съ этими средствами можно было нанести вредъ непріятелю... Однако вѣдь суда—это не все.

Даже въ рукахъ идеальнаго флотоводца они ничто, когда у него нѣтъ хорошей, надежной команды.

На судахъ была русская команда... Храбрость нашихъ матросовъ считается до такой степени очевидной, провербіальной, что нѣтъ ни одного народа, который не отдавалъ бы ей дань удивленія. Несомнѣнно однако, что подготовки спеціально военной у нашей команды не было никакой. Эти люди, взятые, какъ они разсказываютъ, изъ внутреннихъ губерній, не умѣли даже плавать. Что они не были подготовлены,—это призналъ даже адмиралъ Рожественскій. Но вѣдь это фактъ не только важный, но и рѣшающій. Если эта команда въ колоссальномъ пути, пройти который было уже геройствомъ, терпѣла—жаръ, холодъ и изнурительный трудъ, если она дошла до состоянія крайняго истощенія,—то представьте себѣ, г.г. судьи, какимъ придаткомъ была эта команда къ разстрѣливаемымъ судамъ... 15-го числа, говоритъ одинъ изъ экспертовъ, строго опредѣляться ни здоровые, ни нездоровые не могли вслѣдствіе всего того, что команда вынесла въ пути и вслѣдствіе того ужаснаго испытанія, которое выпало ей на долю, 14-го мая, въ сраженіи, такъ печально окончившемся. «Цусиму» адмиралъ Рожественскій объяснялъ тѣмъ, что у японцевъ былъ высокій подъемъ духа отъ побѣдъ, а у насъ—полный упадокъ духа команды, вполнѣ естественный, потому что мы не одержали до того ни одной побѣды ни на морѣ, ни на сушѣ. Храбрость команды оставалась, но быть только храбрецомъ совершенно недостаточно, когда нужно участвовать въ такомъ бою, какой предстояло принять 15-го мая.

Несмотря на все мужество русской команды, раскрылись у нея глаза на полную безпомощность и беззащитность ея положенія. «Зачѣмъ стрѣлять по врагу? вѣдь мы ему вреда все равно не причиняемъ»...

Такъ говорилъ одинъ свидѣтель-матросъ. Да, они видѣли всю безполезность этой борьбы, которая никакого вреда не причиняла непріятелю. Матросы, повторяю, не трусы, но, понявъ свое ужасное положеніе, они впали въ отчаяніе. Когда показались японскія суда, когда ихъ сосчитали и оказалось, что это вся японская эскадра, одинъ изъ матросовъ сказалъ офицеру спокойнымъ голосомъ (спокойно-трагическимъ): «что же это, Ваше благородіе, конецъ?».

И офицеръ, въ храбрости котораго мы также не сомнѣваемся, долженъ былъ отвѣтить также трагически: «да, конецъ». Молчаливое пониманіе командой и командующими момента было роковое...

А вотъ весельчакъ-матросъ, который весь многотрудный переходъ распѣвалъ пѣсни, услаждая ими экипажъ... Сидитъ онъ наканунѣ боя съ поникшей головой, безмолвный и мрачный. Подходитъ къ нему офицеръ и говоритъ: «что же, молодецъ, повесели себя и другихъ; авось еще и мы японцевъ побьемъ». Но весельчакъ могильнымъ голосомъ отвѣтилъ: «помирать надо, Ваше Благородіе». Вотъ состояніе команды. А г.г. офицеры? Г.г. офицеры съ «Изумруда» до извѣстной степени удачно острили, когда, не разглядѣвъ, какой флагъ подымается на адмиральскомъ суднѣ, полагали, что это сигналъ къ бою... Они говорили: «адмиралъ указываетъ сигналомъ то мѣсто, гдѣ неизбѣжно должны погибнуть остатки русскаго флота»... Такъ говорили люди, сами находившіеся на быстроходномъ суднѣ, на которомъ могли уйти во всякое время. Правильно сдѣлали они, что ушли; правильно понимали они свое положеніе, въ которое были поставлены судьбой, правильно оцѣнивали они безполезность сопротивленія. И дѣйствительно, адмиралъ могъ только указать на то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ погибнуть со всей своей эскадрой...

Не знаю, можетъ быть и при этихъ условіяхъ г. прокурору рисуется возможность побѣдить врага, возможность оказать удачное сопротивленіе, возможность отстоять честь русскаго флага?..

Но этой точки зрѣнія раздѣлить нельзя. Несомнѣнно, можно было только погибнуть. Если нужно было погибнуть, если воинская честь всегда требуетъ «умереть, но не сдаться», тогда, конечно, Небогатовъ не правъ. Но если есть въ законѣ хотя бы малѣйшее указаніе на возможность сдачи, если существуетъ положеніе, когда законъ предписываетъ или хотя бы разрѣшаетъ сдаться, то нельзя не признать, что положеніе адмирала Небогатова, быть можетъ, единственное въ міровой исторіи, было именно такимъ. Съ угнетенной командой, съ 4-мя негодными судами — адмиралъ Небогатовъ былъ окруженъ 28 кораблями японской эскадры... Можетъ быть, однако, японскіе корабли, которые передъ этимъ сражались уже, участвовали уже въ войнѣ, были сами инвалиды?..

Нѣтъ. Когда ихъ разглядѣли, они оказались новешеньки; они вышли, какъ будто на парадъ, какъ будто ихъ только изъ дока спустили; какъ будто въ нихъ изъ орудій наканунѣ не стрѣляли...

Тогда роковое поднимается убѣжденіе, что никакого вреда вчера, когда мы такъ жестоко сражались, когда растеряли лучшія свои суда, когда изъ команды потеряли много убитыми и ранеными, когда перевертывались наши броненосцы,—никакого вреда весь нашъ героизмъ непріятелю не причинилъ. Въ такой моментъ упала бы духомъ самая героическая команда. Нѣтъ такого народа, у котораго судовая команда не впала бы въ состояніе унынія при такихъ условіяхъ. Нѣтъ, повторяю, героическаго народа, который вѣрилъ бы при такомъ положеніи въ цѣлесообразность сопротивленія...

Но адмиралъ не унывалъ... Онъ приказываетъ открыть огонь; онъ все же хочетъ сражаться, хочетъ оказать сопротивленіе... Тутъ его, какъ громовымъ ударомъ, сражаетъ отвѣтъ артиллерійскаго офицера: «безполезно,—наши орудія не хватаютъ». А градъ непріятельскихъ снарядовъ осыпаетъ наши корабли...

Это сразило адмирала Небогатова, отчаявшаяся команда, полуразбитые корабли, артиллерія, которая не вредитъ японцамъ на такомъ разстояніи, на которомъ они разстрѣливаютъ наши суда безнаказанно для себя,—все это не могло не погасить послѣдняго луча надежды у адмирала Небогатова. Безвыходность положенія для всѣхъ въ это время стала ясна до очевидности. Самъ обвинительный актъ признаетъ, что сражаться съ надеждой на побѣду было невозможно: суда повреждены, снарядовъ нѣтъ, да и пушки не хватаютъ до непріятеля. Но обвинительный актъ и г. прокуроръ, неправильно оцѣнивая положеніе, говорятъ, что все же, погибая, мы могли бы нанести тотъ или другой вредъ непріятелю. Глубокое заблужденіе. Сраженіе происходило такъ: было 2 концентрическихъ круга, по одному кругу, по наружному, ходили японскія суда, а во внутреннемъ были жалкіе остатки нашей эскадры. Японскія суда, превосходившія наши корабли во много разъ по быстротѣ хода, совершенно не допускали такого сближенія между нами и ими, чтобы хотя одинъ нашъ снарядъ могъ попасть въ ихъ суда. Они маневрировали такимъ образомъ, что когда мы двигались впередъ, они отступали отъ насъ быстрѣе, чѣмъ мы приближались; это была, такъ сказать, игра въ кошки и мышки. Они не допускали насъ на такое разстояніе, чтобы мы могли имъ вредить и, стоя въ сферѣ недосягаемости для нашихъ пушекъ, они безнаказанно разбивали наши броненосцы...

Вотъ, если принять все это въ соображеніе, то ясно, что можно было, сложивъ руки, спокойно, героически принять ударъ и

смотрѣть въ лицо смерти. Но ни о какомъ вредѣ, ни о какомъ сопротивленіи врагу говорить невозможно.

Г. предсѣдатель настоящаго присутствія въ отвѣтъ на слова адмирала Небогатова сказалъ глубокую истину: «Ваше положеніе было тяжелое». Но я долженъ сказать, что положеніе адмирала Небогатова было не только тяжелое (изъ тяжелаго положенія еще можно найти выходъ),—положеніе адмирала было безнадежное, оно совершенно не оставляло ему никакого рѣшенія, кромѣ сдачи непріятелю, на чемъ онъ и остановился.

Въ самомъ дѣлѣ, что долженъ былъ сдѣлать при этихъ условіяхъ адмиралъ Небогатовъ? О сопротивленіи рѣчи быть не могло. Указываютъ, что онъ могъ все-таки не сдавать корабли; могъ пересадить команду, могъ потопить суда, могъ взорвать ихъ.

Нѣтъ, ни одно изъ этихъ средствъ въ моментъ сраженія безусловно не было къ его услугамъ. Если г. прокуроръ говоритъ, что команду можно было пересадить на крейсеръ «Изумрудъ», такъ какъ въ данный моментъ море было тихо, то онъ впадаетъ въ глубокое заблужденіе и совершенно не представляетъ себѣ самую картину боя. Свидѣтели, которые были здѣсь спрошены, давали по этому поводу нѣсколько ироническій отвѣтъ: развѣ можно было заниматься пересадкой? Для этого нужно было время, котораго японцы намъ не дали бы, нужна была спокойная вода. Что такое тихое море? Это понятіе относительное. Когда говорятъ, что море было тихо, это значитъ только, что не было бури, но не значитъ, чтобы одно судно могло свободно и спокойно подойти къ другому, какъ въ гавани. Для того, чтобы произошло сближеніе судовъ, потребовалось бы такое время, котораго японцы намъ никогда бы не дали: прежде чѣмъ была бы осуществлена на половину эта мысль, наши корабли были бы обращены въ щепки.

«Да», говоритъ одинъ изъ свидѣтелей,—«на это можно было рѣшиться, но изъ этого ничего кромѣ гибели не вышло бы».

Остается вопросъ о потопленіи судовъ. Но по показанію свидѣтелей на это нужно было продолжительное время, а мы этимъ временемъ безусловно не располагали. Если бы мы начали топить корабли, то команда въ 2000 человѣкъ безусловно вся погибла бы, это установили всѣ свидѣтели. Я не буду касаться того, сколько было спасательныхъ средствъ на каждомъ броненосцѣ, но ихъ не хватало даже на незначительную часть команды. Эта команда, какъ мы знаемъ даже плавать не умѣла. Одинъ изъ свидѣтелей говоритъ, что чуть не былъ отданъ приказъ топить броненосецъ, а матросовъ

спасать на баркасахъ, но тутъ же сообразили, что баркасовъ то вѣдь нѣтъ... При этомъ условіи топить броненосцы—значило бы перетопить всю команду, какъ щенковъ...

Взорваться? При полномъ отсутствіи спасательныхъ средствъ, при полномъ уничтоженіи на корабляхъ дерева, команда была бы обречена также на гибель. Значитъ, если бы наши испорченные корабли не были сданы,—команда погибла бы.

А когда нѣтъ возможности сопротивляться непріятелю, когда нѣтъ возможности спасти корабли,—честь, долгъ и присяга заставляютъ адмирала заботиться о командѣ. Для спасенія же жизни командѣ адмиралу оставалось только одно жалкое, не необходимое средство,—это та роковая сдача, которая несомнѣнно была имъ предпринята съ сознаніемъ полной безвыходности положенія, съ сознаніемъ, что иначе нельзя было спасти ни одного человѣка.

Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія положеніе адмирала Небогатова, одинъ изъ спеціалистовъ и знатоковъ по данному вопросу, морской слѣдователь Кронштадтскаго порта, Добровольскій, здѣсь на судѣ говоритъ, что все было сдѣлано въ смыслѣ продолженія боя, въ смыслѣ сопротивленія; но спасти команду иначе, какъ сдачей, было невозможно. Онъ разбиралъ всякіе другіе исходы, и этотъ юристъ-спеціалистъ, знакомый съ содержаніемъ 354 статьи Морского Устава, призналъ, что адмиралъ Небогатовъ былъ въ такомъ положеніи, когда законъ знаетъ закономѣрную сдачу. Г. прокуроръ съ этимъ выводомъ не согласенъ, но г. прокуроръ—сторона, и можетъ увлекаться. Судъ же, обязанный стремиться къ истинѣ, долженъ помнить то положеніе, въ которомъ находился адмиралъ Небогатовъ, и мнѣнія такого спеціалиста, какъ г. Добровольскій, онъ не обойдетъ безъ вниманія, а сдѣлаетъ выводы, вѣроятно близкіе къ выводамъ защиты адмирала Небогатова...

Господиномъ Прокуроромъ поддерживается обвиненіе въ томъ, что адмиралъ Небогатовъ не только сдалъ суда, но сдалъ ихъ безъ боя. Если не считать 14-го мая, когда адмиралъ Небогатовъ провелъ цѣлый день въ бою, если не считать удачнаго отраженія минныхъ атакъ въ теченіи всей ночи на 15-ое мая, если брать только тотъ моментъ, когда, по его приказанію, былъ поднятъ бѣлый флагъ,—да, въ этотъ моментъ сраженія не было. Господинъ прокуроръ говоритъ: «это только и нужно. Если за нѣсколько мѣсяцевъ были сраженія, а въ моментъ сдачи его не было, то нельзя сказать, что сдались въ бою». Правда, если бы Небогатовъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сражался, то объ этомъ можно было бы и

позабыть, но такъ какъ онъ сражался наканунѣ, и отъ этого сраженія ни одинъ человѣкъ не успѣлъ еще отдохнуть; такъ какъ въ теченіи всей ночи происходило отраженіе минныхъ атакъ, то конечно и по совѣсти и даже съ формальной точки зрѣнія нужно считать, что все это было одно продолжавшееся ночью и возобновленное утромъ 15-го мая сраженіе. Перерывъ вызванъ былъ только темнотой, когда стало невозможно продолжать бой. Но и этотъ ночной перерывъ не давалъ покоя русскимъ кораблямъ...

Господинъ прокуроръ, признавая, что адмиралъ Небогатовъ находился въ трудномъ положеніи, но настаивая на незакономѣрности сдачи эскадры, старался представить тѣ психологическіе мотивы, которые побудили адмирала къ сдачѣ. Я не буду разбирать соображеній господина прокурора, но укажу почему, на мой взглядъ, сдача была рѣшена и выполнена адмираломъ Небогатовымъ.

Она была рѣшена единственно по тому альтруистическому соображенію, что безцѣльныхъ жертвъ ни одинъ законодатель ни отъ кого не можетъ требовать. Героизмъ безусловно слѣдуетъ уважать, но ни теперь, ни въ древности, никогда не ставился въ заслугу безцѣльный героизмъ и въ героизмѣ всегда требовалась цѣлесообразность.

Когда есть хоть одинъ шансъ на успѣхъ — предписывается воину сражаться до послѣдней капли крови, но когда героизмъ долженъ проявляться въ безцѣльномъ кровопролитіи,—законъ разрѣшаетъ отступать и это относится даже къ личной жизни человѣка, которой онъ имѣетъ, повидимому, право рисковать и распоряжаться какъ угодно. Когда же за военачальникомъ стоятъ тычячи человѣческихъ жизней, онъ не вправѣ жертвовать ими безполезно. Когда ясно видно, что черезъ нѣсколько минутъ наступитъ гибель для всѣхъ,—начальникъ долженъ предотвратить эту гибель. Говорятъ, что сравнительно съ Мукденомъ, гдѣ погибло 30000 человѣкъ, гибель 2000 матросовъ ничего не значитъ. Не знаю почему отступили отъ Мукдена, но знаю, что тамъ была борьба, и знаю, что если жертвы неизбѣжны въ борьбѣ, то нельзя безцѣльно рисковать и одной жизнью, когда продолженіе борьбы невозможно.

Вы видите здѣсь свыше 70-ти обвиняемыхъ, это все офицеры русскаго флота, и всѣ они были бы на днѣ моря, если бы адмиралъ Небогатовъ не отдалъ приказа сдаться. Несомнѣнно молодыя жизни, среди которыхъ есть люди съ большимъ будущимъ, не могли быть принесены въ безполезную жертву. Правда, если бы ихъ не было, не было бы и этого печальнаго процесса. Но была ли бы

при этомъ спасена честь Россіи и русскаго флота? Я думаю, что нѣтъ.

Кромѣ офицеровъ на броненосцахъ находилась команда, состоящая изъ 2000 человѣкъ, изъ которыхъ, какъ показываютъ единогласно всѣ свидѣтели, спаслись бы развѣ только единицы. Слѣдовательно, 2000 жертвъ помимо офицеровъ были бы также на днѣ моря. А законодатель говоритъ, что когда начальникъ видитъ безвыходность положенія своихъ судовъ, онъ обязанъ, и какъ гражданинъ, и какъ христіанинъ, и какъ военный спасать команду. Это крикъ человѣческой совѣсти и законодатель не можетъ пойти наперекоръ и требовать отъ адмирала безплодныхъ жертвъ людьми. Нужно видѣть въ сигналѣ Небогатова не позоръ, гг. судьи, а приказъ спасать команду. Такъ онъ былъ и понятъ командирами другихъ кораблей. Славный ли это приказъ, заслуживаетъ ли онъ награды,— это дѣло совѣсти каждаго. Но не славы и не наградъ пришелъ искать на судѣ Небогатовъ, а справедливости.

Нельзя было иначе спасти команду, и судъ понимающій, что дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно, не долженъ считать сигналъ къ сдачѣ позорнымъ. Команда хотѣла поднести своему адмиралу адресъ, который былъ остановленъ, но уже около 800 подписей появилось подъ нимъ въ благодарность за спасеніе отъ безцѣльной смерти. Этой награды адмиралъ Небогатовъ вполнѣ заслужилъ. Какъ смотрѣли на положеніе дѣла въ то время, какъ адмиралъ Небогатовъ подымалъ флагъ о сдачѣ, всѣ находившіеся на мѣстѣ, какъ оцѣнивали это положеніе спеціалисты,—объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, что бы подкрѣпить тѣ выводы, которые дѣлаетъ защита. Прежде всего самъ адмиралъ Небогатовъ въ искренней рѣчи, которую онъ сказалъ здѣсь на судѣ, прямо говоритъ, что онъ никакого другого средства для спасенія людей не видѣлъ. Команда готовилась къ смерти, ни къ той смерти, къ которой готовится каждый въ отдѣльности, вступающій въ сраженіе,—готовилась къ такой смерти, когда нѣтъ возможности никому спастись, готовились къ смерти неминучей. Гг. офицеры съ «Изумруда» говорили, что гибель эскадры была несомнѣнна.

Здѣсь на судѣ офицеръ Тросницкій прямо сказалъ, что продолжать бой было невозможно. Такъ говорили всѣ офицеры, а свидѣтель Костенко подтвердилъ, что видъ судовъ вполнѣ оправдывалъ сдачу. Здѣсь на судѣ, кромѣ того, явились два представителя профессій, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ морскому дѣлу: судовой врачъ и судовой священникъ, игуменъ Зосима.

Врачъ говорилъ, что были готовы къ сопротивленію (повидимому, сопротивленіе считалось возможнымъ), а потомъ на вопросы, предложенные ему, призналъ, что въ ихъ положеніи выхода не было никакого. Онъ удостовѣрилъ, что это было мнѣніе не его одного, это было общее мнѣніе, и другого мнѣнія не существовало. Этотъ врачъ намъ сказалъ, что на судахъ говорили о позорѣ, но о позорѣ для тѣхъ, кто поставилъ суда въ безвыходное положеніе. Къ адмиралу этотъ позоръ и не думали относить. Затѣмъ явился игуменъ Зосима.—Онъ говоритъ, что во имя любви и религіи слѣдуетъ щадить человѣческую жизнь...

Не причисляя себя къ людямъ сантиментальнымъ, я во всякомъ случаѣ не раздѣляю точки зрѣнія господина прокурора, что это мнѣніе игумена Зосимы, а «мы—люди военные»...

Нѣтъ, сильно только то государство, гдѣ нѣтъ кастъ. Я думаю, священникъ правильно опредѣлилъ поступокъ адмирала, сказавъ, что «Небогатовъ совершилъ святое дѣло, великій подвигъ, спасая людей отъ безполезной гибели». Эти слова, съ точки зрѣнія христіанской морали благославляютъ дѣяніе Небогатова.

«Тратить безполезно жизни, говоритъ О. Зосима, религія не разрѣшаетъ». Я обращаю вниманіе морского суда на эти слова.

Затѣмъ бывшаго адмирала Небогатова обвиняютъ въ томъ, что онъ не исполнилъ формальности,—не собралъ совѣтъ офицеровъ передъ сдачей. Я думаю, что этотъ упрекъ не можетъ быть принятъ на свою отвѣтственность Небогатовымъ, потому что совѣтъ, въ сущности говоря, былъ. Но что совѣтъ въ томъ положеніи, въ которомъ былъ адмиралъ Небогатовъ, и какъ его использовать? Въ то время, какъ наша эскадра находилась передъ японской, достаточно было $^1/_4$ часа, и всѣ пошли бы ко дну. При такихъ условіяхъ устраивать совѣтъ по формѣ была ли возможность?

Да и что такое военный совѣтъ? Объ этомъ говорилъ адмиралъ Рожественскій, который устанавливалъ, что совѣщаніе имѣетъ въ виду только одно: не предложитъ ли кто-либо, хотя бы изъ младшихъ чиновъ, геніальной мысли для спасенія корабля. Такая мысль немедленно, конечно, обратилась бы въ волю адмирала.

Но гг. офицеры огромнымъ большинствомъ признавали положеніе безвыходнымъ и сдачу неизбѣжной. Если при этомъ были отдѣльные нестройные голоса, которые возражали противъ сдачи, то это не могло мѣшать адмиралу Небогатову поступить согласно мнѣнію большинства и своему пониманію положенія дѣла. Въ настоящее время среди гг. офицеровъ находится нѣсколько человѣкъ,

которые жалѣютъ, что недостаточно сопротивлялись сдачѣ, и я вѣрю, что они въ то время готовы были не подчиниться адмиралу.

Но въ чемъ они тогда выразили свой серьезный протестъ, для меня непонятно. Если въ данномъ случаѣ голоса, которые говорили, что не надо сдаваться, не указывали никакого иного разумнаго выхода, тогда адмиралу предстояло только одно: если бы они стали бунтовать команду, онъ распорядился бы такъ, какъ уставъ приказываетъ, ибо огромное большинство офицеровъ понимало, что сдача необходима. Я думаю, что при этихъ условіяхъ, и съ точки зрѣнія чисто военной, формальной, нѣтъ никакой возможности вмѣнять въ вину адмиралу Небогатову недочеты по созыву совѣта офицеровъ.

Я уже говорилъ, что безполезныхъ тратъ жизней ни одинъ изъ законодателей не требовалъ отъ полководцевъ. Этого не требовали даже въ глубокой древности, и тогда безполезная затрата жизней не составляла подвига.

Мы всѣ восторгаемся,—и это такъ напрашивается на мысль,—подвигомъ спартанскаго царя Леонида. Вотъ, казалось бы, прекрасный примѣръ для адмирала Небогатова... Съ 300 спартанцевъ, застигнутый въ Фермопильскомъ ущельѣ несмѣтными полчищами персовъ, Леонидъ, конечно, понималъ, что онъ долженъ погибнуть, но онъ не сдается, а вмѣстѣ со всѣми 300 спартанцевъ, сражаясь, погибаетъ на полѣ брани. Да, въ такомъ краткомъ видѣ мы читали это въ школьныхъ учебникахъ. Однако исторія знаменитаго фермопильскаго подвига доказываетъ, что царь Леонидъ былъ не только храбрый полководецъ, но и разумный стратегъ, и подвигъ его не только красивъ, но и цѣлесообразенъ. Только за эту цѣлесообразность, быть можетъ, благодарное отечество и прославляетъ его память. Царь Леонидъ защищалъ Фермопилы съ 300 спартанцевъ и 7000 другихъ грековъ, а когда измѣнникъ Эфіальтъ указалъ врагамъ обходную тропинку, то первымъ распоряженіемъ Леонида было 7000 грековъ отослать форсированнымъ маршемъ назадъ, въ глубь страны. Они поспѣшно отступили, а Леонидъ остался только съ 300 спартанцевъ и съ ними сражался, прикрывая отступленіе 7-ми тысячнаго отряда. Смерть 300 героевъ спасла войско отечеству, и въ этомъ главный смыслъ легендарнаго подвига Леонида. Когда мы разбираемъ такіе подвиги, мы понимаемъ, почему соотечественники воздвигали памятники такимъ героямъ: они цѣнили цѣлесообразный героизмъ. Леонидъ,

спасая 7000 воиновъ, своею кровью спасалъ отечество. А Небогатовъ?.. Чего достигъ бы онъ, утопивъ свою команду?..

Исторія никогда не назоветъ героемъ того, кто безполезно броситъ въ морскую пучину 2000 человѣческихъ жизней.

Вы не имѣете никакой возможности сомнѣваться въ личной храбрости Небогатова. У него было только сознаніе отвѣтственности передъ родиной... Кто можетъ говорить здѣсь, что Небогатовъ недостаточно доказалъ свою храбрость?

Наканунѣ 14-го мая онъ находился на своемъ посту, рядомъ съ капитаномъ 1-го ранга Смирновымъ, котораго ранили въ високъ. Когда Смирновъ былъ унесенъ, Небогатовъ самъ служилъ мишенью для японскихъ снарядовъ, до тѣхъ поръ пока оставалась возможность сражаться. Мы не имѣемъ никакого права заподозривать адмирала въ желаніи спасти собственную жизнь. Взорви онъ корабли, или потопи ихъ, онъ самъ имѣлъ бы возможность спастись. Если бы только личныя побужденія руководили имъ, онъ несомнѣнно не сдалъ бы эскадры. Спасательныхъ средствъ было мало, но на одного адмирала ихъ хватило бы. Когда одинъ изъ нашихъ броненосцевъ наскочилъ на мину, Великій Князь, на немъ находившійся, былъ спасенъ. Адмиралъ Небогатовъ думалъ не о себѣ, а о своей командѣ: онъ могъ бы перейти на быстроходный крейсеръ, спастись на немъ въ нейтральный портъ и получить за это даже награду, но онъ не думалъ о себѣ, а только о своей командѣ, съ которой шелъ и съ которой хотѣлъ раздѣлить, какъ сладость побѣды, такъ и позоръ плѣна. Адмиралъ Небогатовъ всѣмъ своимъ прошлымъ доказалъ, — и это признано обвинительнымъ актомъ и его начальствомъ,—что о храбрости его не можетъ быть двухъ мнѣній. «Несомнѣнно я положилъ бы и 50 тысячъ жизней, если бы видѣлъ пользу въ такой жертвѣ,» сказалъ адмиралъ Небогатовъ здѣсь на судѣ, проявляя суровость, которую не всякій похвалитъ. «Въ данномъ случаѣ, продолжалъ онъ, я не считалъ возможнымъ жертвовать ничьими жизнями, потому что положеніе было безвыходное. О себѣ я въ это время не думалъ».

Нѣтъ, личныя побужденія адмираломъ Небогатовымъ не руководили. Единственный упрекъ можетъ быть поставленъ ему, — зачѣмъ онъ шелъ съ такими кораблями, которые обречены были на пораженія.

Но этого вопроса, г. г. судьи, Вы не можете поставить адмиралу Небогатову. Вопросъ этотъ можетъ поставить ему общество; Вамъ онъ отвѣтитъ «я повиновался начальству». Для Васъ этого

отвѣта достаточно; но и обществу онъ можетъ дать отвѣтъ: «меня послали на соединеніе съ адмираломъ Рожественскимъ въ то время, когда эскадры наши еще казались грозными врагамъ, и когда стоялъ Портъ-Артуръ, когда грядущія пораженія наши ни одинъ пророкъ предсказать не могъ. Я, можетъ быть, предполагался резервомъ, можетъ быть, предназначался для другихъ цѣлей. Мнѣ никогда не говорили, что мои жалкіе корабли должны будутъ вести сраженіе со всѣмъ японскимъ флотомъ». Тогда уже говорили о возможности мирныхъ переговоровъ, и посылка третьей эскадры могла способствовать заключенію мира». Воля начальства послала его къ адмиралу Рожественскому, а послѣдній приказалъ ему итти во Владивостокъ. Получивъ такое приказаніе, адмиралъ Небогатовъ молилъ только Николая Чудотворца: «дай туманъ, тогда я проскочу во Владивостокъ». Но тумана не было, и онъ попалъ въ плачевное положеніе. Онъ шелъ туда, куда былъ посланъ, и виноваты во всемъ случившемся тѣ, которые его въ такое положеніе поставили. Самъ господинъ прокуроръ признаетъ трудность положенія эскадры Небогатова, но я думаю, что это положеніе было безконечно труднѣе, чѣмъ объ этомъ говорятъ. Я не знаю Вашего приговора, г. г. судьи но я знаю, что исторія адмирала Небогатова не осудитъ, потому что она безцѣльныхъ жертвъ не требуетъ. Ничего нѣтъ противнѣе человѣческой природѣ, какъ пассивное погибаніе. Недавно въ Свеаборгѣ бунтовщики сдались, хотя и знали, что имъ грозитъ смертная казнь черезъ повѣшеніе, — сдались только потому — что видѣли, что ихъ разстрѣливаютъ, какъ скотъ. Адмиралъ Небогатовъ совершенно основательно говоритъ: «я самъ могъ рисковать сколько угодно своей жизнью, но я помнилъ одно, что Россія дала мнѣ двѣ тысячи жизней, и что есть законъ, повелѣвающій въ извѣстныхъ случаяхъ щадить эти жизни. Я поступилъ такъ, какъ подсказывала мнѣ совѣсть». На этомъ соображеніи я считаю исчерпанной ту задачу, которую я на себя взялъ.

Я кончу тѣмъ, съ чего началъ. Я скажу только одно, что какой бы приговоръ не ожидалъ адмирала Небогатова, онъ безусловно будетъ исторіей очищенъ отъ одного изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, именно, что онъ причинилъ Россіи несмываемый позоръ.

Позоръ Россіи... О, если бы можно было его скрыть!..

Не сдаваться, драться до послѣдней капли крови и погибнуть всѣмъ... Значило ли бы это похоронить позоръ Россіи такъ глубоко въ пучинѣ океана, что онъ навсегда былъ бы скрытъ отъ глазъ міра?

О, нѣтъ!.. Еще нѣсколько минутъ и пошли бы ко дну жалкіе корабли Небогатова... Это ничего,—война жестокое дѣло. Тоните, корабли, тони экипажъ и верховный руководитель его—адмиралъ... Своей гибелью Вы спасете честь Россіи... Такъ ли?!....

Но японцы и весъ міръ развѣ уже не убѣдились, что наши пушки безвредны врагамъ внѣшнимъ, что наши снаряды— неопасны для вражескихъ кораблей, что наши бронированныя суда горятъ, какъ крестьянскія избы, и весь героизмъ нашъ сводится къ пассивной, безславной смерти. Мужественному борцу не жалко продать свою жизнь, но страшно отдать ее даромъ. И не можетъ Россія требовать безцѣльной гибели своихъ сыновъ!..

Рѣчь прис. пов. Квашнина-Самарина.

Гг. Судьи.

15 Мая отрядъ адмирала Небогатова былъ окруженъ японскимъ флотомъ, приближавшимся къ нему въ полной боевой готовности.

А. П Квашнинъ-Самаринъ.

Офицеры и команда были поражены, что несмотря на происходившее наканунѣ сраженіе—врагъ стоитъ передъ ними сегодня сильный и невредимый. Вчера съ одного только броненосца Ни-

колай I было произведено 1400 выстрѣловъ. И выводъ напрашивался самъ собой. Русскіе снаряды во время боя ложились мимо непріятеля.

А 14 Мая тотъ-же отрядъ, стоя въ кильватерной колоннѣ эскадры, наблюдалъ разрушительное дѣйствіе японскихъ снарядовъ. Горѣли суда. Гибли товарищи. Броненосцы одинъ за другимъ исчезали въ морѣ. Отрядъ адмирала Небогатова не былъ простымъ зрителемъ боя. Эти люди, которые наблюдали картину разрушенья и смерти, въ эту минуту сами не принадлежали жизни. И у нихъ были убитые и раненые. Каждый непріятельскій снарядъ возвѣщалъ имъ о смертномъ часѣ, но никто не думалъ объ опасности, и каждый хладнокровно исполнялъ свой долгъ. И вы, гг. судьи, отвергните соображенія г. прокурора, что отрядъ адмирала Небогатова сдался непріятелю безъ боя.

Адмиралъ Небогатовъ, стоя въ боевой рубкѣ, рисковалъ жизнію наравнѣ съ каждымъ матросомъ. Онъ могъ легко найти смерть тамъ, гдѣ гибли тысячи. Слѣдуя полученному приказанію онъ передвигалъ свой отрядъ впередъ по всей кильватерной линіи и наконецъ удачнымъ маневромъ подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, закрывъ бортомъ «Орелъ» который погибалъ и спасши его отъ гибели, занялъ мѣсто головного судна. Военные люди оцѣнятъ хладнокровіе, мужество и тактическія способности адмирала въ Цусимскомъ сраженіи.

Бой утихалъ. Небогатову удалось вырваться изъ сферы непріятельскаго огня. Словно головня, выброшенная изъ горящаго костра, спасался отрядъ Небогатова отъ вѣрной гибели, взявъ курсъ нордъ-остъ 23° на Владивостокъ.

Во время судебнаго слѣдствія былъ возбужденъ вопросъ: дошелъ ли до Небогатова приказъ Рождественскаго принять командованіе надъ всей эскадрой. Небогатовъ увѣряетъ, что нѣтъ. Гг. Судьи, Вы должны довѣрять объсненіямъ Небогатова здѣсь на судѣ. Вы можете судить бывшаго адмирала за то, что по мнѣнію обвинительной власти, онъ не выполнилъ своего воинскаго долга, но Вы не должны безчестить его подозрѣніями въ неискреннихъ объясненіяхъ передъ своими судьями. Настоящій процессъ особенный, и представитель обвиненія опирался на объясненія обвиняемыхъ офицеровъ, не отдѣляя ихъ отъ показаній свидѣтелей. И мы всѣ, и Вы то-же гг. судьи, чувствовали, что лжи здѣсь произнесено не было.

Позвольте напомнить Вамъ, какъ передавался сигналъ адмирала Рожественскаго: миноносецъ прошелъ по борту «Николай» и

оттуда голосомъ и семафоромъ передавали приказы командующаго флотомъ. При такихъ условіяхъ точный сигналъ могъ не дойти до адмирала. Всѣ офицеры подтверждаютъ, что они видѣли сигналъ: итти во Владивостокъ.

Вспомните, гг. судьи, какъ транспортъ «Анадырь» началъ сигналъ и не окончилъ: «извѣстно ли адмиралу Небогатову»; что должно было стать извѣстнымъ такъ и осталось неизвѣстнымъ, и этотъ неоконченный сигналъ могъ сбить Небогатова съ толку.

Я долженъ оговориться, гг. судьи, что я лично не придаю никакого значенія вопросу о томъ, сознавалъ ли Небогатовъ, что онъ остался начальникомъ надъ всей эскадрой, или считалъ ли онъ себя только начальникомъ надъ своимъ отрядомъ. Въ условіяхъ даннаго момента онъ во всякомъ случаѣ могъ отдать только одинъ приказъ: «Слѣдовать за мною» и избрать одинъ только путь: «на Владивостокъ».

Для выясненія дѣйствій Небогатова представляется болѣе важнымъ другой вопросъ, а именно слѣдующій: Небогатовъ не былъ посвященъ въ военные планы командующаго эскадрой адмирала Рожественскаго. Его ни разу не пригласили на военный совѣтъ. И Небогатову оставалось только подчиниться военному генію Рожественскаго. Онъ долженъ былъ подчиниться, потому что Рожественскому былъ ввѣренъ величайшей интересъ родины, а свою роль Небогатовъ долженъ былъ считать второстепенной и служебной. Адмиралъ Рожественскій принадлежитъ къ тѣмъ баловнямъ высокой фортуны, которымъ отдаются съ слѣпою вѣрою; но онъ оказался во власти обстоятельствъ сильнѣйшихъ, и когда его разумъ и воля покинули эскадру, его преемнику оставалось только принять къ своему руководству утренній приказъ Рожественскаго: «держать курсъ нордъ-остъ 23° на Владивостокъ».

Послѣ дневного боя 14 мая, послѣ ночныхъ минныхъ аттакъ Небогатовъ конечно понималъ, что побѣда досталась врагу. Онъ сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что его отрядъ не ушелъ отъ японскаго флота, но что японскій флотъ временно покинулъ поле сраженія, что непріятель вернется и можетъ быть заградитъ ему путь. Но Небогатовъ разсчитывалъ, что побѣдоносный японскій флотъ все-же обезсиленъ, что онъ непремѣнно зайдетъ въ портъ, чтобы сосчитать свои раны, запастись свѣжими снарядами. А у него будетъ время уйти, достигнуть хотя бы островъ Дажелетъ и укрыться въ туманѣ. Ну а если все-таки врагъ его настигнетъ, онъ вступитъ съ нимъ въ бой!

по мнѣнію обвинительной власти, могла оказывать сопротивленіе Японскому флоту въ составѣ 27 боевыхъ единицъ!

Вопросъ о матеріальныхъ силахъ отряда былъ всесторонне разобранъ моимъ предшественникомъ. Мнѣ остается добавить немногое.

На судебномъ слѣдствіи выяснилось точно, что японцы открыли огонь съ разстоянія 58 кабельтовыхъ и прекратили стрѣльбу послѣ сигнала о сдачѣ на разстояніи 56 кабельтовыхъ.

Однако обвинитель сдѣлалъ попытку опровергнуть это обстоятельство путемъ психологическихъ разсужденій. Если наканунѣ японская эскадра, разсуждаетъ г. прокуроръ, окружила весь русскій флотъ и вступила съ нимъ въ сраженіе на близкомъ разстояніи, то 15 мая японцы должны были подойти еще ближе къ 4-мъ уцѣлѣвшимъ броненосцамъ.

Но мы должны понять, что 14-го мая, въ день рѣшительнаго сраженья, когда рѣшалась участь всей войны, японцы должны были поставить на карту всю свою эскадру, чтобы только уничтожить врага.

А 15-го послѣ одержанной побѣды, они, конечно, не рискнутъ ни однимъ кабельтовымъ разстоянія, и благодаря отличнымъ оптическимъ прицѣламъ истребятъ ослабѣвшаго непріятеля, не получивъ въ отвѣтъ ни одного снаряда, который-бы причинилъ малѣйшую царапину. Для нашихъ снарядовъ разстояніе въ 58—56 кабельтовыхъ было недоступно.

Артиллеристы вычислили точно, что наибольшее разстояніе показанья нашихъ снарядовъ было 51 кабельтовыхъ. Самыя снаряды были такого плохого качества, что при взрывѣ не причиняли никакого вреда, а японскіе снаряды разрывались съ ужасающею силой, производя пожары и наполняя воздухъ удушливымъ газомъ. Г-нъ прокуроръ объяснилъ намъ, что превосходство японскаго снаряда зависѣло отъ употребленья двойной трубки въ то время какъ мы, по примѣру всей Европы, пользовались ординарными трубками.

Конечно, война научитъ насъ многому и мы введемъ въ употребленіе ординарную трубку, но для меня важно, что представитель обвиненія призналъ нашу артиллерійскую немощь.

Когда у воина нѣтъ оружія, онъ уже не воинъ. Когда эскадра въ отвѣтъ на мѣткій, японскій огонь можетъ выпускать свои снаряды только для салюта врагу, безъ всякой надежды причинить ему какой-нибудь вредъ, она перестаетъ уже быть эскадрой. Убитъ ея жизненный нервъ. Онѣмѣли пушки, возлѣ нихъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ толпятся люди, безсильные выразить свою отвагу, броня, сталь и желѣзо

отказываются имъ служить. Г-нъ прокуроръ упрекаетъ Небогатова за то, что онъ не затопилъ судовъ и не искалъ спасенья команды въ шлюпкахъ. Но шлюпокъ почти не было и спастись могли-бы весьма немногіе. Были койки, но такъ плохо простеганныя, что пробка ушла и надѣтыя на матросовъ, они увлекали ихъ головою внизъ въ море. А когда г-нъ прокуроръ выражаетъ надежду, что японцы спасли бы русскихъ моряковъ, я протестую противъ этой картины мнимаго геройства, когда команда бросилась-бы въ море въ увѣренности, что врагъ ихъ непремѣнно спасетъ.

Г.г. судьи, для насъ совершенно ясно, что въ случаѣ затопленья судовъ, команда должна была погибнуть, и что центральный вопросъ въ настощемъ дѣлѣ, который занимаетъ всѣ умы и будетъ занимать вашу совѣсть, это тѣ принципы военной этики, которыми долженъ былъ руководствоваться адм. Небогатовъ. Что дороже для чести и достоинства Россіи: спускъ андреевскаго флага, или безцѣльная гибель 2,500 людей.

Г.г. судьи, мы защитники—люди не военные, пришли въ вашу военную среду не колебать принципы воинской чести, но съ глубокимъ уваженіемъ къ военной доблести и къ воинской славѣ.

Я помню слова г. прокурора: «сдачу Небогатовымъ эскадры нужно обсудить не только съ точки зрѣнія этическихъ соображеній о чести андреевскаго флага, но и по соображеніямъ пользы. Мы сдѣлали пользу врагу, мы усилили его 4-мя броненосцами».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ мнѣ слышится насмѣшка прокурора надъ японскимъ пріобрѣтеніемъ. Мы знаемъ, что суда отряда Небогатова обращены японцами въ брандъ-вахты. Въ эту несчастную для насъ войну японцы подняли цѣлый рядъ нашихъ судовъ, не исключая знаменитаго «Варяга», и въ Портъ-Артурѣ и въ Корейскомъ проливѣ. Всѣ они плаваютъ подъ японскимъ флагомъ. Вамъ, г.г. судьи, конечно извѣстенъ списокъ этихъ судовъ.

Правда, судно есть часть русской территоріи, и уступивъ его врагу, мы измѣнили гордому лозунгу: «ни пяди русской земли». Но лозунги, какъ бы эффектны они ни были, не управляютъ событіями—и небо тысячи тысячъ лѣтъ взираетъ на то, какъ народы отнимаютъ другъ у друга цѣлыя пространства земли съ перемѣннымъ счастьемъ. Портсмутскій миръ передалъ въ собственность японцамъ половину острова Сахалина, а это дороже, много дороже 4-хъ старыхъ, негодныхъ броненосцевъ. Но нужно помнить, что въ основѣ пользы всегда лежитъ разсчетъ, и героическіе японцы, которые побѣдили насъ въ эту войну и на сушѣ и на морѣ, умѣютъ отлично

разсчитывать и соображают пользу со своими силами. Я вспоминаю иное время, когда Симоносекскій трактатъ отдавалъ въ обладаніе Японіи и Портъ-артуръ и сферу вліянія въ Кореѣ, но подъ давленіемъ силы Японія сдалась Россіи, и Портъ-Артуръ сталъ на время русскою крѣпостью.

Остается вопросъ этическій. Спускъ Андреевскаго флага. Небогатовъ руководился исключительно желаніемъ спасти 2500 человѣкъ отъ безполезной и мучительной смерти.

Я понимаю, гг. судьи, что на войнѣ отъ адмирала требуется не человѣколюбіе; на войнѣ нужны знаніе дѣла, храбрость, дисциплина, мускулы и мозгъ и на войнѣ нѣтъ мѣста для выраженія нѣжныхъ чувствъ.

Но подойдемъ къ этому вопросу съ другой стороны.

Россія накопила много славы и традиціи былой нашей доблести на звукъ пустой. Эта слава основывается на мощной силѣ русскаго солдата, на его выносливости и безотвѣтности, на способности жертвовать собой. Мы бросили на Дальній Востокъ эту старую испытанную, не разъ выручавшую насъ силу. Но мы забыли, что въ современной войнѣ личныя качества воина ушли на запасный путь, а на главномъ пути гордо расположилась техника. И 15 мая русскій матросъ шелъ не въ сраженье, а на бойню. Этого не могъ, не смѣлъ допустить Небогатовъ. Если бы не существовало 354 ст., которая давала адмиралу ясное указанье, какъ ему слѣдовало поступить, Небогатовъ долженъ былъ ухватиться за призракъ закона.

Быть можетъ отъ адмирала можно требовать, чтобы онъ нашелъ болѣе почетный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ не по своей винѣ. Быть можетъ отъ адмирала родина вправѣ была требовать героизма, того герозма, который шествуетъ свободно по трупамъ людей, который не останавливается ни передъ какими жертвами, хотя бы ради эффекта. Апоѳеозомъ такого героизма былъ, конечно, великій Наполеонъ и г. прокуроръ счелъ необходимымъ обратиться къ его авторитету. Да, героизмъ это великая сила, способная уничтожить всѣ узы и преграды, все оправдывающая, но только тогда, когда героизмъ истинный и неподдѣльный. Сильный, какъ буря, онъ зажигаетъ сердца, у военачальника за плечами вдругъ выростаютъ крылья. А въ данномъ случаѣ чѣмъ могъ вдохновиться Небогатовъ? Бойня не родитъ героевъ.

Погублена честь Андреевскаго флага! Сдача—позоръ! твердили всѣ и на столбцахъ газетъ и въ высшихъ правящихъ сферахъ. Сдача—позоръ! твердила вся оффиціальная Россія, а въ это время

исторія уже заносила въ свои скрижали другія слова: «позоръ Цусимы».

Цусима шире событія 15 мая. Она началась и не 14-го. Цусима началась тогда, когда на безмолвіи народномъ, дерзко попирая народное благо, воцарились тѣ эгоистическіе принципы, которые какъ вихрь смели и народное благосостояніе и народную славу. Что такое Небогатовъ, къ имени котораго Вы не прибавите никакой позорной клички, кромѣ развѣ наименованья человѣколюбецъ, по сравненію съ этими темными роковыми для Россіи силами!

Я прошу у Васъ, гг. судьи, справедливости для бывшаго контръ-адмирала Небогатова.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго М. С. Маргуліеса.

Господа судьи. Я взялъ на себя неблагодарную задачу проанализировать законы, на которыхъ обвиненіе строитъ свои доказательства преступности сдачи Небогатовымъ 4 кораблей. Задача эта неблагодарна не только потому, что законы эти не прошли еще черезъ аналитическое горнило тѣхъ законоистолковательныхъ лабораторій, изъ которыхъ законъ выходилъ яснымъ и всѣмъ понятнымъ; но главное потому, что то простое, въ сущности, положеніе, которымъ резюмируется психологическое содержаніе содѣяннаго Небогатовымъ, покрыто такимъ густымъ слоемъ многовѣковыхъ предразсудковъ, отзвуковъ давно отошедшихъ въ область исторіи положеній и отношеній, что путь къ истинѣ въ Небогатовскомъ дѣлѣ можно приравнять къ плаванію судна, киль котораго, вслѣдствіе многолѣтняго пребыванія въ водѣ, обильно покрылся водорослями и ракушками; плаваніе на такомъ суднѣ крайне замедленно, маневры съ нимъ крайне затруднительны. И первое, что нужно сдѣлать для облегченія плаванія, это ввести судно въ докъ и очистить его киль.

Я и попытаюсь это сдѣлать.

Бесѣдуя съ невоенными о полномъ глубокаго драматизма положеніи, въ которомъ очутился 15 Мая адмиралъ Небогатовъ, я не разъ встрѣчался съ недоумѣніемъ собесѣдниковъ по поводу существованія закона, разрѣшающаго въ извѣстныхъ случаяхъ сдачу.

Какъ, развѣ военнымъ можетъ быть разрѣшено сдаться? И одинъ цитировалъ мнѣ классическое: «со щитомъ или на щитѣ», другой: «гвардія умираетъ, но не сдается».

Несомнѣнная красота этихъ максимъ, однако, не въ выраженной въ нихъ готовности умереть, разстаться съ жизнью, а въ гармоніи между этой готовностью и результатомъ, котораго путемъ самопожертвованія можно было достигнуть въ эпохи, характеризуемыя этими максимами. Когда исходъ сраженія зависѣлъ почти и исключительно отъ того—дрогнутъ ли ряды непріятеля и побѣгутъ или

нѣтъ—могущественнымъ средствомъ обратить ихъ въ бѣгство было засвидѣтельствованіе предъ непріятелемъ готовности воина не уйти съ поля битвы и сражаться, пока его не оставитъ жизнь.

И въ такомъ положеніи военное дѣло было со временъ поединка между Давидомъ и Голіафомъ и чуть ли не по средину минувшаго 19-го вѣка.

М. С. Маргуліесъ.

Но теперь бой рукопашный «пуля дура, а штыкъ молодецъ» отошелъ въ область преданій; абордажъ въ морскомъ дѣлѣ—преданіе. При условіяхъ современной техники бой происходитъ на огромныхъ дистанціяхъ, при которыхъ непріятель не виденъ; видны лишь его суда; смерть скашиваетъ сотни людей—этого не видитъ и не знаетъ противникъ. Подвиги мужества и самоотверженности совершаются въ глубинѣ колоссальныхъ семиэтажныхъ подвижныхъ

домовъ въ несносной жарѣ и чаду кочегарки, гдѣ люди дѣлаютъ невѣроятно тяжелую работу, съ минуты на минуту ожидая ужасной смерти и не съ оружіемъ, а съ угольною лопатою въ рукахъ; никакой подвигъ личной храбрости не можетъ устрашить непріятеля, онъ его не увидитъ; его можетъ устрашить лишь мѣткій ударъ изъ дальнобойной и скорострѣльной пушки и разрушительныя силы ядра.

И сколько бы въ этихъ условіяхъ не гибло народа, сколько бы судовъ не переворачивалось, погребая подъ собою цѣлыя деревни оторванныхъ отъ работы мирныхъ хлѣбопашцевъ—это никого не устрашитъ, напротивъ.

Но несмотря на это огромное измѣненіе въ условіяхъ боя вообще, морского въ частности,—какъ кортикъ, оружіе абордажа, переживъ создавшую его технику морского боя, и до сихъ поръ входитъ въ боевое снаряженіе моряка, такъ и боевыя аксіомы прежняго времени, переживъ свое содержаніе, до сихъ поръ рекомендуются, какъ непререкаемая истина.

И мнѣ думается, что вы сдѣлаете полезное дѣло для воспитанія въ будущемъ хорошихъ моряковъ—чего отъ васъ, судьи, считаетъ нужнымъ требовать господинъ прокуроръ, если вашимъ приговоромъ внушите имъ, что при современныхъ условіяхъ боя, на первый планъ выдвигается не готовность пожертвовать собою и ввѣренными ихъ попеченію людьми, а хорошее оружіе и умѣнье пользоваться имъ.

Адмиралъ Рожественскій сказалъ – насъ побѣдила опытность японцевъ въ стрѣльбѣ.

Прибавьте къ этому: болѣе быстроходныя судна, лучшія пушки, лучшіе снаряды и единство команды — вотъ мораль, вытекающая изъ неслыханной побѣды японцевъ надъ нами. Замѣтьте, что мужеству, готовности умереть—отведено въ этой побѣдѣ самое ничтожное мѣсто; эта готовность была у насъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у японцевъ и сдача произошла уже послѣ полнаго нашего пораженія.

Еще одно замѣчаніе.

Для того, чтобы доказать вамъ, что излагаемыя мною мысли не являются плодами досужихъ размышленій не военнаго человѣка, я обращаю вниманіе ваше на англійскій законъ 1861 г., согласно которому трусость, какъ основаніе сдачи способнаго защищаться корабля, является смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Въ то время, какъ измѣна карается смертью, сдача изъ трусости можетъ окончиться лишь исключеніемъ со службы. Сопоставьте этотъ законъ

съ тѣмъ, что я выше сказалъ, и вы увидите, что на англійскомъ законѣ принципъ приспособленія къ современнымъ условіямъ когда не героизмъ рѣшаетъ исходъ боя, отразился въ высокой степени.

Перехожу къ закону.

Господа судьи, условія сдачи опредѣляются 354 статьей Морского Устава. Въ этой статьѣ уставъ по поводу условій сдачи говоритъ слѣдующее: сдача разрѣшается во избѣжаніе «безполезнаго» кровопролитія. Я подчеркиваю этотъ эпитетъ «безполезнаго» для того, чтобы еще разъ обратить вниманіе ваше на то, что и нашъ законъ считаетъ героизмъ ненужнымъ и неумѣстнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кровопролитіе пользы не можетъ принести.

Слѣдующій терминъ разсматриваемаго закона тоже заслуживаетъ глубокаго вниманія; сдача «разрѣшается», въ тѣхъ случаяхъ, когда кровопролитіе безполезно.

Что означаетъ слово «разрѣшается»? Означаетъ ли оно, что командиру всецѣло предоставляется взять на свою совѣсть рѣшеніе вопроса о томъ, что выгодно для Россіи: пожертвовать людьми или пожертвовать кораблями? или это слово «разрѣшается», употребленное закономъ, налагаетъ извѣстныя обязательства на командира? Я отвѣчу на этотъ вопросъ такъ: если священнѣйшею обязанностью всякаго начальника является воздержаніе отъ безполезнаго кровопролитія и сохраненіе жизни тѣхъ людей, которые ему ввѣрены, то выраженіе ст. 354 «разрѣшается» сдача равносильно приказанію начальнику сдаться въ такомъ случаѣ, когда спасти человѣческія жизни онъ не можетъ иначе, какъ сдачей судовъ. Представьте себѣ, господа судьи, если бы мы толковали законъ иначе, какія тяжкія злоупотребленія были бы возможны въ иныхъ случаяхъ, когда командующій флота, губя корабли и команду, имѣлъ бы полную и легкую возможность спастись самому. Я съ ужасомъ думаю, какія огромныя жертвы человѣческими жизнями можно было бы приносить, если бы слова «разрѣшается» вы толковали не какъ нравственный долгъ, а какъ произволъ военноначальника! Обращаюсь, затѣмъ, къ дальнѣйшему тексту статьи 354.

Я—какъ юристъ, при чтеніи этой статьи возбуждаю два вопроса: во-1-хъ исчерпываются ли этой статьей тѣ случаи, когда сдача разрѣшается и, слѣдовательно, законна; второй вопросъ — нужна ли наличность всѣхъ признаковъ, перечисленныхъ въ упомянутой статьѣ для того, чтобы сдача была законна. На первый вопросъ, вопросъ значительной важности, вопросъ о томъ, исчерпываются ли указаніями 354 статьи всѣ тѣ случаи, когда сдача раз-

рѣшена, и, слѣдовательно, законна, я отвѣчу: «не исчерпывается» и вотъ по какимъ основаніямъ. Если господа судьи вы прослѣдите исторію развитія 354 статьи, то вы увидите, что содержащіяся въ ней указанія на случаи, когда сдача разрѣшается, все болѣе и болѣе расширяются. Статья эта ведетъ свое происхожденіе отъ Морского Устава Петра Великаго. Въ 90 артикулѣ устава содержится указаніе только на два случая, когда сдача разрѣшалась: это, когда была течь, которую нельзя было ничѣмъ остановить, и когда порохъ и амуниціи растрачены. Третій случай, который предусматриваетъ нынѣ 354 статья—это пожаръ на суднѣ—случай этотъ Петромъ Великимъ не предусматривался. Когда въ 1853 году редактировался морской уставъ въ редакціи, схожей съ теперешней, то этотъ третій случай (пожаръ) также введенъ былъ въ Морской Уставъ, но при этомъ въ заключительной части 354 статьи приводилось еще одно ограниченіе, котораго сейчасъ нѣтъ: «если берегъ былъ близко». Въ окончательной редакціи—редакціи 1899 года есть всѣ три случая, которые предусмотрѣны редакціей 1853 года. Но въ нее введено еще одно положеніе, еще одна общая фраза, гласящая, что на ряду съ тѣми случаями, когда израсходованъ порохъ, когда артиллерія сбита, сдача разрѣшается «когда вообще всѣ способы обороны истощены». Это выраженіе «истощены» настолько обще, что было бы гораздо послѣдовательнѣе и логичнѣе, вмѣсто того, чтобы перечислять всѣ случаи, когда сдача разрѣшается, а всѣхъ случаевъ не предусмотришь, сказать, что сдача разрѣшается, когда вообще всѣ способы обороны истощены. Этимъ выраженіемъ поглощаются всѣ случаи, которые предусмотрѣны 354 статьей. Что это именно такъ, что законодатель, вставляя эту фразу и перечисляя другіе случаи, имѣлъ въ виду указать лишь примѣры, когда сдача разрѣшается, а отнюдь не исчерпывать всѣ случаи, когда она возможна, объ этомъ свидѣтельствуетъ и то, что, какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту Морского Устава 1853 года, мотивомъ включенія 354-ой статьи въ Морской Уставъ была забота о томъ, чтобы покрыть командира и офицеровъ сдавшихся; то есть, забота о томъ, чтобы указать на такіе случаи, когда никакъ уже винить нельзя ни командира, ни офицеровъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что не возможны такіе случаи, когда невиновность сразу не очевидна, но все таки судьи приходятъ къ убѣжденію, что сдаваться нельзя было. Я особенно обращаю вниманіе на мотивы, такъ какъ они имѣютъ рѣшающее значеніе.

Теперь, если позволите мнѣ сослаться на другія законодатель-

ства для поясненія того, какую мысль преслѣдовалъ нашъ законодатель, то я укажу на то, что ни въ англійскомъ, ни въ сѣверо-американскомъ, ни во французскомъ законодательствѣ не указаны условія, въ какихъ случаяхъ сдачи запрещаются и разрѣшаются закономъ, разрѣшеніе вопроса о правильности сдачи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется суду. Нельзя не согласиться, что такая постановка вопроса раціональна.

Перехожу къ вопросу о томъ, какая наличность признаковъ нужна, чтобы сдача была признана разрѣшенной закономъ. Есть двоякаго рода признаки, указанные въ 354 статьѣ: матеріальнаго свойства и формальнаго свойства. Признаки матеріальнаго свойства ясны и понятны—это основной руководящій принципъ—«если нельзя иначе спасти людей, какъ сдавши суда, и если всѣ средства защиты истощены, то суда можно сдать».

Формальный признакъ другой. Онъ гласитъ слѣдующее: «съ согласія всѣхъ офицеровъ». Какое значеніе имѣетъ этотъ формальный признакъ—согласіе всѣхъ офицеровъ? Мы долго останавливались на этомъ признакѣ и, мнѣ кажется, мы ему придали гораздо большее значеніе, чѣмъ по существу онъ долженъ имѣть въ данномъ случаѣ. Прежде всего, слѣдуя тому методу, которому я слѣдовалъ, анализируя содержаніе 354 статьи, я позволю себѣ указать, что слова «согласіе всѣхъ офицеровъ» по моему глубокому убѣжденію неправильно передаютъ ту мысль, которая вложена Петромъ Великимъ въ соотвѣтствующую статью. Въ артикулѣ 90 Петра Великаго о согласіи всѣхъ офицеровъ ни слова не говорится; тамъ говорится о «консиліумѣ» всѣхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ; «консиліумъ» въ переводѣ на русскій языкъ не значитъ «согласіе», а означаетъ «совѣщаніе». И совершенно правъ былъ адмиралъ Рожественскій, когда говорилъ, что законодатель имѣлъ въ виду не согласіе всѣхъ офицеровъ, а совѣщаніе. Онъ правъ, не только переводя на русскій языкъ совершенно вѣрно слово «консиліумъ», содержащееся въ артикулѣ Петра Великаго, но онъ правъ по слѣдующимъ соображеніямъ здраваго смысла. Когда офицеры приглашаются на военный совѣтъ, а что такого рода совѣщаніе имѣетъ значеніе военнаго совѣта это призналъ и обвинитель, когда приглашаются офицеры на это совѣщаніе по смыслу 354 статьи, надо получить ихъ согласіе. При этомъ согласіе не индивидуальное на сдачу, не согласіе самого офицера сдаться, а согласіе его на то, чтобы были сданы корабли и команда...

Есть ли тутъ разница?—Огромная. Если бы требовалось только личное согласіе Иванова или Петрова, то это была бы простая перекличка тѣхъ, которые согласны сдаться, перекличка, которую логически надо было бы распространить и на команду: отобравши и отдѣливши тѣхъ кто сдается отъ тѣхъ, кто не сдается, нужно было бы предоставить этимъ послѣднимъ поступить по ихъ пониманію и разумѣнію, а другихъ сдать. Но развѣ это имѣла въ виду 354 статья? Развѣ она имѣла въ виду перекличку? Отнюдь нѣтъ. Когда господа офицеры являются на совѣтъ, то ихъ спрашиваютъ не объ ихъ личномъ согласіи сдаться, а о согласіи на сдачу корабля и людей. И такъ какъ 354 статья исходитъ изъ того предположенія, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда кровопролитіе безполезно, нужно людей спасти, то офицеровъ могутъ на совѣщаніи спросить, имѣются ли на лицо тѣ условія, при которыхъ кровопролитіе безполезно и спасти людей нельзя иначе какъ потопивъ суда. Всякое иное толкованіе привело бы къ абсурдному выводу. Вотъ почему я и думаю, что первоначальная мысль Петра Великаго, что офицеры приглашаются для совѣщанія подтверждается и доводами разума. Но, и помимо этого, господа судьи, я позволю себѣ сказать, что при обсужденіи случая сдачи эскадры Небогатовымъ разсматриваемый нами нами вопросъ не имѣетъ серьезнаго значенія. И вотъ почему. Вы изволите помнить, что 354 статья содержится въ томъ раздѣлѣ военно-морского устава, гдѣ говорится объ обязанностяхъ командира судовъ, и совсѣмъ не относится къ тому раздѣлу, гдѣ говорится объ обязанностяхъ флагмана. Между тѣмъ права и обязанности командира и флагмана неодинаковы. По Морскому Уставу, чѣмъ выше іерархическая ступень, занимаемая лицомъ, тѣмъ болѣе ему предоставлено правъ и преимуществъ. Главнокомандующій во флотѣ представляетъ персону его Величества, и его указы обязательны, какъ Высочайшіе указы. Если стать на эту точку зрѣнія, то будетъ правильно спросить, что же говоритъ законъ о военномъ совѣтѣ, который созывается не командиромъ, а флагманомъ? Объ этомъ говорится въ 63 статьѣ Морского Устава, а не въ 354; а 63 статья даетъ право флагману созывать военный совѣтъ, когда онъ это найдетъ нужнымъ.

Сверхъ того 63 статья прибавляетъ, что мнѣніе совѣта для флагмана не обязательно и на совѣтѣ онъ имѣетъ право даже не излагать всѣхъ своихъ мнѣній и предположеній. Вотъ какія права даются флагману закономъ. Мнѣ кажется, что эти права распространяются на всѣ случаи безъ исключенія.

Если бы, господа судьи, вы не согласились съ моими формальными доводами, то позвольте опять обратиться къ доводамъ здраваго смысла. Если командиръ, сдавая судно, долженъ созвать всѣхъ офицеровъ своихъ судовъ, то логически неизбѣжно, что начальникъ всей эскадры, сдавая всю эскадру, долженъ созвать всѣхъ офицеровъ со всей эскадры. Теперь представьте реальныя условія боя—мыслимо ли это сдѣлать? Найдетъ ли адмиралъ время и возможность созвать военный совѣтъ изъ офицеровъ хотя бы съ 4 броненосцевъ, на своемъ суднѣ, найдетъ ли онъ возможность и время созвать всѣхъ офицеровъ со всѣхъ судовъ и составить съ ними тотъ военный совѣтъ, который, по мнѣнію обвинителя, необходимъ, ибо для сдачи необходимо согласіе всѣхъ офицеровъ? Мнѣ кажется, господа, что не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Разумѣется это невозможно, это абсурдно, но такъ какъ каждый законъ долженъ быть истолкованъ, исходя изъ предположенія, что законодатель обладалъ здравымъ умомъ и твердой памятью, то единственно правильнымъ выводомъ при примѣненіи 354 статьи къ случаю сдачи эскадры флагманомъ, а не командиромъ, должно признать тотъ выводъ, что для адмирала, сдающаго отрядъ, не только согласіе всѣхъ офицеровъ, но даже и созывъ офицеровъ совершенно необязателенъ.

Я очень долго останавливался на этомъ вопросѣ потому, что онъ занималъ господъ судей все время слѣдствія и о немъ трактовалъ г-нъ прокуроръ. Но въ сущности говоря, этотъ вопросъ не имѣетъ очень большого значенія, потому что имъ отнюдь не опредѣляется отнесеніе виновности адмирала Небогатова и офицеровъ къ той или иной части 279 статьи, что имѣло бы огромное значеніе, такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, несоблюденіе только этого условія ни въ какомъ случаѣ не даетъ права примѣнить 279 статью во второй части при наличности всѣхъ прочихъ условій законности сдачи.

Позвольте мнѣ, господа судьи, попутно устранить одно недоразумѣніе, созданное обвинительной властью, относящей тѣмъ не менѣе это недоразумѣніе къ отвѣтственности адмирала Небогатова. Я говорилъ вамъ, что адмиралъ Небогатовъ на вопросъ, прямо ему поставленный на судебномъ слѣдствіи, далъ категорическій отвѣтъ, что онъ сдалъ весь отрядъ, а не только броненосецъ «Николай». Г-нъ прокуроръ, стараясь проникнуть въ психику адмирала Небогатова, заявилъ вамъ, что при первомъ допросѣ Небогатовъ сказалъ, что сдалъ только «Николая», а затѣмъ—и тутъ прокуроръ,

повидимому, дѣлаетъ намекъ на участіе защиты, старался выяснить на судѣ, что онъ сдалъ весь отрядъ.

«Какъ же такъ, говоритъ г. прокуроръ, если адмиралъ утверждаетъ, что онъ сдалъ весь отрядъ, то какъ онъ могъ говорить, что его сигналъ къ сдачѣ не былъ обязателенъ для другихъ судовъ?» Вотъ въ чемъ усматриваетъ противорѣчіе г-нъ прокуроръ. Да проститъ онъ мнѣ, если я скажу, что здѣсь не противорѣчіе, а очевидное недоразумѣніе.

Когда рѣчь идетъ объ обязательности или необязательности извѣстнаго приказанія, то можно считать приказаніе необязательнымъ для другихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неисполненіе его не влечетъ за собою никакой кары для неповинующихся; если нижній чинъ не исполнитъ даннаго ему приказанія и неисполненіе приказанія повлечетъ за собой кару, то очевидно, что приказаніе было для него обязательно; если не послѣдуетъ кары, значитъ приказаніе необязательно. Это элементарно. И вотъ примѣръ крейсера „Изумруда" показалъ на судѣ, что неисполненіе адмиральскаго приказанія о сдачѣ не только не повлекло за собой наказанія офицеровъ „Изумруда", но послужило къ ихъ вящей славѣ. И адмиралъ, заявивъ, что онъ сдалъ всѣхъ, но это не можетъ быть обязательно для другихъ, хотѣлъ сказать, что необязательно это потому, что, если бы они не подчинились, то они не были бы наказаны. Здѣсь нѣтъ противорѣчія.

Я, г-нъ прокуроръ, отказываюсь васъ понять.

Перехожу, г-да судьи, къ 279 статьѣ Воен. Морск. Устава о Нак. Обвинительная власть находитъ въ томъ, что совершилъ адмиралъ Небогатовъ и его офицеры признаки 279 статьи, причемъ второй части 279 статьи, карающей за сдачу смертной казнью. Признаковъ этихъ въ обвинительномъ актѣ указано 4.

Первый: неисполненіе обязанностей по долгу присяги.

Второй: въ противность требованіямъ воинской чести.

Третій: въ противность правиламъ Морского Устава.

Четвертый: сдача безъ боя.

Прежде всего, господа судьи, обращаю вниманіе на нѣкоторыя странности: когда въ слѣдственной комиссіи по настоящему дѣлу былъ опросъ обвиняемыхъ, какъ видно изъ второго постановленія слѣдственной комиссіи, помѣщеннаго на 16 страницѣ I-го тома, обвиненіе предъявлялось отнюдь не въ сдачѣ безъ боя. Тамъ опрашивались обвиняемые такъ—виновны ли они въ томъ, что совершили сдачу послѣ боя.

Адмиралъ Небогатовъ, давая свои показанія слѣдственной комиссіи, говорилъ: «я не признаю себя виновнымъ въ томъ, что совершилъ сдачу послѣ боя, когда средствъ для защиты совершенно не было».

Во время слѣдствія не было сомнѣнія въ томъ, что сдача произошла послѣ боя и затѣмъ, невѣдомо какими путями въ канцеляріи прокурора это обвиненіе превратилось въ сдачу безъ боя. Прокуроръ понимаетъ превосходно, что очень трудно учесть въ условіяхъ современнаго боя, когда бой начинается и когда кончается, но, тѣмъ не менѣе, онъ говорилъ намъ, что нельзя считать сдачу послѣ боя за сдачу, которая произошла черезъ мѣсяцъ послѣ боя. Совершенно правильно. Далѣе, господинъ прокуроръ привелъ примѣръ о сдачѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ произошелъ бой. Это тоже не сдача съ боя. Но предъ нами другой случай: немедленно послѣ того, какъ бой происходилъ, произошла сдача; она произошла, когда не успѣли остыть еще пушки, когда люди не успѣли придти въ себя, послѣ тревожной ночи 14-го Мая. Сдача произошла непосредственно послѣ этого, и это уже не сдача черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ. Наконецъ, г-нъ прокуроръ, повидимому, требовалъ, чтобы до сдачи была видимость сопротивленія—хотя бы съ показной точки зрѣнія, что бы сдающіеся показали, что они могутъ еще выпускать снаряды. И это было исполнено. Свидѣтели удостовѣрили, что съ «Орла» было выпущено три выстрѣла, а свидѣтель Русскихъ устанавливаетъ, что съ «Апраксина» былъ выпущенъ одинъ выстрѣлъ. Сверхъ того до сдачи 15-го утромъ на броненосцѣ «Императоръ Николай I» былъ непріятельскими выстрѣлами снесенъ мостикъ и были ранены офицеры Федотьевъ и Макаровъ. Слѣдовательно, съ формальной точки зрѣнія, на которой стоитъ г-нъ прокуроръ, если не зачесть всѣ жертвы, которыя понесъ флотъ Небогатова, наканунѣ, все же доказательства того, что Небогатовъ сдался съ боя, имѣются на лицо.

Но опять, господа судьи, я долженъ сказать, какъ и по вопросу о согласіи офицеровъ, что вопросъ о томъ, произошла ли сдача съ боя или безъ боя, не имѣетъ рѣшающаго значенія для опредѣленія того, какую часть 279 статьи надлежитъ примѣнить къ данному случаю. Толкуя эту послѣднюю статью, господинъ прокуроръ говоритъ, что должно такъ понимать ее. Первую часть ея, которая караетъ только исключеніемъ со службы, относится къ случаямъ, когда сдача была послѣ боя, а вторая часть, которая караетъ сдачу смертью,—когда сдача была безъ боя.

Прокуроръ прибавилъ, что такое толкованіе второй части статьи пожалуй здѣсь будетъ неправильно. Я согласенъ съ этимъ по той простой причинѣ, что вторая часть 279 статьи гласитъ, что смертная казнь полагается въ тѣхъ случаяхъ, «когда сдача произошла безъ боя или несмотря на возможность защищаться».

Что означаетъ эта вторая часть статьи? Она означаетъ что 279 статья караетъ смертною казнью, если сдача произошла безъ боя; но если суда могли защищаться, то хотя былъ бой — все равно смертная казнь. Значитъ, наличность боя или отсутствіе боя при доказанности возможности защищаться никоимъ образомъ не можетъ избавить виновнаго отъ примѣненія второй части статьи 279.

Если съ другой стороны принять во вниманіе, что даже и при отсутствіи боя, но при абсолютной невозможности защищаться, виновный за сдачу отвѣтственности не можетъ подвергнуться, то, очевидно, что выраженіе «безъ боя» можно выбросить изъ 2-ой части 279 ст. безъ всякаго ущерба для ея значенія.

Вотъ почему я согласенъ съ господиномъ прокуроромъ, что центръ тяжести долженъ быть отодвинутъ въ сторону вопроса, была ли возможность защищаться или нѣтъ.

Господа судьи, вопросъ о томъ, была ли возможность защищаться, относится къ вопросамъ факта; онъ достаточно трактовался моими товарищами по защитѣ адмирала Небогатова и несомнѣнно детали будутъ восполнены тѣми многочисленными защитниками, которые будутъ говорить объ условіяхъ, въ которыхъ были поставлены корабли адмирала. Вотъ почему этотъ вопросъ я оставлю безъ разъясненія.

Итакъ, господа судьи, вопросъ о томъ, сдались ли корабли послѣ боя или безъ боя, нами оставленъ.

Вопросъ о томъ, имѣлись ли средства къ защитѣ— вопросъ факта, который вы разрѣшите согласно вашимъ убѣжденіямъ и опыту.

Перехожу къ третьему признаку, необходимому для примѣненія 279 статьи къ нарушенію правилъ Морского Устава.

Въ ней содержатся матеріальныя и формальныя условія сдачи; матеріальныя условія—это та невозможность или возможность защищаться, о которой говоритъ и 2 часть 279 ст. Она нами разобрана и потому я на ней останавливаться не буду. Что касается формальныхъ условій сдачи, то къ таковымъ относится испрашиваніе согласія офицеровъ и обязанность командира уничтожить всѣ шифры, знаки и секретные документы. Я уже говорилъ выше, что въ данномъ случаѣ, при сдачѣ эскадры флагманомъ, не имѣетъ ни-

какого значенія вопросъ о совѣтѣ, затѣмъ я утверждаю, ссылаясь на свидѣтельскія показанія, что всѣ документы на судахъ были уничтожены.

Такимъ образомъ, формальнаго нарушенія 354 статьи при сдачѣ эскадры Небогатова не было. Вотъ почему и третій признакъ, указанный въ обвинительномъ актѣ, необходимый для установленія наличности преступленія, предусмотрѣннаго 279 статьей и сводящійся къ наличности формальнаго нарушенія Морского Устава, въ данномъ дѣлѣ отсутствуетъ. Остается еще два признака,—это соблюденіе требованій присяги и воинской чести. Мнѣ, какъ юристу, трудно оперировать съ такими понятіями, которыя затрагиваютъ самыя сокровенныя чувства въ той средѣ, къ которой вы принадлежите. Но я не буду подходить къ этимъ вопросамъ съ военной точки зрѣнія, для меня важно только юридическое содержаніе этихъ понятій. Подходя къ нимъ съ юридической стороны, я спрашиваю себя, что должно означать требованіе воинской чести или долга присяги или, точнѣе говоря, каковы должны быть дѣйствія сдающаго эскадру для того, чтобы обвинительная власть могла признать въ нихъ нарушеніе воинской чести и присяги? Разумѣется, къ такимъ дѣйствіямъ не можетъ быть отнесенъ самый фактъ сдачи, ибо, если сдача разрѣшена, она не можетъ итти въ разрѣзъ съ понятіемъ воинской чести и присяги. Къ такимъ дѣйствіямъ не могутъ быть отнесены и позорныя условія сдачи, такъ какъ такая капитуляція предусмотрѣна 281 статьей военно-морского устава, а по этой статьѣ обвиненія къ Небогатову не предъявляется. Не объ этомъ идетъ рѣчь. Такъ что же значитъ выраженіе 279 статьи:—честь и присяга? Юридическое значеніе этого выраженія я нахожу въ текстѣ слѣдующей за этой 279 статьей, въ 280 статьѣ. Послѣдняя часть этой статьи указываетъ, какъ законодатель въ 280 и 279 статьяхъ понимаетъ съ юридической точки зрѣнія значеніе термина—долгъ чести и присяги.

Статья 280 гласитъ, что морской военачальникъ, сдавшій непріятелю укрѣпленный портъ или вообще укрѣпленное мѣсто, «не исполнивши обязанностей по долгу и присягѣ или не употребивши всѣхъ средствъ обороны», подвергается смертной казни. Это и показываетъ, что, съ точки зрѣнія законодателя, понятіе «долга чести и присяги» — равносильно выраженію «и не употребивъ для обороны всѣхъ средствъ».

Вотъ единственное точное указаніе, которое я нахожу въ законѣ. Итакъ, для того, чтобы доказать, что адмиралъ Небога-

товъ своей сдачей не нарушилъ долга чести и присяги, я долженъ доказать, что онъ употребилъ всѣ средства для обороны, которыя были въ его распоряженіи.

Я не буду утомлять васъ фактическимъ перечисленіемъ всѣхъ доводовъ, которые были представлены на судебномъ слѣдствіи въ доказательство принятія Небогатовымъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ. Позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что средства обороны должно понимать не только въ узкомъ, матеріальномъ, техническомъ смыслѣ, но въ широкомъ смыслѣ, не принялъ всѣхъ средствъ обороны военноначальникъ не только тогда, когда онъ не вооружилъ свои корабли, но и тогда, когда поставилъ ихъ въ такія условія, что они не могли съ успѣхомъ защищаться. Если я правильно понялъ г. Прокурора, то онъ именно съ этой точки зрѣнія и предъявилъ обвиненіе адмиралу Небогатову. Адмиралъ Небогатовъ не принялъ всѣхъ мѣръ обороны, не поставилъ заблаговременно суда въ такія условія, при которыхъ могъ бы избѣжать драматической развязки, когда онъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между чувствомъ человѣколюбія, долгомъ присяги и чести и чувствомъ самосохраненія.

Правильно ли это? Я ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями вскользь. Г-нъ прокуроръ предъявилъ въ своей рѣчи совершенно новое обвиненіе, котораго до сихъ поръ въ обвинительномъ актѣ не имѣлось. Онъ обвинялъ адмирала въ гибели «Наварина», «Нахимова», «Сысоя Великаго» и другихъ судовъ, павшихъ отъ минныхъ аттакъ непріятеля. Небогатовъ, будучи командующимъ эскадрой, не принялъ мѣръ, чтобы выяснить положеніе этихъ судовъ, онъ не позаботился о нихъ.

Я не буду останавливаться на этомъ новомъ обвиненіи по той причинѣ, что въ немъ кроется очевидное недоразумѣніе; несмотря на то, что свидѣтели твердо установили, что если адмиралъ Рожественскій и передалъ команду Небогатову, то до Небогатова не дошелъ сигналъ объ этомъ, несмотря на это г-нъ прокуроръ утверждаетъ, что 14-го числа вечеромъ адм. Небогатовъ былъ командиромъ эскадры. Неправильность этого утвержденія для всѣхъ очевидна.

Еще другое обвиненіе раздавалось съ этой кафедры: Адмиралъ Небогатовъ не принялъ всѣхъ мѣръ обороны, такъ какъ до того, какъ былъ окруженнымъ непріятелемъ, онъ имѣлъ возможность принять всѣ мѣры, чтобы люди спаслись на шлюпкахъ, а затѣмъ потопить свои броненосцы, и, такимъ образомъ, спасти честь андреевскаго флага.

Основываетъ свое второе обвиненіе г-нъ прокуроръ на утвержденіи офицера Патона, что между моментомъ, когда адмиралъ Небогатовъ уже зналъ, что его окружаетъ японская эскадра, и моментомъ, когда произошла сдача, прошло не менѣе 2 часовъ, а въ теченіе двухъ часовъ можно было многое сдѣлать и, во всякомъ случаѣ, пересадить на шлюпки команду. Такъ ли это, г-нъ обвинитель?

Правда, капитанъ Патонъ говорилъ о 2 часахъ, но на основаніи записей въ вахтенномъ журналѣ и здѣсь его товарищъ, лейтенантъ Полушкинъ, выяснилъ, что эти записи были сдѣланы черезъ пять дней послѣ событія. Въ опроверженіе этихъ записей у насъ есть въ высшей степени детальное и добросовѣстное показаніе свидѣтеля—обвиняемаго Ведерникова. Я позволю себѣ напомнить это показаніе, такъ какъ моментъ, который оно характеризуетъ, является чрезвычайно серьезнымъ. Если намъ не удастся доказать, что Небогатовъ не могъ устроить своевременно пересадку, я понимаю, что это будетъ тяготѣть большей тяжестью надъ участью адмирала Небогатова.

Итакъ, вотъ подробный разсказъ Ведерникова.

15-го Мая въ 6 часовъ утра на лѣвомъ траверзѣ появилось 5 дымковъ. Кто это—было неизвѣстно. Но, не зная въ полномъ объемѣ всего ужаснаго, что произошло наканунѣ, когда погибла масса судовъ, не зная, что насъ покинулъ адмиралъ Энквистъ, адмиралъ Небогатовъ при каждомъ появленіи дымковъ неизбѣжно приходитъ къ заключенію, что это свои и питаетъ эту сладкую иллюзію до тѣхъ поръ, пока дѣйствительность не устанавливаетъ противнаго. Первое появленіе въ 6 часовъ дымковъ отчасти подтвердило иллюзію адмирала Небогатова; съ марса было донесено, что эти суда, идущія параллельнымъ съ нами курсомъ, стрѣляютъ съ лѣваго борта.—Правильно или неправильно было это свѣдѣніе, но оно было доложено. Отсюда дѣлается выводъ, что тамъ, на западѣ отъ японскихъ дымковъ есть наша эскадра, и адмиралъ Небогатовъ немедленно приказываетъ: «8 румбовъ налѣво», для того, чтобы ринуться на непріятеля и соединиться со своими. Но это оказалось иллюзіей. Японцы поворачиваютъ также на 8 румбовъ и ускользаютъ отъ насъ. Имѣйте въ виду, что въ 6 часовъ было всего пять японскихъ судовъ и что тогда принимать мѣры для спасенія команды, Небогатовъ, если онъ не трусъ, не долженъ былъ и думать. Въ 8 часовъ появилось еще 7 дымковъ и опять на лѣвомъ траверзѣ. Вызывается «Изумрудъ», который идетъ на

развѣдку и, вернувшись съ первой развѣдки, онъ приноситъ неправильныя, но крайне утѣшительныя свѣдѣнія; говоритъ, что это русскія суда и съ ними одно французское. «Изумрудъ» посылается вторично на развѣдку и только спустя полъ часа онъ приноситъ свѣдѣнія, что это японскія суда. Адмиралъ Небогатовъ все еще надѣется, что наши суда имѣются, и что можно бороться—онъ не отказывался отъ возможности бороться до послѣдней крайности. Онъ ждетъ дальнѣйшихъ событій. И вотъ дальнѣйшія событія подтверждаютъ его ожиданіе—появляется съ лѣваго борта, но на этотъ разъ на лѣвую раковину, еще нѣсколько дымковъ, если не ошибаюсь 6. Ведерникова спрашиваетъ, что это за суда. Отвѣта нѣтъ—они далеко на горизонтѣ. Ведерниковъ поднимается на марсъ и смотритъ въ бинокль Цейса; онъ различаетъ трехъ-трубные корабли и говоритъ, что это наши, ибо у Энквиста были 3-хъ трубныя суда, причемъ они идутъ въ безпорядкѣ; и это еще болѣе утверждаетъ его предположеніе, что это наши суда, разстроенныя послѣ сраженія наканунѣ. Это было около 6-ти часовъ, прошу замѣтить часъ. И только послѣ того, какъ эти суда приблизились на 90 кабельтовыхъ, для Ведерникова было очевидно, что это японскія суда. И только тогда было доложено адмиралу Небогатову, что мы окружены 15—18 судами.

Только въ этотъ моментъ адмиралъ Небогатовъ долженъ былъ разстаться со всѣми другими иллюзіями, только тогда ужасная правда была передъ нимъ. И вотъ, по заявленію Ведерникова, между моментомъ, когда можно было съ достовѣрностью сказать, что японцы на горизонтѣ и только японцы, и моментомъ, когда былъ выпущенъ первый выстрѣлъ, прошло около $^1/_4$ часа. Если сопоставить разстоянія, на которомъ онъ могъ окончательно распознать японцевъ—90 кабельтовыхъ, съ разстояніемъ въ 60 кабельтовыхъ, съ котораго сдѣланъ былъ выстрѣлъ, то, принимая быстроту хода японскихъ судовъ въ три кабельтова въ минуту, будетъ правильнымъ допустить, что разстояніе въ 30 кабельтовыхъ было ими пройдено въ 10 мин.—$^1/_4$ часа. Это показаніе Ведерникова было подтверждено лейтенантомъ Пеликаномъ и г. Трухачевымъ, который сообщилъ намъ, что въ промежутокъ времени между установленіемъ, что мы имѣемъ передъ собой японцевъ и моментомъ, когда былъ произведенъ ими выстрѣлъ, его команда едва успѣла внести въ батарейное помѣщеніе свои койки.

Итакъ, господа судьи, если вы сопоставите математически точныя, по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ изложеніи, показанія ка-

питана Ведерникова съ тѣми свѣдѣніями, которыя внесены въ вахтенный журналъ «Изумруда»—черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ совершились событія, которыя мы анализировали, притомъ записывались въ условіяхъ, когда было трудно добросовѣстно отдать себѣ отчетъ, что происходило, если вы сопоставите все это, то вы скажете, что правъ Ведерниковъ. А если онъ правъ, то адмиралъ Небогатовъ не упустилъ ни одного способа, которымъ можно было бы защитить свой отрядъ. И онъ не виновенъ въ томъ, что законъ называетъ нарушеніемъ долга чести и присяги.

Вотъ, господа судьи,—279 и 354 статьи, на которыхъ господинъ прокуроръ строитъ свое обвиненіе.

Я могъ бы окончить, но я долженъ коснуться опять вскользь второго вопроса, который поднялъ г-нъ прокуроръ. Для того, чтобы представить въ отрицательномъ свѣтѣ отношеніе офицеровъ и команды къ тому, что совершилъ адмиралъ Небогатовъ, г-нъ прокуроръ сказалъ вамъ: господа офицеры неблагодарны адмиралу Небогатову за то, что онъ сдалъ эскадру, а команда, если возмущалась, что онъ осужденъ, то только потому, что она видѣла въ немъ соучастника по несчастью, такъ какъ она, точно тоже какъ и Небогатовъ, была лишена воинскаго званія.

Да проститъ мнѣ господинъ прокуроръ—оба заявленія его не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Отношеніе офицеровъ къ адмиралу Небогатову вы видѣли на судѣ. Вы слышали ихъ глубоко сочувственные и почтительнѣйшіе отзывы о бывшемъ ихъ начальникѣ. Я не хочу быть жестокимъ, такъ какъ я врагъ всякихъ жестокостей, но я утверждаю, что если бы присутствующіе здѣсь офицеры, въ мужествѣ которыхъ никто не сомнѣвается, видѣли въ адмиралѣ Небогатовѣ виновника ихъ позора и бѣдствій то они нашли бы выходъ для своей чести по отношенію къ нему и къ себѣ, а они всѣ здѣсь—77 на лицо.

Что касается до команды, то неправильность того, что говорилъ г-нъ прокуроръ, доказать легко.

Указъ о разжалованіи адмирала Небогатова и 4-хъ офицеровъ и объ исключеніи ихъ со службы послѣдовалъ 22 Августа 1905 года; указъ о лишеніи команды воинскаго званія воспослѣдовалъ въ сентябрѣ 26 того же года. Но команда ничего не знала объ этомъ; она узнала о постигшемъ ее несчастіи лишь въ сентябрѣ нынѣшняго года. Когда, обезпокоенная слухомъ, что она лишена воинскаго званія, она стала волноваться въ плѣну, то завѣдующій эвакуаціей генералъ Даниловъ телеграфировалъ въ Петербургъ и въ

приказѣ его отъ 31 декабря 1905 г. за № 5 имѣется такое заявленіе: «На мой запросъ сегодня получена телеграмма отъ морского министра — 1) что матросы Небогатовской эскадры не лишены воинскаго званія...» Одновременно съ этимъ офицеръ Бѣлавинецъ, обезпокоенный тѣмъ, что команда волнуется, телеграфировалъ генералу Данилову, заявляя въ телеграммѣ: «несмотря на вашу телеграмму, судейскій капитанъ д'Андрэ говоритъ, что команда лишена званія безъ суда, прошу немедленно отвѣтить». Въ отвѣтъ получается телеграмма отъ 3-го января 1906 года: «совѣтую вѣрить болѣе русскому генералу, чѣмъ судейскому капитану. Даниловъ».

Для васъ, господа судья, должно быть ясно, что команда, когда ее перевозили обратно, довѣряла русскому генералу и считала себя не лишенной воинскаго званія.

Слѣдовательно, сочувствіе команды, которая говорила: «дѣдъ пожалѣлъ насъ, спасибо дѣду», и которая хотѣла поднести ему адресъ, сочувствіе это было отъ чистаго сердца и не было вызвано тѣмъ, что она видѣла въ немъ товарища по несчастью, наказаннаго также, какъ и команда, безъ суда.

Обращаюсь къ послѣдней группѣ аргументовъ прокурора.

Господинъ прокуроръ, повидимому, считаетъ недостаточно обоснованнымъ на законѣ свое обвиненіе, и потому считаетъ нужнымъ его обосновать на авторитетахъ, для чего ссылается на Наполеона, капитана Патона и неизвѣстнаго автора.

Я процессуально считаю себя безоружнымъ передъ ссылкою на неизвѣстнаго автора. Какъ бороться съ неизвѣстнымъ авторомъ? Поэтому, оставляя ее безъ всякаго возраженія, я возвращаю эту ссылку г. Прокурору. Сверхъ указанныхъ авторитетовъ прокуроръ еще ссылался на другихъ морскихъ писателей, которые задавались разными хитроумными вопросами какъ бы поступили японцы, если бы, да кабы... Я не знаю, какое имѣетъ значеніе даже и съ точки зрѣнія элементарной логики ссылка, хотя бы на величайшихъ авторитетовъ міра, если эти послѣдніе занимаются гаданіемъ на кофейной гущѣ! Тѣмъ не менѣе, прокуроръ ссылается на Эммануэлей, Джемсовъ и др., которые говорятъ, что японцы въ положеніи Небогатова не сдались бы.

Какое отношеніе имѣетъ все это къ судебнымъ доказательствамъ? Если бы все же вы предупредили меня, господинъ прокуроръ, что вы желаете учинить рекордъ ссылокъ на авторитеты, то у меня нашлось бы очень много полезныхъ для насъ ссылокъ. Но я къ рекорду этому не готовился и потому могу указать лишь на

то, что у меня сейчасъ подъ рукою—на книгу проф. Худекова «Путь къ Цусимѣ». Въ этой книгѣ проф. Худековъ удѣляетъ десятокъ страницъ лейт. американскаго флота Уайту, подробно описывающему Цусимскій бой. Профессоръ Худековъ глубоко вѣритъ въ авторитетность Уайта. А этотъ американскій морякъ заканчиваетъ свое описаніе боя словами: «адмиралъ Небогатовъ приказалъ поднять флагъ, возвѣщающій о сдачѣ. Можетъ ли кто назвать такой поступокъ неразумнымъ?»

Еще разъ повторяю: мои и прокурорскія цитаты имѣютъ значеніе не судебныхъ, а развѣ только салонныхъ доказательствъ и отъ дальнѣйшаго состязанія на этомъ поприщѣ я отказываюсь.

Но вотъ здѣсь было сдѣлано нѣсколько ссылокъ, которыхъ я не могу оставить безъ опроверженія какъ, напримѣръ, ссылка на капитана Кладо, который точно также утверждаетъ, что японцы никогда бы не сдались. Это заявленіе г. Кладо я оставлю безъ отвѣта, но что должно показаться весьма любопытнымъ, въ виду неоспоримой компетентности г. Кладо въ этой области, это то, какъ г. Кладо самъ понималъ назначеніе тѣхъ судовъ, которыя были ввѣрены адмиралу Небогатову. Говоря въ своихъ статьяхъ въ самый разгаръ снаряженія Цусимской эскадры, что въ нашемъ распоряженіи имѣются огромныя богатства флота, что намъ нечего заниматься попытками пріобрѣсти экзотическую эскадру, капитанъ Кладо заявляетъ, что, если взять «Николая I» съ «Александромъ II», да къ нимъ присоединить броненосецъ «Славу», то получится сильный отрядъ, «который прекрасно могъ бы дѣйствовать противъ второстепенныхъ японскихъ отрядовъ для окончательнаго завладѣнія моремъ послѣ генеральнаго сраженія». Сдѣлавши это открытіе, г. Кладо говоритъ облегченно: «Вотъ, слава Богу, мы и наскребли не болѣе, не менѣе, какъ 6 броненосцевъ и двѣ канонерскія лодки». Обрадованный удачною находкою, въ составъ которой вошли: «Ушаковъ», «Сенявинъ» и «Апраксинъ», г. Кладо занялся вопросомъ о томъ, какое назначеніе можетъ быть имъ предоставлено. На стр. 62-й своей книги: «Послѣ ухода второй эскадры Тихаго Океана» онъ заявляетъ: «Но вѣдь это все суда, которыя будутъ принимать на себя снаряды, которые въ противномъ случаѣ увеличили бы количество попавшихъ въ тѣ малочисленныя суда, которыя пока туда направлены».

У насъ въ Либавѣ экономизировали при стрѣльбѣ на считахъ, а японцамъ въ качествѣ мишени мы предоставляемъ цѣлую эскадру съ тысячами людей! Во всякомъ случаѣ, не оспаривая авторитета г. Кладо въ вопросахъ о боевой способности судовъ, я обращаю

ваше вниманіе на то, что Небогатовъ былъ глубоко правъ, говоря—«нельзя возлагать на собаку того, что доступно лошади и наоборотъ».

Считаю нужнымъ, во имя справедливости отмѣтить, что г. Кладо, говоря о необходимости послать третью эскадру, былъ остороженъ въ своихъ выводахъ. Изучая боевой коэффиціентъ нашихъ силъ и силъ противника, онъ утверждая, что нашъ боевой коэффиціентъ относится къ японскому такъ, какъ одинъ относится 1, 8. Далеко не такъ остороженъ другой авторъ, который въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Новомъ Времени» 5-го декабря 1904 г., заявилъ: да на что намъ боевой коэффиціентъ, у насъ есть свой «русскій коэффиціентъ», и коэффиціентъ этотъ гласитъ: «сила не въ силѣ, сила въ рѣшимости».

Авторъ этого письма адмиралъ Бирилевъ.

И воплотивъ этотъ русскій коэффиціентъ въ адмиралѣ Рожественскомъ, эскадру съ коэффиціентомъ, но со скверными пушками, послали въ японское море. Результаты вамъ извѣстны.

Г-да судьи, еще одно замѣчаніе. Г. Прокуроръ цитировалъ много авторитетовъ, которые утверждаютъ, что русскіе моряки позорно сдались. Это неправда. Они сдались, но не позорно. Такія несчастія случались въ исторіи всѣхъ странъ міра, со всѣми флотами. Въ доказательство этого позвольте мнѣ процитировать мнѣніе адмирала Грейга по поводу сдачи фрегата «Рафаила». Когда капитанъ Стройниковъ сдалъ фрегатъ, то онъ находился внѣ выстрѣловъ врага. Адмиралъ Грейгъ пишетъ Николаю I «весьма много есть примѣровъ, когда англійскія и французскія суда сдались безъ боя и командиры ихъ были оправданы. И что, если нельзя отнести, «Рафаила» къ подобному случаю, какъ не испытавшаго опасности,—то все же это ни одна держава не можетъ считать безчестьемъ для русскаго флота. Если бы командиры ихъ судовъ были въ такомъ положеніи, въ какомъ находился и «Рафаилъ», несомнѣнно въ этомъ случаѣ и они могли сдаться безъ обороны».

Этими словами адмирала Грейга я кончаю свою рѣчь. Позвольте сказать только одно заключительное слово.

Адмиралъ Небогатовъ узналъ въ Японіи, что онъ Высочайшимъ указомъ исключенъ изъ службы и немедленно пріѣхалъ въ Россію, чтобы бороться за свою поруганную честь. Господинъ обвинитель предложилъ вамъ не отнимать жизни у Небогатова на томъ основаніи, что до сихъ поръ никогда въ аналогичныхъ положеніяхъ ее не отнимали у виновныхъ.

Но обвинитель забылъ прибавить, что никогда обвиняемый не находился въ такихъ условіяхъ, какъ Небогатовъ. Его положеніе хуже положенія командира Рафаила, капитана Стройникова, сдавшагося внѣ выстрѣловъ непріятеля въ 1829 году, такъ какъ Стройниковъ не былъ осужденъ до суда и Высочайшая кара не висѣла надъ совѣстью судей. Никогда, до Небогатова, не приходилось командиру отчитываться передъ начальствомъ,—косвеннымъ виновникомъ той катастрофы, искупительной жертвой которой является Небогатовъ.

И все же Небогатовъ спокоенъ, потому что спокойна его совѣсть.

Господа судьи, все что въ Россіи умѣетъ мыслить и чувствовать, все, что отдаетъ себѣ сознательный отчетъ въ перепетіяхъ той драмы, одинъ изъ актовъ которой разыгрывается теперь на судѣ, всѣ, кому надоѣло, наконецъ, видѣть какъ караются пассивные исполнители, въ то время, какъ активные виновники безконечныхъ бѣдствій предшествующей войны безнаказанны, всѣ ждутъ отъ васъ оправдательнаго приговора для Небогатова и его офицеровъ.

И только рѣшительное, безъ оговорокъ, «нѣтъ не виновенъ» дастъ намъ всѣмъ право сказать злорадствующимъ врагамъ свѣта и правды: «нѣтъ, на судѣ Андреевскій флагъ не спускается ни передъ кѣмъ».

Рѣчь присяжн. повѣренн. А. А. Пеликана.

Мы приблизились, наконецъ, къ тому, господа судьи, всѣми желанному моменту, которому остается только заполниться вашимъ приговоромъ, чтобы вылиться въ уже готовую форму историческаго событія первостепенной важности для будущности дорогого намъ русскаго флота. Выражаясь: — всѣми желанной-исторической-первостепенной важности, я не боюсь упрековъ въ преувеличеніяхъ. Всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстно, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ родина, вотъ уже болѣе года, жаждетъ услышать хоть частицу истины о причинахъ и размѣрахъ постигшаго ея при Цусимѣ униженія. Въ вашемъ приговорѣ она найдетъ, я глубоко въ томъ увѣренъ, господа судьи, прямой и искренній отвѣтъ на многіе, волнующіе ее вопросы. Разрѣшая настоящее дѣло, вамъ, вѣдь, придется попутно разрѣшить и цѣлый рядъ еще вопросовъ проффесіональной этики, указать, не колеблясь:—чѣмъ должно въ будущемъ руководствоваться наростающее поколѣніе моряковъ, если судьбѣ благоугодно будетъ поставить ихъ въ тѣ же условія, въ какихъ въ свое время находились злополучныя жертвы Цусимской катастрофы? Также точно, осуждая кого либо изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу, вамъ прежде всего придется тщательно выяснить: — какія же именно обязанности, по долгу присяги, не были имъ исполнены, согласно съ требованіямм воинской чести и правилами морского устава, при сдачѣ непріятелю 4-хъ броненосцевъ, какъ бы на грѣхъ, уцѣлѣвшихъ при разгромѣ армады генералъ-адъютанта Рожественскаго?

Лишь при наличности всѣхъ этихъ указаній и выясненій можно серьезно разсуждать о примѣнимости или непримѣнимости къ разсматриваемому событію 279 ст. военно-морского устава о наказаніяхъ, на примѣненіи которой продолжаетъ настаивать обвинительная власть, несмотря на постигшую уже ее неудачу въ дѣлѣ о сдачѣ непріятелю миноносца «Бѣдовый»,

На дѣлѣ «Бѣдоваго» я долженъ нѣсколько остановиться. Въ дѣлѣ этомъ были отчасти предрѣшены, отчасти только намѣчены нѣкоторые вопросы, возникающіе и въ настоящемъ дѣлѣ. Для насъ оно является прецедентомъ, съ которымъ необходимо считаться, тѣмъ болѣе, что имѣется не мало охотниковъ усматривать аналогію между обоими дѣлами. Только увѣренностью, что аналогія эта существуетъ, можно объяснить себѣ стремленіе обвинительной власти добиться и въ вашемъ приговорѣ примѣненія 13 и 14 ст. Улож. о наказ.

А. А. Пеликанъ.

Но вы, господа судьи, смѣю надѣяться, аналогіи этой не признаете. Между дѣломъ «Бѣдоваго» и настоящимъ дѣломъ нѣтъ ничего общаго. Только въ одномъ они какъ бы сходятся, но и то для того лишь, чтобы тотчасъ же разойтись въ противоположныя стороны. И въ томъ, и въ другомъ дѣлѣ сдача оправдывается требованіями человѣколюбія, но миноносецъ «Бѣдовый» былъ сданъ ради спасенія драгоцѣнной жизни адмирала Рожественскаго, броненосцы же были сданы ради избавленія отъ ненужной отечеству смерти нѣсколькихъ сотъ, если не всѣхъ двухъ слишкомъ тысячъ нижнихъ чиновъ и при томъ отъ смерти, соединенной съ длительными, неподдающимися въ своемъ ужасѣ описанію, страданіями. Представьте себѣ, господа судьи, хоть на мгновеніе, что должны были испытывать, погибая люди «Бородино», «Александра», «Осляби», «Суворова», находившіеся внизу, въ машинномъ и кочегарномъ отдѣленіяхъ, когда корабли перевертывались и ваша душа, душа старыхъ моряковъ, видавшихъ на своемъ вѣку виды, недаромъ говорятъ, кто на морѣ не бывалъ, Богу не молился, содрогнется отъ ужаса. Моя же содрогается и отъ злобы. Вотъ почему я не соглашусь ни за какія блага въ мірѣ оспаривать положеніе, что миноносецъ, хотя и не такой какъ «Бѣдовый», а самый со-

вершенной конструкціи, не стоитъ жизни несчастнаго, но все-таки чтимаго своими подчиненными адмирала. Но я готовъ всѣми силами моего разумѣнія доказывать, что власть военно-начальника жертвовать, ради достиженія тѣхъ или другихъ военнныхъ цѣлей, состоящими подъ его командою частями, не можетъ быть безгранична и, во всякомъ случаѣ, должна обусловливаться дѣйствительными, а не призрачными интересами родины. Родина не Ваалъ и Молохъ, чтобы требовать человѣческихъ жертоприношеній.

Какъ бы тамъ ни было, но обѣ эти сдачи огненными буквами будутъ записаны на скрижаляхъ русской военно-морской исторіи и, въ свое время, получатъ вмѣстѣ съ вашимъ приговоромъ достодолжную отъ нея оцѣнку. Я не дерзаю, господа судьи, распространяться на тему, какое значеніе лично для васъ должно имѣть это послѣднее обстоятельство, какъ оно можетъ вліять на вашъ разумъ, на вашу совѣсть. Вамъ это лучше моего извѣстно.

Историческое значеніе настоящаго процесса возлагаетъ и на защиту въ немъ исключительныя обязанности. Ей приходится не столько заботиться объ оправданіи подзащитныхъ, сколько объ оправданіи самаго событія, въ которомъ подзащитные несомнѣно участвовали, и въ которомъ часть общества, по мотивамъ самаго разнообразнаго свойства, хочетъ во что бы то ни стало видѣть тяжкое, позорящее страну, преступленіе. Здѣсь я долженъ оговориться. Я прошу, г. г. судей, эту мою оговорку запомнить. Когда я говорю «объ оправданіи событія», я подъ событіемъ разумѣю всю совокупность явленій, сопровождавшихъ сдачу, а не голый фактъ сдачи. Что сдача сама по себѣ тяжкій позоръ и страшное несчастье, объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ. Но для родины она всегда является и позоромъ, и несчастьемъ, а для тѣхъ, кто въ ней участвовалъ, она можетъ быть или только позоромъ, или несчастьемъ. Она будетъ позоромъ, если побудительныя къ ней причины были трусость, нежеланіе продать врагу дорогой цѣной свою жизнь, измѣна. Она будетъ несчастьемъ, если люди были доведены до нея тяжкимъ стеченіемъ обстоятельствъ и другого исхода какъ подчиниться требованіямъ непріятеля у нихъ не было.

Въ переживаемое нами трудное время, когда всѣ страсти разнузданны, когда въ ожесточенной борьбѣ всевозможныхъ партій и теченій, не только не церемонятся съ человѣческой честью, но даже самую жизнь человѣка, не задумываясь, приносятъ въ жертву своимъ, подчасъ эгоистическимъ цѣлямъ, задача такого оправданія нелегка. Не легка потому, что приходится считаться съ слишкомъ

ужъ разнообразными чувствованіями, настроеніями и представленіями лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ исходѣ процесса, бороться съ ихъ предвзятыми или невѣрно обоснованными понятіями, опровергать ходячіе между ними вымыслы и легенды, которымъ они вѣрятъ, хотя эти легенды въ большинствѣ случаевъ оказываются только вредными для флота пережитками стараго, но далеко не добраго времени.

Здѣсь мнѣ придется коснуться предметовъ священныхъ вопросовъ наболѣвшихъ. Я надѣюсь, что не коснусь ихъ устами кощунственными, рукою неосторожною.

Въ основѣ настоящаго процесса лежитъ крупное недоразумѣніе. Оно порождается самой формулировкой обвиненія. Всѣмъ подсудимымъ предъявляется обвиненіе по 279 ст. морск. уст. о наказ. Статья эта не разъ уже цитировалась здѣсь на судѣ какъ въ обвинительномъ актѣ, такъ и въ рѣчахъ г. Прокурора и моихъ товарищей по защитѣ. Но я долженъ обратить вниманіе г. г. судей на одно весьма существенное обстоятельство. Обвиненіе по ней формулировано невѣрно, въ немъ допущена произвольная замѣна одного слово другимъ,—слова «согласно», словомъ «противность». Такъ подсудимые обвиняются въ томъ, что безъ боя спустили флагъ передъ непріятелемъ, не исполнивъ обязанности своей по долгу присяги и въ противность требованіямъ воинской чести и правиламъ морского устава. Между тѣмъ подлинный текстъ закона выраженія «въ противность» не знаетъ, въ немъ говорится «согласно съ требованіями воинской чести и правилами морского устава». Разница тутъ весьма значительная. Въ самомъ дѣлѣ:—что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ «долгъ присяги, воинская честь»? Поставлены они тутъ только для украшенія текста закона или подъ ними слѣдуетъ разумѣть понятія, имѣющія юридическій смыслъ? Я полагаю, что слѣдуетъ. Форма присяги находится въ текстѣ закона. Воинская честь является результатомъ историческаго опыта не только русскаго, но и всѣхъ прочихъ культурныхъ народовъ. Чтобы раскрыть понятіе о томъ, что такое представляетъ изъ себя присяга въ юридическомъ смыслѣ, проще всего обратиться къ толкованію, которое давалось ей въ теченіе послѣднихъ 50-лѣтъ, законоучителемъ морского корпуса протоіереемъ Бѣлявскимъ. По мнѣнію о. Бѣлявскаго присяга заключаетъ въ себѣ шесть обязательствъ. Каждый воинъ, говоритъ онъ, вступая на службу, даетъ клятву передъ Богомъ, страшась отвѣтственности въ этомъ мірѣ и въ томъ, соблюдать слѣдующія обязательства: вѣрность Царю и Отечеству, храб-

брость, бдительность, безусловное послушаніе властямъ, преданность своей части и знамени, честность и благочестіе. Къ настоящему дѣлу имѣетъ оношеніе только второе изъ этихъ обязательствъ—храбрость. То, что говорится о вѣрности Царю и Отечеству къ разсматриваемому событію не относится. Вѣдь вы очень хорошо знаете, г. г. судьи, что въ настоящее время все значеніе этого обязательства исчерпывается той формулой, которая была дана генераломъ Драгомировымъ и которая внушается каждому новобранцу, какъ основа воинскаго долга: «Дѣлай все, что прикажетъ начальникъ, а если противъ Государя, то не дѣлай». Согласно о. Бѣлявскому, подъ вторымъ обязательствомъ присяги—храбростью, разумѣется требованіе «чинить врагамъ Государя и государства храброе и сильное сопротивленіе. Воинъ съ оружіемъ въ рукахъ обязанъ защищать отечество отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, оказывая имъ при этомъ храброе, т.-е. безбоязненное сопротивленіе, хотя бы ему это стоило собственной жизни и жизни его противника». Храбрость въ христіанствѣ, говоритъ о. Бѣлявскій, подлежитъ, однако, смягченію и ограниченію. Христіанство почитаетъ цѣлью войны не возможно большее нанесеніе вреда непріятелю съ возможно меньшею потерею силъ, а возможно быстрое и надежное усмиреніе врага, съ возможно меньшими потерями и для себя и для него самого. Отсюда видно, что понятіе храбрости, въ такомъ безграничномъ смыслѣ, какъ требуетъ г. прокуроръ отъ всякаго призываемаго подъ знамена человѣка, быть не можетъ. Иначе, каждый вступающій подъ знамена, рискуетъ присяги не выполнить. Всякій долженъ въ силу присяги биться до послѣдней капли крови, но имѣя возможность при этомъ защищаться, долженъ погибнуть, нанося вредъ непріятелю, но не давая ему возможности бить себя безнаказанно, до потери послѣдней капли крови.

Обращаясь теперь къ тому: что слѣдуетъ понимать подъ воинской честью, исполненіе требованій которой ставится въ обязанность 279 статьей военн. морск. уст. о наказ., я полагаю, что понятіе это вполнѣ раскрывается въ историческихъ примѣрахъ, которыми такъ богаты всѣ народы христіанскаго міра. Въ переживаемую нами торжественную минуту нельзя закрывать глазъ на историческую правду, всѣ маскарадные костюмы, въ которые привыкли у насъ рядить историческія событія, необходимо сбросить разъ на всегда. Только познавши какъ слѣдуетъ свое прошлое, можно разсчитывать на лучшее будущее. Въ прошломъ у насъ было не мало сдачъ. Ихъ насчитываютъ до 84-хъ. Но сдачамъ этимъ

старались всегда придавать не то значеніе, которое онѣ имѣли въ дѣйствительности. Я не буду касаться всѣхъ сдачъ, а позволю привести себѣ только одинъ примѣръ, который какъ разъ имѣлъ мѣсто въ тѣ времена, когда Петровскій законъ, столь излюбленный г. прокуроромъ, находился въ полномъ дѣйствіи. Другихъ законовъ наше законодательство въ тѣ времена не знало.

Въ 1807 году, въ моментъ объявленія войны между Россіей и Англіей, на Портсмутскомъ рейдѣ стояли два русскихъ судна: фрегатъ «Спѣшный» и транспортъ «Вильгельмина». Фрегатъ «Спѣшный» считался лучшимъ въ Балтійскомъ флотѣ; качества его были превосходны, онъ былъ отличный ходокъ. Основываясь на этихъ данныхъ, рѣшились отправить на немъ деньги для эскадры вице-адмирала Сенявина. Всѣхъ денегъ было свыше 700.000 рублей золотою монетою. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Спѣшному» была дана инструкція конвоировать транспортъ «Вильгельмину», который имѣлъ совсѣмъ иныя качества и былъ извѣстенъ, какъ весьма худой ходокъ. Грузъ его былъ малоцѣнный: солдатское сукно, холстъ и т. п. На фрегатѣ «Спѣшный» была по Высочайшему повелѣнію отправлена въ Лондонъ для операціи княгиня Голицына. Плаваніе было тяжелое, благодаря дурнымъ качествамъ «Вильгельмины». Княгиня Голицына плакала, молила скорѣе доставить ее въ Англію, и вотъ, уступая ея мольбамъ, командиръ «Спѣшнаго» капитанъ-лейтенантъ Ховринъ рѣшился разлучиться съ «Вильгельминой», назначивъ ей «рандеву» въ Портсмутѣ. Здѣсь, ожидая «Вильгельмину», ему пришлось оставаться слишкомъ долго; «Вильгельмина» терпѣла всякія невзгоды въ морѣ. Наконецъ, она явилась въ Портсмутъ въ тотъ моментъ, когда война между Россіей и Англіей была объявлена. Извѣстіе объ этой войнѣ отъ нашего посланника запоздало на 12 часовъ. Положеніе нашихъ судовъ было отчаянное: фрегатъ былъ окруженъ англійскими военными судами, которыя съ заряженными орудіями стояли фертоингъ и имѣли въ готовности шпринги. Всего непріятельскихъ судовъ было три:—«Лидеръ», «Брунсвигъ», и «Гюсаръ». Пушекъ на «Спѣшномъ» было 44, на «Лидерѣ»—неизвѣстно, а на «Брунсвигѣ» и «Гюсарѣ», согласно донесенію посланника Аллопеуса 74 и 44. На фрегатѣ «Спѣшный» была старая отличная команда и солдаты второго морского полка также молодцы. 20-го декабря (новаго стиля) Англійскій адмиралъ Монтегю, имѣвшій флагъ на 4-мъ кораблѣ—«Рояль Вильямъ», письменно увѣдомилъ командира «Спѣшнаго», что получилъ приказаніе своего правительства взять и задержать всѣ русскія суда,

находящіяся въ Портсмутѣ. Прочитавъ письмо, капитанъ-лейтенантъ Ховринъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, объяснивъ имъ въ чемъ дѣло, показалъ имъ безпомощность ихъ положенія и сказалъ, что предстоятъ двѣ дороги, первая—умереть со славою, но безъ всякой пользы, взорвавъ корабль, вторая—сдаться непріятелю. Что же касалось до него, онъ избиралъ вторую, потому что готовъ былъ пожертвовать собою, для спасенія многихъ невинныхъ жертвъ. Офицеры въ угрюмомъ молчаніи согласились на предложеніе своего командира; они понимали, что съ его стороны дѣйствуетъ разсудокъ, у нихъ же кипѣла молодая кровь. «Я всегда держалъ себя», писалъ Ховринъ министру морскихъ силъ Чичагову, «готовымъ къ сраженію, но при семъ случаѣ, видя невозможность въ успѣхѣ, рѣшилъ однимъ собой пожертвовать всей строгости справедливыхъ законовъ; безъ сопротивленія сдался во власть превосходной силѣ, а флагъ оставался до захожденія солнца и спущенъ съ прочими при обыкновенной церемоніи. На другой день объявлено о формальной войнѣ и сказано о плѣнѣ; я рѣшился, безъ надежды себя оправдать, а только отъ моего разсудка и воли, состояло пощадить напрасное убіеніе многихъ невинныхъ людей безъ пользы; ежели же буду счастливъ, что по суду меня обвинятъ, всякую казнь готовъ принять съ радостью». Фрегатъ простоялъ подъ Англійскимъ флагомъ дней 5, потомъ былъ разоруженъ. Деньги были захвачены, но сундукъ съ порціонными деньгами, хранившійся у дверей капитанской каюты, былъ ими оставленъ, такъ какъ офицеры объявили, что эти деньги принадлежатъ имъ. Когда до свѣдѣнія Государя дошло плѣненіе фрегата «Спѣшный» и транспорта «Вильгельмина», то послѣдовало Высочайшее повелѣніе: Ховрина и командира «Вильгельмины» капитана-лейтенанта Пильгардта, за неисполненіе возложенныхъ на нихъ порученій начальства, исключить изъ службы. Впослѣдствіи обнаружилось, что исключены они были не за сдачу, а за отступленіе отъ данной инструкціи и за упущеніе по службѣ, а именно: за разлученіе по просьбѣ княгини Голицыной. Въ отношеніи самой сдачи фрегата «Спѣшный», командира и бывшихъ подъ его начальствомъ морскихъ чиновъ признано было винить не за что; фрегатъ сдался, потому что защита была безполезна и не отдалила бы и на полчаса овладѣніе имъ. Ховринъ оставался въ плѣну 3 года, а Пильгардтъ и другіе офицеры—4 года. Въ маѣ 1810 года Пильгардтъ подалъ прошеніе на Высочайшее Имя, прося о помилованіи. На эту просьбу послѣдовала резолюція: «капитанъ-лейтенантовъ Хов-

рина и Пильгардта простить и принять въ службу». На обоихъ судахъ, кромѣ командировъ было: два лейтенанта, 6 мичмановъ, 10 гардемаринъ, 9 разныхъ чиновъ офицеровъ, и нижнихъ чиновъ 436 и 65. По прибытіи въ Россію всѣ были удовлетворены жалованьемъ и провіантомъ по положенію съ 1807 года по 1811 годъ; время пребыванія въ плѣну приказано считать за дѣйствительную службу. Бывшій тогда гардемариномъ на «Спѣшномъ», впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, полный адмиралъ, членъ Государственнаго Совѣта, Мелиховъ былъ членомъ комиссіи 1852 года по составленію Морского устава и его настояніемъ обязана настоящая редакція 354 ст. воен. Морск. устава.

То, что я сейчасъ разсказалъ, взято мною изъ статьи В. Шульца, напечатанной въ Январьской книжкѣ морского сборника за 1855 годъ. По словамъ г. Шульца, онъ, составляя свой разсказъ, руководствовался разсказами трехъ остававшихся въ живыхъ очевидцевъ, бывшихъ въ плѣну, а именно адмирала Мелихова, генералъ-маіора Коростовцева и полковника корпуса флотскихъ штурмановъ Козлова, а также дѣлами архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Морского. Къ сожалѣнію, въ настоящее время подлиннаго дѣла въ архивѣ морского министерства не находится. Оно во время историческихъ работъ, вѣроятно, затерялось. Тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что статья эта принадлежитъ перу такого авторитетнаго писателя, какъ В. Шульцъ, автора извѣстной книги «Подвиги русскихъ моряковъ», а также, что она напечатана въ Морскомъ Сборникѣ за 1855 годъ, въ самый разгаръ войны, служитъ ручательствомъ, что сообщенное свѣдѣніе Шульцомъ—истина. Никто не посмѣлъ бы, да и цензура не допустила бы какой-либо невѣрности въ изложеніи такихъ примѣровъ. Такихъ примѣровъ въ иностранной исторіи вообще было много. Сдачи встрѣчаются и въ исторіи англійскаго флота, и французскаго флота и въ блестящую эпоху исторіи испанскаго и португальскаго флота. Культурные народы запада уже давно исчерпали всѣ вопросы о сдачахъ, которыя такъ насъ волнуютъ и это отразилось вполнѣ въ ихъ законодательствахъ. Хотя одинъ изъ моихъ товарищей по защитѣ и говорилъ уже объ англійскомъ законѣ, но я позволю себѣ все таки на этомъ законѣ остановиться. Англійскій законъ о сдачѣ, какъ и всѣ англійскіе законы, вполнѣ ясенъ и категориченъ, онъ требуетъ, чтобы командиръ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы использовать боевыя способности своего корабля. Если онъ сдастъ корабль, а сдача предоставлена исключительно его власти, то онъ отвѣчаетъ за это

въ слѣдующихъ 3-хъ случаяхъ: 1) когда сдача обусловлена была измѣной, 2) когда она была обусловлена трусостью и 3) когда она явилась слѣдствіемъ болѣе или менѣе важныхъ упущеній по службѣ. Въ первомъ случаѣ полагается смертная казнь, во второмъ смертная казнь или заточеніе, въ третьемъ менѣе строгое наказаніе, смотря по важности упущеній. Значитъ, англійскій законъ не всякую сдачу считаетъ одинаково важной и допускаетъ ее не только какъ результатъ измѣны или трусости, но, и какъ результатъ ошибки, неумѣнія оріентироваться въ своемъ положеніи, найти изъ него правильный выходъ.

Я полагаю, что наша 279 ст. устава воен. морск. о наказ. есть ни что иное, какъ переложеніе англійскаго закона съ пріуроченіемъ его къ нашимъ русскимъ условіямъ. Такъ, у насъ говорится о нарушеніи долга присяги — у англичанъ — объ измѣнѣ, у насъ — о несоблюденіи воинской чести, — у англичанъ — о трусости, у насъ — о неисполненіи правилъ морского устава, у англичанъ - объ упущеніяхъ по службѣ.

Но г. прокуроръ не ограничивается одною ссылкою на 279 ст. военно-морск. уст. о наказ. Онъ ссылается еще и на 68-ю ст. того же устава. Статья эта говоритъ: «въ случаѣ совершенія по приказанію начальника дѣянія, признаннаго судомъ преступнымъ, подчиненные подлежатъ отвѣтственности только тогда, когда превысили данное имъ приказаніе, или же, исполняя приказаніе начальника, не могли не видѣть, что онъ имъ предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службѣ, или совершить дѣяніе, явно преступное». Это значитъ, что подчиненный можетъ не исполнить явно преступное наказаніе начальника и потомъ оправдываться въ неисполненіи. Если же онъ не исполнитъ такое приказаніе въ присутствіи самого начальника, то, что будетъ съ нимъ тогда, еще неизвѣстно, ибо статья 68-я намъ этого не разъясняетъ. Когда начальникъ приказываетъ совершить дѣяніе, нарушающее присягу и вѣрность службѣ, мы знаемъ, что такое присяга и вѣрность службѣ. Но когда приказаніе начальника заключаетъ въ себѣ требованіе совершить явное преступленіе, то тутъ возникаетъ вопросъ: что слѣдуетъ разумѣть подъ явнымъ преступленіемъ? Если мы вспомнимъ, гг. судьи, наше дѣтство, когда мы учились въ школѣ, и когда приблизительно составлялись дѣйствующіе законы, то мы вспомнимъ также, что намъ твердили, что такое явное преступленіе. Это такое преступленіе, учили насъ, сознаніе о которомъ самимъ Господомъ Богомъ вложено въ душу человѣка и само ска-

зывается въ его совѣсти. И малый ребенокъ, и взрослый, и культурный человѣкъ, и простолюдинъ могутъ легко отличать его. Но служебное преступленіе, какую бы важность ему законъ не придавалъ, подъ понятіе явное преступленіе никакимъ образомъ не подходитъ, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ условій времени и мѣста, а отнюдь не отъ тѣхъ началъ, которыя заложены въ душу человѣка отъ рожденія.

Другое не менѣе важное недоразумѣніе въ настоящемъ процессѣ—это историческіе вымыслы и легенды, которыя такъ распространены въ морской средѣ и впитываются въ умы еще на школьной скамьѣ, принимаются безъ малѣйшей провѣрки за истину. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести всѣ вымыслы и легенды, имѣющіе цѣлью возвеличеніе славы Андреевскаго флага, который въ такихъ возвеличеніяхъ вовсе не нуждается. Его не только боевыя, но и культурныя заслуги такъ велики, что ни въ какихъ прикрасахъ надобности не имѣютъ.

Особенно вредное значеніе для настоящаго дѣла имѣетъ «пресловутое дѣло» о сдачѣ «Рафаила». Въ дѣлѣ этомъ многіе усматриваютъ прецедентъ для настоящаго дѣла. Я считаю необходимымъ коснуться сдачи «Рафаила», потому что объ этой сдачѣ упоминалъ г. прокуроръ въ дѣлѣ «Бѣдоваго». Оно дѣло это не можетъ быть признано аналогичнымъ съ настоящимъ дѣломъ. Тамъ дѣйствительно имѣла мѣсто трусость, тамъ не только не рѣшились вступить въ бой съ непріятелемъ, но сдались ему, находясь внѣ его выстрѣловъ, когда онъ по причинѣ штиля не могъ къ нимъ приблизиться. Въ морской средѣ существуетъ увѣренность будто «Императоръ Николай I» наложилъ на участниковъ сдачи строжайшія кары. Командиръ и старшій офицеръ были осуждены на смертную казнь, офицеры и нижніе чины въ каторгу. Дѣтямъ сдавшихся запрещено было вступать въ бракъ, чтобы не было отъ нихъ потомства трусовъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Старшій офицеръ умеръ до конца слѣдствія, командиръ былъ сосланъ въ крѣпостныя арестантскія роты, а потомъ помилованъ. Изъ офицеровъ только немногіе были легко наказаны, а большинство были или прощены или совсѣмъ оправданы. Сыновей командира Стронникова Николай Павловичъ приказалъ принять на казенный счетъ въ морской корпусъ, положивъ резолюцію, что дѣти за преступленія отцовъ не отвѣчаютъ.

Г. Прокуроръ для того, чтобы освѣтить свое положеніе о незаконности сдачи, какъ факта, ссылается на Петровскіе законы,

но приводитъ эти законы не полностью, указывая только на тѣ ихъ мѣста, гдѣ говорится о наказаніяхъ за сдачу, но умалчиваетъ о морскомъ регламентѣ, въ которомъ говорится о тѣхъ же условіяхъ, оправдывающихъ сдачу, что и въ 354 ст. устава морского. Имѣется, однако, одно существенное различіе. Въ морскомъ регламентѣ сказано: «Если кто растрѣляетъ безъ пользы свои снаряды и запасы, тотъ не можетъ оправдываться въ сдачѣ ихъ отсутствіемъ.» Я думаю, что вамъ, въ случаѣ осуществленія предполагаемаго пересмотра 354 статьи, придется внести въ нее такую поправку: «кто при встрѣчѣ съ непріятелемъ прикажетъ, не вступая съ нимъ въ бой, открыть кингстоны и начать топиться, тотъ подвергается...». Мои товарищи по защитѣ уже возбуждали вопросъ о разстояніи, съ котораго японцы открыли огонь и о спасательныхъ средствахъ, имѣвшихся въ распоряженіи адмирала Небогатова.

Вопросъ о разстояніяхъ въ показаніяхъ нижнихъ чиновъ — свидѣтелей — не ясенъ. Каждый свидѣтель показываетъ то разстояніе, которое ему казалось такимъ въ моментъ, когда онъ его наблюдалъ, а къ какому моменту его показаніе относится, изъ читанныхъ на судѣ показаній, не видно. Надо отдать справедливость предварительному слѣдствію. Оно произведено такъ, что за его протоколами нельзя признать значенія судебнаго доказательства. Между тѣмъ на этихъ протоколахъ и строится главнымъ образомъ обвиненіе. Въ дѣйствительности японцы, окруживъ отрядъ Небогатова, стали постепенно, какъ говорится, сжимать кольцо. Но это сжиманіе началось уже послѣ того, какъ сигналъ о сдачѣ былъ поднятъ. Подъ конецъ сдачи разстояніе было совсѣмъ уже не велико, кабельтовыхъ 15—20, а можетъ быть и меньше. «Вѣдь японскій миноносецъ подходилъ даже», выразился здѣсь на судѣ одинъ изъ подсудимыхъ, «къ самому борту броненосца». Но разстрѣлъ былъ начатъ и конченъ съ разстоянія приблизительно 56—60 кабельтовыхъ. Сближеніе началось уже послѣ того, какъ огонь былъ прекращенъ. Японцы, какъ утонченно жестокіе люди, не могли лишить себя удовольствія использовать ту психическую пытку, которую они приготовили нашему отряду на случай отказа его спустить флагъ. Систематически, не рискуя потерей хотя бы одного матроса, не говоря уже объ офицерахъ, они наносили намъ ударъ за ударомъ, становясь сами на недостигаемое для насъ разстояніе. Хотя это ужасно, но кто знаетъ японцевъ, тотъ не можетъ не согласиться, что это было именно такъ.

Что же касается спасательныхъ средствъ, то меня интере-

суетъ только вопросъ о состоянiи ихъ на брононосцѣ «Императоръ Николай I». На судѣ безусловно установлено, что броненосецъ этотъ никакихъ спасательныхъ средствъ не имѣлъ. Всѣ шлюпки были разбиты, поясовъ и круговъ было мало, послѣднiе были самаго плохого качества. Койки были употреблены для защиты дальномѣровъ, чтобы разобрать ихъ потребовалось бы слишкомъ много времени. Пользоваться ими было трудно. По словамъ свидѣтелей, привязанные къ нимъ люди перевертывались въ водѣ ногами вверхъ. Наконецъ, еще одно недоразумѣнiе, послѣднее. Я не стану утомлять вашего вниманiя, г.г. судьи. Позору настоящей сдачи противопоставляютъ подвиги нѣкоторыхъ судовъ, гибнувшихъ, но не сдававшихся. Пользоваться примѣрами героизма можно только тогда, когда примѣры эти надлежащимъ образомъ выяснены и доказаны. Я не сомнѣваюсь, что подвиговъ было не мало, что они несомнѣнно возвеличатъ славу Андревскаго флага, но полагаю, что ссылаться на нихъ въ переживаемую нами минуту слишкомъ рано. Судъ исторiи еще не сказалъ о нихъ своего послѣдняго слова. Мы не знаемъ, что заставило погибшiя суда дѣйствовать такъ, а не иначе. Къ разслѣдованiю причинъ гибели этихъ судовъ не былъ даже примѣненъ тотъ порядокъ разслѣдованiя, который существуетъ въ законѣ на случай крушенiя судовъ вообще.

Теперь я снова долженъ вернуться къ дѣлу «Бѣдоваго». Оно имѣетъ для насъ слишкомъ важное значенiе. Во время его дебатовъ, адмиралъ Рожественскiй сказалъ знаменательное слово. Я полагаю, что въ искренности и авторитетности этого слова изъ васъ, гг. судьи, никто не станетъ сомнѣваться.

«Молодыя силы призваны для возсозданiя флота. Задача ихъ тяжела. Отъ приговора суда зависитъ сдѣлать ее исполнимой. Русскiй народъ ждетъ, что судъ не только не разрушитъ краеугольный камень фундамента воинской доблести повиновенiя, но и укрѣпитъ еще этотъ шатающiйся камень. Не казните, гг. судьи, за повиновенiе, а казните того, кто злоупотребилъ повиновенiемъ подчиненнаго. Иначе флотъ не найдетъ начальника». Почти тоже самое, хотя и не въ столь высокомъ стилѣ, сказалъ здѣсь на судѣ Н. И. Небогатовъ.

Такимъ образомъ, два русскихъ адмирала, на долю которыхъ выпала великая честь вести въ рѣшительный бой всѣ наличныя силы русскаго флота, на которыхъ, измученная постоянными неудачами родина, взирала, какъ на своихъ избранниковъ, съ упованiемъ, а весь мiръ смотрѣлъ съ удивленiемъ, открыто, на судѣ,

предъ лицомъ всего свѣта, объявили, что русскій флотъ не возродится, если основа воинской доблести — повиновеніе — будетъ поколеблена.

Не такъ смотритъ на дѣло г. прокуроръ. Онъ полагаетъ, что русскіе флотскіе офицеры обязаны мыслить иначе, нежели ихъ высоко авторитетные начальники, водившіе ихъ въ бой и руководившіе ихъ военнымъ воспитаніемъ. При всемъ моемъ уваженіи къ г. прокурору, я не могу, несмотря на его военный мундиръ и генеральскій чинъ, противопоставить его авторитетъ, хотя бы и подкрѣпленный соотвѣтствующими ссылками на Наполеона, авторитету двухъ названныхъ адмираловъ. Вѣдь въ чемъ, чемъ, а въ боевомъ опытѣ имъ отказать нельзя. Что же касается Наполеона, то мы не знаемъ, что сказалъ бы Наполеонъ, если бы воскресъ и появился среди насъ, но позволительно думать, что, и не прибѣгая къ помощи своего военнаго генія, онъ понялъ бы, что въ XX-мъ вѣкѣ на побѣду можетъ расчитывать только тотъ, кто надлежащимъ образомъ вооруженъ техникой и знаніями, а не тотъ, кто только и богатъ, что силой духа, да твердостью сознанія своего долга. Онъ понялъ бы, что не духъ родитъ технику и знанія, а самъ отъ нихъ родится и исходитъ. Японцы разбили насъ, такъ какъ намъ не удавалось разбивать даже средне-азіатскихъ халатниковъ, не потому, что были сильнѣе насъ духомъ и тверже въ сознаніи своего долга, а потому, что вѣрили въ силу знанія и усердно учились въ сознаніи своего долга передъ родиной, въ то время, когда мы ничего не дѣлали и всячески старались подорвать авторитетъ науки, признавая ее вредной для прославленныхъ особенностей нашей національной мощи.

Къ сожалѣнію, г. прокуроръ не призналъ нужнымъ достаточнымъ образомъ обосновать свое мнѣніе. Если бы онъ попробовалъ воспроизвести въ сценической перспективѣ то, что произойдетъ на палубѣ военнаго корабля, если каждому мичману будетъ поставлено въ обязанность силой противиться распоряженіямъ начальника, если распоряженія эти покажутся ему почему либо преступными, то г. прокурору пришлось бы убѣдиться, что не только въ военно-морскомъ дѣлѣ, но и вообще въ морскомъ дѣлѣ, всякое приказаніе начальника, входящее въ кругъ его обязанностей и отданное въ твердомъ умѣ и трезвой памяти, подлежитъ исполненію безъ малѣйшаго колебанія и промедленія.

Впрочемъ, г. прокурору нѣтъ надобности воспроизводить такую перспективу. Адмиралъ Рожественскій въ яркихъ краскахъ изобразилъ ее въ одной изъ своихъ рѣчей по дѣлу «Бѣдоваго».

«Отъ васъ требуютъ», говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ судьямъ, «рѣшеніе на мой взглядъ вредное для будущности флота и мощи русской державы. Полагаютъ, что, если адмиралъ отдалъ преступное приказаніе и не отказывается отъ него, то флагъ-капитанъ долженъ арестовать адмирала и отдать иное приказаніе. Если адмиралъ и флагъ-капитанъ согласились отдать преступное приказаніе, то ихъ обоихъ долженъ устранить командиръ корабля. Если всѣ трое поименованные согласились на преступленіе, то старшій изъ наличныхъ офицеровъ силою обязанъ вступить въ исполненіе обязанности командира и порѣшить съ ними. Если всѣ, кромѣ младшаго мичмана, подчинились волѣ адмирала, то обязанность этого мичмана поднять команду и выбросить за бортъ начальство. Если старшему начальнику удалось найти единомышленниковъ въ командѣ, то должно произойти сраженіе между разномыслящими партіями на кораблѣ и лишь результатомъ междуусобнаго боя должны опредѣлиться послѣдующія дѣйствія. Допустивъ принципъ самозначенія каждаго чина на кораблѣ, придется узаконить право каждаго мичмана, признавать по собственному его усмотрѣнію, преступнымъ приказаніе начальства и соотвѣтственно внушить ему и обязанность организовать противодѣйствіе такому приказанію, хотя оно въ концѣ концовъ и можетъ оказаться и не преступнымъ.»

Но адмиралъ Рожественскій не достаточно углубился въ взбосреченное море нашей морской дѣйствительности, иначе онъ замѣтилъ бы, что на кораблѣ нынѣ имѣются лица, стоящіе еще ниже мичмановъ на ступеняхъ военно-морской іерархіи. Это прапорщики запаса. Я имѣю честь защищать 4-хъ изъ нихъ: Адамцевича, Сонкина, Морозова и Шамье. Относительно прапорщика по механической части Адамцевича могу только сказать, что самъ г. прокуроръ въ своей рѣчи представилъ всѣ доводы въ пользу его оправданія. Мнѣ остается только просить, чтобы это оправданіе было полное.

Слѣдующіе мои подзащитные, 3 прапорщика по морской части Сонкинъ, Морозовъ и Шамье. Первые два поступили на «Николай» всего за 2 недѣли до боя. Ознакомиться съ броненосцемъ они не имѣли возможности въ такое короткое время. Сонкинъ не имѣлъ даже опредѣленнаго мѣста въ боевомъ росписаніи. Онъ былъ приставленъ къ старшему штурману помогать ему производить наблюденія. Этими наблюденіями онъ и былъ занятъ въ ночь съ 14 на 15 мая. По окончаніи наблюденія онъ, уставъ, пошелъ къ себѣ

въ каюту и уснулъ. О сдачѣ узналъ, когда она стала уже совершившимся фактомъ. Онъ вышелъ на верхъ, когда была пробита боевая тревога и японскій флагъ уже висѣлъ.

Морозовъ находился внизу у кормовой подачи, когда потребовали офицеровъ къ адмиралу. По словамъ нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей и подсудимыхъ, онъ на совѣтѣ высказался за потопленіе. Ему было приказано идти помогать ревизору уничтожить шифры и спасать деньги. Онъ взялъ на храненіе значительную сумму денегъ, рискуя за это подвергнуться строгой карѣ со стороны японцевъ, или не спастись изъ воды въ случаѣ затопленія корабля. Деньги онъ сохранилъ и сдалъ ихъ впослѣдствіи ревизору полностью.

Моему подзащитному изъ прапорщиковъ запаса по морской части Шамье, г. прокуроръ далъ такую блестящую оцѣнку, что мнѣ ничего не остается болѣе сказать въ его защиту.

Было бы весьма странно, если бы эти 3 прапорщика запаса, самые младшіе чины на кораблѣ, подняли возстаніе противъ высшаго начальства, если бы Шамье сталъ требовать отъ команды, чтобы она выбросила начальство за бортъ. Я полагаю, что такое положеніе вещей никогда не будетъ терпимо на палубѣ русскаго военнаго корабля, да и результатъ отъ такого возстанія полагаю могъ бы быть только плачевный.

Кромѣ 4-хъ прапорщиковъ запаса, въ числѣ моихъ подзащитныхъ имѣются еще 2 флагманскихъ чина: корпуса флотскихъ штурмановъ, подполковникъ Феодотьевъ и корпуса инженеръ-механиковъ подполковникъ Орѣховъ. Ни о томъ, ни о другомъ мнѣ не приходится много говорить, такъ какъ господинъ прокуроръ отъ обвиненія ихъ уже отказался.

Относительно Орѣхова могу сказать, что его заявленіе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, подтвердилось вполнѣ здѣсь на судѣ. Въ моментъ сдачи онъ находился внизу, такъ какъ по должности флагманскаго механика ему было поручено наблюдать за машинами и даже помогать судовымъ механикамъ. Вышелъ онъ наверхъ въ то время, когда флагъ былъ уже поднятъ.

Нѣсколько въ иныхъ условіяхъ находится другой мой подзащитный Феодотьевъ. Онъ все время находился безотлучно въ боевой рубкѣ, но въ разговорахъ о сдачѣ участія не принималъ, такъ какъ слѣдилъ за ходомъ броненосцевъ въ это время. Затѣмъ, въ самомъ началѣ, какъ только японцы открыли огонь, былъ раненъ въ лицо, ушелъ на перевязочный пунктъ и вернулся тогда, когда все уже было кончено.

Теперь я долженъ перейти къ защитѣ того изъ моихъ подзащитныхъ, которому г. прокурору угодно было придать въ настоящемъ процессѣ выдающееся положеніе. Я говорю о командирѣ броненосца «Императоръ Николай I» бывшемъ капитанѣ I-го ранга Смирновѣ. Вы, г. г. судьи, представляете изъ себя то, что называется судомъ пэровъ. Вы не только отправляете правосудіе, но и судите своего товарища по службѣ. Вамъ прошлое Смирнова должно быть хорошо извѣстно. Вы сами въ этомъ дѣлѣ невольно являетесь и судьями и свидѣтелями. Произнося надъ Смирновымъ свой приговоръ, вы, конечно, будете руководствоваться только тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются въ дѣлѣ и въ вашей совѣсти и которые тщательно здѣсь провѣрены вами на судебномъ слѣдствіи. Вы знали съ давнихъ лѣтъ капитана Смирнова, какъ офицера, проходившаго службу съ большими отличіями. Онъ не только кончилъ курсъ въ морскомъ корпусѣ, но прошелъ курсы въ минномъ и артиллерійскомъ классахъ. Прошелъ и практическій курсъ высшей морской науки, которую преподавалъ адмираламъ и штабъ-офицерамъ флота въ то время, кажется, еще лейтенантъ Н. Л. Кладо. Въ чинѣ лейтенанта Смирновъ былъ уже командиромъ, причемъ долгое время командовалъ яхтою управляющаго Морскимъ Министерствомъ. Начальство не только его отличало, но и любило. Репутація его была во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненна. Назначенъ онъ былъ командиромъ броненосца «Императоръ Николай I», конечно, послѣ тщательнаго выбора, потому что, отправляя отрядъ Небогатова, знали очень хорошо, что если адмиралъ Небогатовъ выйдетъ изъ строя его долженъ будетъ замѣнить тотъ же Смирновъ. Слѣдовательно, если мотивы данныя судомъ въ отказѣ вызвать Морского Министра Бирилева свидѣтелемъ, оказываются вѣрными по отношенію къ адмиралу Небогатову, то они же должны быть примѣнимы и къ Смирнову. Смирновъ совершилъ плаваніе на «Николаѣ» и довелъ его при участіи и подъ руководствомъ адмирала Небогатова до самаго мѣста битвы. То что ставится въ заслугу Небогатову, а именно благополучный переходъ эскадры къ Цусимѣ, должно быть раздѣлено имъ съ Смирновымъ. Смирновъ раздѣляетъ въ данномъ случаѣ и ту славу, которую Николай Ивановичъ Небогатовъ пріобрѣлъ своимъ переходомъ и тотъ позоръ, который, какъ говорятъ, палъ на нихъ за эту сдачу. Поведеніе капитана 1-го ранга Смирнова въ бою 14 мая было безупречно. Мы не слыхали здѣсь на судѣ ни одного показанія, какъ состороны подсудимыхъ, такъ и со стороны свидѣтелей, на основаніи

которыхъ было бы позволительно сомнѣваться въ томъ, что Смирновъ подавалъ въ бою 14-го мая примѣръ мужества и распорядительности. Онъ находился все время въ боевой рубкѣ, въ двухъ шагахъ отъ него былъ убитъ баронъ Мирбахъ и отъ осколка того же снаряда Смирновъ получилъ, казалось, незначительную рану въ високъ. Но что это за незначительная рана? Старшій врачъ Виттенбургъ, который оказывалъ Смирнову первую помощь, показалъ, что Смирновъ потерялъ много крови. Возможно, что такая потеря крови связывалась съ временной анеміей мозга. По приказанію Виттенбурга Смирновъ былъ отнесенъ въ румпельное отдѣленіе, гдѣ пролежалъ безъ сознанія 2 слишкомъ часа. Это удостовѣрилъ здѣсь на судѣ рулевой кондукторъ Яновскій, личность этого свидѣтеля вполнѣ внушаетъ довѣріе, и его показаніе, данное подъ присягой, правдивое и вполнѣ сознательное. Младшій судовой врачъ Юшкевичъ навѣщалъ Смирнова, когда тотъ находился уже въ своей каютѣ ночью и видѣлъ его также тамъ лежащимъ безъ сознанія. Слѣдовательно Смирновъ вторично впалъ въ безсознательное состояніе. Показаніе врача Юшкевича подтверждается и заявленіями старшаго штурмана Макарова и младшаго Сонкина. Они производили въ ночь съ 14 на 15-ое астрономическое наблюденіе, заходили въ командирскую каюту и видѣли тамъ Смирнова лежащимъ безъ сознанія. Словомъ, всю ночь съ 14 на 15-ое мая и все утро 15-го вплоть до самой сдачи, умственная дѣятельность Смирнова была несомнѣнно понижена. Требовать отъ него при такихъ условіяхъ, чтобы онъ не совершалъ никакихъ ошибокъ въ толкованіи уставовъ было бы совершенно несправедливо. Г. прокуроръ высказалъ очень рискованную вещь. По его словамъ адмиралъ Небогатовъ никогда бы не сдался, если бы его не окружали «такіе совѣтники». Это голословное обвиненіе, и самъ адмиралъ Небогатовъ поспѣшилъ его опровергнуть. Смирновъ согласился на сдачу, но отъ кого же и могла исходить, г. г. судьи, иниціатива сдачи, какъ не отъ старшихъ чиновъ? Неужели она могла исходить отъ прапорщиковъ запаса Шамье, Сонкина и Морозова? Или мичманы могли явиться къ адмиралу и сказать: «Наше положеніе подходитъ подъ 354 ст. морского устава, а потому мы требуемъ сдачи». Ничто не помѣшало бы адмиралу раздѣлаться съ нимъ по всей строгости закона, что, быть можетъ, и не предотвратило бы сдачи впослѣдствіи. Нельзя также не принять во вниманіе, что, съ момента полученія раны Смирновымъ и вплоть до сдачи, броненосецъ находился подъ командой самого адмирала, который и принялъ на себя всю отвѣт-

ственность о сдачѣ. Это обстоятельство не только слагаетъ всякую отвѣтственность со Смирнова за сдачу, но и заставляетъ какъ его самого, такъ всѣхъ его офицеровъ честно удостовѣрить на судѣ, что всѣ обстоятельства, которыя съ точки зрѣнія закона и совѣсти оправдываютъ сдачу, дѣйствительно имѣли мѣсто. Вотъ это то и дѣлаетъ Смирновъ въ своихъ показаніяхъ. Я не знаю, господа судьи, какими данными можно руководствоваться, признавая моего подзащитнаго главнымъ виновникомъ настоящей сдачи. Г. Прокуроръ данныхъ этихъ не указалъ. Я долженъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ возраженій г. прокурору. Таково желаніе моего подзащитнаго. Я ограничусь только указаніемъ: Смирновъ согласился на сдачу—это несомнѣнно. И теперь, какъ порядочный человѣкъ, онъ не только не можетъ протестовать противъ сдачи заднимъ числомъ, но и долженъ удостовѣрить, что всѣ оправдывающія сдачу обстоятельства были на лицо. Съ самаго начала дѣла Смирновъ говорилъ: «я согласился на сдачу, я согласился сдать мой корабль». Въ его сознаніи корабль былъ его и только одинъ онъ долженъ нести отвѣтъ за сдачу, такъ какъ находился въ трезвомъ умѣ и твердой памяти. Онъ говорилъ, что, по его глубокому убѣжденію, сдача подходила подъ условія требуемыя 354 ст. морского устава. Въ настоящее время все содержаніе этой статьи уже достаточно исчерпано моими товарищами по защитѣ и я не буду утруждать судъ дальнѣйшими ея толкованіями.

Заканчивая свою защиту, не могу не напомнить г. прокурору, что, говоря о русской матери, утѣшившейся въ потери сына на войнѣ, г. прокуроръ очевидно забылъ, что въ этой самой залѣ легко можетъ оказаться мать, одинъ сынъ которой безплодно потерялъ жизнь въ этой злосчастной войнѣ, а отъ другого теперь опрометчиво хотятъ отнять честь.

Рѣчь прис. пов. П. М. Клечковскаго.

Волею судебъ и мощнымъ мановеніемъ господина представителя обвиненія приходится лейтенанту Глазову занять въ этомъ процессѣ одно изъ видныхъ мѣстъ. Скромный, тихій, расторопный, исполнительный, всегда покорный волѣ начальства, лейтенантъ Глазовъ оказался вдругъ возведеннымъ на одну изъ высшихъ ступеней той сложной лѣстницы, которую такъ тщательно построилъ вчера г. прокуроръ. Во время судебнаго слѣдствія, когда собирались матеріалы, когда готовились кирпичи, изъ которыхъ въ день обвинительной своей рѣчи Г. прокуроръ долженъ былъ выстроить то громадное зданіе, въ которомъ на вѣки должны будутъ отселѣ томиться въ заключеніи и честь и доброе имя тѣхъ изъ обвиняемыхъ, которыхъ Вы г.г. судьи, признаете виновными въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, имя лейтенанта Глазова отошло совсѣмъ на задній планъ, казалось, всѣ бѣды его миновали, никто его не видѣлъ тамъ, гдѣ желало видѣть его обвиненіе, никто не слышалъ того, что, по мнѣнію обвиненія, долженъ былъ онъ сказать—словомъ, выводы обвинительнаго акта въ спеціальной его части, касающейся лейтенанта Глазова—не оправдались и, казалось, объ его поступкахъ судить Вамъ въ отдѣльности не придется, а только говорить о немъ на ряду съ другими представителями этой прекрасной, дѣльной молодежи, которая вотъ уже полтора года несетъ позоръ того положенія, въ которое поставилъ ее несчастный день 15-го Мая 1905 года.

Словно неожиданно закинувъ удочку, г. прокуроръ задѣлъ лейтенанта Глазова и, вытащивъ его на середину, поставилъ въ самомъ центрѣ обвиненія, наряду съ главными по его мнѣнію виновниками сдачи, вмѣстѣ съ адмираломъ, командирами судовъ и начальникомъ штаба адмирала. Отчего это такъ случилось. Не потому-ли, что лейтенантъ Глазовъ волею начальства попалъ въ составъ штаба адмирала Небогатова, гдѣ онъ занималъ должность

младшаго флагъ-офицера? Виновенъ, по мнѣнію г. прокурора, бывшій контръ-адмиралъ Небогатовъ—значитъ виновенъ и его штабъ; рѣчь зашла о сигналахъ, флагахъ; ими завѣдывалъ флагъ-офицеръ Глазовъ—значитъ онъ виновенъ больше другихъ онъ принималъ въ сдачѣ непосредственное участіе, содѣйствовалъ ея выполненію. Если только такія соображенія руководили г. прокуроромъ при выдѣленіи въ особую, опасную для него категорію, лейтенанту Глазова — я смѣю надѣяться, что Вы, г.г. судьи, вернете его на то мѣсто, которое онъ долженъ занять въ этомъ процессѣ, на ряду съ другими обвиняемыми, не выдвигая его отнюдь впереди остальныхъ.

П. М. Клечковскій.

Я думаю, что требуетъ этого справедливость.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ обвинительному акту. По выводамъ таковаго къ лейтенанту Глазову предъявлено два обвиненія, одно—общее, въ которомъ обвиняются, кромѣ адмирала и командировъ, всѣ привлеченные по настоящему дѣлу офицеры — это завѣдомое допущеніе сдачи, въ нарушеніе присяги и вѣрности службы,— имѣя возможность предупредить таковую, и другое, спеціальное—непосредственное участіе въ самой сдачѣ, выразившееся въ томъ, что онъ, Глазовъ, вмѣстѣ съ капитаномъ 2-го ранга Кроссомъ, набиралъ сигналъ о сдачѣ.

И вотъ, на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что послѣднее обвиненіе не имѣетъ подъ собою ни малѣйшей почвы, оказалось, что лейтенантъ Глазовъ сигнала о сдачѣ вовсе не набиралъ, что онъ былъ совершенно въ другомъ мѣстѣ, что онъ пришелъ на верхъ, когда сигналъ о сдачѣ былъ уже поднятъ— словомъ, спеціальное обвиненіе по выводамъ обвинительнаго акта совершенно отпало. Казалось-бы г. прокурору не оставалось ничего дру-

гого, какъ, на основаніи ст. 800 военно-морского Устава, не поддерживая въ этой части обвинительнаго акта, опровергнутаго судебнымъ слѣдствіемъ, «заявить о томъ суду по совѣсти».

Но нѣтъ, не тутъ-то было. Судебное слѣдствіе опровергло, въ спеціальной ихъ части, выводы обвинительнаго акта—такъ давайте искать другихъ основаній, давайте подбирать другія данныя, И вотъ, результатомъ этого неблагодарнаго труда является уже новое обвиненіе. Вотъ, во что вчера вылилось то, что нынѣ г. прокуроромъ ставится въ вину лейтенанту Глазову. Вотъ слова, г. прокурора:

«Лейтенантъ Глазовъ не былъ на совѣтѣ», но это не имѣетъ значенія—свидѣтели показали, что онъ былъ согласенъ на сдачу и непосредственно въ ней участвовалъ—когда адмиралъ потребовалъ, чтобы былъ поднятъ бѣлый флагъ, то, по показанію Носова, онъ приказалъ достать простыню, сказавъ, правда, по его словамъ, со злобой: «въ каютѣ есть простыни». Самъ адмиралъ говоритъ, что онъ передалъ приказаніе о флагѣ черезъ Глазова — свидѣтель Поспѣловъ и самъ обвиняемый говорятъ, что Глазовъ направилъ сигнальщика за флагомъ въ подшкиперскую—такимъ образомъ Глазовъ участвовалъ и въ спускѣ русскаго флага и въ поднятіи японскаго. Вотъ, то спеціальное обвиненіе, которое выдвинуто нынѣ г. прокуроромъ противъ лейтенанта Глазова.

«Онъ былъ согласенъ на сдачу, онъ приказалъ для поднятія бѣлаго флага достать простыню, онъ участвовалъ въ спускѣ русскаго флага и въ поднятіи японскаго». Четыре отдѣльныхъ факта, четыре отдѣльныхъ момента. Посмотримъ, насколько они сходятся съ дѣйствительностью.—Тутъ я долженъ оговориться. Я приступаю къ использованію матеріаловъ судебнаго слѣдствія—поэтому весьма важно условиться заранѣе, какъ къ этому матеріалу надо относиться. По моему, первенствующее мѣсто должно быть признано за тѣми показаніями, которыя передъ Вами были здѣсь на судѣ. Живое слово имѣетъ всегда преимущество передъ писаннымъ, мы видимъ человѣка, мы слышимъ, что онъ говоритъ и, благодаря этому, непосредственно въ состояніи оцѣнить смыслъ и значеніе его словъ, иногда малѣйшей интонаціи достаточно, чтобы фраза, записанная, получила совершенно другое значеніе при устной ея передачѣ. Поэтому я полагаю, да и навѣрное, судъ со мною согласится, что въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтельское показаніе, записанное на предварительномъ слѣдствіи, получаетъ здѣсь на судѣ при устной его передачѣ самимъ свидѣтелемъ, со-

вершенно другую окраску, то предпочтеніе должно быть отдано послѣдней—первая-же редакція должна быть совершенно забыта. Иначе и не стоило-бы заводить этой сложной процедуры гласнаго суда—достаточно было подсчитать данныя, добытыя слѣдственной комиссіей, подвести итоги и подъ ними вписать соотвѣтствующія статьи закона—правосудіе было-бы удовлетворено. Но есть, къ сожалѣнію, показанія, которыя фигурируютъ лишь въ одной редакціи, такъ, какъ они были записаны слѣдователемъ во Владивостокѣ. Это большой, даже огромный недостатокъ настоящаго дѣла. Если сопоставить съ одной стороны текстъ означенныхъ показаній, изложенныхъ такимъ великолѣпнымъ языкомъ, съ примѣненіемъ такихъ словъ и выраженій, которыхъ отъ роду не слышали свидѣтели, съ единодушнымъ заявленіемъ ихъ тутъ на Судѣ, что тамъ, во Владивостокѣ, они говорили «по слухамъ» или то, что «казалось» имъ по дѣлу, а тутъ, принявъ присягу, они говорятъ только то, что видѣли или слышали сами, одну только правду, то сильно будетъ поколеблено довѣріе къ означеннымъ письменнымъ показаніямъ и не разъ придется Вамъ, г.г. Судьи, задуматься, раньше чѣмъ, на основаніи этихъ показаній, вынести подсудимому обвинительный приговоръ.

И такъ, вернемся къ выше перечисленнымъ мною спеціальнымъ обвиненіямъ, возбужденнымъ нынѣ противъ лейтенанта Глазова.

Первое изъ нихъ это то, что онъ былъ согласенъ на сдачу. Изъ одного только свидѣтельскаго показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, могъ г. прокуроръ вывести такое заключеніе, это показаніе свидѣтеля Поспѣлова (Свид. 90 т. III—75). На предварительномъ слѣдствіи его показаніе записано такъ— «что происходило затѣмъ въ боевой рубкѣ не знаю, но слышалъ отъ лейтенанта Глазова и Северина, что они согласны сдаться, но кто это мы, т. е. только эти офицеры или всѣ бывшіе въ рубкѣ— я не знаю». Вотъ дословная выдержка изъ показанія Поспѣлова, даннаго на предварительномъ слѣдствіи. Въ какой-же формѣ это самое показаніе было передано здѣсь на судѣ явившимся Поспѣловымъ.—«Слышалъ какъ въ рубкѣ во время совѣта офицеры говорили: «мы согласны сдаться»—голоса лейтенанта Глазова не слышалъ»—на вопросы, ему заданные сторонами, свидѣтель назвалъ фамилію совершенно другого офицера.

Этимъ и исчерпывается весь матеріалъ, касающійся вопроса о выраженномъ будто-бы согласіи лейтенанта Глазова на сдачу.

ните, г.г. судьи, показаніе матроса Невдобенко, стоявшаго у флага. Онъ спустилъ Андреевскій флагъ и поднялъ японскій по единоличному приказанію адмирала — онъ самъ, собственными ушами слышалъ, какъ адмиралъ приказалъ спустить русскій флагъ и поднять японскій, помогали ему въ этомъ сигнальный квартирмейстеръ Гавриловъ, сигнальщикъ Носовъ и сигнальный квартирмейстеръ Степановъ — лейтенанта Глазова тутъ совсѣмъ не было, и онъ распоряженія этого не передавалъ — отдавалъ приказанія самъ адмиралъ. А о японскомъ флагѣ, вспомните, г.г. судьи, что въ началѣ судебнаго слѣдствія говорилъ свидѣтель Аксютинъ. Онъ слышалъ какъ кто-то изъ г.г. офицеровъ посылалъ за японскимъ флагомъ въ подшкиперскую, фамилію офицера онъ не помнилъ; тогда по приказанію г. предсѣдателя встали капитанъ 2-го ранга Курошъ, лейтенантъ Степановъ, лейтенантъ Хоментовскій, лейтенантъ Глазовъ и лейтенантъ Пеликанъ. Свидѣтель узналъ того изъ названныхъ офицеровъ, который такъ суетился въ поискахъ за японскимъ флагомъ, но это не былъ вовсе лейтенантъ Глазовъ, а совершенно другое лицо. Такимъ образомъ и послѣдняя часть спеціальнаго обвиненія, предъявленнаго къ лейтенанту Глазову, не оправдалась — онъ чистъ предъ Вами, г.г. судьи, и на вопросъ объ его виновности въ этой части обвиненія, какъ и въ остальныхъ, Вы отвѣтите отрицательно.

Остается теперь та часть обвиненія, которая тяжелымъ бременемъ ложится на всей группѣ офицеровъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ лишь только потому, что они не противились сдачѣ. Вопросъ о томъ могли-ли они сопротивляться этому безповоротному рѣшенію адмирала, были-ли они въ состояніи выступить активно противъ него, уже разобранъ подробно моими предшественниками, да и навѣрно не одинъ изъ защитниковъ послѣдующихъ обвиняемыхъ коснется его еще съ большей подробностью. Это вопросъ общій — интересующій всѣхъ подсудимыхъ этой категоріи. Не буду поэтому долго на немъ останавливать Вашего вниманія. Меня интересуетъ только одно — примѣнима-ли къ лейтенанту Глазову статья 13-ая Морского Устава, на котоую, при разсмотрѣніи этого вопроса, сослался г. прокуроръ. «Всякій служащій во флотѣ», говоритъ эта статья, «будучи свидѣтелемъ на кораблѣ, или на берегу какого-либо безпорядка или дѣйствія, противнаго государственной пользѣ и законамъ, обязанъ въ кругу и по мѣрѣ предоставленной ему власти, или немедленно прекратить оные, или представить началь-

ству». Предположимъ, что лейтенантъ Глазовъ понималъ и сознавалъ вполнѣ незаконность сдачи—слѣдовательно, по точному смыслу указанной только что статьи Морского Устава, онъ долженъ былъ принять противъ нея извѣстныя мѣры «въ кругу предоставленной ему власти». Какой-же кругъ власти былъ ему предоставленъ. Онъ младшій флагъ-офицеръ, чинъ штаба, своего рода гость на кораблѣ. Вѣдь судовая команда ему не подчинена, у нея свое судовое начальство, свои судовые офицеры! — распоряжаются на кораблѣ они — и никто другой въ эти распоряженія вмѣшиваться не можетъ—слѣдовательно въ этомъ направленіи лейтенантъ Глазовъ ничего сдѣлать не былъ въ состояніи. Оставались тѣ восемь сигнальщиковъ, которые были непосредственно подчинены лейтенанту Глазову и, которые, по всей вѣроятности, въ точности исполнили-бы его приказанія. Что-же могъ онъ съ ними сдѣлать?— Неужели поднять на глазахъ у торжествующаго врага бунтъ противъ законнаго своего начальства? Нѣтъ! я не думаю, чтобы надъ подобнымъ вопросомъ можно было даже серьезно задуматься. Г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи высказалъ предположеніе, что начальникъ, сдавшійся въ плѣнъ, перестаетъ быть начальникомъ и подчиненные ему офицеры освобождаются отъ обязанности исполнять его приказанія. Я думаю, что взглядъ этотъ не вѣренъ. Если сдача состоялась законнымъ образомъ, а въ данномъ случаѣ, по мнѣнію лейтенанта Глазова, это и имѣло мѣсто—начальникъ не перестаетъ быть таковымъ. По этому вопросу въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ особыхъ указаній, но за то англійское морское право разрѣшаетъ его въ совершенно положительномъ смыслѣ. Вотъ, что говоритъ по этому предмету англійскій законъ (ст. 149). «Когда одно изъ судовъ ея величества оказалось бы потерпѣвшимъ крушеніе или какимъ-либо другимъ образомъ потеряно или уничтожено, или взято въ плѣнъ непріятелемъ, командованіе, начальствованіе и власть, лежащія на командирѣ и другихъ офицерахъ и экипажѣ вмѣстѣ съ взаимными ихъ отношеніями другъ къ другу должны оставаться и быть въ полной силѣ, такъ же дѣйствительно, какъ бы судно не было утеряно, до тѣхъ поръ, пока военный судъ не произведетъ разслѣдованія о причинахъ потери или сдачи въ плѣнъ такого корабля, или пока офицеры и экипажъ будутъ другимъ образомъ уволены или распущены, согласно съ морскимъ дисциплинарнымъ уставомъ». Вотъ, что говоритъ законъ народа стараго и опытнаго въ дѣлѣ мореплаванія. Я думаю, что онъ правъ— этимъ правиломъ, этой дисцип-

потно умирать. Помните знаменитый діалогъ матроса и офицера: «значитъ конецъ, Ваше Благородіе?», «значитъ — конецъ! Наша пѣсня спѣта».

Многіе изъ недовольныхъ сдачею, или протестовавшихъ противъ сдачи офицеровъ, прямо такъ и формулировали свои чувствованія: «позоръ, измѣна долгу», и протестуя, считали себя героями.

Вспомнимъ, наконецъ, трогательный эпизодъ съ умирающимъ капитаномъ 1 ранга Юнгомъ, дѣлающій честь одинаково и побѣдителямъ и побѣжденнымъ, когда японскій часовой охранялъ доступъ къ умирающему, чтобы кто нибудь не доканалъ его тяжкою вѣстью о сдачѣ. Ему, умирающему, лгали честные люди, и онъ, облегченно, закуривъ папиросу, спокойно умеръ, думая, что корабль его приближается къ Владивостоку. Не позавидовали-ли ему тогда многіе изъ храбрыхъ боевыхъ его товарищей? Убѣжденъ, что всѣ!

Самое существованіе 354 ст. Мор. Уст., допускающей сдачу судна и только нормирующей ея условія, для весьма многихъ кажется какимъ то непріятнымъ диссонансомъ, неожиданнымъ откровеніемъ, отождествляемымъ ими чуть ли не съ потаканіемъ явной измѣнѣ.

Всегда—впередъ! сколько бы это не стоило родинѣ крови, горя и слезъ? Впередъ!.. Но увы! судьба иногда какъ нарочно собираетъ надъ головами отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ самыя грозныя свои тучи, чтобы заставить ихъ наконецъ очнуться, переоцѣнить всѣ цѣнности, въ которыхъ они полагали свое благополучіе, «сжечь быть можетъ все, чему они раньше покланялись, поклониться всему, что сжигали». Судьба безпощадно спеленываетъ ихъ трагическими, рѣжущими нитями своихъ жестокихъ, но неотвратимыхъ уроковъ.

Опутанные ими, безсильно бьются они, пока урокъ не будетъ доведенъ до конца. Рѣки слезъ и крови залили Россію, но судьба осталась неумолимою до конца. Она точно глумилась, истязая насъ.

А вы легкомысленно и неосторожно затѣяли кровавую бойню ради далекихъ и чуждыхъ вамъ интересовъ; вы гордо почивали въ сознаніи своего показнаго величія и силы; вы съ легкимъ чувствомъ пошли на жестокій экзаменъ, совершенно неподготовленные,—вы пожнете только то, что посѣяли!

Вы залили далекія нивы русскою кровью, но это не дало вамъ ни одной побѣды; вы хотѣли по трупамъ идти только впередъ, но вы пятились только назадъ и вотъ позорные ваши этапы:

Лаоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ! Наконецъ, послѣдняя совершенно уже безумная ставка въ конецъ проигравшагося игрока—

Н. П. Карабчевскій.

Цусима, и она—бита. Въ довершеніе же какъ зловѣщій эпилогъ—японскій флагъ на Небогатовской эскадрѣ.

Вмѣсто ничѣмъ незаслуженной славы только то, что заслужено.

Съ великими уроками судьбы надо обращаться бережно, дабы

съ тѣмъ это и укоръ тѣмъ никогда-ненюхавшимъ пороха воинамъ, благодаря счастливой случайности стоящимъ во главѣ цѣлыхъ вѣдомствъ, которыя не захотѣли или не сумѣли отстоять воинскую честь невольныхъ мучениковъ Цусимы.

По поводу сдачи Небогатова мнѣ случилось слышать отъ брюзжавшихъ старцевъ, справедливо гордящихся Синопомъ или Севастополемъ, зловѣщую фразу, какъ бы заранѣе опорачивавшую цѣнность всей современной нашей храбрости. Въ примѣненіи именно къ флоту не безъ остроумія замѣчали: прежде суда были деревянныя, за то люди на нихъ желѣзные, теперь суда желѣзныя, но люди... картонные!

Афоризмъ вѣрный въ одной своей части, глубоко несправедливъ въ заключительной.

Мы дѣйствительно теперь всѣ не желѣзные люди. И слава Богу! Мы знаемъ чѣмъ, какимъ строемъ, какими жестокими нравами достигалась тогда эта хваленая автоматическая закаленность. Тѣхъ шпицрутеновъ, которые тогда отпускались на долю одного матроса за его 35-лѣтнюю службу, достаточно было бы теперь, чтобы уморить цѣлыя роты и даже экипажи.

Но мы и не картонные! Отжившіе свой вѣкъ просто не понимаютъ окружающаго. Мы то, чѣмъ намъ быть полагается, чѣмъ только и можетъ быть современный человѣкъ въ нашъ нервный технически богато оснащенный и торопливый вѣкъ. Мы комки мыслящихъ нервовъ, глубоко и болѣзненно чувствующихъ, повышенно быстро реагирующихъ. Мы не автоматы! Дѣлайте же изъ насъ надлежащее употребленіе! окрылите насъ идеею, требующею беззавѣтныхъ жертвъ, дайте надлежащія техническія условія для плодотворной дѣятельности и тогда для насъ не будетъ невозможнаго.

Спеціально въ примѣненіи къ боевому морскому дѣлу развѣ можно теперь ссылаться на артикулы Петра Великаго? Да за эту несвоевременную ссылку онъ чего добраго прошелся бы только у насъ же по спинамъ своею дубинкою. Онъ былъ вѣдь геній и живи онъ теперь, развѣ онъ не понялъ бы всѣхъ современныхъ условій техники и требованій военно-морского боя? Да за отсылку подобнаго флота онъ стеръ бы съ лица земли всю Либаву, чтобы и памяти о ней не осталось. Развѣ теперь существуютъ абордажныя сраженія, гдѣ безумная дерзкая храбрость и личная частичная стойкость борцовъ рѣшала почти все.

Теперь дерутся на верстовыхъ разстояніяхъ, все опредѣляется исключительно морскими и боевыми качествами судовъ. Вѣдь ны-

нѣшній бой, особенно морской, соображая состояніе техническихъ условій противниковъ, — почти простая математическая задача, которую безошибочно можно рѣшить и предсказать заранѣе.

Какой еще храбрости вы можете требовать отъ моряковъ, дошедшихъ до Цусимы и принявшихъ бой, когда мы знаемъ, насколько онъ былъ неравенъ? Японцы—дома, мы оторванные на далекой чужбинѣ, они—усвоившіе всю технику, всю детальную подготовку,—мы собранные съ борка да съ сосенки, съ нервущимися снарядами и фальшивыми дальномѣрами, у нихъ сзади побѣды, у насъ только пораженія вплоть до «сдачи» неприступнаго Портъ-Артура.

Нѣтъ, Петръ Великій не послалъ бы свою эскадру на неминуемую гибель въ Цусиму. Онъ остановилъ бы ее во-время, особенно послѣ Портъ-Артура, онъ переродилъ бы ее до высоты современныхъ требованій и держалъ бы до конца войны въ запасѣ какъ боевой еще козырь для почетнаго мира.

А намъ достаточно было газетной шумихи г. г. Кладо и К⁰ для безповоротнаго рѣшенія вопроса первостатейной государственной важности, какъ посылка тысячи людей и милліонныхъ броненосцевъ на безполезную гибель и смерть.

Г. прокуроръ затронулъ при оцѣнкѣ Небогатовской сдачи одинъ первостатейный важности вопросъ.

Онъ сказалъ, сдачею судовъ усиливается противникъ, поэтому все надо дѣлать, жертвовать всѣмъ, чтобы уничтожить корабли. Но и это положеніе не примѣнимо къ данному случаю: война была въ сущности кончена, морская тѣмъ болѣе, флота у насъ послѣ Цусимы не существовало.

Въ смыслѣ же обогащенія японцевъ—повѣрьте, все это было бы и безъ того учтено портсмутскимъ договоромъ и даже навѣрное та порча частей, которая, по мнѣнію Прокурора, похвальна и которой гордился механикъ Бекманъ, увеличили только денежную контрибуцію, дипломатически проведенную подъ флагомъ «на содержаніе плѣнныхъ».

Что касается до цѣнности кораблей, то стоили они намъ дѣйствительно дорого, но это еще не показатель ихъ абсолютной цѣнности. Уничтоженные или сданные японцамъ они для насъ имѣютъ хотя бы уже ту отрицательную цѣнность, что, если бы вздумалось это вновь г. Кладо, ихъ нельзя было бы, перекрасивъ, послать на новую войну выполнять непосильную роль.

Итакъ: ни личныхъ, ни корыстныхъ цѣлей у сдающихъ не

было. Нанести вреда, сражаться было нельзя. Это вамъ доказали говорившіе ранѣе меня защитники.

Всякое кровопролитіе несомнѣнно было бы безполезно.

«Безполезное кровопролитіе»—это терминъ закона, я назвалъ бы его сильнѣе—«безчеловѣчнымъ кровопролитіемъ». Мы очевидно расходимся съ г. Прокуроромъ въ опредѣленіи такихъ простыхъ понятій, какъ человѣчность, гуманность, альтруизмъ. Допуская даже, что затопленіе судовъ и спасеніе якобы тѣмъ чести Андреевскаго флага несомнѣнно потребовало бы гибели части людей, онъ съ спокойствіемъ бухгалтера заранѣе опредѣляетъ и процентъ такой убыли. Признаюсь, я не могу понять подобнаго гомеопатическаго альтруизма. Да и законъ ясенъ. Гибель и одного ввѣреннаго командиру матроса — преступна, если она заранѣе очевидно-безполезна. Кажется, довольно уже въ эту войну было безполезныхъ жертвъ, радовавшихъ насъ лишь мимолетно взятіемъ сопки съ деревомъ, чтобы уже затѣмъ при исходѣ войны, когда безполезность ея результатовъ стала вполнѣ очевидною, цѣнить каждую жизнь, каждую живую душу на вѣсъ золота, — какъ то велятъ и законъ и разумъ и совѣсть.

Яркою иллюстраціею того отношенія, которое подсказывается альтруизмомъ вождю по отношенію къ своему войску, жизнь и смерть каждой единицы котораго находится всецѣло въ его рукахъ, можетъ служить одна страничка изъ разсказа симпатичнаго Гаршина: «Изъ воспоминаній рядового Иванова». Извѣстно, что самъ Гаршинъ былъ участникомъ восточной войны, какъ рядовой. Онъ разсказываетъ, какими горькими слезами плакалъ покойный Государь Александръ II, провожая свои войска на войну. Державный вождь не скрывалъ своихъ слезъ.

Онъ плакалъ, хотя войско двигалось на популярную, считавшеюся всею Россіею чуть ли не святою, войну. Онъ плакалъ, ведя войска къ побѣдамъ, къ неувядаемой славѣ.

Что же бы Онъ дѣлалъ послѣ Цусимы, чтобы сказало Его благородное, полное человѣколюбія, сердце? Неужели бы Онъ сказалъ Небогатову: мало, топи еще двѣ тысячи человѣкъ! Нѣтъ, рыдая кровавыми слезами, Онъ первый крикнулъ бы: «довольно!» Эти по вчастью уцѣлѣвшія молодыя жизни—пусть остаются святыми реликсіями нашего человѣколюбія!

Такъ я понимаю альтруизмъ, даже военный альтруизмъ, не призванный вовсе нести жертвы безумію.

Я исчерпалъ почти всѣ общія соображенія, которыхъ хотѣлъ

коснуться, чтобы установить возможно правильную точку зрѣнія на сдачу Небогатова.

Единственную уступку, которую я могъ бы сдѣлать г. прокурору это—допущеніе непредусмотрительности, если была возможность затопить большинство судовъ и спасти всѣхъ на одномъ какомъ-либо броненосцѣ.

Но думаю, что и я самъ, который склоненъ былъ бы поддерживать такую точку зрѣнія и особенно г. прокуроръ, настаивающій на ней, ошиблись бы, утверждая, что для этого было достаточно времени.

Пока не убѣдились, что это именно японскія суда и притомъ въ подавляющемъ количествѣ, исключающемъ возможность сопротивленія, топить суда разумѣется было бы безсмысленно. Когда же въ этомъ убѣдились, было слишкомъ поздно.

Съ момента установленія, что это главныя или, вѣрнѣе, всѣ японскія силы, прошло какихъ-нибудь минутъ 10.

Ведерниковъ лазилъ на салингъ и еще колебался опредѣлить, что это японская эскадра, такъ какъ были въ числѣ другихъ трехтрубныя суда и строй былъ не вполнѣ въ порядкѣ.

Убѣдившись наконецъ, что это весь японскій флотъ въ числѣ 28 кораблей, онъ доложилъ адмиралу. Была пробита боевая тревога. Начали подъ руководствомъ Ведерникова, какъ старшаго офицера, ломать боевую рубку для избѣжанія пожара.

Непріятель былъ уже въ 60 кабельтовыхъ, когда вдругъ неожиданно для Ведерникова взвился международный сигналъ «сдаюсь», «окруженъ», «сдача».

Тутъ только роль Ведерникова получаетъ инкриминируемую окраску, и я долженъ охарактеризировать ее.

До сихъ поръ у него не было и мысли о сдачѣ, и онъ дѣлаетъ только свое хлопотливое судовое дѣло.

Съ этого только момента мы можемъ судить и характеризовать его отношеніе къ сдачѣ? Ломая еще рубку—онъ видитъ сигналъ о сдачѣ. Какъ сдача? Кѣмъ рѣшена?! По собственному заявленію Небогатова — тутъ Ведерниковъ «подсказалъ ему» о необходимости созвать, по крайней мѣрѣ, совѣтъ офицеровъ. Сигнальщикъ Загородный удостовѣряетъ: что слышалъ какъ Небогатовъ сказалъ Смирнову: «вотъ старшій офицеръ не согласенъ. Онъ противъ сдачи!» На это что-то возразилъ Смирновъ.

Другой свидѣтель Туровъ: «Ведерниковъ говорилъ: давайте затопимъ броненосецъ, спустимъ шлюпки и будемъ спасать команду».

По собственному, никѣмъ неопровергнутому, показанію Ведерникова, занесенному въ обвинительный актъ: увидя сигналъ о сдачѣ, онъ удивился и сказалъ Небогатову, что необходимо созвать совѣтъ всѣхъ офицеровъ.

Совѣтъ былъ созванъ только по его инициативѣ.

На совѣтѣ однимъ изъ первыхъ онъ высказался категорически противъ сдачи. На замѣчаніе, что матеріальнаго вреда врагу мы принести не можемъ, онъ возразилъ, что, вступивъ въ бой, можемъ принести моральную пользу Россіи.

Кажется категорично и ясно. Въ иные моменты слово уже дѣло!

Но, разумѣется, не безумнаго потопленія людей и онъ хотѣлъ.

Спасти большинство можно было бы только при нѣкоторомъ времени, и если бы Небогатовъ, какъ начальникъ отряда, далъ общее согласованное распоряженіе чѣмъ жертвовать, и что сдавать или топить.

Да, возражаютъ: тускло и не энергично выраженная мысль о несогласіи на сдачу и никакого реальнаго противодѣйствія—это и ставится ему въ уголовную вину Прокуроромъ, слава Богу отказавшимся отъ обвиненія въ активномъ соучастіи въ сдачѣ, которой по чистой совѣсти, по всему ходу своихъ мыслей, Ведерниковъ не хотѣлъ.

Чтобы понять Ведерникова въ эту минуту надо перенестись въ его положеніе.

Онъ не юноша, не мичманъ, который, нашумѣвъ, могъ думать, что онъ уже спасъ родину. Записанный на мраморной доскѣ, идеально теоретически подготовленный академикъ, человѣкъ знанія, опыта, видящій одновременно многое, онъ не могъ проявить себя человѣкомъ слѣпой воли и необузданнаго темперамента.

Событія пошли такъ быстро, что даже времени для разумнаго противодѣйствія у него не оказалось, къ неразумному же онъ прибѣгать-бы не сталъ.

Весьма скоро онъ долженъ былъ убѣдиться что осуществимо, и что обсолютно невозможно.

Но онъ былъ искрененъ, когда говорилъ противъ сдачи.

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ!» Онъ пережилъ это чувствованіе поэта, когда высказался противъ сдачи.

Но почти тутъ же вынужденъ былъ убѣдиться, что низкія истины были слишкомъ тажеловѣсны и, что у насъ возвышающаго обмана—подбиты оба крыла. Идея о возможности иного исхода кромѣ

сдачи умерла, такъ сказать, собственною смертью, такъ какъ была явно не жизнеспособна. Намученная команда, истощенный нервный запасъ у всѣхъ, абсолютная безпомощность передъ непріятелемъ—все вмѣстѣ взятое давало одну возможность гибнуть даже не спасаясь, идти какъ ключъ ко дну и только. И тутъ-то, при такомъ общемъ настроеніи, властный сигналъ Небогатова: «сдача».

Кстати, вернемся еще разъ къ «насъ возвышающему обману»:

Какъ поднимались сигналы? и что они обозначали? Этотъ вопросъ очень безпокоилъ Прокурора, видимо безпокоитъ и васъ. Боюсь не въ поднятіи ли флаговъ вплоть до японскаго вся суть насъ возвышающаго, хотя и чисто деокративнаго обмана.

Поднятіе сигналовъ—было обусловлено единственнымъ желаніемъ предупредить, остановить стрѣльбу, т. е. неминуемую гибель броненосца «Николай», въ который уже попадали снаряды, когда по заявленію старшаго артилерійскаго офицера наши снаряды не достигли бы еще непріятеля.

Спускали и поднимали ихъ Гавриловъ, Носовъ и Степановъ, но они всѣ замалчиваютъ это.

Часовой Невдабенко слышалъ только приказанія о поднятіи флаговъ съ рубки. Ведерниковъ утверждаетъ, что это самъ адмиралъ Небогатовъ отдавалъ приказы о спускѣ и поднятіи флаговъ и это не опровергается.

Казалось бы, разъ рѣшена сдача, потребовавшая мучительной борьбы, причемъ уже самая форма сдачи, причемъ тутъ флаги? Вѣдь знамя какъ символъ, только знакъ.

Поклоняемся и молимся мы въ сущности не иконамъ. Это только изображенія, становящіяся священными черезъ то, что изображаютъ, и что напоминаютъ.

Но тутъ ярче прежняго вновь всплываетъ: насъ возвышающій обманъ! Мы готовы мириться съ фактомъ сдачи броненосцевъ, но какъ могли поднять сами русскіе японскій флагъ?!

Но тутъ возможна и точка зрѣнія лейтенанта Модзалевскаго: лучше самимъ поднять, нежели дать глумиться врагу, и точка зрѣнія Ведерникова: какъ можно дольше вѣрить лишь въ сигнальное значеніе флага, поднятаго съ цѣлью прекратить стрѣльбу.

Поставите ли вы имъ въ вину, въ минуту общей растерянности этотъ послѣдній, но искренній самообманъ.

Тусклое, безцвѣтное выраженіе идеи Ведерникова о невозможности сдачи было явнымъ симптомомъ непригодности самой идеи. Это его угнетало, но онъ былъ безсиленъ реально противодѣйство-

вать. Если идея назрѣла, она всегда найдетъ своего воплотителя. Но для явно несбыточной идеи воплотителя не находилось.

Всѣ были подавлены, никто противодѣйствовать не могъ. Всѣ желали только подчиняться, а не приказывать. Команда оставалась угрюмо-спокойна.

Въ эту минуту рѣчь Небогатова, обращенная къ командѣ, явилась якоремъ спасенія для всѣхъ.

Онъ говорилъ, что старъ и на очереди умереть, но, что онъ одинъ беретъ на себя позоръ и несетъ за всѣхъ отвѣтственность. Всѣ облегченно вздохнули. Грустно было всѣмъ на этомъ погребеніи, но поистинѣ несчастнымъ былъ тотъ, кто еще долженъ былъ читать отходную на собственныхъ похоронахъ. Этимъ несчастнымъ былъ Небогатовъ.

Его благородное побужденіе дать одному отвѣтъ за всѣхъ офицеровъ не сбылось. Ему не дано было послѣдняго счастья, своей грудью заслонить всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Они всѣ были преданы суду.

Но не утѣшитъ-ли, не проститъ-ли его и насъ всѣхъ наша общая мать-родина. Она, понявшая, простившая, безропотно понесшая крестъ Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена, Цусимы и Портсмута, неужели не пойметъ и не проститъ только Небогатовской сдачи?

Нѣтъ, она проститъ и можетъ быть горячѣе всѣхъ прижметъ его къ своей груди и горше всего заплачетъ именно надъ нимъ— какъ надъ самымъ несчастнымъ, обреченнымъ на всѣ муки безславія и позора за то, что 15 мая истерзанный, онъ въ подчиненномъ своемъ почуялъ и пожалѣлъ только человѣка.

Я кончаю, г.г. Судьи!

Свинцовымъ, тяжелымъ кошмаромъ проносятся послѣднія годы надъ Россіей. Все, все, вплоть до братоубійственной смуты, вражды, взаимной ненависти и междуусобной бойни вызвано это ужасной войной. Все, что отъ нея идетъ, все, что къ ней прикасается — муки, терзанія и боль для Россіи. Не думайте, однако, что эти раны можно залечить поверхностнымъ, показнымъ и условнымъ правосудіемъ. Не такого правосудія жаждетъ теперь Россія. Дайте ей правды, одной только правды, какъ бы горька она ни была, и я вѣрю, что тогда и только тогда она, говоря словами поэта, вынесетъ все многострадальная, и широкую, ясную грудью проложитъ дорогу себѣ...

И тогда она проститъ всѣхъ и, можетъ быть, даже благословитъ теперешнія свои муки!

Рѣчь п. присяжн. повѣрен. О. А. Сыртланова.

Г. г. Судьи.

Отправка обѣихъ эскадръ составляетъ огромную стратегическую ошибку, поправить которую можно было только возвращенiемъ ихъ во свояси, или заключенiемъ мира до столкновенiя на морѣ Рожественскаго и Того. Вѣдь даже при равенствѣ матерiальныхъ силъ, выражаемыхъ механическими коэффицiентами, на сторонѣ японскаго флота оставались два огромныхъ, несомнѣнныхъ фактора: 1) географiя съ подчиненными ей стратегическими преимуществами, близостью своихъ многочисленныхъ военныхъ портовъ, сигнальныхъ станцiй, возможности пользованiя даже мелкими минными судами и т. д. и 2) весь богатый боевой опытъ, обильно собранный японскими моряками во время тяжелой блокады Артура и Владивостока. Не сомнѣвайтесь въ томъ, что и при отправкѣ эскадры—это было извѣстно тѣмъ злымъ генiямъ Россiи, которые своекорыстно, съ цѣлью прикрытiя своихъ грязныхъ дѣлъ, посылали людей

О. А. Сыртлановъ.

на убой, отнявъ у нихъ даже иллюзію на побѣду, и убаюкивая ихъ чувство самосохраненія славой смерти за родину, какъ будто родинѣ могла быть пріятна смерть мученика-матроса, проливающаго свою кровь и тонущаго въ Цусимскихъ пучинахъ за безотвѣтственнаго собирательнаго горе-адмирала, возсѣдающаго на пурпурномъ креслѣ въ зданіи адмиралтейства. И сознавая все это, люди шли, шли наперекоръ здравому смыслу, шли ощупью, наугадъ, но шли на вѣрную гибель. Японцы, посылая своихъ моряковъ на вѣрную гибель, говорили: «вы идете исполнить свой долгъ передъ родиной— вы идете въ бой!» Нашимъ ничего не говорили, но сами моряки сознавали, что они идутъ не въ бой—а въ бойню!

Всѣ ждали чуда! Когда человѣкъ чего-нибудь очень хочетъ, онъ, забывая правду и реальную дѣйствительность, обманываетъ себя и гипнотизируетъ свой разсудокъ и логику. Люди хоть немного грамотные въ военно-морскомъ дѣлѣ не могли не сознавать, что вѣкъ чудесъ прошелъ, что на морѣ въ эскадренномъ бою старая формула Наполеона I, что $^3/_4$ успѣха зависитъ отъ нравственнаго элемента, т.-е. храбрости, мужества, рѣшимости во что бы то ни стало довести дѣло до конца и $^1/_4$ отъ оружія, т.-е. техники, уже не имѣетъ мѣста, т. к. техника настолько подвинулась впередъ, что прикрыла собой нравственный элементъ, т.-е. человѣка. Броненосецъ—это половина, если не $^2/_3$ культуры человѣчества, въ немъ нашли свое примѣненіе новѣйшія открытія въ области техники, электричества, пара, баллистики и т. д., это грандіозное изобрѣтеніе человѣческаго генія сильно именно тогда, когда оно современно. Проходитъ 2—3 года, появляются дальнѣйшія изобрѣтенія пытливаго человѣческаго ума, и броненосецъ прежняго типа уже не въ силѣ бороться съ новѣйшими, поэтому наивно было думать, что «Миказа» можетъ быть разбитъ «Николаемъ I», «Сенявинымъ» или «Апраксинымъ», какъ смѣшно было бы думать, что финляндскій пароходикъ — «канальскій броненосецъ», какъ ихъ теперь называютъ, намекая на единственно уцѣлѣвшіе остатки «флота», можетъ побѣдить миноносецъ или крейсеръ. Однако, ждали чуда, считали адмирала Рожественскаго чудотворцемъ. А онъ былъ обыкновенный смертный, можетъ быть, лучшій изъ всѣхъ адмираловъ, но чуда совершить не могъ и шелъ впередъ съ завязанными глазами, лучше всѣхъ сознавая, куда и зачѣмъ его посылаютъ. Почему онъ шелъ, что его влекло и влекло ли? я говорить не буду, такъ какъ боюсь утомить Ваше и безъ того утомленное вниманіе. Коснусь личности адмирала Рожественскаго лишь постольку, поскольку онъ

имѣлъ отношеніе къ броненосцу «Орелъ», который совершилъ съ нимъ переходъ кругомъ Африки и который въ полной мѣрѣ на себѣ испыталъ всю мощь, всю энергію этого стального флотоводца, столь исключительно властнаго, нетерпѣливаго, человѣка желѣзной воли, призваннаго на подвигъ, котораго онъ совершить не могъ, т. к. былъ лишь человѣкомъ, а не титаномъ. Этотъ человѣкъ сталъ воспитывать ввѣренную ему эскадру. Г. г. Судьи! Набранная и даже организованная масса—толпа, а не войско, если она не воспитана и не образована въ военномъ отношеніи. Военное воспитаніе вѣдаетъ главнымъ образомъ областью воли, образованіе—областью ума. Воспитаніе важнѣе образованія, ибо военное дѣло—дѣло волевое, а не умовое. Современное военно-уголовное право выдвинуло положеніе, что воинская дисциплина есть военное воспитаніе, развивающее въ военно-служащемъ способность сознательно и во имя долга подчинять свою волю волѣ вождя. Это вполнѣ правильное положеніе понимается всѣми. Рожественскій, высказавшій здѣсь передъ вами свой взглядъ на обязательность военнаго приказа и средствахъ спасенія подчиненныхъ отъ неисполненія приказа, несомнѣнно держался этого взгляда во все время плаванія эскадры и прививалъ его подчиненнымъ. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что весь экипажъ броненосца «Орелъ» понялъ приказъ адм. Небогатова «сдаться, сдача, сдаюсь» для себя обязательнымъ и не имѣлъ возможности его не исполнить, т. к. слова Рожественскаго «я бы пристрѣлилъ своего подчиненнаго, не желающаго исполнить мой приказъ»—были имъ извѣстны давно и понимались въ смыслѣ болѣе, чѣмъ ясномъ. Это требованіе исполнить приказъ во что бы то ни стало, это требованіе одной только исполнительности—большое зло. Съ первыхъ дней военной службы, военное начальство заботится объ одномъ развитіи чувства подчиненности и исполнительности и упорно устраняетъ ту часть, которой присвоено названіе «закономѣрности». Во флотѣ и арміи нѣтъ закономѣрности, она изгнана, она считается преступной, разъ она противорѣчитъ волѣ, а подчасъ и самодурству начальства. Лишь избранные изъ военныхъ, которымъ удалось прослушать курсъ военно-юридической академіи услышали тамъ это слово. Но теперь при Басково-Павловскомъ режимѣ этого уже нѣтъ, оттуда тоже изгоняется всякая закономѣрность и вводится исполнительность и «почитаніе» высшаго начальства. Эта исполнительность безъ закономѣрности и привела насъ къ революціи, Цусимѣ и если такъ пойдетъ дальше—то и Цусима и революція окажутся пустяками въ сравненіи съ тѣмъ,

что будетъ. Доколѣ эти два вѣдомства—армія и флотъ будутъ безотвѣтственны передъ народомъ, доколѣ во главѣ ихъ будутъ стоять лица, торгующіе своимъ отечествомъ, до тѣхъ поръ мы не услышимъ о славѣ русскаго оружія. Эта былая слава умерла въ Либавѣ, «садясь на судно».

Перехожу къ «Орлу». Оставляю въ сторонѣ все его плаваніе кругомъ свѣта, все что людямъ пришлось перенести отъ прихотей природы и адмирала, начну прямо съ боя 14 мая въ Цусимскомъ проливѣ. Въ самомъ началѣ боя «Орелъ», идя въ кильватерной колоннѣ хвостовымъ, подвергся ожесточенному разстрѣлу. Положеніе его было одинаково съ головнымъ броненосцемъ «Князь Суворовъ». Японцы били мѣтко, навѣрняка, отлично пристрѣливаясь и выбирали своей мишенью флагманскій, т.-е. головной и хвостовой броненосцы. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала боя, японскій снарядъ выводитъ смертельно раненаго командира броненосца «Орла» капитана 1 ранга Юнга изъ строя, и управленіе кораблемъ переходитъ къ старшему офицеру кап. 2 ранга Шведе. Огонь усиливается, доходитъ до предѣловъ, снаряды рвутся безпрерывно, на судахъ вспыхиваютъ пожары. Шведе раненъ, дважды контуженъ, но не покидаетъ своего поста, даже не идетъ на перевязку, истекая кровью изъ раны въ голову. Временами, теряя сознаніе, онъ передаетъ командованіе кораблемъ лейтенанту Шамшеву. А снаряды попадаютъ и попадаютъ, губя людей и броненосецъ. Броненосецъ, вздрагивая отъ ударовъ въ него колоссальныхъ непріятельскихъ снарядовъ, отвѣчаетъ на огонь огнемъ, стрѣляетъ всѣми своими пушками. Избитый, изрѣшетенный, онъ дважды ложится на бокъ, вотъ-вотъ перевернется. Головной «Суворовъ», весь объятый пламенемъ, перевертывается; черезъ нѣсколько времени та же участь постигаетъ «Бородино» и «Александра III». „Орелъ", борясь изъ послѣднихъ силъ, является свидѣтелемъ небывалой, ужасной трагедіи гибели огромныхъ броненосцевъ, съ тысячнымъ экипажемъ. Что они въ это время пережили!

На «Орлѣ» вспыхиваетъ пожаръ, дымъ идетъ изъ нѣдръ корабля. Японскій снарядъ, разорвавшись внутри, произвелъ пожаръ, который, разростаясь, неминуемо дошелъ бы до бомбовыхъ погребовъ и произвелъ бы страшный взрывъ, способный разорвать дно броненосца и въ одно мгновеніе потопить его... Это всѣмъ стало понятно мгновенно. Ужасъ, леденящій душу, сковалъ всѣхъ. Шведе самоотверженно кидается къ шлангамъ и самъ начинаетъ тушить пожаръ, стоя на открытомъ мѣстѣ, подвергаясь разстрѣлу, и его

энергичный, полный мужества и беззавѣтной храбрости поступокъ — спасаетъ корабль и сотни людей! За такой поступокъ, за такой подвигъ Шведе имѣетъ право на высшую боевую награду—орденъ св. Георгія. Очутившись головнымъ, броненосецъ «Орелъ», весь избитый, превращенный, по характерному выраженію свидѣтеля кондуктора Макаренко, въ «кусокъ обгорѣлаго чугуна», справляется съ губительными кренами, способными перевернуть броненосецъ, идетъ впередъ, дострѣливая остатки своихъ снарядовъ, стрѣляя даже учебными, чугунными, наполненными пескомъ. Орудія его, за исключеніемъ шести, приведены въ негодность; у шести цѣлыхъ нѣтъ снарядовъ и нельзя ихъ передать отъ искалѣченныхъ. Но вѣрный приказу адмирала «идти во Владивостокъ», онъ идетъ полнымъ ходомъ, ведя за собой всю эскадру. На броненосцѣ больше 100 человѣкъ раненыхъ тяжело, сотни легко, 60,8% офицеровъ выведено изъ строя и убито, остальные кромѣ трехъ изранены, но въ состояніи держаться на ногахъ, масса труповъ валяется на палубѣ и башни полны ими. Оставшіеся въ живыхъ изумлены и потрясены, нервы натянуты, какъ струна, но смерти никто не боится. Она слишкомъ близка, а впечатлѣнія притупились. Экипажъ, видя своего командира, раненаго, но не смотря на это энергично распоряжающагося, подбадривался и сталъ еще энергичнѣе и безстрашнѣе сражаться. Моральное дѣйствіе Шведе подняло духъ экипажа.

При закатѣ солнца бой прекратился и начались минныя аттаки. Экипажъ «Орла» во главѣ съ командиромъ сталъ отражать ихъ и настолько удачно, что ни одна мина не попала въ броненосецъ и не потопила его. Ночью Шведе обходилъ корабль, спускался внизъ къ раненымъ, и только тутъ позволилъ врачу перевязать свои раны на головѣ. Онъ былъ весь залитъ кровью, весь изорванъ, запачканъ грязью, прокоптѣлъ отъ дыма пожаровъ и пороха. У него начался ознобъ, его трясло какъ въ лихорадкѣ и зубъ на зубъ не попадалъ, позже ночью у него начались судороги, какъ результатъ поврежденія корковаго вещества мозга, контуженнаго осколками снарядовъ. У него началъ развиваться и прогрессировать травматическій неврозъ, какъ результатъ поврежденія спинного мозга, ушибленнаго и контуженнаго осколками снарядовъ. И не взирая на все это, капитанъ 2 р. Шведе, не выпуская изъ рукъ командованія кораблемъ, велъ его впередъ, рѣшившись пробиться во Владивостокъ. Осмотръ корабля показалъ, что красивый броненосецъ былъ приведенъ въ ужасное состояніе—

на немъ живого мѣста не осталось. Японскіе снаряды произвели колоссальныя разрушенія. Мнѣ придется остановиться на разборѣ вопроса о качествѣ нашихъ и японскихъ снарядовъ. Помимо баллистическихъ недочетовъ и устарѣлости нашихъ орудій, прицѣльныхъ приспособленій и отсутствія необходимыхъ закрытій для нихъ, вслѣдствіе чего они быстро разбивались противникомъ, разница въ дѣйствіи нашихъ и японскихъ снарядовъ послужила также одной изъ крупныхъ причинъ неудачнаго для насъ исхода морского боя.

Пройзведя цѣлый рядъ опытовъ стрѣльбы по новѣйшимъ образцамъ брони, морскіе артиллеристы пришли къ слѣдующему заключенію. Пробить современную броню можетъ только снарядъ изъ лучшей стали и достаточно прочный; если же снарядъ недостаточно проченъ, то, выпущенный и изъ лучшаго орудія, онъ разобьется о броню. Прочность же требуетъ, чтобы у снаряда стѣнки, а особенно головная часть были довольно толсты, около $^1/_4$ калибра. При такой толщинѣ стѣнъ въ снарядѣ можетъ помѣститься лишь небольшое количество взрывчатаго вещества (пороха, пироксилина или мелинита), слѣд., фугасное дѣйствіе не можетъ быть значительнымъ и снаряды этого типа получили названіе «бронебойныхъ». Видимо, съ такимъ недочетомъ снарядовъ у насъ помирились легко, т.-к. считалось болѣе существеннымъ пробить броню и произвести внутри судна хоть небольшое фугасное дѣйствіе, чѣмъ сильное на поверхности или въ толщѣ брони. Съ этою же цѣлью болѣе мелкіе снаряды совершенно не снабжались разрывнымъ зарядомъ и пустота въ нихъ служила только для удобства закаленія, а крупные были снабжены замедляющимъ приспособленіемъ въ детонаторахъ, что не позволяло имъ взрываться въ моментъ удара.

Судя по характеру разрушенія отъ японскихъ снарядовъ, японцы разрѣшили задачу иначе. Видимо, они добивались уничтожить все окружающее не ударомъ крѣпкаго снаряда, а силою и температурой газовъ. Слѣд., ихъ снаряды, обратно, имѣли тонкія стѣнки, но зато большой зарядъ сильно-взрывчатаго вещества. Стоитъ вспомнить только характеръ поврежденій на нашихъ и японскихъ судахъ, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Были многочисленные случаи пробиванія японской брони нашими снарядами, но, кромѣ чистой пробоины, иныхъ поврежденій почти не было; но стоитъ посмотрѣть снимки съ искалѣченнаго «Орла», чтобы видѣть, что чистыхъ, ровныхъ пробоинъ почти нѣтъ. Зато изъ бортовъ какъ бы вырваны громадные куски; края пробоины рваные; стальная

броня расплавлена и виситъ сосульками. Такого дѣйствія снарядовъ мы, по словамъ одного изъ участниковъ боя, не видали, даже не подозрѣвали возможности его. Моральное дѣйствіе сосредоточеннаго огня такими снарядами ужасно. А въ броненосецъ попало 120-шестидюймовыхъ, 50-двѣнадцатидюймовыхъ и масса мелкихъ снарядовъ. Если и въ полевомъ бою шумливая, но почти безвредная «шимоза» доводили до ужаса незнакомыя съ ней войска, особенно только-что прибывшія, то что же сказать о командѣ корабля, пріученной вѣрить, что снарядъ пронизываетъ броню, которую можно наскоро поправить, когда она видѣла, что броня не пронизывалась, а отрывалась громадными площадями. Страшная сила взрыва, его адская температура, отъ которой зажигалось дерево и краска и плавился металлъ, вой осколковъ и гулъ пробиваемыхъ частей, изувѣченные и обгорѣлые люди, разбитая артиллерія—вотъ что было передъ глазами команды на кораблѣ. А внѣ его—какъ-будто неуязвимый флотъ врага, энергично, но хладнокровно, разсчетливо пускающаго ко дну одинъ за другимъ наши лучшіе броненосцы. Отъ него уйти нельзя, драться—безполезно, ибо надежды на побѣду нѣтъ. Слѣд., только сознаніе сдѣлать посильное, не сдать даромъ родной корабль побуждали команду на героическую смерть. Вы согласитесь со мной, г. г. Судьи, что «Орелъ» былъ приведенъ въ такое состояніе, о которомъ говоритъ 354 ст. Военно-Морского Устава, когда разрѣшаетъ кораблю сдачу, подъ вліяніемъ непреодолимой силы и въ состояніи невозможности вести бой. Прокуроръ въ рѣчи своей говорилъ вамъ, что «Орелъ» не вправѣ разсчитывать на это положеніе, т. к. онъ былъ не одинъ, около него былъ «Изумрудъ» и что Шведе долженъ былъ послушать совѣта мичмана Сакеллари, преподанный ему на разсвѣтѣ 15 мая, и пересадивъ своихъ раненыхъ на этотъ крейсеръ, затопить свой броненосецъ. А я бы хотѣлъ видѣть этого «Изумруда», къ которому направился бы «Орелъ» для пересадки раненыхъ. Да, онъ бы далъ стречка въ сторону, и былъ бы правъ, что ему за охота была переломать свои борта объ искалѣченнаго «Орла»—вѣдь была порядочная зыбь и вѣтеръ на 7—8 балловъ. А пересадка могла занять сутки, т. к. вытащить раненыхъ на верхнюю палубу было очень трудно, ибо все было разбито и здоровому съ трудомъ удавалось пройти по палубѣ. А самимъ раненымъ выйти изъ лазарета было невозможно, какъ сказалъ вамъ докторъ Макаровъ. Совѣтъ Сакеллари я могу разсматривать именно какъ совѣтъ. Если разсматривать его строго, онъ является подстрекательствомъ

утопить корабль передъ боемъ, т. к. говорить командиру объ этомъ исходѣ въ то время, когда онъ идетъ въ бой, есть именно склоненіе командира къ отказу отъ боя и благополучному, но безчестному затопленію корабля. Минуя подробности, минуя картину, такъ хорошо описанную моими уважаемыми товарищами, я перейду къ тому моменту, когда былъ поднятъ сигналъ Небогатова «сдать, сдаться, сдача». Онъ ошеломилъ команду и командующаго «Орломъ». Въ этотъ психологическій и трагическій моментъ въ сознаніи каждаго стоялъ вопросъ: почему? зачѣмъ? вѣдь мы, на «Орлѣ» уже открыли первыми огонь, стрѣляли, готовились умереть и къ чему этотъ позоръ сдачи? Затѣмъ ли мы шли кругомъ свѣта, терпѣли и страдали, затѣмъ ли наканунѣ мы изо всѣхъ силъ спасали корабль, гибли и губили людей, цѣлый день сражались съ врагами? Но сигналъ былъ категориченъ, и офицеры сочли нужнымъ ему повиноваться. Тому ихъ училъ и требовалъ адмиралъ Рожественскій, а не повиноваться въ данный моментъ значило давать возможность японцамъ разстрѣливать безнаказанно броненосецъ «Николай I». Центръ тяжести всего положенія заключался именно въ томъ, что «Орелъ» былъ не способенъ продолжать и вообще вести бой. Будь онъ цѣлъ, исправенъ, будь снабженъ снарядами, онъ бы не сдался, Г. г. Судьи. Вамъ предстоитъ относительно «Орла» рѣшить вопросъ великой важности—способенъ онъ былъ или неспособенъ вести бой. При отрицательномъ отвѣтѣ Вамъ придется сказать «невиновны», а въ положительномъ смыслѣ вы едва ли разрѣшите его. Совѣсть судейская не позволитъ Вамъ этого. Вы можете обвинить Шведе, если у Васъ есть другія соображенія, въ вашей власти стать на ту или другую точку зрѣнія, но мое мнѣніе таково, что положеніе «Орла» позволяло ему сдаться, на основаніи 354 ст. В. М. У. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что приговоръ вашъ будетъ основанъ на вашей опытности и знаніи дѣйствительной морской жизни. Эта война принесла Шведе слишкомъ тяжелое испытаніе, обвинительная власть старалась схоронить честь его, едва ли ей это удалось, но зато уже вполнѣ удалось схоронить навѣкъ его цвѣтущее до сего времени здоровье. Разбитая жизнь болѣе не склеивается. Въ ту послѣднюю минуту, когда вы будете постановлять приговоръ, который рѣшитъ его участь, остановитесь со вниманіемъ на имени Константина Леопольдовича Шведе и отнеситесь къ нему не только съ холоднымъ безпристрастіемъ судей, но съ теплымъ сердечнымъ, человѣческимъ участіемъ, котораго онъ вполнѣ достоинъ. Два слова о наказаніи. Я не знаю,

накажете Вы его или нѣтъ, но напоминаю Вамъ, что послѣ всего имъ пережитаго, послѣ страданій физическихъ и моральныхъ, послѣ плѣна, послѣ полуторагодового полнаго нужды матеріальной, промежутка, такъ какъ, состоя подъ судомъ, онъ получалъ гроши, недостаточные и для одного, а не для семьи, съ тремя малыми дѣтьми, послѣ всего этого ваше наказаніе будетъ уже истязаніемъ.

Рѣчи присяжнаго повѣреннаго М. Г. Казаринова.

I.

Г. г. Судьи.

Сдача крѣпости или судна ложится тяжкимъ гнетомъ на душу каждаго, любящаго свою родину. И никакіе доводы ума, никакія соображенія гуманности не примирятъ съ ней сердца. Оно будетъ скорбѣть и должно скорбѣть. Но когда дѣло о сдачѣ восходитъ на судъ уголовный, надо эту скорбь сердца забыть, потому что сердце плохой путеводитель по статьямъ закона. А въ настоящемъ дѣлѣ, думается мнѣ, обвинителемъ все время смѣшиваются области чувства и права и тамъ, гдѣ, по мнѣнію г. прокурора, законъ не полонъ и неясенъ для подкрѣпленія его выводовъ, онъ дополняетъ законъ велѣніями сердца. Области эти необходимо строго разграничить и поставить дѣло прежде всего на чисто юридическую почву.

Капитаны 1-го ранга Лишинъ и Григорьевъ обвиняются въ сдачѣ своихъ судовъ. Но отдѣльное судно, состоящее въ эскадрѣ, не есть сомостоятельное, самоопредѣляющееся цѣлое. Оно—нераздѣльная часть всей эскадры, управляемой флагманомъ. По силѣ 57 ст. Морскаго Устава, флагману, командующему отрядомъ или эскадрою, вполнѣ подчиняются всѣ входящія въ составъ эскадры лица. При наличности флагмана, командиръ отдѣльнаго судна является только промежуточной инстанціей для передачи его приказаній на свой корабль. Въ пути, въ бою все смотритъ на флагмана. Приказанія послѣдняго—законъ для командировъ. Командиры могутъ и не знать плановъ флагмана (къ этому они кажется особенно привыкли за послѣднюю кампанію), сигналы его могутъ представляться для нихъ странными, опасными, но повиноваться они должны. Повиновеніе — первая заповѣдь морской дисциплины.

15-го мая на флагманскомъ броненосцѣ «Николай I» появился сигналъ о сдачѣ. Должны ли были командиры повиноваться и этому сигналу. Я утверждаю, что да; г. прокуроръ, что нѣтъ; потому что

сигналъ къ сдачѣ есть позорный, преступный. Дѣйствительно сдача— явленіе тяжкое, неестественное, всегда отвергаемое сердцемъ. Войско идетъ сражаться, а не сдаваться. Но тѣмъ не менѣе сдача происходила во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, какъ неизбѣжный спутникъ войны, какъ неизъемлемое звено въ цѣпи ея бѣдствій. Законъ могъ ее игнорировать, но жизнь признавала. Въ былое время уголовный законъ могъ молчать, такъ какъ сдача сама по себѣ являлась бѣдствіемъ худшимъ, чѣмъ смерть: сдавшемуся грозили истязанія, увѣченія, рабство. Но съ развитіемъ культуры эти ужасы сдачи отпали, она могла уже сдѣлаться соблазномъ для малодушнаго и уголовный законъ выступилъ на сцену и въ противовѣсъ соблазну сдачи обложилъ ее тяжкой карой. Но разумный законъ понималъ, что иногда сдача можетъ явиться единственнымъ разумнымъ выходомъ изъ тяжелаго критическаго положенія, и потому въ извѣстныхъ случаяхъ призналъ ее дозволенной, правомѣрной.

М. Г. Казариновъ.

Разъ законъ признаетъ извѣстное дѣйствіе правомѣрнымъ, хотя бы и въ рѣдкихъ случаяхъ, значитъ дѣйствіе это признается закономъ въ принципѣ. Нельзя говорить, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ, что сдача всегда позорна, всегда преступна, но законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее разрѣшаетъ. Въ такомъ утвержденіи содержится логическое противорѣчіе. Законъ не можетъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, разрѣшить то, что преступно въ принципѣ, что противорѣчитъ вѣрности присяги и долгу службы. Такъ, напримѣръ, законъ ни при какихъ условіяхъ не разрѣшаетъ ни измѣны, ни предательства, ни продажи врагу военныхъ секретовъ. Сдачу же разрѣшаетъ именно потому, что она въ принципѣ является правомѣрной. И такой взглядъ закона давно уже раздѣляется жизнью. Когда мы слышимъ, что командиръ судна измѣнилъ, перешелъ на сторону врага, мы немедленно же рѣшаемъ,

что онъ преступникъ; но, когда намъ говорятъ, что командиръ сдался, мы невольно восклицаемъ: «какое печальное событіе», признать же командира безъ дальнѣйшихъ разсужденій преступнымъ мы не можемъ, такъ какъ сдача сама по себѣ преступленіемъ не является и только при извѣстныхъ условіяхъ закономъ не разрѣшается.

Итакъ, преступность сдачи зависитъ отъ условій, при которыхъ и отъ цѣлей, во имя которыхъ, она совершается.

Но если мы взглянемъ глубже на дѣйствія флагмана, то увидимъ, что не только сдача, но и рѣшительно всякое другое его дѣйствіе, само по себѣ дозволенное и закономѣрное, можетъ стать преступнымъ въ зависимости отъ обстоятельствъ и той цѣли, во имя которой оно предпринято.

Сообразно этому, рѣшительно всякій сигналъ флагмана можетъ оказаться или закономѣрнымъ или преступнымъ и обыкновенно въ тотъ моментъ, когда сигналу надлежитъ подчиниться, рѣшить свойство отдаваемаго флагманомъ приказанія нѣтъ никакой возможности.

Представимъ себѣ, что флагманъ ведетъ свой отрядъ на выручку другого отряда, который, по предположенію, долженъ быть окруженъ въ извѣстномъ мѣстѣ болѣе сильнымъ непріятелемъ. И вотъ, уже приближаясь къ мѣсту своего назначенія, флагманъ вдругъ приказываетъ измѣнить курсъ. Должны ли командиры судовъ подчиниться его приказу? Вѣдь для нихъ ясно, что флагманъ, уклоняясь отъ оказанія помощи находящемуся въ опасности отряду, дѣйствуетъ незаконно. Допустимъ, что они не подчиняются. Но оказывается, что флагманъ блестяще разсчиталъ, что мѣсто предполагаемаго боя должно было измѣниться и имѣлъ въ виду спѣшить въ другое мѣсто, гдѣ дѣйствительно и происходилъ бой.

Возьмемъ другой примѣръ. Во время боя, флагманъ, видя, что часть кораблей разбита и близка къ гибели, выходитъ изъ боя и приказываетъ другимъ неповрежденнымъ судамъ слѣдовать за собою, какъ бы незаконно покидая разбитую часть эскадры на произволъ судьбы. Но въ дѣйствительности оказывается, что флагманъ имѣетъ планъ отвлечь за собою главныя силы непріятеля и спасти тѣмъ разбитыя суда, что ему и удается.

Возьмемъ, наконецъ, такой примѣръ: Адмиралъ во главѣ большой боеспособной эскадры, встрѣтясь съ болѣе сильнымъ флотомъ непріятеля, вступаетъ въ переговоры о сдачѣ. По мнѣнію г. прокурора, командиры судовъ должны ему противодѣйствовать.

Но мы имѣемъ историческій примѣръ подобной сдачи. Въ 1808 г. адмиралъ Сенявинъ, встрѣтивъ близъ Лиссабона англійскую эскадру, вступилъ въ переговоры о сдачѣ, по условіямъ которой русскія суда были отданы на храненіе англійскому правительству и часть судовъ была впослѣдствіи возвращена въ Россію, а часть куплена англичанами.

Правильно ли поступилъ бы командиръ, который, вмѣсто того, чтобы повиноваться адмиралу Сенявину, открывъ огонь, вовлекъ бы въ бой нашъ флотъ и бой окончился бы разгромомъ нашей эскадры? Конечно нѣтъ. Правда, это была сдача безъ спуска флага, сдача почетная, но все же сдача.

Вотъ почему, думаю я, разъ сдача, какъ и всякое другое дѣйствіе флагмана, можетъ являться, смотря по обстоятельствамъ, или правомѣрной или незаконной, и разъ право сдачи всей эскадры предоставлено флагману, (а что это такъ, явствуетъ изъ статей 279 и 281 В. М. Уст. о Нак.), то и нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять сигналъ о сдачѣ изъ общаго порядка подчиненія приказамъ, исходящимъ отъ флагмана. Такъ по логикѣ, такъ и по закону, который въ статьяхъ 279 и 281 В. М. Уст. о Нак., налагаетъ отвѣтствѣнность за сдачу эскадры только на лицо, стоявшее во главѣ ея.

Далѣе усматриваемъ, что ст. 276 В. М. Уст. о Нак. караетъ смертною казнью того, кто во время боя самовольно спуститъ кормовой флагъ. Является вопросъ, почему въ законѣ упомянуто слово «самовольно». Вѣдь очевидно, что оно введено въ законъ намѣренно, и что спускъ флага не самовольный, а сдѣланный по приказанію Начальника, закономъ не карается. Точно также и въ ст. 277 В. М. Уст. о Нак. говорится о наказаніи команды, которая въ нарушеніе приказанія начальника, оставила назначенное для нея по боевому расписанію мѣсто и сложила оружіе или сдалась въ плѣнъ. Законъ, упоминая о нарушеніи приказанія, очевидно, желаетъ оттѣнить, что тѣ же дѣйствія, совершенныя по приказанію начальника, не являются по отношенію къ командѣ наказуемыми.

Военно-морскіе законы, предоставляя флагману право сдать эскадру, нигдѣ не указываютъ, какъ въ такомъ случаѣ поступать командирамъ входящихъ въ составъ эскадры кораблей и отсюда вытекаетъ, что законъ сохраняетъ на этотъ случай порядокъ общій, т.-е. порядокъ безусловнаго повиновенія. Разъ законъ не предоставляетъ командирамъ въ этомъ случаѣ какихъ либо особыхъ правъ, то и присваивать себѣ такихъ правъ они не могутъ.

циплины, ибо, предоставляя командиру право провѣрять приказанія флагмана о сдачѣ, онъ для послѣдовательности долженъ предоставить командиру такое же право и относительно всѣхъ другихъ приказаній флагмана, такъ какъ между ними и приказомъ о сдачѣ никакой принципіальной разницы нѣтъ, и въ результатѣ всякое рѣшительное, иногда отважное и рискованное, приказаніе начальника будетъ провѣряться, парализоваться и тормозиться критикой подчиненнаго, обыкновенно лица менѣе опытнаго. Если обязать командира при каждомъ сомнительномъ случаѣ созывать еще совѣтъ офицеровъ, то критика дѣйствій начальника еще болѣе понизится. Не потому, чтобы среди офицеровъ не было людей энергичныхъ и талантливыхъ, а потому, что выводъ совѣта офицеровъ, какъ выводъ всякой многочисленной коллегіи, будетъ выводомъ среднимъ, сглаживающимъ мнѣнія крайнія, а между тѣмъ въ военномъ дѣлѣ часто нужны именно мѣры крайнія, рискованныя. Духъ арміи падетъ, такъ какъ вся сила начальника заключается въ увѣренности, что всякое его приказаніе, даже самое рискованное, будетъ немедленно же безпрекословно исполнено подчиненными; сила же исполнителей въ томъ, что вся ихъ энергія уходитъ на исполненіе, а не на критику приказанія. Наконецъ, идея повѣрки начальника сама по себѣ идея деморализующая. Въ результатѣ г. прокуроръ, желая устранить зло мнимое—повиновеніе преступнымъ приказамъ начальника (каковыхъ приказовъ почти никогда и не бываетъ), вноситъ въ армію зло постоянное, зло реальное.

Г. прокуроръ указывалъ еще, что адмиралъ, спустившій флагъ, уже болѣе не адмиралъ и повиноваться ему не слѣдуетъ. Это мнѣніе ошибочно. Какъ въ моментъ отдачи приказанія Небогатовъ былъ адмираломъ, такъ продолжалъ оставаться имъ и послѣ, потому что сдача—актъ юридическій и окончательный моментъ сдачи опредѣляется не спускомъ флага, а заключеніемъ и подписаніемъ между сторонами договора о сдачѣ.

Итакъ, командиры г. г. Лишинъ и Григорьевъ, получивъ сигналъ адмирала Небогатова о сдачѣ эскадры и не только не усматривая въ этомъ дѣйствіи адмирала какой-либо явно преступной цѣли, а наоборотъ, понимая, что сдача —единственный выходъ изъ того критическаго положенія, въ которомъ находилась эскадра, отрепетовали адмиральскій сигналъ. Это былъ ихъ долгъ, хотя сердце и протестовало: г. Григорьевъ разрыдался, схватившись руками за голову, г. Лишинъ возмущался и кричалъ, что это позоръ для всей Россіи, рыдалъ и капитанъ 2-го ранга Шведе, уткнувшись головою

въ сталь брони. Всѣ скорбѣли сердцемъ, но всѣ подчинились,—это была ихъ обязанность.

Но на случай, если бы судъ взглянулъ на дѣло иначе, мнѣ приходится остановиться на вопросѣ, могли ли г. г. Лишинъ и Григорьевъ оказать какое-либо сопротивленіе японцамъ и былъ ли у нихъ какой либо-выходъ, кромѣ сдачи. Броненосцы «Адмиралъ Апраксинъ» и «Генералъ-Адмиралъ Сенявинъ» — это небольшіе уже устарѣвшіе броненосцы береговой обороны, тихоходные, много видѣвшіе на своемъ вѣку. Броненосецъ «Апраксинъ» уже зимовалъ однажды во льдахъ, что сильно расшатало его корпусъ, наткнулся однажды близъ Гохланда на скалу, прорвалъ оба днища и былъ съ большими трудами снятъ оттуда Адмираломъ Рожественскимъ. Зачиненные, подновленные, пошли эти броненосцы въ дальній путь. Это было настоящее подводное плаваніе, они зарывались носомъ въ волну, палубы текли по всѣмъ пазамъ и въ каютахъ, въ лазаретахъ стояла вода, которую вычерпывали денно и нощно; много силъ и энергіи истощалось на страдныя погрузки угля въ пути. Я не буду вамъ описывать всѣхъ трудностей этого плаванія, этой великой, какъ выразился кто-то, каменноугольный эпопеи. Всѣ мытарства перехода, состояніе броненосцевъ и ужасы боя 14-го Мая вамъ, г. г. судьи, извѣстны хорошо. Къ утру 15-го Мая броненосцы оказались въ жалкомъ состояніи — расшатанные отъ перехода и бурь, разбитые собственной стрѣльбой; броня почти всюду разошлась, мѣстами совершенно отпадала, башни были не въ порядкѣ. На «Апраксинѣ» въ носовой башнѣ плавился червякъ подачи и на каждое заряжаніе орудія требовалось до 10-ти минутъ; кормовая башня ходила бокомъ и вращалась туго; въ носовой части «Апраксина» была большая пробоина, и вода стояла въ носу на два фута, а по всей жилой палубѣ—на футъ; оба броненосца были чрезмѣрно перегружены углемъ, вся поясная броня уходила подъ горизонтъ воды, и первый удачно попавшій снарядъ могъ перевернуть броненосецъ. Но самое слабое мѣсто этихъ броненосцевъ была артиллерія. Пушки были нѣсколько устарѣвшія и кольца на нихъ послѣ боя 14-го Мая разошлись. Г. прокуроръ утверждаетъ, что это обстоятельство не имѣло никакого значенія; но вѣдь не для красоты же надѣваются на орудія кольца. Снаряды при попаданіи не разрывались; самъ г. прокуроръ призналъ, что при изготовленіи ихъ руководствовались неправильнымъ принципомъ разрывнаго дѣйствія. Къ довершенію всего, стрѣлять изъ пушекъ никто не умѣлъ. Близъ Джибути попробовали стрѣлять; устроили щиты, и вся эскадра начала ихъ громить на раз-

стояніи 15-ти кабельтовыхъ. Не попали ни разу. Стрѣляли самые опытные, другіе только смотрѣли и учились, какъ слѣдуетъ стрѣлять. Близъ Цейлона была вторая и послѣдняя проба. Изъ шестидесяти выстрѣловъ попали два раза.

Въ бою 14-го Мая съ «Апраксина» и «Сенявина» пальба была страшная; въ результатѣ—оглохъ артиллерійскій кондукторъ Смирновъ и разлѣзлись пушки. Японцы относились къ этой пальбѣ весьма благодушно и не трогали ни «Апраксина», ни «Сенявина», предоставивъ имъ стрѣлять въ волю.

Оптическіе прицѣлы и дальномѣры были сданы на броненосцы, закупоренные въ ящикахъ, въ день отъѣзда эскадры изъ Либавы. Прилаженные къ пушкамъ не заводской командой, а командой броненосцевъ, оптическіе прицѣлы вскорѣ утратили параллельность осей съ осями пушекъ. Съ дальномѣрами была тоже бѣда. Установленные безъ каучуковыхъ прокладокъ, они давали сотрясеніе. Пока ихъ вывѣряли по звѣздамъ, все шло прекрасно, но какъ только стали мѣрить разстояніе до японскихъ судовъ, одинъ дальномѣръ сталъ показывать 42 кабельтовыхъ, а другой 28. Не имѣя подъ руками третьяго дальномѣра, чтобы рѣшить, который правъ, старшій артиллерійскій офицеръ «Апраксина» баронъ Таубе махнулъ рукой на оба дальномѣра и сталъ стрѣлять на глазъ. Лейтенантъ Бѣлавенецъ съ «Сенявина» имѣлъ также много возни съ дальномѣрами; дальше чѣмъ на 40 кабельтовыхъ онъ имъ рѣшительно не довѣрялъ; а такъ какъ японцы ближе чѣмъ на 40 и не подходили, то Лейтенантъ Бѣлавенецъ къ показанной дальномѣромъ цифрѣ что-то присчитывалъ, затѣмъ что-то высчитывалъ, вводилъ еще пороховую поправку и наконецъ разстояніе передавалось въ боевую рубку. Тамъ наводили и стрѣляли. Кондукторъ Смирновъ, наблюдавшій за снарядомъ, видѣлъ, какъ онъ падалъ въ воду и, не разрываясь, мирно направлялся на дно. На дальнія разстоянія стрѣлять не могли совсѣмъ, за невозможностью придать орудію большого угла возвышенія. Какъ-то во время боя командиръ «Сенявина» г. Григорьевъ, соблазнившись близостью японскаго броненосца, приказалъ стрѣлять; стрѣляли, но опять не попали — оказалось была циркуляція. Итакъ, то дальномѣры фантазируютъ, то уголъ возвышенія не выходитъ, то циркуляція, но въ результатѣ къ вечеру 14-го Мая почти всѣ бронебойные и фугасные снаряды очутились одинаково на морскомъ днѣ. Грустная исторія — цѣлое богатство безплодно на днѣ моря. Это пояснилъ намъ здѣсь Адмиралъ Рожественскій, —результатъ особыхъ экономическихъ соображеній при обученіи стрѣльбѣ.

Не ясно ли, что 15-го Мая бой между «Сенявинымъ» и «Апраксинымъ» со всей японской эскадрой былъ невозможенъ. Это былъ бы систематическій, мучительный по своему психическому воздѣйствію, поочередный разстрѣлъ японцами нашихъ броненосцевъ. Пока одинъ подвергался бы разстрѣлу, другіе безпомощно стояли-бы, ожидая своей очереди.

Въ современномъ морскомъ бою быстрота хода и дальнобойность орудій рѣшаютъ исходъ боя. Обладающій этими качествами противникъ по своему усмотрѣнію выбираетъ боевыя разстоянія и громитъ врага съ недосягаемаго для орудія послѣдняго отдаленія. Теперь вѣкъ великихъ итоговъ изъ малыхъ причинъ, это непреложно какъ въ борьбѣ военной, такъ и въ борьбѣ экономической. Дайте мнѣ, говорилъ одинъ англійскій фабрикантъ, только на четверть часа позже положеннаго часа закрывать мою фабрику, и я въ годъ разорю моихъ конкурентовъ. Дайте мнѣ, можетъ сказать современный флотоводецъ, суда чуть-чуть быстроходнѣе, чѣмъ у другихъ и орудія немножко дальнобойнѣе и я безнаказанно разгромлю любую эскадру.

Итакъ, бой, въ смыслѣ нападенія на врага и защиты противъ него, былъ невозможенъ. Уйти отъ японской эскадры тихоходные, залитые водой и перегруженные броненосцы «Сенявинъ» и «Апраксинъ» конечно не могли также. Оставался вопросъ, нельзя-ли утопить суда и спасти команды...

Въ слѣдующей части своей рѣчи защитникъ останавливается на устройствѣ кингстоновъ на броненосцахъ «Сенявинъ» и «Апраксинъ» и доказываетъ, что при помощи той устарѣлой системы кингстоновъ, которые существовали на этихъ судахъ, для затопленія ихъ потребовалось бы не менѣе часа времени. Что же касается средствъ спасенія, то шлюпки были наполнены водою во избѣжанія пожаровъ отъ японскихъ снарядовъ, занайтовлены по походному и обмотаны сѣтями минныхъ загражденій. Для спуска ихъ, а равно и для освобожденія спасательныхъ коекъ, которыя были употреблены для защиты дальномѣровъ, потребовалось бы тоже не менѣе полутора часовъ. Японцы конечно замѣтили бы эти приготовленія къ спасенію людей и къ затопленію судовъ и немедленно, открывъ огонь, пустили бы ихъ ко дну вмѣстѣ со всѣми командами.

Останавливаясь на постановленіяхъ международной конференціи въ Гаагѣ въ 1899 году, на которой участвовали какъ русское, такъ и японское правительства, защитникъ указываетъ, что въ силу отдѣла II гл. I ст. 23 означенныхъ постановленій, запрещено незаконно пользоваться парламентерскимъ или чужимъ національнымъ

флагомъ и что, въ виду сего, русскіе, поднявъ на своихъ судахъ японскіе флаги и вступивъ съ японцами въ переговоры о сдачѣ, уже не имѣли права, пользуясь тѣмъ, что японцы прекратили огонь, заняться спасеніемъ своихъ командъ и затопленіемъ броненосцевъ.

Война, продолжаетъ защитникъ, это своего рода международный экзаменъ, на которомъ націи развертываютъ свои силы. Здѣсь на пробу ставится вся культура страны за послѣдніе годы, можетъ быть даже десятки лѣтъ: успѣхи техники, военное воспитаніе, искусство военачальниковъ, проницательность дипломата, честность подрядчика все подвергается оцѣнкѣ. Если все это было на должной высотѣ, то во время войны дастъ свои результаты; если же все это блистало въ мирное время только своей казовой вызолоченной стороной, — на войнѣ все покажетъ свою изъѣденную ржавчиной обратную сторону.

Въ страшномъ всенародномъ подъемѣ напрягла Японія свои силы и чтобы блеснуть, поразить міръ на этомъ международномъ состязаніи, двинула образцовый, мощный флотъ подъ руководствомъ блестящихъ адмираловъ.

И поѣхали отъ насъ, черпая воду, на этотъ экзаменъ броненосцы «Апраксинъ» и «Сенявинъ». Отправили ихъ спѣшно, въ послѣднюю минуту въ догонку адмирала Рожественскаго. Флотъ идетъ, чтобы побѣдить или погибнуть, говоритъ и прокуроръ. Но кого, спрошу я, могла побѣдить эскадра Небогатова, которая не въ состояніи была разстрѣлять даже собственныхъ сколоченныхъ на живую руку щитовъ? Такъ неужели же эти суда посылались на явную гибель? О, нѣтъ, ихъ посылали просто для психологіи адмирала Рожественскаго. И дѣйствительно, хотя и знали въ эскадрѣ адмирала Рожественскаго, что такое эта Небогатовская эскадра, и сѣтовали, что только даромъ теряютъ время на ея поджиданіе, но когда она прибыла, психологія, какъ показываетъ инженеръ-механикъ Костенко, сразу повысилась; все-таки — длинныя пушки, трубы, число дымовъ больше; всѣ и повеселѣли.

И вотъ 15-го Мая судьба поставила эти два броненосца «Сенявинъ» и «Апраксинъ» лицомъ къ лицу со всѣмъ мощнымъ японскимъ флотомъ. Что, спрошу я, могли они сдѣлать? Ничего, конечно; ну и сдались. Но, говорятъ, сдаваться, всетаки не слѣдовало, такъ какъ, если они и были посланы для психологіи, то не для японской, а для нашей собственной...

Воинъ охраняетъ родину; родина охраняетъ воина. Какъ мать, снаряжая сына въ чужіе края, отдаетъ ему все лучшее, что имѣетъ,

соскребаетъ послѣднее, чтобы легче жилось ему среди чужихъ людей, такъ и мощная родина, посылая въ походъ воина, да даетъ ему всѣ лучшія, достойныя ея боевого знамени средства нападенія и защиты, чтобы въ страшный часъ, въ смертномъ бою могъ онъ выступить во всемъ величіи ея блеска, силы и славы, чтобы не стоялъ онъ безоружный, беззащитный, уткнувшись пылающей головой въ холодную сталь брони и не исходили въ жгучихъ слезахъ безсилія, слезахъ отчаянія, его мощь, честь и отвага.

Въ послѣдующихъ частяхъ своей рѣчи, защитникъ подробно разбираетъ указанія прокурора, что сдача судовъ произошла безъ боя, что Г. г. Лишинъ и Григорьевъ не созвали передъ сдачей совѣта офицеровъ и что затѣмъ они противодѣйствовали, когда команда начала портить на судахъ орудія. Послѣдовательно разсмотрѣвъ эти указанія, защитникъ, на основаніи обстоятельствъ дѣла, свидѣтельскихъ показаній и соотвѣтствующихъ постановленій закона и международныхъ конференцій, приходитъ къ выводу, что указанія г. прокурора не выдерживаютъ критики. Остановившись затѣмъ на личности капитановъ I-го ранга Лишина и Григорьева и разсмотрѣвъ ихъ служебную дѣятельность и поведеніе во время боя и сдачи судовъ, защитникъ приходитъ къ заключенію, что ими сдѣлано все, что можно было требовать отъ нихъ, какъ храбрыхъ и честныхъ воиновъ.

Нарисовавъ далѣе психологическую картину всей Цусимской сдачи, какъ одного неразрывнаго психологическаго цѣлаго, неподлежащаго дробленію на отдѣльныя части, защитникъ переходитъ къ заключительной части своей рѣчи.

«Каждая современная война — цѣлая эпоха въ области военной техники, военныхъ пріемовъ и можетъ быть даже военнаго права. Орудія грозныя и страшныя пять лѣтъ назадъ оказываются уже устарѣвшими и негодными, снаряды, вчера представлявшіе изъ себя послѣднее слово человѣкоистребительнаго искусства, оказываются сегодня уже безобидными и благодѣтельными для врага. Пріемы, освященные традиціями, утрачиваютъ свое мистическое обаяніе. Бывало герои, не видя исхода изъ неравной борьбы, пускали себя ко дну вмѣстѣ со своимъ судномъ, чтобы, схоронивъ себя и ввѣренное имъ судно на днѣ моря, воздвигнуть для родины вѣчный памятникъ славы. Но увы, уже подбирается врагъ къ этимъ святынямъ, извлекаетъ суда изъ морской глубины, роется въ тайникахъ и хранилищахъ, чиститъ, чинитъ суда и ужъ бѣгаютъ они подъ его флагомъ и попирается кровь героевъ самодовольной пятой чужеземца.

Теперь вѣкъ великихъ истребительныхъ силъ. Ужасы войны возросли до крайнихъ предѣловъ; возросли и неизбѣжные спутники войны: побѣды, пораженія, плѣненія. Возрасла единица боевой силы, возросла и единица безсилія, единица сдачи. Прежде сдавались отдѣльныя суда, теперь — цѣлыя эскадры. Гигантскіе, закованные въ непроницаемую броню плавучіе крѣпости, плоды долголѣтней работы и много-милліонныхъ затратъ, перевертываются въ одинъ мигъ, хороня тысячи жизней, отъ удара незамѣтной миноноски или плавучей мины. Прежніе ужасы, какъ, напр., течи, пожары, передъ которыми благоговѣйно склонялся законъ, предоставляя воинамъ сложить оружіе и искать спасенія жизни въ сдачѣ, уже представляются невинными и блѣдными передъ опасностями современной войны. Развѣ страшны теперь течи, о которыхъ говоритъ законъ, когда пробитое, но снабженное непроницаемыми переборками судно, можетъ плавать недѣли, развѣ страшны пожары, когда всѣ главныя металлическія части судна не могуть вовсе горѣть. А новыхъ, дѣйствительныхъ опасностей устарѣвшій законъ не предусматриваетъ. Жизнь давно переросла букву закона и человѣколюбіе законодателя уже давно не укладывается въ указанныхъ имъ шлюпкахъ спасенія.»

Культура человѣческая ростетъ, не та только культура, которая начиняетъ мелинитомъ снаряды и плавучія мины, но и истинная культура духа. Идеи гуманности, братской общности людей, изъ области туманныхъ химеръ воплощаются въ реальные факты. Кровавому розмаху войны ставятся извѣстные предѣлы; всякая безполезная жестокость, всякое излишнее кровопролитіе изгоняются. Гудитъ набатъ мира и гудитъ съ высоты Престола Всероссійскаго. Въ дѣлѣ человѣколюбія и гуманности Россія всегда шла впереди. Только одна безпристрастная исторія будущаго оцѣнитъ ту великую цивилизаторскую роль, которую играла Россія въ великомъ дѣлѣ защиты слабаго, въ международной борьбѣ за гуманность, честь и право.

Еще въ 1816 году Императоръ Александръ I вноситъ предложеніе о всеобщемъ разоруженіи. Въ 1868 году, созванная по повелѣнію Государя Императора въ С.-Петербургѣ военная международная коммиссія, принимая во вниманіе, «что успѣхи цивилизаціи должны влечь по возможности уменьшеніе бѣдствій войны»... «что единственная законная цѣль войны заключается въ ослабленіи военныхъ силъ непріятеля,» подписываютъ декларацію объ отмѣнѣ взрывчатыхъ и зажигательныхъ пуль.

На созванной по инціативѣ нашего правительства въ 1874

году международной конференціи въ Брюсселѣ, уполномоченный нашъ баронъ Жомани говоритъ: «стремиться къ ограниченію разрушительныхъ силъ войны, вполнѣ признавая ея неумолимыя требованія, вотъ задача великаго народа! Тамъ же провозглашается, что цѣль войны — «сломить средства сопротивленія противника.»

На созванной опять-таки по инціативѣ нашего правительства въ 1899 году конференціи мира въ Гаагѣ, представители націй, «одушевленные желаніемъ уменьшить бѣдствія, сопряженныя съ войной», издаютъ рядъ постановленій, преслѣдующихъ цѣли гуманности и права.

Съ этими великими руководящими началами должны мы подходить къ 354 ст. Морского Устава для разрѣшенія вопроса, что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ «безполезное кровопролитіе.»

Если цѣль войны сломить вооруженныя силы врага, то при невозможности этого, истребленіе своихъ собственныхъ силъ, утопленіе своихъ командъ — будетъ очевидно кровопролитіемъ безполезнымъ.

И когда разбитые остатки флота окружены непомѣрными, необоримыми силами непріятеля, когда никакая борьба невозможна и всякое сопротивленіе безполезно, когда для адмирала возникаетъ вопросъ, что дѣлать, топить-ли суда, старыя, пережившія свой вѣкъ суда вмѣстѣ съ командами, или сдать суда непріятелю, спасая команды, что скажемъ тогда мы ему, какъ долженъ онъ поступить, что спасать, что дороже: желѣзо или люди?

— Желѣзо! говоритъ г. прокуроръ.

— Люди дороже, людей спасайте! гудитъ колоколъ изъ свѣтлаго храма христіанской культуры.

— Убыли въ рядахъ флота невозстановимы, говоритъ г. прокуроръ. Пусть такъ, но почему думаетъ онъ, что утрата стараго судна для государства ощутительнѣе, чѣмъ гибель двухъ тысячъ юныхъ жизней. Судно можно выстроить въ одинъ-два года, судно можно купить, но нельзя ни воспитать за два года, ни купить сотни храбрыхъ, опытныхъ офицеровъ и двухъ тысячъ самоотверженныхъ подчиненныхъ. Государство наше, какъ видно изъ исторіи нашихъ морскихъ сдачъ и слѣдовавшихъ затѣмъ помилованій, всегда цѣнило жизнь своихъ вѣрноподданныхъ выше стоимости дерева и желѣза. Въ потерѣ судна, говорилъ еще адмиралъ Нельсонъ, легко можно утѣшиться, но потеря храбраго офицера есть потеря національная.

— Японцы не сдались бы, говоритъ г. прокуроръ. Можетъ быть, но да не краснѣетъ и не клонитъ свою голову широкая гу-

манная европейская культура передъ узкимъ фанатизмомъ азіата, только еще вчера хватившаго изъ всей европейской культуры одни верхи человѣкоистребительной техники.

Нельзя обращать міра вспять и не Европѣ черпать въ Азіи руководящихъ началъ для духа, хотя-бы и для духа войны...

А честь Андреевскаго флага? скажутъ мнѣ.

— Конечно, у всякаго человѣка въ душѣ должно быть нѣчто святое; всякая нація должна чтить свое боевое знамя и древко этого знамени должно поддерживаться не однимъ только воиномъ, но всѣмъ народомъ. И если нельзя водружать креста надъ тѣмъ, что не соотвѣтствуетъ понятію храма, то и Андреевскимъ флагомъ нельзя осѣнять того, что недостойно названія боевой мощи націи...

Печальна была наша послѣдняя война; осуждены въ ней наша техника, военная подготовка, непредусмотрительность, осуждено многое, многое. И только одно оставалось еще неосужденнымъ— это духъ русскаго воинства.

Неужели послѣ вашего приговора уже ничто не останется не осужденнымъ!

Вѣдь вашъ судъ — это судъ надъ духомъ русскаго флота.

Но что, спрошу я, въ современномъ морскомъ бою можетъ сдѣлать духъ, если и свѣтелъ онъ, и непоколебимъ, но тусклы оптическіе прицѣлы и дрожатъ неснабженные каучуковыми прокладками дальномѣры; если сердце рвется въ бой и горитъ желаніемъ борьбы и побѣды, но судно даетъ всего одиннадцать узловъ ходу и не рвутся снаряды.

Къ чему послужитъ духъ?—развѣ, чтобы пустить ко дну четыре гигантскихъ желѣзныхъ гробницы. Довольно ихъ, довольно этихъ неотпѣтыхъ гробницъ на днѣ японскаго моря!

Приговоръ вашъ, говоритъ г. прокуроръ, породитъ, поддержитъ воинскій духъ грядущихъ поколѣній.

Нѣтъ, не обвинительные приговоры рождаютъ духъ и не ими онъ питается. Его родитъ земля, въ которой тлѣютъ кости героевъ, ширь полей, по которымъ переливается переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе пѣсня удали и любви къ родинѣ...

И много въ землѣ русской и энергіи, и духа, и силы; много талантовъ, искусства, способностей ко всякому, также и къ морскому, дѣлу.

Россія въ мореходствѣ опаснѣйшій врагъ, говорилъ еще столѣтія назадъ лордъ Пиль въ англійскомъ парламентѣ, за ней надо слѣдить, сбивать ее съ пути, не давать ей ходу въ морскомъ дѣлѣ.

И тяготѣютъ, какъ будто, надъ нашимъ флотомъ слова лорде Пиля; тормозится, сбивается съ пути наше морское дѣло.

Осудить теперь духъ флота, неужели это требуется, чтобы поставить наше морское дѣло на истинный путь! Быть можетъ, наоборотъ, приговоръ оправдательный, озадачивъ, всколыхнувъ многое, ляжетъ краеугольнымъ камнемъ великаго дѣла — созданія для Россіи образцоваго, мощнаго флота...

Я кончилъ, г-да судьи. Быть можетъ, въ защитѣ моей я погрѣшилъ противъ духа воинскаго, но я не погрѣшилъ противъ духа человѣческаго.

II.

Г. г. Судьи.

Роль старшаго механика броненосца «Орла» Полковника Парфенова была при сдачѣ 15 Мая незначительная, незамѣтная и сообразно съ этимъ мало мѣста удѣлилъ ему г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи. Уже одно это обязываетъ меня быть краткимъ и не возбуждать въ настоящей моей защитѣ общихъ вопросовъ о томъ, законна-ли была сдача или нѣтъ, обязаны-ли были офицеры въ данномъ случаѣ повиноваться командиру броненосца или не обязаны и тому под. Вопросы эти притомъ же уже подробно разобраны моими предшественниками по защитѣ и возбуждать ихъ вновь было бы просто злоупотреблять временемъ и вниманіемъ Суда.

Поэтому я остановлюсь главнымъ образомъ на положеніи полк. Парфенова, какъ старшаго механика на броненосцѣ «Орлѣ» вообще и въ частности на той роли, которую онъ игралъ во время сдачи 15-го Мая.

Роль старшаго механика на суднѣ—не боевая. Если командиру судна ввѣряется, согласно Морскому Уставу, все и вся на кораблѣ, то старшему механику ввѣряется наблюденіе за паровыми машинами и прочими механизмами корабля.

Вотъ область, отведенная ему, какъ спеціалисту. Въ эту область никто не долженъ вмѣшиваться, кромѣ командира, но зато и старшій механикъ не вправѣ вмѣшиваться въ другія области. Не долженъ да и не можетъ. На немъ лежитъ слишкомъ много обязанностей, всецѣло его захватывающихъ.

Онъ обучаетъ команду должному обращенію съ машинами, надлежащему расходованію матеріаловъ, оберегаетъ механизмы отъ поломокъ, порчи, тренія, отъ пыли во время угольныхъ погрузокъ. Сотни заботъ лежатъ на немъ днемъ и ночью. Котлы, топки, ци-

линдры, водоотливы, рефрежираторы, вентиляторы—все это возложено на его отвѣтственность. И чтобы честно исполнить свой долгъ, старшій механикъ долженъ всецѣло уйти въ этотъ міръ механизмовъ, міръ мертвый и въ то же время вѣчно живой, требовательный, капризный. Тамъ надо дать пищу въ видѣ воды, тамъ въ видѣ угля, масла, тамъ надо предоставить машинѣ ежедневный двухъ-часовой отдыхъ. И все это не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства, ни малѣйшаго невниманія. Въ каютѣ своей, въ центрѣ этого міра живетъ старшій механикъ, бодрствуетъ и спитъ подъ неумолкаемый говоръ, подъ вѣчное перешептываніе стали и пара. И уходитъ онъ отъ неба, отъ дневного свѣта, отъ всей остальной жизни корабля. И только когда онъ всецѣло уйдетъ въ этотъ своеобразный міръ и станетъ жить одной съ нимъ жизнью, только тогда онъ исполнитъ свой долгъ, такъ, какъ велятъ ему законъ и совѣсть.

И въ этомъ отношеніи за полковникомъ Парфеновымъ много заслугъ и громадный опытъ, вынесенный изъ его прежней дѣятельности. Какъ видно изъ его формуляра, онъ провелъ въ общей сложности 10 лѣтъ въ плаваніи на разныхъ судахъ: минномъ крейсерѣ «Абрекъ», канонерской лодкѣ «Манжуръ», броненосцѣ «Адмиралъ Сенявинъ» и Императорской яхтѣ «Полярная Звѣзда». Я имѣлъ честь представить Суду отзывы, полученные имъ отъ бывшихъ его командировъ, аттестующіе его какъ механика выдающихся знаній и рѣдкой добросовѣстности, всецѣло погружающагося въ свой трудъ, какъ человѣка прекрасно воспитаннаго и мягкаго по натурѣ, какъ идеальнаго, исполнительнаго подчиненнаго.

Когда началась война, онъ былъ назначенъ старшимъ механикомъ на броненосецъ Орелъ. Конечно, и за время перехода отъ Либавы до Цусимы не мало трудовъ выпало на его долю. Я не буду ихъ описывать, г-да судьи, они хорошо вамъ извѣстны, да и шелъ полковникъ Парфеновъ не для отдыха и ничуть не желаетъ ставить эти труды себѣ въ заслугу.

Я отмѣчу только, что полк. Парфеновъ, какъ здѣсь показывали на судѣ оберъ-аудиторъ Добровольскій и инженеръ-механикъ Костенко, былъ труженикъ необыкновенный: онъ цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ машинныхъ отдѣленій, не появлялся въ каютъ-кампаніи и даже ночью спалъ не раздѣваясь, чтобы быть готовымъ во всякій моментъ бѣжать туда, куда его потребуютъ ввѣренныя ему машины. Для меня важенъ фактъ, и вы въ немъ не усомнитесь, что въ роковое утро 14 мая полк. Парфеновъ и его команда не со свѣжими силами приступили къ своему дѣлу.

Роковой бой небезслѣдно прошелъ для находившихся въ машинныхъ отдѣленіяхъ.

Ужасы боя переживаются въ машинѣ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ наверху; тамъ хоть видятъ опасность въ глаза и это отнимаетъ отъ нея половину ея гнета. Лучше было быть убитымъ снарядомъ, чѣмъ сидѣть въ кочегарнѣ и ничего не знать о томъ, что происходитъ наверху, говоритъ прапорщикъ Антипинъ.

Удары 190 снарядовъ, попавшихъ въ «Орла», несомнѣнно прошли дрожью и по сердцу Парфенова, дрожью, если не за свою, то за общую участь.

Съ разгаромъ боя работа въ машинѣ растетъ; все лихорадочнѣе приказанія сверху, все точнѣе и быстрѣе требуется ихъ исполненіе, а между тѣмъ работа затрудняется. То вентиляторъ вдругъ начинаетъ накачивать въ машину вмѣсто свѣжаго воздуха ѣдкій мелинитовый газъ отъ разорвавшагося снаряда, то дымъ пожара; съ командой дѣлается дурно, нѣкоторые падаютъ въ обморокъ. Не теряя минуты, надо прервать дѣйствіе вентиляторовъ. Грянулъ ударъ, снарядъ вырвалъ громадный листъ изъ дымовой трубы и швырнулъ его вмѣстѣ съ ревуномъ во внутрь трубы. Другой ударъ, и сквозь броневыя колосниковыя рѣшетки хлестнулъ въ машину дождь осколковъ отъ разорвавшагося снаряда. Надо бѣжать смотрѣть, не попали-ли осколки въ машину. Третій ударъ, броненосецъ дрогнулъ, вильнулъ съ курса и начинается кренъ. Опять работа механику—надо спѣшить выравнять этотъ гибельный кренъ. Между тѣмъ вентиляторы закрыты, и температура растетъ до 42 градусовъ. Трескъ снарядовъ, дымъ, чадъ, ужасающія извѣстія сверху, все это бьетъ по нервамъ, угнетаетъ душу, цѣпенитъ мысль. Все сплывается въ какой-то туманъ, хаосъ, между жизнью и смертью теряются грани. И во всемъ этомъ хаосѣ только одна звѣзда бодритъ, руководитъ, держитъ всѣхъ на посту—это долгъ службы.

Механикъ не воинъ по существу своего назначенія. Бой, кровь, доблесть смерти, честь побѣды—это не его сфера. Его область—машины, цифры, формулы, разсчеты. Его радости—когда машина дѣйствуетъ исправно и развиваетъ быстрый ходъ, его печали—ревматизмы, ослабленіе зрѣнія отъ вѣчно искусственнаго свѣта, слабость легкихъ отъ непрестаннаго вдыханія угольной пыли и машинныхъ испареній.

Отвага—доблесть воина. А отвага въ механикѣ—нужно-ли это? Нѣтъ, ужъ пусть лучше будетъ поосторожнѣе. Машина не

[illegible] и всѣ стали
[illegible] пистоны, приго
[illegible] нѣсколько гаекъ, кото
[illegible] моментъ, доложилъ об
[illegible] машину. — Какъ въ могил

сошелъ я въ кочегарню», говоритъ прапорщикъ Антипинъ. Понимали всѣ, что не дологъ будетъ ихъ трудъ, послѣднiй трудъ и что близокъ покой, покой вѣчный. Ждали боя. Грянули выстрѣлы съ «Орла», и затѣмъ наступила вдругъ жуткая тишина. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Вбѣгаетъ машинистъ и кричитъ «сдались!» Ему никто не вѣритъ. Полк. Парфеновъ посылаетъ квартирмейстера Громова наверхъ узнать, что случилось. Громовъ бѣжитъ, но такъ какъ трапы наверхъ перебиты, онъ направляется обходнымъ путемъ черезъ корму. Проходитъ опять нѣсколько томительныхъ минутъ. Наконецъ, приходитъ Громовъ:—«дѣйствительно, сдались и наверху уже поднятъ бѣлый флагъ»... Ну что-жъ, успокойтесь труженики машины, вы долгъ вашъ исполнили свято; сдача произошла безъ васъ, вы въ ней не участвовали и отвѣта за нее нести не будете...

Наверху дѣйствительно уже все кончено; наши пушки молчатъ, японскiя орудiя умолкли тоже, развивается бѣлый флагъ; по всему броненосцу слезы, смятенiе, отчаянiе—паника.

Но вотъ по разбитымъ трапамъ, черезъ корму, по грудамъ обломковъ, перескакивая черезъ пропасти, бѣжитъ изъ машины полк. Парфеновъ. Первыми его словами было: «адмирала можно не слушаться, надо идти во Владивостокъ, или драться!»; (такъ показываетъ свидѣтель горнистъ Балеста).

Идти во Владивостокъ, это-ли не безумiе! Идти съ пробитымъ кораблемъ, наполненнымъ водою, когда кругомъ кольцо безпощадныхъ японскихъ броненосцевъ и быстрыхъ миноносцевъ. Драться съ двумя орудiями противъ всего мощнаго японскаго флота! Всѣ уже пережили эти мысли, всѣ горѣли этими надеждами, но утеряли ихъ передъ роковой невозможностью. И нѣтъ отвѣта на призывъ Парфенова и онъ бѣгаетъ по броненосцу, кричитъ: «гдѣ трюмные, надо открыть кингстоны, надо топиться». Но и этотъ крикъ безотвѣтенъ—топить броненосца нельзя—на немъ слишкомъ много раненыхъ.

Г. г. судьи, въ такiя неестественныя минуты человѣкъ поступаетъ такъ, какъ наиболѣе естественно и свойственно его характеру, потому что въ эти минуты все искусственное, наносное, напускное срывается какъ маска и душа человѣка проявляется въ ея неприкрашенномъ чистомъ видѣ. И въ этотъ моментъ въ Парфеновѣ, человѣкѣ цифръ, формулъ, разсчета, проснулась душа воина и онъ развернулся передъ вами весь и развернулся какъ герой.

порядкѣ, причемъ полк. Парфеновъ являлся въ означенномъ дѣлѣ свидѣтелемъ. Отсюда у Воробьева могло зародиться чувство злобы противъ Парфенова, и подъ вліяніемъ этого чувства онъ приписалъ полковнику Парфенову вышеозначенныя слова, но на судѣ подтвердить этихъ словъ не рѣшился.

Свидѣтеля Громова здѣсь на судѣ не было, но я думаю, что и ему можно не вѣрить. Слишкомъ ужъ не вяжется подобное желаніе Парфенова угодить японцамъ съ проявленнымъ имъ высокимъ порывомъ патріотическаго чувства. Это и житейски неправдоподобно: неужели полк. Парфеновъ, который не спалъ ночами въ заботѣ о своихъ машинахъ, который сроднился съ ними какъ съ живыми существами, сталъ-бы съ такою легкой душой передавать ихъ японцамъ. Думаю, что наоборотъ, при появленіи японцевъ на броненосцѣ, онъ несомнѣнно попытался бы испортить машины, но по пріѣздѣ ихъ на броненосецъ онъ былъ немедленно же ими арестованъ вмѣстѣ съ капитаномъ 2 ранга Шведе.

Вотъ, г-да судьи, что я имѣлъ сказать въ защиту Парфенова. Все, что въ его власти было— онъ сдѣлалъ, а за то, что было внѣ его воли, его, конечно, судить нельзя.

Его воля сломалась, какъ ломалась воля всѣхъ, хотя-бы, напр., мичмана Карпова, столь энергично проявлявшаго ее наканунѣ. Воля самыхъ сильныхъ сводилась къ тому, что ломали оптическіе прицѣлы, да бросали за бортъ замки орудій; болѣе крупнаго никто совершить не могъ. Здѣсь была сила большая, чѣмъ воля каждаго въ отдѣльности, тутъ была воля массовая и эта массовая воля находилась не въ состояніи покоя, въ которомъ она могла подлежать какому либо управленію, а въ состояніи психологической бури, въ которой каждый кружился и метался какъ оторванный листъ. И если бы въ эти минуты всеобщей растерянности, кому-либо пришла въ голову мысль затопить судно, врядъ-ли это было-бы геройствомъ. Можно быть храбрымъ и героемъ за себя. Но топить судно, когда самъ здоровъ и надѣешься выбраться изъ водоворота, а другихъ растерянныхъ, раненыхъ обрекаешь на неизбѣжную, вѣрную смерть, это не геройство и такъ далеко ужасы войны не идутъ.

Мы имѣемъ историческій примѣръ. Капитанъ Дефримери, настигнутый въ 1734 году французскими судами, имѣя въ своемъ распоряженіи боеспособный корабль и совѣтъ офицеровъ подъ рукою, теряется и попадаетъ въ плѣнъ. Но тотъ-же капитанъ Дефримери два года спустя, окруженный турецкими судами близъ Федотовой косы, когда ему удается высадить свою команду на мель, не теряется,

знаетъ, что ему дѣлать, и взрываетъ себя вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ. Одна психологія у человѣка, когда онъ дѣйствуетъ за себя, и совершенно другая, когда онъ дѣйствуетъ въ массѣ. Мнѣ кажется, что судьбу броненосца «Орелъ» можно сравнить съ судьбою судна «Владиславъ», которое въ 1788 году подъ командою капитана бригадирскаго ранга Берга было сдано въ плѣнъ шведамъ близъ Гохланда.

Точно такъ-же, какъ видно изъ дѣла Адмиралтействъ коллегіи, судно находилось цѣлый день въ бою и къ вечеру было сильно избито, треть команды и офицеровъ выведена изъ строя, пушки испорчены, станки поломаны, въ кораблѣ 34 пробоины, спасательныя средства уничтожены. Командиръ созвалъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено сдаться. Во время совѣта командиру доложили, что мичманъ Смирновъ находится въ крюйтъ-камерѣ съ зажженнымъ факеломъ и ждетъ приказанія взорвать судно. Но такого приказанія не послѣдовало, командиръ рѣшилъ, что дальнѣйшее кровопролитіе безполезно.

Адмиралтействъ-коллегія оправдала Берга, добавивъ, что воздаетъ ему всякую справедливость за то, что онъ соблюдалъ все, что ему, какъ храброму и искусному морскому офицеру, соблюсти долженствовало. Императрица Екатерина Великая утвердила этотъ приговоръ и капитанъ Бергъ, равно какъ и мичманъ Карповъ, были повышены въ чинахъ.

Думается мнѣ, что если положеніе капитана 2-го ранга Шведе можно сравнить съ положеніемъ капитана Берга, то положеніе полковника Парфенова имѣетъ много общаго съ положеніемъ мичмана Смирнова.

Если при такихъ условіяхъ послѣдовалъ нѣкогда оправдательный приговоръ, то думаю и теперь послѣдуетъ такой-же.

Такіе люди, какъ полк. Парфеновъ, г-да судьи, нужны для дѣла, для труднаго, кропотливаго, честнаго дѣла, и я надѣюсь, что вы не опустите на его голову обвинительнаго приговора, который, какъ бы мягокъ онъ ни былъ, будетъ для него равносиленъ смерти моральной.

Францискъ I подъ Павіей сдается и сдаетъ свою армію. Какіе жизненные интересы Франціи пострадали въ это время отъ капитуляціи короля, какіе вопросы первой политической важности были разрѣшены этой сдачей въ отрицательномъ для Франціи смыслѣ, мы всѣ знаемъ.

Кромѣ того, государство бросалось въ круговоротъ партійныхъ споровъ и неурядицъ ввиду того, что законы о регентствѣ были не выработаны, а вотъ Францискъ I, сдаваясь, говоритъ: «Все потеряно, кромѣ чести». Въ битвѣ при Кресси Іоаннъ III сдается съ наслѣднымъ принцемъ и всѣмъ цвѣтомъ французскаго рыцарства принцу Эдуарду Черному. И принцъ этотъ—будущій король Англіи—на колѣняхъ прислуживаетъ за столомъ своему царственному плѣннику и говоритъ ему: «Государь, сегодняшній день — вашъ день!»

Послѣ этого трудно прибавить что-либо къ тому, какъ смотритъ рыцарская честь на сдачу. Сдаваясь, рыцарь теряетъ иногда все, все, кромѣ чести. Впрочемъ, авторитетный взглядъ на сдачу мы имѣемъ и въ нашей исторіи. Когда 28 Ноября 77 года сдался, безъ всякихъ условій, на милость побѣдителя, Османъ Паша и былъ взятъ въ плѣнъ, Александръ II сказалъ, возвращая ему шпагу: «Отъ такого героя, какъ вы, я не принимаю оружія.»

И наши побѣдоносныя тогда войска ему салютовали, когда онъ проѣзжалъ. Таковъ былъ взглядъ царя на позорящее значеніе сдачи.

Но всѣ эти примѣры говорятъ о сухопутныхъ сдачахъ, скажутъ мнѣ; и, хотя честь—одна и та же для всѣхъ, и законы и требованія ея для всѣхъ идентичны, все-таки посмотримъ, чему, въ этомъ отношеніи, насъ учитъ морская исторія?

Я не буду затрагивать исторіи турецкаго флота, хотя никто изъ васъ не забылъ, что на самыхъ славныхъ страницахъ ея, наряду съ поразительными подвигами храбрости и самоотверженія, записанъ цѣлый рядъ сдачъ.

Я остановлюсь на исторіи Франціи, Англіи, на блестящемъ періодѣ исторіи Испаніи и Сѣверной Америки.

Начну съ Абукирскаго сраженія 1798 года. Поведеніе французовъ, по свидѣтельству англійскаго историка, было здѣсь «безукоризненно и выше всякой похвалы»—и изъ 8-ми кораблей 5 было сдано.

Вспомнимъ Трафальгарскую сдачу. Въ ней французы и испанцы сдали 18 кораблей изъ 33-хъ, въ ихъ числѣ адмиральскіе: «Бу-

центавръ», «Сантиссима» и «Тринидадъ», съ двумя французскими и двумя испанскими адмиралами.

Послѣ этой сдачи французскій адмиралъ Вильневъ застрѣлился—значитъ не изъ личной трусости адмиралъ сдалъ эскадру. Фактъ этотъ очень интересенъ для насъ въ слѣдующемъ отношеніи: адмиралъ Вильневъ, во имя исполненія долга своего передъ родиной, сдаетъ остатокъ своего флота; спасаетъ жизнь ввѣренной ему команды; затѣмъ, зная, какъ Наполеонъ отнесется къ этой сдачѣ, зная, что онъ заранѣе осужденъ своимъ государемъ (что, однако, не помѣшало ему сдаться), лишаетъ себя жизни, только избѣгая личнаго конфликта со своимъ монархомъ.

Затѣмъ мы знаемъ сдачу корабля «Леандра» флагъ-капитаномъ адмирала Нельсона, возвращающимся съ острова Крита съ донесеніемъ о побѣдѣ англичанъ; онъ сдалъ свой корабль равному по силамъ французскому кораблю «Женере», идя, повторяю, съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Разумѣется, нечего останавливаться на психологической и чисто фактической оцѣнкѣ момента.

Прибавлю только, что сдавшійся продолжалъ исполнять обязанности флагъ-капитана Нельсона по возвращеніи въ Англію.

Въ 1340 году при Сантъ-Луисѣ сдался англійскій корабль «Оливеръ». Въ теченіе этого боя французы проявили отчаянную храбрость, а въ концѣ его послѣдовала сдача 230 французскихъ судовъ съ адмиральскимъ «Христофоромъ» во главѣ.

Вскользь упомяну о сдачѣ въ Доминикскомъ сраженіи въ 1782 году адмирала де-Грасса съ 5-ю кораблями.

Исторія флота Сѣверной Америки тоже даетъ примѣры сдачи.

Во время войны Сѣверныхъ и Южныхъ Американскихъ Штатовъ южно-американская флотилія произвела признанныя исторіей безумно - смѣлыми ночныя минныя атаки на адмирала Дальгрена, выдержала упорный ночной бой, а къ утру было сдано три броненосца: «Атланта», «Конгрессъ» и «Тэнэзи».

Я выбралъ только примѣры тѣхъ сдачъ, которыя не вызвали нареканій на виновниковъ ихъ ни со стороны исторіи, ни со стороны современниковъ; примѣры, въ которыхъ лица, сдавшія корабли или цѣлыя эскадры, не подвергались вовсе суду, или были имъ оправданы.

Я умышленно не касался исторіи русскаго флота (во всей исторіи нашего паруснаго флота извѣстенъ только одинъ случай уничтоженія корабля, во избѣжаніе сдачи, и то по предварительномъ свозѣ команды на берегъ) и укажу только на Роченсальм-

скій погромъ, послѣ котораго произошла сдача 34 кораблей, за что адмиралъ, принцъ Нассау-Зигенъ, не только не былъ преданъ суду, но награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго. Обратимся къ тому, какъ смотритъ на сдачу и чѣмъ объясняетъ ее наука.

Въ то время, когда вся Европа была занята толками о нашемъ отступленіи изъ-подъ Ляояна и оцѣнкою значенія его одинъ изъ извѣстнѣйшихъ военныхъ критиковъ, полковникъ Гедке, разбираясь въ этихъ вопросахъ, доказывалъ, что смотрѣть на это отступленіе, какъ на пораженіе нельзя по той простой причинѣ, что нѣтъ плѣнныхъ въ тѣхъ размѣрахъ, которые обыкновенно слѣдуютъ за большими пораженіями, и нѣтъ тѣхъ потерь въ военныхъ запасахъ и орудіяхъ, которыя неизбѣжны при крупныхъ катастрофахъ. Захватъ въ плѣнъ цѣлыхъ корпусовъ армій является логическимъ послѣдствіемъ большихъ побѣдъ и рѣшительныхъ пораженій. Это— взглядъ науки на причину массовыхъ сдачъ. Въ такомъ случаѣ для насъ ясенъ вопросъ о сдачѣ Небогатова: она является непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженія предыдущаго дня, и мѣрило размѣровъ ея—не преступное малодушіе сдавшихся, а грандіозность Цусимской катастрофы.

Теперь, господа судьи, предо мной является вопросъ, какъ помирить кажущуюся противоположность воззрѣній на сдачу, вылившуюся въ двѣ историческія фразы: «Все потеряно, кромѣ чести», и «Старая гвардія умираетъ, но не сдается».

Если мы вникнемъ въ тѣ принципы, которые кладутся въ основу воспитанія нашего солдата, принципы, являющіеся краеугольнымъ камнемъ воспитательной системы нашего великаго учителя Суворова и всѣхъ его послѣдователей, кончая Драгомировымъ, мы увидимъ, что они вполнѣ согласны съ Наполеоновскимъ положеніемъ: «смерть, но не сдача», что они стремятся внушить каждому солдату безусловное сознаніе возможности выбора только между смертью или побѣдой.

«Со щитомъ или на щитѣ», это является единственнымъ лозунгомъ для достиженія побѣды, единственнымъ, на чемъ можетъ и долженъ останавливаться умъ подчиненнаго въ то время, когда онъ идетъ къ намѣченной его начальникомъ цѣли.

Это не подлежетъ никакому сомнѣнію, безъ этого побѣда невозможна. Но если подчиненный долженъ думать только о смерти или о побѣдѣ, чѣмъ сильнѣе его отрѣшенность отъ собственной личности, тѣмъ тяжелѣе отвѣтственность, которая возлагается за него на начальника. Начальникъ долженъ сознавать всю величину

приносимыхъ ради побѣды жертвъ и въ ту минуту, когда смерть подчиненныхъ не можетъ привести къ побѣдѣ, обязанъ позаботиться о сохраненіи жизни ихъ, и обязанность его въ этомъ отношеніи тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ больше самоотреченіе исполнителей его воли.

И вотъ къ этому начальнику, сдающемуся ради спасенія жизни своихъ, когда нѣтъ больше ни на что надежды, относится изреченіе Франциска I: «Все потеряно, кромѣ чести».

Такимъ образомъ, примиряются эти два какъ будто непримиримые принципа, получается стройная, цѣльная картина взаимоотношеній, нисколько не оскорбляющая нашего чувства гуманности и не идущая въ разрѣзъ съ желѣзными законами дисциплины.

И вотъ съ этой точки зрѣнія я разсматриваю поведеніе до и послѣ сигнала о сдачѣ бывшихъ капитановъ, Лишина и Григорьева, которыхъ я имѣю честь защищать. До сигнала о сдачѣ они полны готовности къ бою и, сознавая, что конечнымъ результатомъ этого боя можетъ быть только ихъ гибель, не задаются никакими вопросами о цѣлесообразности или безполезности ея: «Умирать, такъ умирать», говоритъ Лишинъ; они — солдаты, исполняющіе свой долгъ, и въ простотѣ, въ скромной сдержанности ихъ словъ до боя 15 числа безусловно чувствуется захватывающее роковое величіе приговоренныхъ, сознательно и безропотно идущихъ на смерть. Въ этомъ отношеніи интересенъ вопросъ, предложенный судомъ одному изъ моихъ подзащитныхъ: «Отчего, приготовляясь къ потопленію до боя, вы не думали о средствахъ для спасенія людей, а вдругъ послѣ сигнала о сдачѣ адмирала стали усиленно заботиться о спасеніи команды и, видя, что это невозможно, отрепетовали сигналъ?» Подсудимый ничего не отвѣтилъ, но я отвѣчу вамъ за него. Да потому, г. г. судьи, что до боя онъ могъ думать и заботиться только о боѣ, всякія же другія приказанія были бы неумѣстны, смутили бы и дезорганизировали бы команду; потому что повелѣніемъ приготовить кингстоны не только подготовлялась возможность исполнить при случаѣ соотвѣтствующее приказаніе адмирала, но и лишній разъ подчеркивалась всей командѣ необходимость побѣдить или умереть, указывалось на то, что другого исхода нѣтъ, команду ставили передъ единственно возможпой альтернативой; потому что кропотливая и продолжительная работа приготовленія шлюпокъ, уменьшая боевую способность корабля, была бы такъ же преступна, какъ приготовленіе съ вѣдома солдатъ начальникомъ въ сухопутномъ бою за кустомъ лошадей

для себя, на случай бѣгства, для себя одного и своихъ приближенныхъ, т. к. въ шлюпкахъ, какъ вы знаете, могла помѣститься самая незначительная часть команды. А то обстоятельство, что они подумали о спасенiи команды послѣ сигнала... Да они люди, г. г. судьи, и когда имъ разрѣшилъ ихъ начальникъ смотрѣть на подчиненную имъ команду не какъ на средство добиться извѣстной цѣли, а какъ на конгломератъ себѣ подобныхъ, когда сверху имъ было сказано, что жертвы безсмысленны и безцѣльны и что съ этого момента они будутъ отдавать отчетъ передъ родиной и своей совѣстью за каждую загубленную жизнь, тогда они оглянулись, ища средствъ къ спасенiю этихъ жизней, и, не найдя ихъ, пожертвовали кораблями ради людей и, поступи они иначе, они были бы не героями, а преступниками.

Оканчивая мою рѣчь, я хочу еще остановиться на нѣкоторыхъ положенiяхъ, высказанныхъ господиномъ прокуроромъ въ той части своей рѣчи, когда онъ говоритъ о возрожденiи русскаго флота, возрожденiи, столь близкомъ всѣмъ сердцамъ нашимъ.

При этомъ онъ говоритъ о воспитательномъ значенiи даннаго процесса, говоритъ, что страхъ предъ наказанiемъ или хотя бы передъ нравственнымъ осужденiемъ за подобнаго рода поступки долженъ лечь въ основанiе этого возрожденiя и создать въ будущемъ невозможность сдачъ.

Мнѣ кажется, что, говоря о возрожденiи русскаго флота, нельзя класть въ основу этого возрожденiя идею сдерживающую, идею страха предъ отвѣтственностью—тутъ нужны болѣе сильно двигающiя, болѣе импульсивныя идеи. Подходя къ этому вопросу, я остановлюсь на тѣхъ словахъ приказа адмирала Рождественскаго и Того, которыя уже были приведены на судѣ господиномъ прокуроромъ.

Ведя свою эскадру въ бой, адмиралъ Рождественскiй выдвигалъ идею необходимости смыть пятно, наложенное всей войной на честь русской армiи, между тѣмъ, какъ адмиралъ Того говорилъ ясно и опредѣленно о жизненныхъ потребностяхъ японскаго народа о цѣляхъ и задачахъ войны, во имя которыхъ идутъ въ бой японскiй флотъ и армiя.

Я лично глубоко убѣжденъ, что тѣ жертвы, которыя были принесены во время прошлой войны, приносились во имя жизненныхъ интересовъ Россiи.

Почему же, когда говорилось, во имя чего идетъ бороться

русская армія и русскій флотъ, говорилось о коварствѣ врага и о смытіи какихъ-то пятенъ?

Этотъ вопросъ лежитъ очень глубоко.

Дѣло въ томъ, что когда наступаетъ столкновеніе двухъ націй, особенно на морскомъ поприщѣ, тогда эти столкновенія являются столкновеніями культуръ, цивилизацій, столкновеніями идей, и побѣждаютъ тѣ, которые болѣе сильны въ этомъ отношеніи.

Кругъ идей, въ которомъ живетъ въ международномъ отношеніи Россія, и который вызвалъ необходимость столкновенія русскихъ съ японцами, очень широкъ и недоступенъ массѣ, поэтому, не имѣя возможности объяснить народу цѣлей и причинъ войны, выдвигались мотивы довольно узкіе, спеціально-воинскаго характера, такъ что и здѣсь, въ борьбѣ идей, русскій народъ оказался настолько же хуже вооруженнымъ, чѣмъ противникъ, насколько, какъ вы видѣли, онъ былъ слабѣе его подготовленъ къ войнѣ и въ матеріальномъ отношеніи. Это служитъ лишь доказательствомъ того, что прежде чѣмъ вести армію, во имя какихъ-нибудь широкихъ идей. въ бой, нужно поднять ее на уровень этихъ идей, нужно, чтобы армія точно знала, ради чего она борется, ради какихъ жизненныхъ интересовъ страны она идетъ на смерть. Иначе—это говоритъ исторія и наука—успѣхъ невозможенъ.

И въ этомъ случаѣ Платоновская теорія управленія группою мудрецовъ стадомъ барановъ — несостоятельна: пока отъ барановъ будутъ требовать только пассивнаго повиновенія, они будутъ слушаться; но когда потребуется активное вмѣшательство ихъ для проведенія въ жизнь теоріи управляющихъ ими мудрецовъ, тогда они спасуютъ въ нравственномъ отношеніи передъ каждой болѣе сознательной массой и, если пойдутъ въ бой, то дойдутъ только до бойни, а никакъ не до Пантеона. И такъ для грядущихъ побѣдъ будущаго флота нашего необходимо поднять уровень образованія всего народа, необходимо, чтобы народъ сознательно жилъ въ томъ кругу идей, въ которомъ ему приходится дѣйствовать и напрягать всѣ свои жизненныя силы. Середины здѣсь нѣтъ: либо поднять темную массу до сознательнаго отношенія къ вопросамъ широкой международной политики, либо спуститься къ ней и сузить сферу жизни страны, заключить ее въ рамки задачъ, доступныхъ понятію народа. И вотъ при разборѣ этого спеціально-военнаго дѣла о сдачѣ мы фатально приходимъ къ волнующему всю Россію вопросу о ея будущности: свѣта, широкаго свѣта для народа, и все буду-

щее, великое будущее Россіи впереди; или — жизнь безсознательное, жалкое прозябаніе на прежнихъ основахъ, но теперь — неизбѣжно — въ роли второстепенной державы.

Переходя ко второй части рѣчи прокурора, я долженъ сказать, что съ его взглядомъ на принципіальное значеніе вашего приговора я совершенно не согласенъ.

Я хочу остановиться теперь на теоріи его положеній.

Я нахожу, что воспитательное значеніе этого суда (если вообще признавать, кромѣ воздаянія справедливости, право суда задаваться какими - либо воспитательными цѣлями) совершенно другого рода.

Дѣло въ томъ, что залогъ всякаго успѣха лежитъ въ единеніи начальства съ подчиненными, въ томъ, чтобы подчиненный чувствовалъ, что начальникъ, ведя его на смерть, вмѣстѣ съ тѣмъ заботится, любитъ и скорбитъ о немъ.

И вотъ право на эту заботу начальника о подчиненномъ и должно подтвердить теперешнее судебное засѣданіе. Всѣ должны знать, что подчиненный, который обязанъ идти на смерть по приказу начальника, имѣетъ право принять жизнь изъ его рукъ, когда начальникъ найдетъ излишнимъ безцѣльно жертвовать ею.

Затѣмъ я обращаюсь уже къ послѣднему вопросу, который въ данномъ случаѣ меня тревожитъ.

Передъ нами не единичныя личности, которыя обвиняются въ томъ или другомъ преступленіи, передъ нами не группа выхваченныхъ изъ разныхъ экипажей офицеровъ, передъ нами судится офицерскій персоналъ эскадры въ полномъ его составѣ и обвиняется онъ въ позорномъ дѣяніи.

Такимъ образомъ въ случаѣ ихъ осужденія будетъ непримѣнимо утѣшеніе: «чтожъ дѣлать, семья не безъ урода», нѣтъ, осужденіе ихъ опозоритъ всю среду, наложитъ пятно на всю семью русскаго флота послѣ того, какъ большая часть этой семьи наканунѣ пала съ честью въ Цусимскомъ бою.

Позоръ, который запятнаетъ этихъ людей, ляжетъ пятномъ и на павшихъ при Цусимѣ.

И является вопросъ — имѣемъ ли мы право позорить цѣлую семью русскихъ моряковъ? Мы широко расплатились съ исторической Немезидой за наши вѣковыя ошибки; расплатились кровью и страданіемъ не героевъ Цусимы, печальные герои ея остались въ сторонѣ, а мучениковъ, погибшихъ при Цусимѣ, и они оставили въ наслѣдство волею судебъ оставшимся въ живыхъ братьямъ сво-

имъ все свое достоянiе: доброе имя русскаго офицера, честь родного флота. Сколько матерей, рыдая надъ смертью одного сына въ Цусимскомъ бою, съ ужасомъ и негодованiемъ видятъ другого на этой скамьѣ передъ вами. И онѣ и вся Россiя, еще не оплакавшiя тѣхъ дѣтей своихъ, которыя пали, въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы вы вернули имъ чистыми и незапятнанными тѣхъ изъ нихъ, которыя случайно уцѣлѣли.

Рѣчь защитника присяжнаго повѣреннаго Ф. А. Волькенштейна,

Господа Судьи! Страшно подумать,—я говорю двадцать первымъ. И защищаю я все такихъ обвиняемыхъ, которыхъ теперь уже никто не обвиняетъ. Боюсь, Вы, пожалуй, усомнитесь, — да осталось-ли еще за мной самое право на рѣчь.

Право мое вотъ какое: Г. прокуроръ отказался отъ обвиненія моихъ подзащитныхъ. Онъ насъ не обвиняетъ. Но онъ поступилъ съ нами гораздо хуже: онъ насъ... осудилъ.

Не могу я забыть позорныхъ упрековъ, брошенныхъ г. Прокуроромъ въ догонку несчастному плѣннику «Орлу»: «И сражаться еще могъ «Орелъ», и затопиться, и команду и спасти. Не нашлось на «Орлѣ» ни одного энергичнаго офицера. Бываютъ самопожертвованія, ненужныя на первый взглядъ.»

Вы понимаете, господа, всю силу этого осужденія!

И свелось все великодушіе г. обвинителя вотъ къ чему: людишки-то все это неважные, да только уголовно-неуловимы они. Недаромъ, уже послѣ рѣчи г. прокурора, уже послѣ того, какъ онъ подвелъ свои обвинительные итоги, мы, защитники, подходили къ нему и спрашивали: «Да отказались Вы отъ обвиненія или нѣтъ?»

Для г. прокурора уголовная неуловимость моихъ подзащитныхъ— вопросъ факта, не болѣе того: былъ внизу, пришелъ наверхъ уже послѣ сдачи, ну, значитъ, невиновенъ. Но для насъ это вопросъ нашей совѣсти: не случайно только мы неповинны въ сдачѣ, а совѣсть наша такъ приказала намъ. Для насъ это вопросъ нашего права: не только мы уголовно-неуловимы, мы — уголовно-непреслѣдуемы. Прокуроръ съ насъ требуетъ, но прощаетъ, а мы утверждаемъ, что законъ съ насъ ничего не требуетъ.

Удивительная вещь! Двадцать человѣкъ юристовъ вотъ уже пять дней подрядъ возятся съ обвинительными построеніями г. прокурора, возражаютъ и возражаютъ, и все таки не все еще сказано. Такъ уродливы эти построенія, что въ этихъ двухъ книжкахъ нѣтъ

такой статьи, нѣтъ такой строчки, которыя бы не вопіяли противъ нихъ.

Сказано уже: въ статьѣ о сдачѣ корабля не упомянута ст. 74. Нужно договорить до конца! Разъ навсегда: соучастіе команды—особый видъ преступленія. Сдача корабля командиромъ къ этому виду дѣяній не относится, сдача корабля—дѣяніе единоличное.

Прошу замѣтить: ст. 74, статья о соучастіи команды, эта статья изъ главы о невмѣняемости. Это законъ исключительный, законъ изъятія. А общее правило таково: подчиненный безпрекословно исполняетъ приказанія начальника, за преступность приказа онъ не отвѣчаетъ. Исключительные случаи такого вмѣненія въ законѣ оговорены. Разъ такой оговорки о ст. 74 нѣтъ, рѣчи быть не можетъ о соучастіи команды въ преступныхъ мѣропріятіяхъ начальника.

Ф. А. Волькенштейнъ.

Забыта еще ст. 281, а лучше ея и искать не нужно: сдающій корабль, подъ страхомъ наказанія, выговариваетъ для своей команды наилучшія условія сдачи. Развѣ не ясно! Начальникъ остается начальникомъ, единственной дѣйствующей силой. Онъ и при сдачѣ, при отказѣ отъ власти, всетаки остается единоличнымъ властителемъ, вершителемъ судебъ своихъ подчиненныхъ. Команда въ его рукахъ матеріалъ пассивный, подневольный. Онъ, начальникъ, и только онъ одинъ, своей собственной рукой вынимаетъ тотъ основной болтъ,

послѣ котораго вся желѣзная постройка военной организаціи распадается на составныя части.

Вы видѣли, господа судьи, къ какому неизбѣжному абсурду приводитъ конструкція г. прокурора, за волосы, во что бы то ни стало, притягивающаго и команду къ соучастію въ сдачѣ корабля. «Субъективный критерій», говоритъ обвинитель. «Только тотъ офицеръ отвѣтственъ за сдачу, который ясно сознавалъ ея противозаконность». Да помилуйте, г. обвинитель! Что Вы дѣлаете съ Вашими «героями», на которыхъ Вы такъ любовались! Вѣдь они-то, кричавшіе о позорѣ, кричавшіе: «топиться, взрываться», вѣдь они-то и выходятъ самыми преступными. Вотъ что значитъ искусственныя юридическія построенія! Съ такими взвинченными обвиненіями всегда попадете въ просакъ.

Но это еще не все. Для юриста обязательна нравственная провѣрка. Я спрашиваю Васъ: кто выше, какъ мужъ, какъ воинъ,— тотъ, кто безсильно протестуетъ, кто исходитъ въ крикахъ и всетаки поступаетъ противъ своей совѣсти, нечестно, по его пониманію, преступно, или тотъ, чей духъ не въ разладѣ, кто поступаетъ такъ какъ велитъ ему его совѣсть, скорбитъ, страдаетъ, но дѣлаетъ то, въ чемъ видитъ свою правоту, кто и въ бѣдѣ остается равенъ самому себѣ?

Съ завистью косится г. прокуроръ на пожелтѣвшіе регламенты добраго стараго времени. У Петра Великаго все просто, ясно и легко: противодѣйствіе сдачѣ вмѣнено командѣ въ обязанность, самый порядокъ сопротивленія точно расписанъ въ законѣ. А въ нынѣшнемъ законѣ — о командѣ непростительное умолчаніе. Обвиненіе шатается, хромаетъ. Г. прокуроръ чувствуетъ это. Онъ роется въ Морскомъ Уставѣ, ищетъ себѣ костылей. Г. прокуроръ нашелъ: ст. 14 прощаетъ младшему начальнику превышеніе власти въ случаяхъ особой экстренной важности. Не поздравляю г. обвинителя съ его находкой. Сдача—случай экстренный,—не спорю,—да костыль-то выбранъ неважный. Превышеніе власти прощается, но въ обязанность не вмѣняется. Это—разъ. Допускается оно только «въ предѣлахъ своей компетенціи», а въ компетенцію юнаго мичмана, скажемъ, врядъ-ли входитъ утопленіе всей команды съ раненнымъ командиромъ во главѣ. Это—два. А—три, и это самое главное,— на свой страхъ и рискъ офицеръ можетъ принять какую-нибудь мѣру только тогда, когда отложить ее невозможно до разрѣшенія начальства. Вотъ, напримѣръ, если какой-нибудь ротный командиръ, прикрывающій отступленіе, будетъ отрѣзанъ со своей ротой отъ

своей части. Ну, а на сей разъ, 15-го мая, начальство не только было подъ рукой, а само руководило всѣми младшими офицерами, и не только разрѣшеніе начальства было возможно получить, но было отъ него и прямое запрещеніе.

И выходитъ, что г. представитель закона призываетъ насъ къ явному противозаконію. Ибо Военно-Морской Уставъ о наказаніяхъ считаетъ тяжкимъ преступникомъ того, кто «самовольно приметъ начальствованіе» надъ эскадрой или кораблемъ, да еще «вблизи непріятеля» (ст. 287).

Не везетъ г. обвинителю! Со сдачей дѣло не выгораетъ. И послѣ сдачи офицеры неуловимы. Вѣдь Вы въ чемъ насъ обвиняете? Въ томъ, что мы послѣ сдачи не затопили, по собственному нашему усмотрѣнію, нашихъ кораблей, не испортили орудій, котловъ? Да, говорю-же я Вамъ, г. прокуроръ, это—преступленіе, то чего Вы отъ насъ требуете. Ст. 298 караетъ не за иное что, какъ за самовольное потопленіе корабля, порчу орудій и т. д. Все это дѣлается не иначе, какъ по приказу начальника,—командира или флагмана.

Вамъ и этого еще мало? Ну, такъ вотъ Вамъ ст. 307: точно перечислены предметы, подлежащіе уничтоженію и порчѣ при сдачѣ корабля. Это—сигнальныя карты, секретныя книги и т. п., все-въ видахъ огражденія государственной тайны. И статья эта помѣщена именно среди статей, огражденію этой тайны посвященныхъ. Вотъ о чемъ, о тайнѣ государственной заботится законодатель при сдачѣ корабля, а вовсе не объ уменьшеніи цѣнности приза непріятельскаго на нѣсколько рублей.

Въ статьѣ о сдачѣ, 354 ст. Морского Устава, сдача и уничтоженіе корабля взаимно исключаютъ другъ друга: сдача только тогда и дозволяетяс, когда уничтоженіе корабля уже невозможно.

Но разсчитаемся уже до конца, г. прокуроръ! Я снова ходатайствую, г. судьи, о нравственной экспертизѣ. Только на этотъ разъ экспертомъ будетъ не кто иной, какъ самъ законодатель. Слушайте, г. прокуроръ: «Морской начальникъ, не приказавшій немедленно прекратить огонь по непріятельскому кораблю, спустившему флагъ», подвергается... смертной казни. Смертной казни, г. прокуроръ! И знаете, на какую статью ссылается законодатель? На предыдущую, 290-ю, на статью о нападеніи на корабль союзнаго государства, о нарушеніи народнаго права. Вотъ—что такое сдавшійся врагъ: врагъ, сдавшійся, признавшій твое превосходство, равенъ для тебя союзнику, дорогому, оберегаемому другу. Вотъ то рыцар-

ство, которымъ люди пытаются хоть немного скрасить отвратительное уродство, называемое война. Таковъ рыцарскій обычай народнаго права. На такое-же рыцарство со стороны врага-побѣдителя разсчитываетъ, очевидно, и русскій флагъ, спускаясь передъ нимъ. Такъ будьте же рыцаремъ не только въ побѣдномъ ликованіи. Оставайтесь рыцаремъ и въ черный часъ пораженія. Не лукавьте, не хитрите, не обманывайте довѣрія Вашего великодушнаго побѣдителя: для него съ этой минуты Вы не врагъ, а другъ, другъ въ бѣдѣ и несчастіи. Не опускайте своей воинской чести ниже чести торгашеской. Отдавая врагу-побѣдителю милліоны, не крадите у него изъ кармана копѣекъ. Это—мелко, недостойно, нечестно! Это—безсильная, жалкая злоба, а не воинскій подвигъ.

А порча орудій и котловъ на кораблѣ, дѣйствительно, копѣйки. Другое дѣло при сухопутномъ отступленіи съ позицій: тамъ орудія—самый главный призъ и трофей непріятеля.

Замѣтьте, господа судьи: лейтенантъ Никоновъ кое-что испортилъ на «Орлѣ», но затопить его и не подумалъ. А онъ принялъ изъ рукъ капитана Шведе командованіе броненосцемъ, онъ былъ старшимъ. И для насъ лейтенантъ Никоновъ, въ нѣкоторомъ родѣ, авторитетъ по части воинской чести и даже по части закона: онъ суду не преданъ, былъ у насъ свидѣтелемъ, его дѣйствія, такъ или иначе, аппробированы уже высшей властью, верховнымъ командиромъ флота, источникомъ дѣйствующихъ военно-морскихъ законовъ.

Что-же требовать послѣ этого отъ механиковъ,—механиковъ, къ боевому составу команды не принадлежащихъ, близкихъ по своему положенію на военномъ кораблѣ къ судовымъ врачамъ, никогда, по закону, не заступающихъ мѣсто выбывшаго изъ строя командира, въ чинѣ полковника подчиняемыхъ иногда самому юному мичману?

Для сдачи корабля г. прокуроръ требуетъ отъ командира общаго согласія всѣхъ офицеровъ. А послѣднему мичману онъ предписываетъ топить всѣхъ,—и офицеровъ, и команду, и командира, и здоровыхъ, и раненыхъ, безъ спроса кого-бы то ни было, противъ приказа командира, противъ желанія всѣхъ офицеровъ,—такъ, просто, на свою совѣсть, взять, да всѣхъ и утопить.

Вотъ Вамъ второй абсурдъ, къ которому приходитъ г. обвинитель.

Нѣтъ, не могли офицеры «Орла» затопить свой броненосецъ вопреки приказа командира. Не могли и по смыслу закона. Не могли и по самому смыслу вещей. Они подчинились капитану

Шведе. Подчинились и потому, что адмиралъ Рожественскій пріучилъ ихъ безпрекословно подчиняться всякому командиру, и потому, что именно капитану Шведе не подчиниться въ ту минуту они психологически не могли. За эти сутки, за этотъ ужасный день и ужасную ночь они привыкли подчиняться этому человѣку не за страхъ, а за совѣсть.

Съ самаго начала боя капитанъ Юнгъ былъ раненъ и на его мѣсто въ боевой рубкѣ стали Шведе и Шамшевъ. Броненосецъ сражался, дышалъ огнемъ и смертью, броненосецъ горѣлъ, броненосецъ тонулъ, а въ боевой рубкѣ два человѣка, подъ огненнымъ градомъ, среди труповъ, оба израненные, окровавленные, вели броненосецъ все впередъ и впередъ, въ самое пекло огненнаго ада. Надъ океаномъ нависла ночь, грохочущій и шипящій хаосъ смѣнился жуткой, полной невѣдомыхъ ужасовъ, тишиной, броненосецъ померкъ и продирался впередъ сквозь стаю рѣющихъ миноносцевъ, жалившихъ его дно со всѣхъ сторонъ. А въ боевой рубкѣ все стояли эти два человѣка, истекая кровью, руками зажимая раны, теряя сознаніе и попеременно замѣняя другъ друга, вперяя въ жуткую тьму глаза, залѣпленные кровью, засыпанные раскаленными осколками. Прорвались, наконецъ. Непріятель усталъ, отсталъ, на броненосцѣ люди сваливались обезсиленные, а эти двое все тамъ, наверху, все еще не вспомнивъ о своихъ ранахъ, ослабѣвшими голосами все отдаютъ приказанія, готовятся къ новой борьбѣ и новымъ ужасамъ. Къ утру Шамшева унесли, а Шведе не дался, остался одинъ. Адмиралъ своимъ сигналомъ сказалъ ему: «Не могу я безъ цѣли губить людей, а ты—какъ хочешь...» Шведе оглянулся кругомъ, на груды труповъ, на изможденныя лица, застывшія въ ожиданіи смерти. Сказалъ и онъ:— «не могу». Сказалъ—и заплакалъ слезами нестерпимой обиды, упавъ окровавленной головой на холодную сталь родного борта. И офицеры повѣрили этому «не могу» и эти слезы были для нихъ святы...

Да и когда это было время топиться? Г. Прокуроръ очень предусмотрителенъ: заблаговременно нужно было пересадить часть команды на «Изумрудъ», остальную часть—на одинъ изъ броненосцевъ, а остальные затопить; тогда непріятелю сданъ былъ бы только одинъ корабль, а не четыре. Не понимаю! О чемъ хлопочетъ г. обвинитель? Зачѣмъ этотъ торгъ? Одинъ или четыре корабля, все равно—сдача, позоръ—одинъ и тотъ же. Усиленіе непріятеля?! О какомъ такомъ усиленіи непріятеля рѣчь, когда этотъ

непріятель на морѣ пересталъ быть непріятелемъ: онъ сталъ полновластнымъ хозяиномъ моря; у насъ флота уже не было, война на морѣ была кончена.

Заблаговременно уничтожить эскадру?! Да, вѣдь, это новое преступленіе, на которое Вы насъ зовете, г. Прокуроръ. Укажите намъ законъ, по которому адмиралъ или командиръ имѣетъ право топить корабли, не терпя бѣдствія ни отъ стихіи, ни отъ врага, законъ, по которому они могутъ уклониться отъ боя, не видя непріятеля, не зная его численности, не будучи еще увѣреннымъ въ неизбѣжности встрѣчи съ нимъ! Сдаться непобѣдимому врагу преступленіе, а покончить самоубійствомъ изъ страха предъ ожидаемымъ врагомъ, это—подвигъ! Вотъ Вамъ, господа судьи, еще одинъ абсурдъ г. Прокурора.

«На «Орлѣ» все готово было къ затопленію». Да, готово. И все-таки не затопились. Почему? Гг. судьи, я скажу Вамъ сейчасъ слово, которое дико прозвучитъ здѣсь, въ этомъ военномъ собраніи: *жалко было*. Жалко родного корабля. Это не пустое для моряка слово. Люди прирастаютъ къ желѣзному чудовищу, становятся органами его, щупальцами. Этотъ гигантъ былъ калѣкой отъ рожденія. Онъ и года не прожилъ. Вся его недолгая жизнь была сплошнымъ страданіемъ и борьбой,—борьбой съ той самой стихіей, для которой онъ былъ созданъ, а больше всего съ собственной немощью. И выходили калѣку-гиганта эти же люди. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ врачевали они его недуги, выправляли его ломкіе и непослушные члены. Они вложили въ него и душу и плоть свою. Изъ Цусимскаго хаоса «Орелъ» вырвался избитымъ, изувѣченнымъ. Броня его, кожа чудовища, была цѣла, но внутри все было разбито, исковеркано, искромсано. Гигантъ превратился въ мѣшокъ, въ которомъ болтались изломанныя, раздробленныя кости, изорванные мускулы, распотрошенные органы. Только сердце чудовища,—его машина, безъ которой корабль—мертвецъ недвижимый—только это сердце еще работало, усталое, износившееся, скрипѣло, хрипѣло и колотилось объ его измятые, избитые бока. Искалѣченное чудовище ползло, какъ черепаха, у которой подъ ея твердой спиной разворочена вся мякоть; ползло, сваливаясь на бокъ и снова выпрямляясь, захлебываясь волной и выплевывая ее,—ползло на своемъ стальномъ брюхѣ, безъ огней, ослѣпшее, темное, сквозь тьму ночную и туманы, навстрѣчу солнцу и своему плѣну. А людямъ жалко было разстаться съ роднымъ гигантомъ: они его выходили и удержали на водѣ, они его спасли и вывели

изъ огня, онъ сталъ усыпальницей лучшихъ изъ нихъ: калѣка,— онъ сталъ имъ еще дороже. И чудилось имъ, что сослужитъ онъ еще послѣднюю службу и врагъ уже найдетъ ему его почетную могилу на днѣ океана.

Да и когда это «Орелъ» могъ распорядиться свой участью? Когда не было японцевъ, онъ былъ подначаленъ адмиралу. Когда японцы были тутъ, адмиралъ сдался и, по мнѣнію прокурора, самъ себя разжаловалъ изъ флагмановъ, тогда было поздно топиться и спасаться. Пересаживаться на «Изумрудъ»? Да его и слѣдъ простылъ.

Но я уступлю г. обвинителю: флагмана не было надъ «Орломъ», приказъ адмирала былъ необязателенъ, броненосцы самостоятельно рѣшали свою судьбу. Пусть такъ. Но разъ не было флагмана, не было и эскадры. Эскадра распалась на отдѣльные корабли. А для «отдѣльно плавающаго корабля» условія сдачи проще, чѣмъ для эскадры. Г. Прокуроръ забылъ не только законы, но и первыя правила ариѳметики. По ст. 350 Морского Устава, отдѣльно плавающій корабль сдается при неизмѣримомъ превосходствѣ непріятеля. Оглянуться вокругъ, «сколько васъ и сколько насъ», произвести вычитаніе, а то и дѣленіе, и дѣло съ концомъ. Благодарю Васъ, г. прокуроръ! Вы оправдали насъ: мы, съ нашимъ «Орломъ» были въ 27 разъ слабѣе непріятеля.

«Орелъ» еще могъ сражаться, не всѣ средства обороны были истощены, «Орелъ» сдался безъ боя! Г. Прокуроръ требуетъ большаго, чѣмъ самъ законодатель. Законъ говоритъ о невозможности сопротивляться. Сопротивляться — плѣненію или уничтоженію безъ вреда для непріятеля и съ неизбѣжной гибелью всей команды, т. е. съ тѣмъ самымъ «безполезнымъ кровопролитіемъ», котораго не допускаетъ и воинскій законъ. А на «Орлѣ» если и оставались снаряды, то пушки ихъ не дѣйствовали; если были еще орудія, то снарядовъ у нихъ не было.

Въ Проектѣ нынѣшняго Морского Устава законодатель сначала говорилъ такъ: «если весь порохъ и всѣ снаряды истрачены, артиллерія сбита или потеря въ людяхъ столь значительна, что дальнѣйшее сопротивленіе окажется невозможнымъ»... А потомъ, передѣлывая ст. 284 Проекта въ дѣйствующую нынѣ ст. 354, законодатель добавилъ: «и вообще способы обороны истощены». Рѣчь идетъ не объ абсолютной боевой силѣ, а объ относительной боевой способности броненосца. Какіе же способы обороны были возможны для «Орла», когда онъ при мало-мальски рѣшительной

циркуляціи захлебывался водой и готовъ былъ опрокинуться, когда его пушки ослѣпли, не имѣя дальномѣровъ и прицѣловъ, когда его снаряды не долетали до врага? Онъ могъ не сражаться, а стрѣлять, но и стрѣлять даже не «на страхъ врагамъ».

«Орелъ» сдался безъ боя! Г. Прокуроръ требуетъ большаго, чѣмъ настоящіе морскіе генералы. «Кто былъ въ центрѣ непріятельскаго огня, тотъ исполнилъ свой долгъ». Нѣтъ, Вы послушайте, что говорятъ объ «Орлѣ» японцы:—«Мы были испуганы, когда увидѣли результатъ нашей же стрѣльбы. На корабль невозможно было взойти. Все было избито, изломано, изогнуто, исковеркано. Уцѣлѣли, — по крайней мѣрѣ, еще стоятъ однѣ только трубы. Но и онѣ обращены снарядами въ рѣшето. На палубѣ нѣтъ и четырехъ сантиметровъ цѣлыхъ». (Лѣтопись войны съ Японіей, № 68, стр. 1344). Въ бортахъ «Орла» было около полутораста пробоинъ, изъ нихъ нѣкоторыя такія, что тройка могла въѣхать. Но, по мнѣнію г. прокурора, «Орелъ не былъ въ бою!

У г. прокурора свой взглядъ и на «спасеніе команды». Изъ текста закона онъ выцарапалъ одно словечко и думаетъ имъ заткнуть голосъ совѣсти и гуманности. По его мнѣнію, законъ говоритъ не о томъ, чтобы спастись командѣ, а о томъ только, чтобы «искать спасенія». Важна попытка, а не результатъ. «Хотя бы одинъ человѣкъ спасся, и того достаточно». Да, достаточно, когда сидишь здѣсь, въ креслѣ. А командиру, пускающему ко дну сотни и тысячи жизней, ему не до такой бухгалтерской щедрости.

Ужасъ весь въ томъ, что эти слова прокурора—не ошибка, не промахъ случайный. Это—цѣлая система. Рѣчь идетъ о человѣческихъ жизняхъ, а для г. прокурора важна только реляція, рапортъ, бумажка за номеромъ, въ которой бы значилось: «искали спасенія».

И все у насъ такъ. На бумагѣ былъ у насъ и флотъ грозный. А на дѣлѣ? Сбродъ изъ негодныхъ корытъ! На бумагѣ мы кричали японцамъ: «Идемъ на васъ». А на дѣлѣ—вокругъ земного шара двигалась похоронная процессія: гробы какіе-то, черные ящики, заваленные углемъ. Да, вѣдь, это—все тѣ же «мертвыя души»,—сила и богатство государства, существующія только на бумагѣ! Это все та же «чичиковщина». «Чичиковщина» государственная!

Мичманъ Карповъ сказалъ: «Мы, офицеры,—виноваты въ позорѣ. Мы были ниже команды. Мы не съумѣли умереть». И г. прокуроръ пришелъ въ восторгъ. А мнѣ стало жутко. Юная совѣсть стонала, надорвавшись въ сомнѣніяхъ. Сѣдоголовый Шведе

до сихъ поръ не можетъ рѣшить, виноватъ ли онъ въ чемъ или нѣтъ, а горячій юноша взваливаетъ на свои неокрѣпшія еще плечи всю гигантскую тяжесть отвѣтственности, которую несетъ передъ народомъ старшее поколѣніе, быть можетъ,—поколѣнія вѣковъ. И я вижу уже отвратительную картину: старики, грѣшные и безстыдные, подсаживаютъ эту тяжесть своихъ грѣховъ, на самоотверженныя юношескія плечи. Еще бы! Его самообвиненіе для нихъ оправданіе. Объ этомъ вся ихъ забота!

Г. Прокуроръ изволитъ иронизировать: «Эти Азіаты выражаются своеобразно: свои побѣды они приписываютъ не своей доблести, а добродѣтелямъ обожаемаго императора и его предковъ». Японскій Микадо меня интересуетъ ровно столько же, сколько Китайская императрица. Но думаю «эти Азіаты» найдутъ, чьимъ «добродѣтелямъ» приписать и пораженія,—свои и чужія. Они не такъ глупы, «эти азіаты», какъ кажется Вамъ, г. прокуроръ. Они — фаталисты. Они всегда видятъ предъ собой всю желѣзную цѣпь причинъ и слѣдствій, а не только одно послѣднее звено этой цѣпи. И это кольцо они выковываютъ не изъ одной только отвѣтственности послѣднихъ неудачниковъ, расплачивающихся за чужіе грѣхи.

Мичманъ Карповъ «не съумѣлъ умереть»! Это мы знаемъ, видимъ. Мичманъ Карповъ «хотѣлъ умереть»! Этому мы вѣримъ. Но почему не съумѣлъ умереть? Почему не съумѣлъ хотѣть до конца? Онъ, который наканунѣ со священнымъ безуміемъ бросался смерти прямо въ ея когти. Вотъ, въ чемъ вопросъ.

Милостивые государи! Войны ведутся не для испытанія воинской чести. Война не есть упражненіе въ умѣніи умирать. Такое противоестественное дѣло, какъ война, такая извращенность, какъ избіеніе себѣ подобныхъ и самоизбіеніе, должно же имѣть хоть цѣль какую-нибудь. На такое дѣло людей одурманить нужно, до экстаза ихъ довести.

Подвигъ не ради подвига самого совершается. Умираютъ люди не смерти-ради. Мученики вѣнецъ свой пріемлютъ не ради мученичества своего. Душа, не зажженная вѣрой, къ подвигу не пламенѣетъ.

Подвигъ—дѣло веселое. Самопожертвованіе—дѣло священнаго безумія, дѣло восторга, упоенія цѣлью подвига, упоенной вѣры въ эту цѣль. Мученику весело умирать. Первые христіане распѣвали псалмы, охваченные огнемъ своего костра.

И Христосъ принялъ крестную смерть не ради смерти самой,

а ради цѣли своей,—ради спасенія рода человѣческаго. Принесъ жертву свою не во имя жертвы самой, а во имя Бога своего. Не желаніе смерти двигало его на Голгофу, а вѣра ево двигала имъ.

Господа Судьи! Кто не исполнилъ долга своего, того карайте. Кто подвига не совершилъ, того не прославляйте. Кто мученикомъ не былъ, тому не покланяйтесь. Но кто на самоубійство не пошелъ, того предоставьте совѣсти его.

Мичманъ Карповъ 14-го Мая въ дикомъ упоеніи насился среди пламени пожара подъ раскаленнымъ градомъ снарядовъ. Ему весело было. Онъ весь былъ—служеніе своему долгу, восторженное, самоотверженное служеніе богу войны.

А 15-го не было уже этого восторга, не было упоенной вѣры въ этого бога,—въ этого прожорливаго Молоха, который накунѣ пожралъ тысячи жизней человѣческихъ, проглотилъ достояніе цѣлаго народнаго поколѣнія и ничего не далъ этому народу за всѣ его жертвы.

Годъ цѣлый желѣзная цѣпь долга сковывала всѣхъ этихъ людей. Какъ же случилось, что эта цѣпь въ послѣднюю минуту вдругъ распаялась? Накунѣ—герои, самоотверженные подвижники, разъяренные мстители за національную гордость, они на утро стали трусами, измѣнниками и предателями? Вчера они дерзновенно глядѣли прямо въ жадные глаза смерти, а сегодня они уже не умѣли умирать, не умѣли хотѣть до конца? Почему же, почему сегодня они не умѣли хотѣть до конца?!

Накунѣ кругомъ нихъ валились человѣческія тѣла, изрѣшетенныя, сожженныя, изорванныя въ клочья. И они не слышали ихъ стоновъ, хрипѣнія, проклятій. Ногой они расшвыривали трупы, пробиваясь къ своимъ орудіямъ. Обезсиленные въ темнотѣ, они садились передохнуть, и не замѣчали, что сидятъ на трупахъ товарищей. А на утро эти стоны заглушили въ нихъ голосъ воинской чести и національной гордости?!

Господа Судьи! Въ это утро они увидѣли предъ собой 27 непріятельскихъ кораблей, *всѣ двадцать семь*,—невредимые, цѣлехонькіе, безъ царапинки, нарядные, какъ на смотру, блистающіе смѣющіеся. Въ это утро увидѣли они, что безплодны были вчерашнія жертвы, что страна, которая дала все, что могла, народъ, съ котораго взято больше, чѣмъ онъ могъ дать, остались незащищенными, до смѣшного, до безумія жалкаго безсильными.

«Офицеры были ниже команды»! Оставьте! Не оскорбляйте команды! Эти матросы, эти выходцы изъ голодной деревни,—они сильнѣе насъ съ Вами умѣютъ чувствовать всю безплодность народной жертвы, всю позорность и грѣховность ненужной, безъидейной войны.

«Не нашлось ни одного энергичнаго офицера»?—Оставьте! Слова, слова, слова. Миѳическій «энергичный офицеръ»! Канцелярская выдумка! Это въ бумажныхъ законахъ, въ артикулахъ бездушныхъ и фразистыхъ офицеръ-властелинъ надъ душою солдата. А въ жизни, законы души человѣческой всюду одни и тѣ же: команда—*надъ* офицеромъ. Больше, чѣмъ онъ—надъ ней. Будь *въ командѣ* этотъ восторгъ подвига,—и какой-нибудь боцманъ, послѣдній штрафованный матросъ увлекъ бы за собою всѣхъ, и матросовъ и офицеровъ.

Ту минуту, которая дѣлаетъ людей героями, эти люди пережили. Ибо геройство не въ самой смерти, а въ готовности къ смерти, въ этой послѣдней минутѣ человѣка, страшной минутѣ послѣдней рѣшимости. Они знали, что смерть неминуема,—въ огнѣ или водѣ. И все-таки, не дрогнувъ, пошли по своимъ мѣстамъ, по боевому расписанію. Они знали, что это расписаніе—расписаніе ихъ смертнаго церемоніала. И они сошли внизъ, въ свои башни и казематы, въ свои желѣзные гробы и могилы. Они знали, что наверхъ имъ больше не подняться, что солнце они видѣли въ послѣдній разъ. И они доживали, тамъ внизу, свои пять минутъ жизни.

Нѣтъ! Не страхъ смерти сломилъ этихъ людей. Не физическая сила врага покорила ихъ. Сдались они предъ нравственной силой вражескаго народа,—такъ умѣло, такъ цѣлесообразно, такъ плодовито использовавшаго свои, народныя, силы и жертвы.

Не предъ силою врага спустился русскій флагъ! Онъ, жалкій, поникъ предъ собственнымъ безсиліемъ. Оно воочію предстало передъ нимъ, это безсиліе: врагъ передъ нимъ торжествовалъ, въ своей полнѣйшей невредимости, смѣялся, издѣвался, хохоталъ...

Бывали сдачи въ исторіи. Бывали онѣ и у насъ. Но никогда онѣ не были такъ позорны. Ибо были эти сдачи случайны. Причиной имъ были ошибки человѣческія или шалости стихіи. Этой же сдачи позоръ — въ ея неминучей неизбѣжности, въ ея желѣзной предопредѣленности, предопредѣленности не ошибками, а грѣхами человѣческими.

Нѣтъ! Не этими людьми позоръ начался. Ихъ самихъ по-

Глубоко не правъ прокуроръ, когда сказалъ Вамъ: «помните одни веленія закона; если бы судьи руководились не ими, а своею совѣстью, это былъ бы тогда не Судъ, а усмотрѣніе случайнаго состава Суда». Прокуроръ говорилъ Вамъ: «помните велѣнія закона», разумѣя подъ этимъ слова, тѣ мертвыя буквы, которыми запечатлѣнъ законъ; черныя пятна — на бѣлой бумагѣ. А я скажу Вамъ, Вы недореформенные Судьи, не сухіе, черствые формалисты и поскольку Вы истинные Судьи, и пока Вы Судьи, Вы люди независимые, обязанные отвѣтомъ только передъ своею совѣстью, исключительно передъ нею; въ ней же и законъ. Къ этому закону, который Вы чувствуете въ Вашей душѣ, который нашелъ мѣсто въ Вашей совѣсти, мы обращаемся. Устраните этотъ законъ, сохраните только формы и не будетъ храма правосудія, будетъ казенное учрежденіе и мы вспомнимъ печальной памяти суды, куда подсудимые шли со страхомъ и трепетомъ, но которыхъ никто уважать не могъ, потому что въ нихъ не было святого начала, потому что судъ былъ не по совѣсти, а по формѣ.

Гг. Судьи. На долю Вашу выпала тяжелая задача — рѣшать дѣло Небогатова. Главная трудность заключается въ необходимости отрѣшиться отъ предвзятыхъ, навязчивыхъ сужденій, окружившихъ это дѣло задолго до Вашего суда.

Цусимскій погромъ произошелъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ; мы всѣ, все русское общество пережили чувство мучительной боли, когда узнали о гибели русскаго флота, а Вы, гг. Судьи, по Вашему положенію, вращаясь почти исключительно въ средѣ военныхъ и моряковъ, гдѣ должна была существовать особенная чуткость и впечатлительность къ ужаснымъ событіямъ войны, Вы несомнѣнно находились въ водоворотѣ тѣхъ разсужденій, которыми эти событія сопровождались; поэтому обращаясь къ Вамъ, мы просимъ прежде всего забыть то, что говорили другіе, а, можетъ быть, и сами Вы думали, когда Вы еще не знали, что будете судьями по настоящему дѣлу.

Факты чередовались съ головокружительною быстротою; событія 14-го и 15-го мая въ тотъ же день были уже достояніемъ всего міра, а въ послѣдующіе дни стали извѣстны и всѣ подробности. Уже 15 Мая въ заграничныхъ вечернихъ газетахъ можно было прочесть телеграммы: «Цусима. Генеральное сраженіе русскихъ съ японцами, эскадра Рожественскаго разбита и потоплена; адмиралъ Рожественскій взятъ въ плѣнъ на миноносцѣ «Бѣдовый»; адмиралъ Небогатовъ со своимъ отрядомъ сдался въ плѣнъ». И ликованію

въ Токіо вторило эхо горя въ Петербургѣ и вездѣ, гдѣ билось русское сердце.

Всюду, только не у насъ, рядомъ съ горемъ и сильнѣе его заговорило бы негодованіе народныхъ массъ противъ истинныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій злосчастной войны; ихъ, этихъ дѣйствительныхъ виновниковъ, всѣ знали, ихъ уже давно называли, ихъ нашли бы безъ труда, потому что въ походъ они не пошли и гнѣвъ страшный и ужасный, гнѣвъ неумолимый и яростный, гнѣвъ всего народа обрушился бы на нихъ со всею безжалостностью и безпощадностью свирѣпой мести. Это случилось бы вездѣ—только не у насъ. Это случилось бы у нашихъ враговъ—японцевъ, у нашихъ союзниковъ — французовъ, у пылкихъ итальянцевъ, хладнокровныхъ англичанъ и даже у разсудительныхъ нѣмцевъ — только не у насъ—у русскихъ. Незлобивъ нашъ русскій народъ. И милъ и дорогъ намъ этою чертою характера простой русскій человѣкъ. Не съ сожалѣніемъ говорю я объ этомъ, а съ гордымъ чувствомъ сына своей родины, члена той великой семьи, имя которой—русскій народъ.

Не гнѣвъ и негодованіе вызвали и судъ надъ адмираломъ Небогатовымъ и его эскадрою. Самый фактъ сдачи въ плѣнъ требовалъ всесторонняго и безпристрастнаго судебнаго разслѣдованія; необходимо было выяснить обстановку и мотивы сдачи; ужасъ передъ возможностью позора—требовалъ суда.

И вотъ мы на судѣ; уже болѣе 2 недѣль мы слышимъ каждое утро торжественный возгласъ дежурнаго офицера: «Судъ идетъ».

Судьи, подсудимые, защитники, пресса, публика и все общество—жадно выслушивали свидѣтельскія показанія, объясненія подсудиммхъ, рѣчь прокурора и слово защиты; теперь съ неослабѣвающимъ интересомъ всѣ ждутъ Вашего приговора.

Неужели кто-нибудь усомнится въ томъ, что не судьба отдѣльныхъ лицъ привлекла всеобщее вниманіе; нѣтъ—отечество желаетъ знать, оно должно знать, кто его защитники: мужественные солдаты или позорные трусы и измѣнники.

Пресса чутко подмѣтила на 3-й день процесса, что настроеніе въ судебномъ залѣ измѣнилось, что изъ угрюмо сосредоточеннаго, оно стало облегченнымъ; да и не могло иначе быть; всѣмъ стало ясно, что тѣ кто вернулись изъ похода — наши родные, близкіе нашему сердцу русскіе солдаты.

Выносливые, безропотные, отважные солдаты — они не измѣнили своей природѣ, не измѣнили своему долгу. Правда, они вер-

не боится: какъ же этакъ можно, прибавилъ онъ, пристально глядя на раненаго. Глупъ еще, вотъ и поплатился».

«А ты развѣ боишься? спросилъ я».

«А то нѣтъ?»

Вотъ этой то не нужной, безцѣльной смерти 2500 человѣкъ команды и офицеровъ побоялся безстрашный ветеранъ морской службы—Небогатовъ.

Казнить его — говоритъ мертвая буква закона, за то, что онъ не истребилъ корабль и не искалъ спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ.

Но гдѣ же берегъ? Его не было! Шлюпки были! Допустимъ. Но куда же на нихъ спасаться въ кольцѣ японскихъ кораблей? Туда же, къ нимъ, къ врагамъ! Молить о пощадѣ каждому, въ одиночку? Нѣтъ, г. прокуроръ, Вы можете быть суровы, но не должны быть жестоки; обвиняйте, но не издѣвайтесь!

Адмиралъ Небогатовъ, взявъ на себя отвѣтственность, рѣшилъ сдаться. Флагъ спущенъ. Что должны были сдѣлать послѣ этого офицеры; даже тѣ, которые не сочувствовали сдачѣ? А къ послѣднимъ прокуроръ причисляетъ капитана 2 ранга Артшвагера, лейтенанта Фридовскаго и мичмана Мессера. Тщетно добивались мы отвѣта на этотъ вопросъ; мы его не дождались.

Вы вспомните, можетъ быть Г. г. Судьи, что я, безъ коварства, еще въ первый день засѣданія предложилъ этотъ вопросъ свидѣтелю штурманскому офицеру съ крейсера «Изумрудъ» лейтенанту Полушкину. Этотъ блестящій, находчивый, очень опытный теоретически и практически, морской офицеръ — въ недоумѣніи молчалъ, ничего не могъ отвѣтить. Но, можетъ быть, лейтенанту Полушкину—мой вопросъ показался дикимъ и онъ таилъ отвѣтъ въ душѣ, не желая снизойти къ ребяческому вопросу?

Тогда послушаемъ, что сказали мичманы Сакеллари, Карповъ и Рюминъ. Вы помните, Г. г. Судьи, они сказали: «Да, мы винимъ себя въ томъ, что не были достаточно энергичны для проявленія сопротивленія начальству!» Но на мой вопросъ въ чемъ же могло бы проявиться ихъ сопротивленіе, они тоже ничего не отвѣтили. Тутъ уже нельзя заподозрить высокомѣрной гордости сознанія своей непогрѣшимости, такъ какъ они подсудимые, сидятъ рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ съ остальными своими товарищами и одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы оправдаться передъ Родиною.

Адмиралъ Рожественскій отвергалъ даже мысль о протестѣ.

Одинъ только прокуроръ попытался дать отвѣтъ и для этого

онъ сослался на нѣчто архаическое, на артикулы Петра Великаго; онъ сказалъ: «къ сожалѣнію, въ Морскомъ Уставѣ нѣтъ указанія, что долженъ сдѣлать подчиненный, но за то отвѣтъ можно найти въ артикулѣ Петра Великаго» и добавилъ «нужно быть только находчивымъ и рѣшительнымъ», сославшись на слова того же мичмана Карпова, удостовѣрившаго, что «воспротивиться можно было».

Я думаю, однако, для всѣхъ очевидно, что ни прокуроръ, ни мичманъ Карповъ никакого положительнаго указанія не дали и ничѣмъ пробѣла Морскаго Устава не пополнили.

Формально было бы для насъ достаточно того, что въ настольной книгѣ каждаго морскаго офицера—Морскомъ Уставѣ—указаній нѣтъ, жестокіе же артикулы Петра Великаго, слава Богу, давно отмѣнены и знакомство съ ними не обязательно.

Но и по существу ссылки на находчивость и рѣшительность есть канцелярская отписка, какъ равно и голословное заявленіе мичмана Карпова, — такъ какъ не указываютъ, въ какихъ же, хотя бы примѣрно, дѣйствіяхъ могли бы проявиться находчивость, рѣшительность и возможность.

Мнѣ думается, что и Вы, Г. г. Судьи, не сможете отвѣтить на этотъ вопросъ, а въ такомъ случаѣ падаетъ сама собою отвѣтственность всѣхъ подчиненныхъ офицеровъ.

Впрочемъ отъ обвиненія: лейтенанта Лебедева, мичмановъ: Тевяшева и Мессинга, штабсъ-капитана Милевскаго, поручика Федорова и прапорщика Дякина—прокуроръ отказался и я спокоенъ за ихъ судьбу, такъ какъ Вы не пойдете дальше обвинителя. Но прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе въ активномъ содѣйствіи сдачѣ противъ капитана 2 ранга Артшвагера, лейтенанта Фридовскаго и мичмана Мессера.

Не могу не обратить вниманія суда на нѣкоторую странность: по обвинительному акту такого обвиненія къ лейтенанту Фридовскому и мичману Мессеру не предъявлялось; тамъ ставилось имъ въ виду только то, что они, имѣя возможность предупредить сдачу, завѣдомо допустили ее; теперь же прокуроръ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они еще и сами принимали въ ней непосредственное участіе.

Чѣмъ объяснить такую перемѣну? Судебное слѣдствіе въ этомъ отношеніи не дало ничего новаго, а то обстоятельство, что обвинительный актъ подписанъ за Товарища Главнаго Военнаго-Морскаго Прокурора другимъ лицомъ, а не самимъ обвинителемъ, не можетъ служить оправданіемъ въ виду принципа солидарности прокурорскаго надзора.

Но какъ бы то ни было, считаться съ предъявленнымъ обвиненіемъ приходится. Прокуроръ признался, что дѣйствій, которыя стояли бы въ причинной связи съ фактомъ сдачи, не было, что были только указанія на настроеніе этихъ офицеровъ, которое даетъ ему право думать что, хотя вначалѣ они сдачѣ не сочувствовали, но потомъ всетаки съ ней согласились.

Итакъ прокуроръ обвиняетъ за сочувствіе, за настроеніе. Обвиненіе довольно странное; мнѣ думается, что съ точки зрѣнія уголовной настроеніе никакой роли не играетъ и уликой соучастія служить не можетъ, поэтому, на мой взглядъ, совершенно напрасны были вопросы, предлагавшіеся свидѣтелямъ о томъ, какъ думалъ тотъ или другой офицеръ, какое мнѣніе высказывали они по поводу сдачи. Я полагаю, не будетъ преступленія, если кто-нибудь изъ офицеровъ, не сочувствуя войнѣ—пойдетъ въ бой, какъ равно, если кто-либо, сочувствуя сдачѣ,—самъ сдачи не совершалъ.

Я защищаю, однако, офицеровъ, имѣющихъ очень чуткую честь, поэтому считаю долгомъ опровергнуть даже неосновательное обвиненіе въ настроеніи.

Люди не сочувствовали сдачѣ, люди давали совѣты, какъ избѣгнуть ее: мичманъ Мессеръ—дѣлалъ попытку взорваться, лейтенантъ Фридовскій—спасать команду на шлюпкахъ, капитанъ Артшвагеръ—открыть кингстоны и потопить броненосецъ. А когда помимо ихъ флагъ былъ спущенъ, то мичманъ Мессеръ передалъ сигнальщику приказаніе командира поднять японскій флагъ, то же сдѣлалъ капитанъ Артшвагеръ и кромѣ того, такъ же, какъ и лейтенантъ Фридовскій отставилъ спасаться и заперъ крюйтъ-камеры и бомбовый погребъ.

Не забудьте, гг. Судьи, что фактически эти послѣднія дѣйствія недостаточно провѣрены; что если вспомнить свидѣтельскія показанія, то въ нихъ очень много противорѣчиваго, неопредѣленнаго; но, если бы все это было непререкаемой истиной, то и тогда она ничего не доказывала бы.

Что сталось съ подсудимыми? Они преобразились? Нѣтъ. Забыта психологія; въ этомъ кроется глубокая, дѣйствительно ужасная ошибка прокурора; простите, мой уважаемый противникъ, Вы ошиблись въ психологическомъ анализѣ.

Люди весь походъ были достойны имени героевъ; вспомните ихъ настроеніе 14 Мая и всю ночь на 15 Мая—это были львы; 15—до сигнала о сдачѣ, они готовы были вновь идти въ адъ огня, броситься въ пучину моря; но вотъ флагъ опущенъ, смерть не

пришла; что-то оборвалось въ сердцѣ; душа съ ея волею и энергіей отлетѣла, но сами люди остались жить, то есть дышать, двигаться; всѣ были на своихъ мѣстахъ, но это были уже человѣческія машины, автоматы.

Гг. Судьи, достаточно вспомнить, какъ переживается горе въ ужасные моменты потери близкаго человѣка. Въ домѣ умирающій; преувеличенное движеніе; заброшены повседневныя, обычныя занятія; сердце особенно трепетно бьется; мысль, одна мысль, какъ спасти, чѣмъ помочь близкому родному больному; всѣ чувства направлены къ нему одному; окружающаго не существуетъ; отчаяніе смѣняется надеждою. Больной умеръ. Движеніе прекратилось, энергія упала, не о чемъ больше думать, нечего больше чувствовать. Сразу все опустѣло, сердце умолкло, мозгъ застылъ: люди бродятъ какъ тѣни, и машинально останавливаются на будничныхъ, ненужныхъ, внѣшнихъ мелочахъ; замѣчаютъ и оборвавшуюся въ суетѣ гардину, и небрежно брошенное докторомъ перо, и валяющійся клочекъ бумаги; прибираютъ, разставляютъ по мѣстамъ. Это механизмъ жизни. Это тѣ условія, въ которыхъ постоянно жили и къ которымъ по привычкѣ люди возвращаются машинально, дѣлая то, что всегда дѣлали. Для этого ни ума, ни души, ни энергіи не нужно.

Когда состоялась сдача, мичманъ Мессеръ былъ на вахтѣ; привычнымъ взоромъ онъ обводитъ обстановку; безъ мысли, безъ чувствъ онъ слѣдитъ за флагманскимъ броненосцемъ; тамъ поднятъ японскій флагъ—на «Апраксинѣ» его нѣтъ, да и къ чему? По немъ японцы уже не палятъ. Думалъ ли онъ о томъ, что этотъ японскій флагъ означаетъ? Зачѣмъ онъ поднятъ? Нѣтъ. Зналъ только, что по службѣ онъ долженъ дѣлать и потому посылаетъ спросить командира приказаній и машинально передаетъ ихъ сигнальщику. Если бы ему приказали другое, онъ сдѣлалъ бы и прямо противоположное; изъ того, что человѣкъ готовъ сдѣлать все, видно, что собственныхъ мыслей, своей воли онъ не имѣлъ.

Аккуратный Артшвагеръ, старшій офицеръ «Синявина», въ томъ же положеніи; ему приказываетъ командиръ, онъ передаетъ приказаніе по назначенію. Онъ совершаетъ обычный обходъ корабля; бродитъ, какъ лунатикъ; прибираетъ уже ненужныя койки, спасательные круги, приказываетъ запереть отпертыя двери. Тоже самое, при такихъ же условіяхъ дѣлаетъ Фридовскій.

И молодой мичманъ Мессеръ, и почтенный капитанъ 2 ранга Артшвагеръ, и лейтенантъ Фридовскій на разныхъ броненосцахъ—дѣлаютъ тоже самое. Потому что одни и тѣ же факты при оди-

наковыхъ условіяхъ оказываютъ одно и то же дѣйствіе. Лейтенантъ Фридовскій самъ разсказалъ, что на палубѣ валялись жестянки отъ консервовъ; онѣ никому не мѣшали, когда нужно было сражаться, когда ждали врага, смерть; тѣ же жестянки стали помѣхою, когда былъ поднятъ флагъ о сдачѣ и Фридовскій сталъ носкомъ сапога отбрасывать ихъ въ сторону, а встрѣчая на своемъ пути отпертыя двери отъ бомбовыхъ погребовъ—ихъ захлопывать. Къ чему? Зачѣмъ? Кому это нужно? Никому. Этого требуютъ нервы, такъ создана природа человѣческая.

Такъ вотъ, что Вы приняли, г. прокуроръ, за активность! Я думаю, Вы ошиблись, и я вѣрю, что если Вы будете намъ возражать, то допустите возможность и психологическую вѣрность моего объясненія.

Гг. Судьи! Я кончилъ. Судебный опытъ научилъ меня, что судьѣ не сладко осуждать, что ему гораздо милѣе оправданіе и Вы снимете съ Мессера, Артшвагера и Фридовскаго гнетущее ихъ напрасное обвиненіе.

Простите меня, что я задержалъ Ваше вниманіе; но мнѣ думалось, что если я смогу внести хотя маленькую лепту въ благородное дѣло награды мучениковъ за Родину, то Вы меня не осудите за то, что я постучался къ Вашей совѣсти.

Вы удалитесь сейчасъ для постановки приговора. За Вами запрутся двери, а здѣсь останемся мы, защитники вмѣстѣ съ подсудимыми, къ которымъ мы за эти двѣ недѣли сильнѣе привязались, которыхъ въ несчастьи мы познали ближе. Но помните, что здѣсь, за стѣнами Вашей комнаты, ждетъ Вашего отвѣта и вся Россія, которой дороги всѣ ея дѣти.

Мать равно любитъ всѣхъ своихъ дѣтей, но особенно жалѣетъ тѣхъ, которыхъ постигла смертельная болѣзнь. Она дрожитъ за ихъ жизнь и судьбу, съ трепетомъ ждетъ она исхода консиліума врачей. Она уже мечтаетъ, какъ выздоровѣвшее дитя ея опять станетъ на ноги, какой онъ будетъ славный и какъ она сама будетъ счастлива. Отдайте же намъ всѣхъ сидящихъ здѣсь подсудимыхъ.

Придетъ время, когда будутъ вспоминать не только героевъ Севастопольской обороны, но и мучениковъ Цусимскаго погрома; ихъ не будутъ проклинать, а помянутъ добромъ и тихаго, благороднаго Мессера, и пылкаго Рошаковскаго, неугомоннаго Шалье, стремительнаго Куроша и разумнаго Фридовскаго, спокойнаго Артшвагера и мечтательнаго Дыбовскаго и самого дѣда Небогатова.

Можетъ быть замученный орелъ, упавшій съ плечъ Небогатова, еще окрѣпнетъ и опять осѣнитъ его и его офицеровъ своими могучими крыльями, когда придетъ часъ стать на защиту отечества, а это можетъ быть не за горами; и водрузятъ они незапятнанный Андреевскій флагъ, который зашелеститъ своими складками, расправитъ ихъ и благословитъ пловцовъ своимъ синимъ крестомъ, который не покраснѣлъ изъ-за напрасно пролитой крови русскаго матроса.

Рѣчь прис. пов. А. К. Вольфсонъ.

Вы выслушали, г. г. Судьи, цѣлый рядъ рѣчей защиты яркими красками обрисовавшихъ положенiе всей эскадры Адмирала Небогатова въ злополучный день 15-го Мая. Ясно и опредѣленно обрисовалось и плачевное положенiе броненосца береговой обороны «Адмирала Синявина», попавшаго въ неподобающую ему роль эскадреннаго броненосца. Я не буду поэтому говорить о положенiи эскадры, не буду касаться общихъ мѣстъ и ограничусь лишь разборомъ тѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, которые непосредственно относятся къ моему подзащитному Капитану 2 ранга Аршвагеру. Капитанъ Аршвагеръ старшiй офицеръ «Адмирала Синявина» обвиняется въ томъ, что въ нарушенiе присяги и вѣрности службы, имѣя возможность предупредить преступленiе—сдачу броненосца безъ боя—завѣдомо допустилъ содѣянiе онаго преступленiя и кромѣ того запрещалъ что либо портить на броненосцѣ и приказалъ изъ опасенiя, чтобы не взорвали корабль, замкнуть погреба и крюйтъ-камеру, чѣмъ содѣйствовалъ сдачѣ. Такъ гласитъ обвинительный актъ, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ. Я позволю себѣ разобрать обвиненiя, предъявляемыя къ Аршвагеру въ той послѣдовательности, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ: обвинительный актъ говоритъ: «имѣя возможность предупредить это преступленiе», но является ли поступокъ, совершенный Адмираломъ Небогатовымъ, преступленiемъ. Вѣдь законъ допускаетъ возможность сдачи и лишь обставляетъ эту возможность извѣстными условiями. Вопросъ весь въ томъ, были ли эти условiя на лицо или нѣтъ. Вы изволили слышать тѣ выводы, къ которымъ пришла защита Адмирала Небогатова; выводы эти не оставляютъ сомнѣнiя въ томъ, что возможности защищаться не было никакой, не было также и возможности спасти команду—слѣдовательно оставалась лишь возможность умереть всѣмъ или сдать эскадру японцамъ, и если командиры судовъ съ Адмираломъ Небогатовымъ во главѣ, люди еще наканунѣ во время боя 14 числа при

Цусимѣ смѣло смотрѣвшіе въ лицо смерти, отдали приказъ поднять сигналы о сдачѣ, то ясно, что не трусость побудила ихъ къ этому, а лишь сознаніе всей безцѣльности дальнѣйшаго сопротивленія, сознаніе невозможности спасти, при затопленіи, команду и вполнѣ законное желаніе не губить даромъ, безцѣльно и безсмысленно 2000 молодыхъ жизней. Условія, которыя требуются ст. 354, были на лицо, и, если это такъ, то поступокъ Адмирала Небогатова не есть преступленіе. На обсужденіе этого вопроса, была ли преступна сдача или нѣтъ, потрачены мѣсяцы работы предварительнаго слѣдствія, потрачены долгія недѣли на обсужденіе вопроса здѣсь въ судѣ, высказанъ цѣлый рядъ соображеній за и противъ— все для того, чтобы рѣшить есть ли въ сдачѣ преступленіе; а между тѣмъ, отъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ и отъ Капитана Аршвагера требуется, чтобы вопросъ о преступности былъ рѣшенъ въ нѣсколько минутъ, требуется, чтобы Капитанъ Аршвагеръ, вбѣжавъ на верхъ изъ каютъ-компаніи, гдѣ онъ все время находился и, увидѣвъ развѣвающійся на фокъмачтѣ сигналъ о сдачѣ, въ этотъ же мигъ рѣшилъ, преступна сдача или нѣтъ, рѣшилъ тотчасъ же бы вопросъ, долженъ ли онъ подчиниться приказу командира своего броненосца или долженъ ослушаться, взбунтовать команду и топить или взрывать броненосецъ. Все это долженъ былъ Капитанъ Аршвагеръ рѣшить немедленно, а дилемма вѣдь была такова—или Адмиралъ и командиры судовъ совершили преступленіе, и онъ Аршвагеръ, послушавъ ихъ, послѣдовавъ ихъ приказу, тоже совершилъ преступленіе, или же Адми-

А. К. Вольфсонъ.

ралъ и командиры судовъ поступили законно и тогда уже, не последовавъ ихъ приказу и взбунтовавъ команду, онъ совершилъ преступленіе и преступленіе тяжкое. Понятно, что, рѣшая эту тяжелую дилемму, Капитанъ Аршвагеръ склонился въ пользу перваго предположенія, не счелъ поступка Адмирала Небогатова и командировъ преступленіемъ и поэтому не счелъ возможнымъ бунтовать команду. Да и была ли, г. г. Судьи, возможность взбунтовать команду. Свидѣтельскія показанія не даютъ основанія съ твердостью предположить, что такая возможность была. Настроеніе команды было апатичное, говоритъ свидѣтель о. Зосима: не было того возбужденнаго повышеннаго настроенія, которое даетъ основаніе и надежду, что можно горячимъ словомъ или отважнымъ поступкомъ увлечь за собой сотни людей на вѣрную смерть на безусловную гибель, заставить людей воспитанныхъ въ строгой морской дисциплинѣ не подчиниться требованію Адмирала, не подчиниться требованію командира судна, а идти по тому пути, который указалъ бы имъ болѣе молодой начальникъ, особенно, когда этотъ путь велъ ихъ прямо къ смерти, прямо въ суровое море, которое наканунѣ поглотило столькихъ ихъ товарищей. Нѣтъ, г. г. Судьи, эта обстановка не изъ тѣхъ, когда команда пойдетъ на бунтъ. Да имѣлъ ли право Капитанъ Аршвагеръ бунтовать команду. Вы помните, г. г. Судьи, какого мнѣнія по этому поводу держался Адмиралъ Рожественскій. А иного пути, кромѣ бунта, быть не могло, ибо протестовать словесно, кричать о томъ, что это позоръ, что я не согласенъ—это г. г. Судьи, не болѣе, какъ слова, которыя ни убавить, ни усилить предполагаемую вину не могли и не могутъ. Такіе крики и безопасные протесты, быть можетъ въ будущемъ могутъ дать основаніе для награжденій и повышеній, но въ ту злосчастную минуту сдачи для чести русскаго военнаго флага значенія не имѣли. Все таки Капитанъ Аршвагеръ отправляется къ командиру и докладываетъ ему о мнѣніи офицеровъ и своемъ, не слѣдуетъ ли затопляться, но дважды командиръ отвѣчаетъ энергичнымъ отказомъ, сознавая безцѣльность и преступность затопленія при невозможности спасти команду.

Перехожу къ дальнѣйшимъ обвиненіямъ: Капитану Аршвагеру ставится въ вину по обвинительному акту, что онъ запрещалъ портить орудія и выбрасывать за бортъ предметы снаряженія. Объ этомъ говоритъ свидѣтель Гречѣнецъ. Свидѣтель, котораго, къ сожалѣнію, мы здѣсь не видѣли, здѣсь не допрашивали и потому не можемъ съ увѣренностью сказать, что свидѣтельство его безпристрастно, и не является продуктомъ подчасъ возбужденной фан-

тазіи, не является наслоеніемъ цѣлаго ряда слуховъ и предположеній, явившихся впослѣдствіи, много времени спустя послѣ сдачи броненосца, въ плѣну, въ Сасебо. Безспорнымъ показаніемъ можетъ считаться только то, которое прошло здѣсь передъ нами, обставленное всѣми формами судебнаго допроса и очищенное отъ всякихъ наслоеній путемъ перекрестныхъ вопросовъ. Объ этомъ же говоритъ, правда, и свидѣтель Стенинъ, но изъ показаній Стенина, можно заключить, что запрещеніе портить артиллерію относится къ моменту, когда еще японцы стрѣляли, а въ тотъ моментъ это запрещеніе было вполнѣ законно, ибо доколѣ врагъ стрѣляетъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о необходимости портить артиллерію.

Г. Прокуроръ, указывая въ своей рѣчи на это обвиненіе, считаетъ возможнымъ сослаться на показанія подсудимаго Бѣлавенеца, который говоритъ о томъ, что несмотря на запреты старшаго офицера, приказывалъ выбрасывать за бортъ орудія, снаряженіе и т. д. Г. г. Судьи, почему же г. Прокуроръ считаетъ возможнымъ довѣрять показаніямъ Лейтенанта Бѣлавенеца и не довѣрять показаніямъ Капитана Аршвагера. И можетъ ли вообще показаніе подсудимаго по тому же дѣлу, показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи (я позволяю себѣ это подчеркнуть), служить достаточнымъ судебнымъ доказательствомъ. Передъ нами прошелъ другой судебный матеріалъ, живые свидѣтели съ броненосца «Адмиралъ Синявинъ», но эти свидѣтели, бывши тутъ же на броненосцѣ, ни однимъ словомъ не обмолвились о существованіи запрета. Далѣе, г. Прокуроръ ставитъ Капитану Аршвагеру въ вину, что онъ скомандовалъ «отставить спасаться» и приказалъ убрать койки. Мы здѣсь слышали, г. г. Судьи, отъ свидѣтеля Дмитріева, дававшаго показанія здѣсь, на судѣ, что приказъ о койкахъ означалъ собой распоряженіе собрать ихъ, сложить въ порядкѣ, такъ какъ онѣ были разбросаны по всей палубѣ, а не убрать, какъ объ этомъ говоритъ г. Прокуроръ. Дальше, г. г. Судьи, приказаніе «оставить спасаться» было ли въ этомъ что либо преступное. Вы примете, конечно, въ соображеніе, при осужденіи этого показанія, то смятеніе, которое царило на броненосцѣ во время сдачи: команда, естественно и вполнѣ понятно, растерялась, бросалась къ койкамъ и спасательнымъ приспособленіямъ тогда, когда сдача уже была совершившимся фактомъ и когда къ взрыву или потопленію приготовленій никакихъ не дѣлалось. Вполнѣ естественнымъ и понятнымъ было желаніе старшаго офицера успокоить команду, удержавъ ее отъ ненужнаго уже стремленія броситься въ

море; тѣмъ болѣе, что къ койкамъ бросилась вѣдь не вся команда, а лишь нѣкоторая незначительная ея часть. Далѣе обвинительный актъ ставитъ въ вину Капитану Аршвагеру, что онъ распорядился закрыть пороховые погреба и крюйтъ-камеру. Господинъ Прокуроръ въ своей рѣчи объ этомъ обвиненіи говоритъ мало, какъ бы отказываясь отъ него. Я позволю себѣ напомнить Вамъ г. г. Судьи, что закрытіе крюйтъ-камеры и погребовъ произошло уже тогда, когда давно японскій флагъ развѣвался на гафелѣ «Синявина» за нѣсколько минутъ до пріѣзда японцевъ на броненосецъ. Если бы было у кого либо намѣреніе взорвать броненосецъ, то это намѣреніе давно уже могло быть приведено въ исполненіе, ибо съ момента сдачи до пріѣзда японцевъ прошло около 4 часовъ времени. Да къ тому же ключъ отъ погребовъ и крюйтъ-камеры Поручикомъ Одеромъ былъ повѣшенъ въ стеклянный ящикъ каютъ-компаніи, гдѣ каждый желающій могъ его взять. Вообще мнѣ кажется, что едва ли крюйтъ-камера могла оставаться открытой послѣ сдачи, т. е. послѣ окончанія боя; простой порядокъ требуетъ закрытія погребовъ и крюйтъ-камеры по окончаніи боя. Не настаивая на только что изложенномъ обиненіи, г. Прокуроръ зато выдвигаетъ и очень усиленно другое обвиненіе, не имѣющее никакого подтвержденія во всемъ слѣдственномъ матеріалѣ и основанное исключительно на показаніи Аршвагера, данномъ на предварительномъ слѣдствіи. Это обвиненіе въ томъ, что Капитанъ Аршвагеръ послалъ за японскимъ флагомъ. Для меня, г. г. Судьи, непонятенъ способъ доказательствъ, примѣняемый г. Прокуроромъ; одно изъ двухъ—или г. Прокуроръ вѣритъ показанію Аршвагера или не вѣритъ. Если онъ ему довѣряетъ, то тогда всѣ показанія и всѣ обвиненія, о которыхъ я говорилъ до настоящаго момента, основанныя на показанія другихъ подсудимыхъ и свидѣтелей, должны быть совершенно отброшены, такъ какъ объ нихъ Капитанъ Аршвагеръ не говоритъ въ своемъ показаніи, или же, если г. Прокуроръ не вѣритъ въ показаніе Аршвагера, то тогда послѣднее обвиненіе, о которомъ я говорю сейчасъ, должно быть отброшено, какъ не встрѣчающее подтвержденія во всемъ слѣдственномъ производствѣ. А между тѣмъ, самъ г. Прокуроръ, говоря объ одномъ изъ подсудимыхъ, заявилъ, что не можетъ поддерживать обвиненія притивъ него, такъ какъ оно основывается лишь на собственномъ показаніи его и не встрѣчаетъ подтвержденія въ слѣдственномъ производствѣ. Этотъ резонный выводъ не мѣшаетъ примѣнить и къ подсудимому Капитану Аршвагеру. Я обращаю вниманіе Ваше, г.г. Судьи, на тотъ фактъ, что всѣ проступки, вмѣ-

няемые нынѣ Капитану Аршвагеру, если и были совершены, то, во всякомъ случаѣ, послѣ поднятія сигнала о сдачѣ и частью даже послѣ поднятія на броненосцѣ японскаго флага, т. е. въ тотъ моментъ, когда сдача стала совершившимся фактомъ, когда броненосецъ былъ уже не нашъ, а японскій. Мнѣ кажется, что, когда сигналъ о сдачѣ поднятъ, то съ того момента броненосецъ является чужимъ, принадлежащимъ другой державѣ. Слѣдовательно какое же значеніе могли имѣть всѣ дѣйствія Капитана Аршвагера и можно ли, при такихъ условіяхъ, говоритъ о прямомъ содѣйствіи сдачи. Въ законѣ я не встрѣчаю нигдѣ указаній на то, чтобы послѣ сдачѣ вмѣнялось бы въ обязанность офицерамъ или командѣ уничтожать судное имущество. Ст. 354 говоритъ лишь объ уничтоженіи секретныхъ документовъ, сигналовъ и флаговъ. Тѣ же указанія встрѣчаются и въ регламентѣ Петра Великаго, но нигдѣ, это я смѣю утверждать съ достовѣрностью, нѣтъ указанія объ уничтоженіи снаряженія, артиллеріи и т. п. Какимъ же образомъ можетъ быть вмѣненъ въ вину Капитану Аршвагеру запретъ объ уничтоженіи артиллеріи, если таковой бы былъ въ дѣйствительности. Мнѣ могутъ возразить, что уничтоженіе артиллеріи уменьшаетъ цѣнность доставшагося непріятелю приза. Совершенно вѣрно, г.г. Судьи, но, когда спускается Андреевскій флагъ, когда совершается умаленіе чести русскаго знамени, и японцы получаютъ громадный нравственный призъ—можно-ли тогда, г.г. Судьи, говорить о большей или меньшей цѣнности матеріальнаго приза. Самъ г. Прокуроръ, оцѣнивая дѣятельность ревизоровъ сдавшейся эскадры, ставилъ имъ въ вину тотъ фактъ, что они удѣлили слишкомъ много вниманія вопросу о спасеніи ввѣренныхъ имъ денегъ, вмѣсто того, чтобы направить все свое вниманіе на спасеніе болѣе цѣннаго объекта—Андреевскаго флага. Не есть ли порча орудій и снаряженій, не есть ли это та же забота о денежныхъ интересахъ?

Не великъ, господа Судьи, призъ матеріальный, доставшійся японцамъ отъ сдавшейся эскадры Небогатова. Обгорѣлыя развалины «Орла», подбитый «Николай» и два старыхъ, отъ рожденія негодныхъ къ бою броненосца—«Синявинъ» и «Апраксинъ»—вотъ весь тотъ матеріальный призъ, которымъ овладѣли японцы. Не знаю, какое назначеніе предстоитъ «Адмиралу Синявину», не знаю, какъ съ нимъ поступятъ японцы, понизятъ ли его въ чинѣ, произведя въ брандъ-вахту, какъ было съ броненосцемъ «Николай», не знаю, но твердо увѣренъ въ одномъ, что лебединая боевая пѣснь «Синявина» спѣта въ Цусимскомъ бою, и не оправдаются опасенія

Лейтенанта Бѣлавенца—жерла пушекъ «Синявина» грозить Россіи не будутъ. «Синявинъ» не принесъ нашей родинѣ пользы, потому что по натурѣ своей принести ее не могъ, но и вреда ей, въ будущемъ по той же причинѣ, никогда не принесетъ.

Резюмируя все мною сказанное, я прихожу къ глубокому убѣжденію, что по отношенію къ Капитану Аршвагеру нѣтъ никакихъ указаній твердыхъ и безусловныхъ, которые бы давали возможность сказать, что Капитанъ Аршвагеръ содѣйствовалъ сдачѣ, принималъ въ ней прямое участіе. Запретъ портить орудія, команда «отставить спасаться»—все это, какъ я уже указывалъ, совершилось послѣ сдачи, слѣдовательно уже никакого содѣйствія въ этой сдачѣ быть не могло, если даже все это, повторяю я, Капитанъ Аршвагеръ приказывалъ. Закрытіе погребовъ и крюйтъ-камеры совершилось незадолго до пріѣзда японцевъ, слѣдовательно опять много времени послѣ того, какъ сдача была совершившимся фактомъ. Еслибы была попытка взорвать броненосецъ, и тогда бы Капитанъ Аршвагеръ не допустилъ бы этого закрытіемъ крюйтъ-камеры только тогда, я думаю, можно было бы говорить объ участіи Аршвагера въ сдачѣ броненосца; но такой попытки не было, не было даже намѣренія, что намъ здѣсь подтвердилъ Лейтенантъ Рощаковскій, а слѣдовательно, ничѣмъ въ этомъ случаѣ Капитанъ Аршвагеръ не могъ содѣйствовать или противодѣйствовать сдачѣ. И отъ всего зданія обвиненія остается лишь одно — приказъ принести японскій флагъ, о чемъ ни одинъ свидѣтель не упоминаетъ. Но, гг. Судьи, въ то время судно сдалось, въ то время уже на фокъ-мачтѣ развѣвался сигналъ — «сдача, сдаюсь» и кормовой флагъ былъ спущенъ, и я смѣю утверждать, что съ этого момента вопросъ былъ рѣшенъ въ окончательной формѣ, броненосецъ принадлежалъ японцамъ. Какіе бы потомъ ни подымались флаги и сигналы, они являлись уже лишь дополненіемъ, иллюстраціею къ сигналу «сдача, сдаюсь», который означалъ собою честное слово адмирала и командировъ сдать эскадру, прекратить всѣ попытки къ дальнѣйшей безцѣльной оборонѣ судовъ.

Гг. Судьи, на меня человѣка невоеннаго производитъ странное впечатлѣніе весь настоящій процессъ: вся судебная процедура по этому дѣлу, допросъ свидѣтелей, вопросы суда, рѣчь обвинителя—все облекается въ моемъ пониманіи въ одну кровавую жестокую формулу, въ одинъ страшный вопросъ, обращенный къ собравшимся здѣсь офицерамъ: «отчего вы живы, отчего вы не мертвецы». И я позволяю себѣ на этотъ жестокій вопросъ отвѣтить:

здѣсь офицеры русскаго флота, славнаго своими традиціями, своимъ блестящимъ прошлымъ, русскіе моряки умѣютъ умирать, они это доказали въ нашей несчастной войнѣ съ японцами, они гибли безропотно, доколѣ въ сердцѣ теплилось сознаніе возможности нанести врагу какой-либо вредъ, но когда это сознаніе, когда эта возможность померкла, они не хотѣли быть безцѣльными убійцами, они не хотѣли погубить ввѣренную имъ команду, не хотѣли напрасно похоронить въ пучинахъ океана 2000 сыновъ Россіи.

Довольно крови, гг. судьи, слишкомъ много ея пролилось и въ далекомъ океанѣ и на поляхъ Манчжуріи, слишкомъ много льется и теперь по всей нашей родинѣ. Вашимъ оправдательнымъ приговоромъ, гг. Судьи, Вы докажете и лишній разъ подтвердите, что русскіе моряки умѣютъ умирать, когда это требуется, для родины, но что они умѣютъ свято хранить жизнь ввѣренныхъ имъ командъ и не губить напрасно людей тамъ, гдѣ эта гибель никакой пользы идеѣ величія Россіи принести не можетъ.

Изъ остальныхъ рѣчей защиты наиболѣе сильное впечатлѣніе на присутствующихъ производитъ остроумная рѣчь прис. пов. Изнара и горячая рѣчь пом. прис. пов. В. Ф. Леви.

Остальные защитники С. С. Соколовъ и др. всесторонне освѣщаютъ положеніе своихъ подзащитныхъ въ моментъ сдачи.

Рѣчь А. Ѳ. Бабянскаго.

Ввѣрившіе мнѣ свою защиту офицеры броненосца «Николай I»: флагманскій минный офицеръ лейтенантъ Степановъ, лейтенанты Тиме и Макаровъ и мичманъ Суйковскій, не обладали распорядительною властью, но представляли на кораблѣ высшую и руководящую рабочую силу: Степановъ, посвятившій себя изученію миннаго дѣла и безпроволочнаго телеграфа, вполнѣ владѣлъ этими отраслями военнаго знанія и довелъ ихъ до совершенства на эскадрѣ Небогатова. Тиме и Макаровъ академики, изъ коихъ первый какъ командиръ роты, вахтенный начальникъ и командиръ плутонга по боевому росписанію, приложилъ все свое умѣніе къ надлежащей подготовкѣ команды, а Макаровъ, неукоснительно и съ полнымъ успѣхомъ провелъ флагманскій корабль, какъ старшій штурманъ, отъ Либавы до Цусимы. Сколько самоотверженнаго труда положено ими на исполненіе своего долга лучше всего рисуетъ показаніе старшаго офицера броненосца «Сенявинъ», капитана II ранга Альтшвагера, горячо и добросовѣстно обрисовавшаго работу офицера на кораблѣ. Изучить свойства корабля, далеко не совершеннаго въ техническомъ отношеніи, подчинить его себѣ, провести его при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ десятки тысячъ верстъ, сплотить и обучить разнородную, на-скоро набранную команду, сдѣлать изъ этихъ элементовъ боевую единицу, а главное, внушить имъ всѣмъ идею преданности долгу и готовность умереть на своемъ посту—все это требуетъ напряженной энергіи и высокихъ нравственныхъ качествъ. И цѣль эта была достигнута. Если въ Либавѣ замѣчалось среди команды броженіе и неустойчивость, то въ походѣ и въ бою 14-го мая она, по свидѣтельству всѣхъ офицеровъ и начальниковъ, и даже адмирала Того, дѣйствовала съ полнымъ самоотверженіемъ. И они, офицеры, гордые своимъ трудомъ, довели свой корабль до боя съ полной рѣшимостью побѣдить или умереть. Вотъ, наконецъ, настала роковая минута, осущест-

вленіе той идеи, для которой они жили и работали. И что же? черезъ полъ-часа послѣ начала боя ихъ глазамъ представилась ужасная, невѣроятная картина: гиганты броненосцы, послѣдняя надежда Россіи горятъ, переворачиваются какъ дѣтскія игрушки и

А. Ѳ. Бабянскій.

заживо хоронятъ въ морской пучинѣ тысячи ихъ товарищей, друзей и родныхъ. Макаровъ теряетъ брата на «Наваринѣ», Степановъ на «Камчаткѣ». Они ясно сознаютъ и понимаютъ, что ихъ усилія безплодны, бой происходитъ въ условіяхъ, о которыхъ они не имѣли понятія, они мечутъ на-обумъ свои снаряды, почти до полнаго разстрѣла, завѣдомо безрезультатно. А когда стемнѣло, бой затихъ, ихъ, беззащитныхъ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ маленькія осы,

которыхъ смертоносныя жала ежеминутно грозятъ кораблямъ гибелью. Наконецъ, все стихло. Свѣтаетъ, глядятъ. Ихъ мало осталось: всего 5 судовъ. Но идутъ оживленные разсказы, предположенія, создаются милыя сердцу и достовѣрныя легенды о затонувшихъ непріятельскихъ корабляхъ. Быть можетъ нѣкоторые наши корабли цѣлы, подойдутъ, путь на Владивостокъ, — путеводную звѣзду—открытъ. Мчатся къ роднымъ берегамъ, гдѣ утомленныхъ борцовъ ждетъ почетъ, слава и заслуженный отдыхъ. И вдругъ дымки! Ихъ радостно привѣтствуютъ. Но, увы, суровая правда выясняется. То онъ! то врагъ! Соединенными, полными силами, систематически, какъ на маневрахъ, окружаетъ ихъ и стягиваетъ желѣзное кольцо. Нарождается мрачная легенда: вчера былъ флотъ англійскій, а теперь настоящій, японскій. И всѣмъ стало ясно, что спасенія нѣтъ. Пришелъ конецъ. Какой—никто не знаетъ. Средствъ защиты, средствъ спасенія—никакихъ. Все во власти врага—и дѣйствительность огня, и быстрота движеній. Онъ съ произвольной дистанціи стрѣляетъ въ мишень. Одинъ, два залпа—и кораблю несомнѣнно грозитъ судьба болѣе могучихъ товарищей, уже похороненныхъ. И въ эту роковую минуту, когда отчаяніе безсилія овладѣло всѣми, раздался повелительный голосъ того, кого они привыкли слушать и почитать—ихъ адмирала, который рѣшилъ всей силой своей власти спасти жизнь тысячей неповинныхъ жертвъ. Подъ угрозою мгновенной гибели непріятель овладѣваетъ кораблями и ведетъ ихъ къ себѣ. И древніе языческіе храмы Японіи наполняются невиданными лицами, которымъ, какъ зачумленнымъ, воспрещается увидѣть родину, за которую они сражались. Наконецъ они возвращаются обезславленные для того, чтобы занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Они пришли сюда, чтобы повѣдать всей Россіи, что они по мѣрѣ силъ исполнили свой долгъ, что честь Россіи и знамени поругана не ими, а тѣми, которые ихъ, беззащитныхъ, послали на врага, снабженнаго всѣми средствами потребленія. Ихъ не страшитъ приговоръ суда, но имъ нужна вся правда, чтобы ихъ дѣти и внуки знали, при какихъ условіяхъ сражались ихъ отцы, и чтобы условія эти болѣе не повторялись.

«Изъ защищаемой мною группы офицеровъ г-ну прокурору угодно было особенно выдѣлить лейтенанта Макарова, поддерживая противъ него обвиненіе въ полной мѣрѣ. Почему, по какимъ основаніямъ? мнѣ не удалось уловить руководящаго принципа для раздѣленія офицеровъ на группы: кажется, г-нъ прокуроръ желалъ

обосновать обвиненіе на фактическихъ дѣйствіяхъ офицеровъ, указывающихъ на ихъ соучастіе въ сдачѣ кораблей. Но какія же дѣйствія совершилъ Макаровъ? Дѣйствительно, онъ все время находился на верху, сначала въ походной, а по ея сломкѣ въ боевой рубкѣ. Онъ еще ночью по звѣздамъ опредѣлилъ положеніе корабля и затѣмъ управлялъ его ходомъ. На совѣтѣ онъ голоса не подавалъ и никакихъ дѣйствій при сдачѣ корабля не совершалъ, кромѣ уничтоженія секретныхъ картъ и сигналовъ, что составляло его прямую обязанность. Имѣется даже показаніе Аксютина, прочитанное на судѣ, въ которомъ онъ заявляетъ, что слышалъ какъ Макаровъ и Пеликанъ говорили: «давай взрывать корабль», но почему офицеры этого не исполнили, свидѣтель не знаетъ—кажется, адмиралъ запретилъ. Вообще положеніе подсудимыхъ офицеровъ въ процессѣ въ высшей степени ненормальное и даже тягостное: они уличаются въ совершеніи извѣстныхъ дѣйствій или произнесеніи опредѣленныхъ фразъ показаніями нижнихъ чиновъ, ихъ бывшихъ подчиненныхъ, или случайными заявленіями самихъ же подсудимыхъ. Каждый изъ нижнихъ чиновъ былъ занятъ своимъ дѣломъ и при всей даже добросовѣстности лишенъ былъ возможности правильно освѣтить и понять происходившее на кораблѣ. Вся ихъ масса поддалась общему настроенію минуты и не сохранила объективности въ своихъ наблюденіяхъ. Мы слышали здѣсь разсказы о появленіи адмирала Рожественскаго, о затопленіи японскихъ кораблей и пр. Свѣдѣнія нижнихъ чиновъ о мѣстѣ, времени и разстояніяхъ, діаметрально противоположны и часто фантастичны. Быть можетъ еще менѣе могутъ служить судебными доказательствами заявленія соподсудимыхъ относительно другъ-друга. Они носятъ отпечатокъ отношеній личныхъ, разницы темпераментовъ и воспринятія впечатлѣній. Я думаю, что въ этотъ краткій, роковой моментъ сдачи опредѣленнаго мнѣнія и ясно созданнаго образа дѣйствій не было ни у кого изъ офицеровъ. Нахожу вполнѣ нормальнымъ, что повышенное настроеніе сказалось среди офицерской молодежи, которая руководилась болѣе чувствомъ, чѣмъ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, но отъ словъ къ дѣлу въ сущности перехода не было и быть не могло.

Обвиненіе противъ лейтенанта Макарова г-нъ прокуроръ обосновалъ на данныхъ, извлеченныхъ изъ показаній мичмана Дыбовскаго и инженеръ-механика Бѣляева, которые на судебномъ слѣдствіи провѣрены не были. Это касается будто-бы произнесенной имъ, Макаровымъ, и обращенной къ Дыбовскому фразѣ: «не дѣ-

лайте глупостей», каковую будто-бы повторилъ и адмиралъ Бѣляеву, по докладу Макарова же. Не говоря уже о томъ, что эта фраза могла быть сказана уже послѣ состоявшейся сдачи, она по содержанію своему не можетъ имѣть никакого значенія.

Тутъ я долженъ отмѣтить заявленіе г-на прокурора, что офицеры на судѣ воздерживались отъ показаній, почему онъ и былъ вынужденъ пользоваться ихъ заявленіями, внесенными въ обвинительный актъ.

Офицеры на судѣ всегда отвѣчали на предлагаемые имъ вопросы, но, конечно, не знали, какой обвинительный матеріалъ нуженъ былъ г-ну прокурору.—Г-нъ прокуроръ отказался отъ обвиненія лейтенанта Тиме, Степанова и мичмана Суйковскаго, хотя ссылался на показанія перваго изъ нихъ о томъ, что артиллерія и спасательныя средства на кораблѣ были въ исправности, причемъ отмѣтилъ, что Тиме говорилъ тихо и мнѣнія о сдачѣ не высказывалъ. Ссылка эта не точна, такъ какъ Тиме говорилъ лишь о артиллеріи, бывшей въ его непосредственномъ завѣдываніи, и вообще о средствахъ спасанія, но не удостовѣрялъ, что эти средства были въ исправности. Что же касается сдачи, то офицеръ этотъ, хотя и сознавалъ безвыходность положенія, но готовился къ взрыву и искалъ мѣста, гдѣ смерть наступила бы вѣрнѣе и быстрѣе.

Лейтенантъ Степановъ, по заявленію капитана II ранга Куроша, высказался за затопленіе корабля и предлагалъ для выигрыша времени повернуть броненосецъ на 8 румбовъ вправо, но за появленіемъ японскихъ броненосцевъ съ этой стороны планъ оказался безцѣльнымъ.

Офицеры привлечены къ отвѣтственности за сдачу кораблей на основаніи 68 ст. Военно-морского уст. о нак., которая гласитъ, что они подлежатъ наказанію за исполненіе приказанія начальника лишь тогда, когда они не могли не видѣть, что онъ имъ предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службы или совершить дѣяніе, явно преступное. При толкованіи этого закона надо имѣть въ виду, что крайне ограниченный его буквальный смыслъ еще болѣе стѣсненъ судебной практикой. Какъ въ приведенной статьѣ, такъ и въ соотвѣтствующей ей 69 ст. воинскаго уст. о наказ. не упоминается вовсе объ обязательности лишь служебнаго приказа и такимъ образомъ всякое приказаніе начальника по смыслу закона обязательно для подчиненныхъ. Здѣсь на судѣ адмиралъ Рожественскій явился категорическимъ защитникомъ этого взгляда

и онъ до сихъ поръ неуклонно проводится въ жизнь какъ въ арміи, такъ и во флотѣ. Въ продолженіи моей 25-лѣтней военно-судебной практики я не вспоминаю случаевъ отвѣтственности подчиненныхъ по офицерскимъ дѣламъ за дѣянія совершенныя по приказанію начальника. Могло ли офицерами почитаться приказаніе Небогатова о сдачѣ эскадры дѣяніемъ явно преступнымъ? Всѣ они сознавали безысходность положенія и добросовѣстно могли предполагать, что корабли находятся въ условіяхъ, опредѣленныхъ 354 ст. морского устава.

И дѣйствительно, вѣдь сдача произошла подъ угрозой непосредственной, неминуемой гибели и именно потому, что наши корабли вовсе не соотвѣтствовали понятію современнаго военнаго судна. Современный корабль долженъ быть усовершенствованной машиной для передвиженія и дѣйствія боевой силы. При этомъ условіи одно судно можетъ сражаться съ цѣлой эскадрой, такъ какъ въ морскомъ бою случайности могутъ имѣть рѣшающее значеніе. Такъ, въ бою 28-го іюля 2 снаряда, послѣдовательно попавшіе въ броненосецъ «Цесаревичъ», причинившіе ему серьезныя поврежденія и повлекшіе смерть адмирала Витгефта, рѣшили судьбу сраженія и всей Портъ-Артурской эскадры. Но для этого необходимо, чтобы корабль могъ причинить вредъ непріятелю и имѣлъ бы достаточную подвижность, дабы поставить себя относительно врага въ наиболѣе выгодное положеніе. Нашъ флотъ былъ лишенъ этихъ качествъ и потому безславно погибъ подъ Цусимой, не причинивъ непріятелю почти никакого вреда. Мы, какъ всегда, увлекались количествомъ въ ущербъ качеству и гордились тѣмъ, что нашъ флотъ занимаетъ по величинѣ третье мѣсто. Эфемерность этой силы была сознана всѣми офицерами въ бою 14-го мая, и уцѣлѣвшіе жалкіе остатки флота подъ командой Небогатова оказались лишь жертвой несчастной системы.—Подъ впечатлѣніемъ происшедшаго офицеры не могли считать распоряженія Небогатова преступнымъ и ему не подчиниться. Ни законъ, какъ бы онъ строгъ ни былъ, ни приказаніе начальства героевъ не создаютъ. При нынѣшнихъ условіяхъ боя возможно лишь сознательное геройство, выражающееся въ исполненіи своего долга до конца. Но для этого необходима вѣра въ свое созданіе и возможность совершить данное дѣло. Какъ мы знаемъ изъ показаній адмирала Рожественскаго наши комендоры не были обучены боевой стрѣльбѣ по экономическимъ причинамъ. Понятія присяги, вѣрности службы и воинскаго долга, упоминаемыя въ той же 68 статьѣ, это понятія этиче-

скія, которыя не создаются юридическими нормами, и исполненіе ихъ не можетъ влечь за собою уголовнаго наказанія. Всѣ они объединяются и входятъ въ общее, высшее понятіе исполненія гражданскаго долга, развитіе котораго въ обществѣ лишь можетъ одухотворить и армію, и флотъ.

Здѣсь много говорилось о томъ, что Андреевскій флагъ былъ спущенъ передъ врагомъ. Это моментъ тяжелый. Военный флагъ есть священный символъ реальной-матеріальной и духовной —силы, но разъ эта сила не существуетъ, она загублена, флагъ этотъ, естественно, облекается въ трауръ и погружается въ тѣ волны, въ которыя погрузился весь русскій флотъ подъ Цусимой.

Г-нъ прокуроръ старательно раздѣляетъ Цусимскій бой на отдѣльные эпизоды: была сдача «Бѣдоваго»; сейчасъ разсматриваемъ сдачу Небогатова, вѣроятно будетъ дѣло объ уходѣ крейсеровъ адмирала Энквиста, но весь міръ и Россія знаютъ лишь одинъ Цусимскій бой. Насъ утѣшаютъ существованіемъ коммисіи адмирала Дикова, которая все разсмотритъ и выяснитъ, но мы извѣрились въ коммисіи, мы признаемъ лишь то, что происходитъ гласно и явно, что является достояніемъ гласнаго суда. А кого же еще судить? Вѣдь большая часть участниковъ Цусимскаго боя погибла. Или еще разъ судить и грозить смертной казнью адмиралу Рожественскому, который съ полнымъ самоотверженіемъ, хотя и съ негодными средствами, творилъ волю пославшихъ его безъ всякой надежды на успѣхъ дѣла. Но мы охотно допускаемъ, какъ это предполагаетъ г-нъ прокуроръ, осуществленіе особаго суда, установленнаго для разсмотрѣнія дѣлъ о крушеніяхъ и поврежденіяхъ судовъ, коему было-бы поручено гласное разслѣдованіе причинъ гибели русскаго флота, причемъ въ качествѣ прикосновенныхъ должны быть привлечены всѣ начальствовавшія лица во флотѣ въ продолженіе послѣдняго полустолѣтія, всѣ строители кораблей, поставщики, а также представители и представительницы тѣхъ постороннихъ вліяній, которыя создали атмосферу протекціи въ управленіи флота, препятствовавшей выдвинуться впередъ людямъ знаній, долга и талантовъ, и пусть этотъ судъ учтетъ сколько милліардовъ народныхъ денегъ затрачено безъ пользы и цѣли.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ: въ концѣ прошлаго года высокочтимый іерархъ въ Казанскомъ соборѣ произнесъ слово, въ коемъ выразилъ, что полъ-вѣка тому назадъ, когда на Руси царило крѣпостное право, тьма и невѣжество, пришли враги изъ-за моря и разрушили нашу твердыню, послѣ чего Русь обновилась,

а нынѣ опять на Руси проявилось угнетеніе народа христіанскаго, неправда и гордыня, за что Господь ниспослалъ кару и вновь изъ-за моря явился невѣдомый народъ и поразилъ наши рати, разрушилъ твердыню и потопилъ корабли. Полъ-вѣка тому назадъ на фрегатѣ «Паллада» прибылъ Гончаровъ въ Нагасаки, и такъ описываетъ этотъ невѣдомый народъ: то были маленькіе косоглазые монголы, женоподобные, пронырливые и любознательные, одѣтые въ полу-женскіе шелковые костюмы—которые встрѣтили путешественниковъ крайне подозрительно, а при торжественномъ шествіи во дворецъ салютовали изъ единственной дубовой пушки, стянутой желѣзными обручами. Тогда же Императоромъ Николаемъ былъ подаренъ имъ потерпѣвшій аварію 20-ти пушечный фрегатъ, ставшій дѣдушкой японскаго флота. И этотъ невѣдомый народъ, завоевавшій себѣ гражданскую свободу и культуру, черезъ 50 лѣтъ приготовилъ намъ Цусимскій разгромъ. Тутъ во всей яркости сказалась неспособность нашихъ государственныхъ людей учесть и оцѣнить силу свободнаго человѣческаго духа и самодѣятельности свободнаго народа.

И всѣ офицеры, сидящіе здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, какъ и многіе тысячи другихъ, явились лишь невольными жертвами великой исторической драмы, которая знаменуетъ крушеніе стараго порядка, основаннаго на произволѣ и безотвѣтственности.

Цусима—это русскій Седанъ, это послѣдняя ставка русской бюрократіи, это поистинѣ ея Пиковая Дама, тѣнь которой будетъ слѣдовать за ней до ея полнаго уничтоженія. Но смерть рождаетъ новую жизнь: лишь послѣ Цусимы впервые на Руси раздался голосъ свободнаго гражданина . . . .
(здѣсь защитникъ былъ остановленъ предсѣдателемъ и далѣе рѣчи не продолжалъ).

Рѣчь прис. пов. Н. Г. фонъ-Нидермиллера.

Защитникъ мичмана Четверухина пом. присяжнаго повѣреннаго Н. Г. фонъ-Нидермиллеръ, разбирая предъявленное къ Четверухину обвиненіе, доказываетъ, что обвиняемый не былъ на военномъ совѣтѣ, узналъ о немъ лишь послѣ того, какъ сигналъ о сдачѣ былъ уже поднятъ, и, если, протестуя, не добился результатовъ, то причину этому слѣдуетъ искать въ томъ подавленномъ настроеніи, которое стихійно охватило весь экипажъ.

«Четверухинъ не страшился смерти, и когда послѣ сигнала о сдачѣ подошелъ японскій миноносецъ, запрещая что-либо портить на суднѣ, грозя смертью неповиновавшимся, обвиняемый въ отвѣтъ на это начинаетъ лихорадочную дѣятельность именно въ этомъ направленіи. Но броненосца онъ все-таки не взорвалъ... А если бы тому же Четверухину сказали, что возможно, погибнувъ только самому, взорвать судно и спасти какимъ-нибудь чудомъ команду — не задумался бы тогда мичманъ Четверухинъ, какъ не задумался бы при такихъ условіяхъ и адмиралъ Небогатовъ, взорвать эскадру, погибнувъ съ нею... Но чуда въ эту войну для насъ не случилось...

Когда послѣ ужаснаго боя предъидущаго дня суда Небогатова были настигнуты всей японской эскадрой, стройной и невредимой, гордой и упоенной вчерашней побѣдой—мрачное отчаяніе безсилія кошмаромъ повисло надъ русскими моряками. Всѣ отъ адмирала до послѣдняго матроса поняли, что погибли даромъ всѣ ихъ нечеловѣческія усилія, безпримѣрнаго похода, страшнаго боя, погибли безцѣльно, никому не принеся пользы. И руки бойцовъ, смѣлыя и могучія наканунѣ, опустились теперь какъ жалкія плети.

При такихъ условіяхъ, что могъ сдѣлать мичманъ Четверухинъ? Взорвать тѣмъ не менѣе броненосецъ, погубить весь экипажъ, сдѣлать больше, нежели предписываютъ статьи Морского Устава или поднять команду на адмирала, мятежомъ и насиліемъ вырвать у него власть?—да кто-же въ правѣ требовать этого отъ мич-

мана Чеетверухина...... Невнятно и глухо говорятъ соотвѣтствующіе законы, а Морской корпусъ, выпуская своихъ питомцевъ, давалъ имъ развѣ руководящія на этотъ случай указанія?

Вы видите, господа Судьи, что обвиняемый въ полной мѣрѣ исполнилъ все, что можетъ требовать отъ него законъ, дальше — начинается область геройства и подвига—ихъ мы не вправѣ требовать отъ обыкновеннаго человѣка. И если бы на мѣстѣ Четверухина былъ иной человѣкъ,—могучей воли и страстнаго вдохновенія, кто знаетъ, нашелъ ли бы даже тотъ въ этихъ условіяхъ пищу для проявленія своего геройства?

Н. Г. фонъ-Нидермиллеръ.

Не слѣдуетъ ли давно оставить рожденное во тьмѣ среднихъ вѣковъ вредное суевѣріе, будто героевъ родитъ и создаетъ война. Война даетъ возможность проявиться лишь стратегическимъ и тактическимъ дарованіямъ, источникъ же, питающій героевъ — таится много глубже: беретъ онъ начало свое въ сознаніи всего народа въ необходимости и правотѣ дѣла, ради котораго проливается кровь, растетъ и питается онъ настроеніемъ окружающихъ бойцовъ, и всегда герой долженъ чувствовать надъ собой благословеніе всей родной стороны.

Въ настоящей войнѣ негдѣ было зародиться этимъ чувствамъ, и по руслу гдѣ когда-то струилися жертвы и подвиги, теперь лились стоны, слезы и кровь...

Вотъ почему передъ Четверухинымъ выростала гигантская не-

сдачу: каждый человѣкъ склоненъ хорошо думать о себѣ и близкихъ ему людяхъ и если человѣку въ теченіе недѣль, или даже мѣсяцевъ твердить, что вины за нимъ никакой нѣтъ, что виновны во всемъ другіе, человѣкъ охотно тому повѣритъ и въ концѣ концовъ будетъ твердо убѣжденъ, что онъ былъ правъ. Вотъ въ силу этой-то именно особенности настоящаго дѣла я при всемъ желаніи стоять на почвѣ матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, вынужденъ былъ обращаться и къ показаніямъ, занесеннымъ въ обвинительный актъ. Дѣлалъ я это со спокойной совѣстью, такъ какъ показанія писались подсудимыми собственноручно и непринужденно при самой благопріятной обстановкѣ либо въ отдѣльной комнатѣ, либо даже на дому. Игнорировать такой вполнѣ доброкачественный матеріалъ, чуждый побочныхъ вліяній, я въ интересахъ обнаруженія истины права не имѣлъ, сталъ на точку зрѣнія г.г. защитниковъ, что объясненія обвиняемыхъ не доказательства, что показанія нижнихъ чиновъ противопоставлять показаніямъ офицеровъ нельзя, пришлось бы разъ навсегда отказаться отъ разслѣдованія дѣлъ о сдачахъ, ибо свидѣтелей вполнѣ безпристрастныхъ по дѣламъ этимъ не бываетъ.

Чѣмъ вызвано преданіе суду всѣхъ офицеровъ, я указалъ, г.г. судьи. Въ настоящее время я отмѣчу лишь, что если не всѣмъ г.г. защитникамъ, то г.г. Бобянскому и Сыртланову, какъ юристамъ военнымъ, должно быть хорошо извѣстно, что въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія да и самое преданіе суду поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія начальства, а не прокуратуры. Упрекъ, брошенный прокуратурѣ г. Бобянскимъ, поэтому упрекъ—незаслуженный.

Обращаясь къ доводамъ гг. защитниковъ, я остановлюсь прежде всего на вопросѣ о составѣ преступленія. Всѣ тѣ доводы и юридическія соображенія, которыя могли быть приведены въ доказательство возможности участія въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 369, были мной подробно изложены и повторять сказаннаго я не буду, такъ какъ не сомнѣваюсь, что доводы мои, какъ и доводы гг. защитниковъ, твердо запечатлѣлись въ вашей памяти. Я отмѣчу лишь, что выхватывая безсистемно, ту или иную мысль, а иногда, скажу я, извращая ее, не трудно, конечно, было опровергать тѣ или другія самой защитой въ сущности созданныя положенія, но вы, гг. судьи, люди опытные и сумѣете во всемъ этомъ разобраться; защита утверждала, напримѣръ, что я проводилъ аналогію между дѣломъ «Бѣдоваго» и настоящимъ, тогда какъ

въ самомъ началѣ своей рѣчи я отмѣтилъ, что сдача «Бѣдоваго» произошла по предварительному на то соглашенію офицеровъ, а сдача судовъ небогатовской эскадры по почину начальствующихъ лицъ. Тамъ, сказалъ я, могъ быть виновнымъ каждый участовавшій въ соглашеніи на сдачу, а здѣсь тотъ, кто сознавалъ, или не могъ не сознавать, что своими дѣйствіями, или непротивленіемъ онъ способствуетъ осуществленію незаконной сдачи. Аналогіи между этими дѣлами я не проводилъ и если сослался на дѣло «Бѣдоваго», то лишь для того, чтобы показать, что не взирая на букву ст. 279, недопускающую участія въ сдачѣ, особое присутствіе Кронштадтскаго военно-морского суда и главный военно-морской судъ призналъ, что за сдачу при извѣстныхъ условіяхъ могутъ отвѣчать не только флагманъ и командиръ, но и другія лица. Цитируя слова моей обвинительной рѣчи по дѣлу «Бѣдоваго» пр. повѣр. Адамовъ по странной случайности не довелъ ее до конца и я обязанъ восполнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ иначе вы были-бы введены въ заблужденіе. Я дѣйствительно сказалъ, что при доказанномъ согласіи адмирала Рожественскаго на сдачу, его вина была-бы громадна, была бы тѣмъ, что слушая на судѣ, какъ я перелагалъ его вину на подчиненныхъ ему лицъ, онъ молчалъ, что при доказанномъ согласіи адмирала на сдачу мое обвиненіе было бы обвиненіемъ, построеннымъ на пескѣ, но я тогда же и пояснилъ свою мысль: тогда, сказалъ я, офицеры были бы виновны не въ томъ, что они, прикрываясь именемъ адмирала, сдали миноносецъ, а въ томъ, что они исполняли явно противозаконное приказаніе своего начальника. Въ противорѣчіе съ самимъ собой, такимъ образомъ я не впадалъ, и какъ по дѣлу «Бѣдоваго», такъ и по настоящему дѣлу проводилъ одинъ и тотъ же основной взглядъ, что за сознательное участіе въ незаконной сдачѣ могутъ отвѣчать и офицеры. Упрекая меня въ произвольномъ, нелогичномъ даже толкованіи законовъ, защита сама, надо сознаться, довольно своеобразно оперируетъ съ ними. Вспомните, гг. судьи, то толкованіе, которое далъ присяжный повѣренный Маргуліесъ выраженію ст. 354 «разрѣшается сдать корабль». Защитникъ этотъ утверждалъ, что разрѣшается, значитъ предписывается; русскій языкъ думается мнѣ и богатъ и ясенъ. Желалъ законодатель сказать, что при наличіи извѣстныхъ условій командиръ обязанъ сдать корабль,—онъ это сказалъ бы. Въ другихъ статьяхъ закона онъ прямо говоритъ: командиръ обязанъ содержать корабль въ постоянной готовности къ бою, командиръ обязанъ при первой возможности сдѣлать то-то и

и около 9 ч. утра, когда по свидѣтельству Кросса, безвыходность положенія была уже очевидна, пересадку возможно было осуществить. Мнѣ совершенно непонятно, почему защита, взводя обвиненія на лицъ снаряжавшихъ и отправлявшихъ эскадру, склонна простить адмиралу Небогатову всѣ его промахи, всю его непредусмотрительность, тогда какъ эти-то именно дѣйствія Небогатова и послужили ближайшей причиной сдачи нашихъ судовъ. И скверныя суда при предусмотрительности адмирала избѣгли бы плѣна, ихъ можно было затопить.

Съ доводами присяжнаго повѣреннаго Раппопорта, что при посадкѣ команды въ шлюпки пришлось бы направить ихъ къ тѣмъ же японцамъ, что было бы позорнѣе сдачи на своихъ судахъ, я думаю, ни Вы, ни даже сотоварищи Раппопорта по защитѣ не согласятся. Въ сдачѣ на шлюпкахъ позора бы не было.

Въ доказательство того, что приказаніе адмирала было для всѣхъ судовъ обязательнымъ, приводилось не мало соображеній, но доводы эти, думается мнѣ, не убѣдительны.

Реплика присяжнаго повѣреннаго Адамова послѣ реплики прокурора.

— Прокуроръ напрасно уличаетъ меня, что я умышленно не прочелъ окончанія рѣчи ген.-м. Вогака по дѣлу «Бѣдоваго».

Цитировалъ эту рѣчь я по «Новому Времени», о чемъ было извѣстно прокурору, а тамъ было только то, что прочитано.

Да, при этомъ, вѣдь самъ прокуроръ въ свое время соглашался со мной, что признаніе Рожественскимъ своего приказа о сдачѣ можетъ освободить других офицеровъ отъ отвѣтственности, такъ какъ даже требовалъ дослѣдованія этого дѣла по поводу самаго акта преданія суду.

М. К. Адамовъ.

Далѣе защитникъ уличаетъ прокурора еще въ одномъ противорѣчіи.

— Во время настоящаго процесса ген.-маіоръ Вогакъ утверждалъ, что если-бы нашелся одинъ энергичный офицеръ, то сдачи не было бы.

Теперь онъ говоритъ уже иначе, — что единодушный и рѣшительный протестъ всѣхъ офицеровъ не могъ не повліять на рѣшеніе командира.

Затѣмъ прис. пов. Адамовъ посвящаетъ часть рѣчи своему подзащитному кап. Кроссу, а затѣмъ устанавливаетъ, что въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ двумя сдачами, одна сдача—

адмирала Небогатова со своей эскадрой, а другая сдача—господина прокурора.

Напрасно прокуроръ сдачей Небогатова такъ возмущается: его сдача—нисколько не лучше, а даже хуже.

Прокуроръ изъ семидесяти восьми человѣкъ отказался отъ обвиненія шестидесяти трехъ, иначе говоря, прокуроръ спустилъ флагъ. Команда прокурорская, состоявшая изъ сотенъ протоколовъ письменныхъ показаній свидѣтелей, оказалась никуда негодной, потому что въ этихъ письменныхъ показаніяхъ люди свидѣтельствовали по слуху, съ чужихъ словъ и разсказывали анекдоты въ родѣ того, какъ русскимъ приходилось сражаться при Цусимѣ не только съ японцами, но и съ англичанами и американцами.

Такимъ образомъ, снаряженіе прокурора оказалось гораздо хуже, чѣмъ снаряженіе небогатовской эскадры, но при этомъ надо замѣтить, что снаряжали небогатовскую эскадру другіе, а обвинительный актъ сняряжалъ самъ г. прокуроръ!

Затѣмъ прис. пов. Адамовъ, разбираясь въ доводахъ прокурора, доказываетъ, что никакого позора сдачи не было

Прокуроръ, постоянно ссылаясь на Петра Великаго, очевидно, забылъ, что Великій Императоръ самъ былъ окруженъ и готовъ отдаться въ плѣнъ туркамъ во время прутскаго похода.

Легко умереть, — заканчиваетъ свою рѣчь прис. пов. Адамовъ, — во время нападенія на врага, раздавая удары направо и налѣво, зная, что твоя смерть не только воодушевитъ товарищей, но и заставитъ ихъ отмстить за тебя и принесетъ побѣду.

Но здѣсь была перспектива другой смерти, смерти не только безъ возможности нападать, но и защищаться, смерти холодной и жалкой, смерти, похожей скорѣе на гнусное убійство.

Послѣднее слово адм. Н. И. Небогатова.

Я не хотѣлъ воспользоваться правомъ послѣдняго слова, но слова прокурора, относящіяся ко мнѣ, вынуждаютъ меня отвѣчать на упрекъ въ неумѣніи и нераспорядительности. Въ юридическихъ вопросахъ я конечно не свѣдущъ и мнѣ бы поучиться у прокурора, но морскому дѣлу учиться у человѣка, который безъ году недѣля какъ надѣлъ на себя морской судейскій мундиръ, мнѣ, одному изъ лучшихъ контръ-адмираловъ, по извѣстному Вамъ отзыву начальства, не приходится. Вы сами моряки, г.г. судьи, и хорошо понимаете, что изъ словъ прокурора можно вывести одно заключеніе,— для него безполезно прошли три недѣли судебнаго слѣдствія и онъ въ настоящую минуту такъ же плохо понимаетъ дѣло, какъ и раньше.

Онъ упрекаетъ меня, что въ промежутокъ времени отъ появленія непріятеля до сдачи не сумѣлъ застопорить машину, спустить шлюпки и, пересадивъ команду на одинъ изъ кораблей, не затопилъ остальныхъ. Вѣдь слышалъ же г. прокуроръ отъ свидѣтелей, участниковъ боя и сдачи, что непріятель слѣдовалъ за нами на разстояніи внѣ выстрѣла, но настолько близко, что могъ въ каждую любую минуту приблизиться и разстрѣлять насъ въ то время, какъ мы стали бы производить безсмысленную пересадку. Г. прокуроръ учитъ меня, какъ выпустить воду изъ шлюпокъ.

Нужно было вынуть пробку и вода сама вытекла бы!—совѣтуетъ прокуроръ. Ну не смѣшно ли намъ, морякамъ, было слушать подобный абсурдъ. Видимо прокуроръ полагаетъ, что устройство шлюпочной пробки подобно затычкѣ у водовозной бочки, такое устройство дѣйствительно ничего не требуетъ, какъ только подойти къ этой затычкѣ, вынуть ее изъ отверстія и вода польется. Но дѣло въ томъ, что устройство пробки на военной шлюпкѣ (какъ Вамъ это извѣстно г.г. судьи) совершенно иное: ее нельзя открыть снаружи шлюпки, а потому если въ ней находится другая шлюпка,

то открыть пробку первой невозможно безъ того, чтобы не вынуть изъ нея второй; а для всей этой работы требуется очень большое время и то еще при томъ условіи, если всѣ подъемныя средства въ исправности.

У меня одно теперь лежитъ на сердцѣ: Вашимъ приговоромъ, справедливымъ и безпристрастнымъ, Вы поставите каждаго изъ насъ на заслуженное имъ мѣсто, но есть люди — это кондуктора, боцмана, нижніе чины, которые не удостоились суда и которые такъ и останутся позорно исключенными изъ службы; если моя просьба умѣстна и законна и если Вы г.г. судьи, что-нибудь можете сдѣлать въ этомъ случаѣ, я покорнѣйше прошу Васъ ходатайствовать этимъ чинамъ воинскаго званія.

Приговоръ.

Въ 10 час. 35 мин. вечера, 11-го декабря судомъ особаго присутствія военно-морского суда кронштадтскаго порта вынесенъ слѣдующій приговоръ по дѣлу о сдачѣ четырехъ броненосцевъ 15-го мая 1905 года.

«Выслушавъ дѣло о сдачѣ 15-го мая 1905 г. четырехъ броненосцевъ непріятелю, судъ призналъ виновными: 1) бывшаго контръ-адмирала, нынѣ дворянина Небогатова въ томъ, что 15-го мая 1905 г., будучи начальникомъ эскадры, послѣ бывшаго наканунѣ боя, будучи настигнутъ въ японскомъ морѣ непріятельскою превосходящею въ силахъ эскадрою, выслушавъ переданное ему флагъ-капитаномъ Кроссомъ мнѣніе командира броненосца «Николай I», бывшаго командира капитана 1-го ранга Смирнова о необходимости сдаться, подтвержденное затѣмъ послѣднимъ лично, приказалъ поднять по международному своду сигналъ о сдачѣ, а затѣмъ спустилъ флагъ и приказалъ поднять японскій, хотя и имѣлъ возможность защищаться; 2) бывшаго командира броненосца «Николай I» бывшаго капитана 1-го ранга, нынѣ дворянина Смирнова, въ томъ, что просилъ флагъ-капитана передать мнѣніе его Смирнова о необходимости сдачи, подтвердивъ затѣмъ лично его мнѣніе адмиралу и сдалъ ввѣренный ему броненосецъ непріятелю, хотя имѣлъ возможность защищаться; 3) бывшихъ командировъ броненосцевъ: «Адмиралъ Апраксинъ» и «Адмиралъ Сенявинъ» бывшихъ капитановъ 1-го ранга, нынѣ дворянъ, Лишина и Григорьева въ томъ, что 15-го мая 1905 г. послѣ боя, будучи настигнуты непріятельскою эскадрою, они, увидѣвъ поднятый адмираломъ сигналъ о сдачѣ, спустили флаги и сдали ввѣренные имъ броненосцы непріятелю, хоть и имѣли возможность защищаться.

Судъ призналъ для всѣхъ четырехъ вышеупомянутыхъ лицъ уменьшающими вину обстоятельствами: прежнюю долговременную безпорочную службу, крайнее физическое утомленіе, послѣ тяже-

лаго блестяще исполненнаго трехмѣсячнаго перехода и угнетенное состояніе духа, вызванное боемъ, бывшимъ наканунѣ, въ которомъ погибли флагманское и другіе наиболѣе сильные наши броненосцы, посему на основаніи части 2 ст. 279 книги XII Св. Мор. Пост., судъ приговорилъ: четырехъ вышеупомянутыхъ подсудимыхъ къ смертной казни, но, принявъ во вниманіе уменьшающія вину обстоятельства и руководствуясь ст. 17-й той же книги, постановилъ: ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ смертной казни заточеніемъ въ крѣпости каждаго на десять лѣтъ и дальнѣйшую участь подсудимыхъ повергнуть на Монаршее милосердіе.

Капитановъ 2-го ранга: Кросса, Ведерникова и Артшвагера и лейтенанта Фридовскаго, занимавшихъ во время сдачи должности: первый флагъ-капитана, а послѣдніе три старшихъ офицеровъ названныхъ броненосцевъ, призналъ виновными: Кросса въ участіи въ сдачѣ, а Ведерникова, Артшвагера и Фридовскаго въ попустительствѣ ея, а посему и на основаніи ст. 74 и ст. 23 XII кн. Св. Мор. Пост. судъ, принявъ во вниманіе вышеизложенныя признанныя судомъ и для этихъ четырехъ подсудимыхъ уменьшающія вину обстоятельства, приговорилъ ихъ: къ заключенію въ крѣпости: Кросса на 4 мѣсяца, Ведерникова и Артшвагера на 3 мѣсяца и Фридовскаго на 2 мѣсяца съ послѣдствіями въ ст. 25 кн. XVI Св. Мор. Пост. указанными.

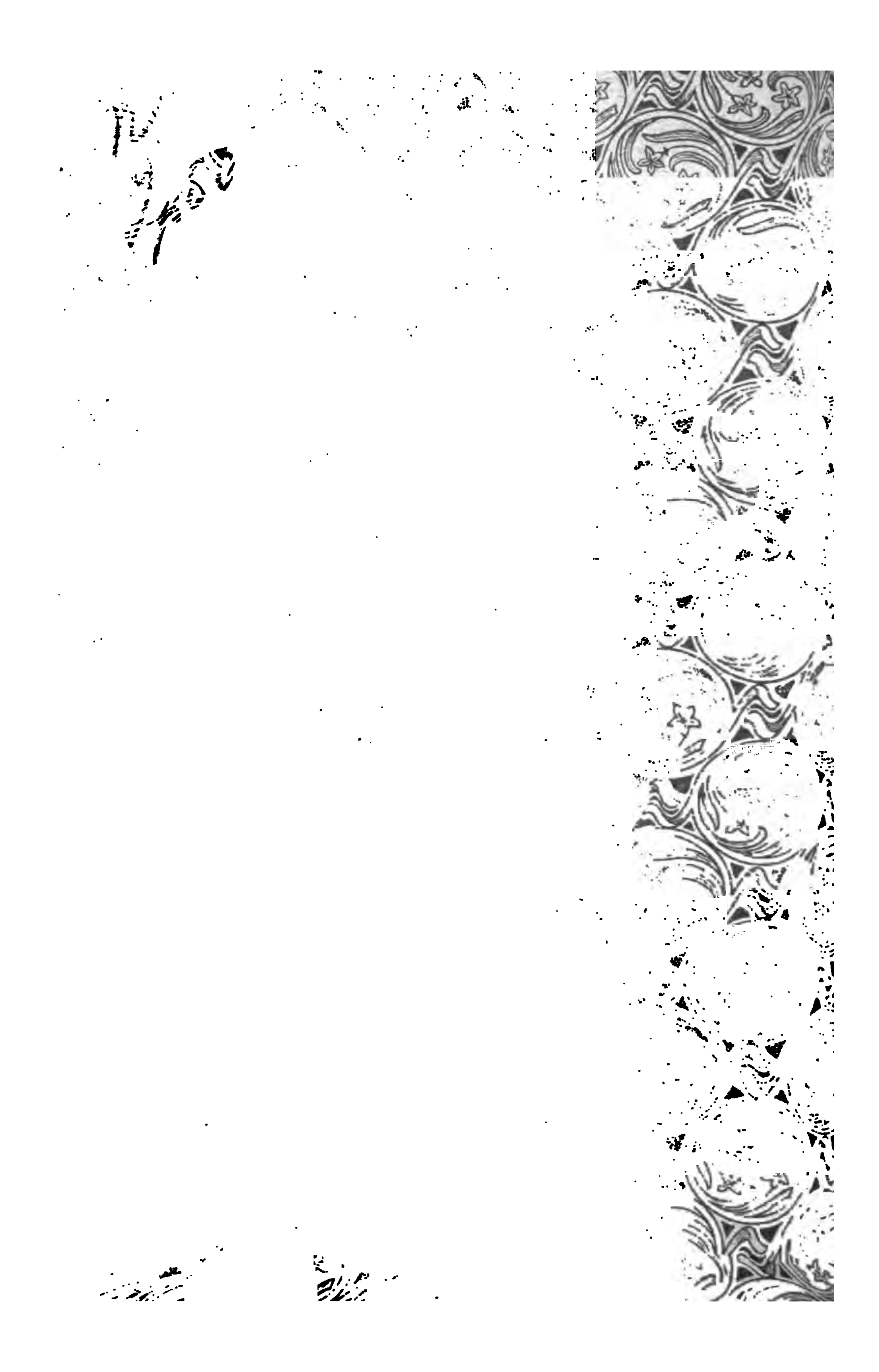
Судъ, признавъ доказаннымъ, что сдача броненосца «Орелъ», утромъ 15-го мая 1905 г., послѣдовала при обстоятельствахъ, указанныхъ въ ст. 354 Мор. Устава, призналъ командовавшаго этимъ броненосцемъ капитана 2-го ранга Шведе и всѣхъ прочихъ офицеровъ (слѣдуетъ перечисленіе) въ сдачѣ невиновными.

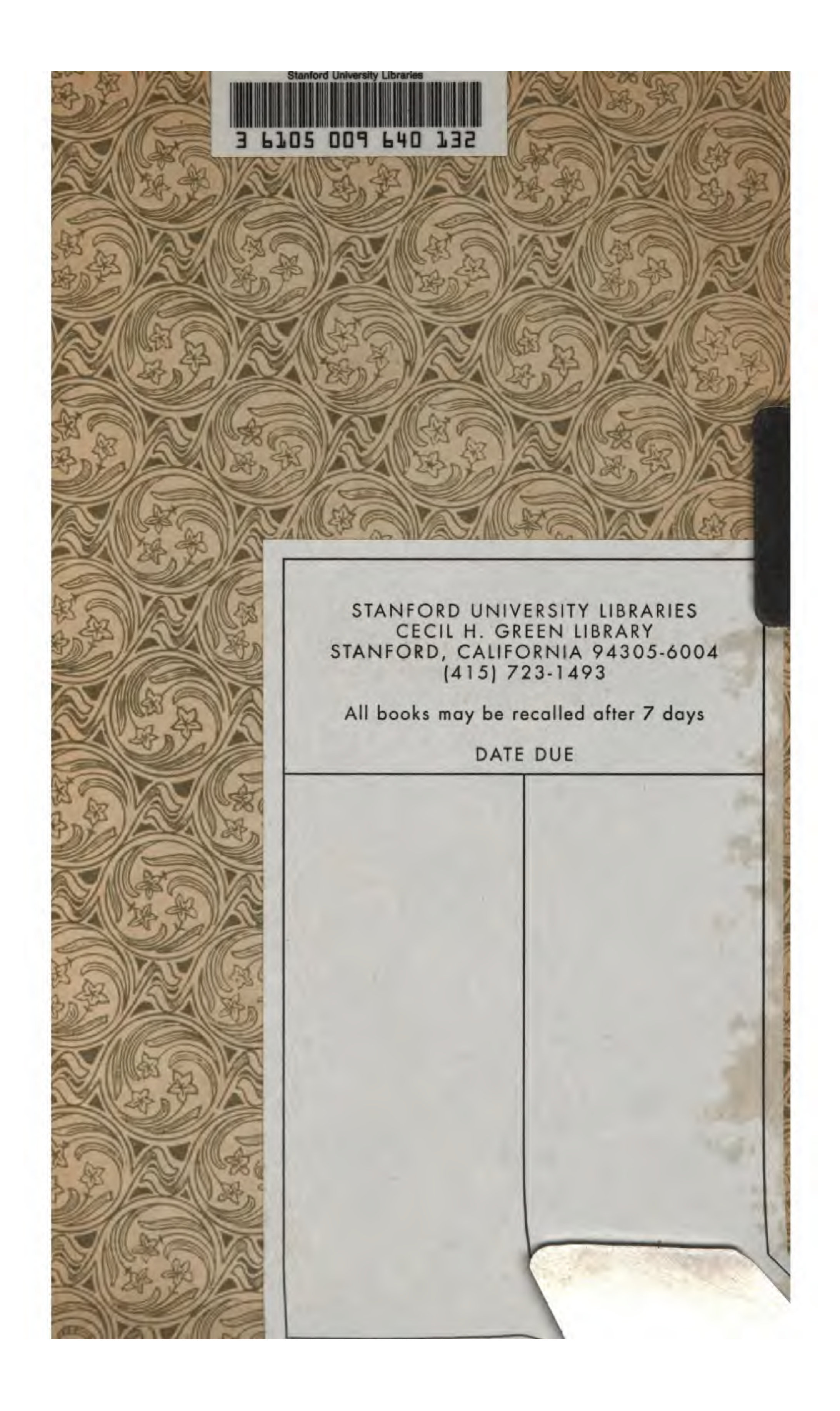
Относительно всѣхъ остальныхъ офицеровъ эскадры (слѣдуетъ перечисленіе) судъ призналъ, что они не нарушили долга службы и присяги, а потому судъ, руководствуясь пун. 1 ст. 825 кн. XVIII Св. Мор. Пост., призналъ всѣхъ 69 вышеупомянутыхъ офицеровъ считать по суду оправданными.

Приговоръ, согласно ст. 1011 кн. XVII Св. Мор. Пост., прежде обращенія къ исполненію представить морскому министру для поднесенія на Высочайшее усмотрѣніе.

25-го января приговоръ особаго присутствія военно-морского суда Кронштадтскаго порта былъ Высочайше конфирмованъ Государемъ Императоромъ.

I.
Японское море
Владивостокъ
Корея
Желтое море
Восточно-Китайское море
Японія
Шикоку
Кіу-Шіу
Цусима
Пр. Крузенштерна
Пр. Корейскій
Фузанъ
о. Аргонавта
о. Дажелета
Мацусима
о-ва Ліанкуръ
о-ва Оки
Граница
II.
легкіе крейсера
Матсушима
Акажи
Хашидате
Итсукушима
Акитсушима
Изумрудъ
Наниwa
Токива
Николай
Орель
Апраксинъ
Сенявинъ
Читозе
Кассаги
Нитаки
Асахи
Миказа
Шикишима
Фуджи
I. ПЛАНЪ. Корейскаго пролива
II. Положеніе эскадры НЕБОГАТОВА передъ сдачей.
Обозначеніе судовъ
Русскія
Японскія
+ -мѣсто сдачи НЕБОГАТОВА

Stanford University Libraries
3 6105 009 640 132

